

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр
ЗИНОВЬЕВ

ФАКТОР ПОНИМАНИЯ

Если в двух словах подвести
итог эволюции человечества
за прошедшую историю, он
уложится в одну фразу: че-
ловечество как целое утра-
тило смысл самого своего со-
циального бытия. Оно убило
сам фактор своего понима-
ния.

А л е к с а н д р

З и н о в ь е в

ФАКТОР ПОНИМАНИЯ

АЛГОРИТМ

Москва, 2006

УДК 13
ББК 87
3-63

Оформление *М. Медведь*

Зиновьев А.Л.

3-63 Фактор понимания / А.А. Зиновьев. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 528 с. — (Философский бестселлер).

ISBN 5-699-18830-4

В книге известного русского философа А.А. Зиновьева рассматриваются проблемы, связанные с понятием «интеллектуального фактора» или «фактора понимания». Автор считает, что это понятие имеет принципиальное значение при формировании различного рода политических и общественных учений. Он предлагает собственную теорию «фактора понимания» с единым понятийным аппаратом, организованным в целом по правилам разработанной автором логической концепции.

УДК 13
ББК 87

ISBN 5-699-18830-4

© А.А. Зиновьев, 2006
© ООО «Алгоритм-Книга», 2006
© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Действия людей и результаты этих действий определяются комплексами многочисленных факторов (причин, условий, обстоятельств). В число этих факторов включается и то, что люди думают о ситуации, в которой совершаются их действия, о самих себе и о своих возможностях, короче говоря — фактор интеллектуальный, или фактор понимания. Изучение и усовершенствование его стало делом всей моей жизни с самой ранней юности (с конца тридцатых годов двадцатого века). И с первых же шагов в этом деле я стал замечать, что всё то, что мне приходилось читать и слышать, было непригодно для понимания наблюдаемых мною явлений социальной реальности. Мне пришлось вырабатывать удовлетворяющее меня понимание самому, причем — в одиночку и во враждебном моему пониманию окружении. Со временем я обнаружил то, что сами существующие средства познания, включая логику и диалектику в том виде, в каком они официально признавались и описывались в учебниках, были непригодны для выработки понимания, к которому я стремился. И мне пришлось в течение многих лет разрабатывать свою логическую теорию, без которой мой подход («поворот мозгов») к социальным явлениям был бы невозможен.

Моя деятельность осуществлялась по следующим линиям: логика и методология науки, социальные исследования (социология), публицистика, художественная литература.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Результаты моих исследований публиковались в многочисленных книгах и статьях на многих языках планеты. Основные из них суть следующие. Сочинения по логике: «Восхождение от абстрактного к конкретному» (1954, 2002), «Философские проблемы многозначной логики» (1960), «Логика высказываний и теория вывода» (1962), «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Очерк многозначной логики» (1968), «Логическое следование» (1968), «Комплексная логика» (1970), «Логика науки» (1971), «Логическая физика» (1974), «Логические правила языка» (1975), «Очерки комплексной логики» (2000), «Логический интеллект» (2005). Сочинения по социологии и публицистике: «Без иллюзий» (1979), «Мы и Запад» (1979), «Коммунизм как реальность» (1981), «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983), «Сила неверия» (1986), «Горбачевизм» (1988), «Кризис коммунизма» (1991), «Гибель империи зла» (1994), «Запад» (1995), «Посткоммунистическая Россия» (1996), «Великий эволюционный перелом» (1999), «На пути к сверхобществу» (2000), «Гибель русского коммунизма» (2001), «Логическая социология» (2002), «Идеология партии будущего» (2003), «Распутье» (2005). Литературные сочинения: «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «Желтый дом» (1980), «Гомо советикус» (1982), «Нашей юности полет» (1983), «Иди на Голгофу» (1985), «Пара беллум» (1986), «Живи» (1989), «Катастрофка» (1990), «Исповедь отщепенца» (1990), «Смута» (1992), «Русский эксперимент» (1995), «Глобальный человек» (1997), «Русская трагедия» (2002).

Все упомянутые подразделения моих исследований образуют единое целое с точки зрения способа понимания соответствующих объектов (скажем — с точки зрения «поворота мозгов»). Каким словом назвать их именно как единое целое? Употребляемые в таких случаях привычные термины «философия», «идеология», «методология», «мировоззрение» и т.д. непригодны, поскольку они неоднозначны, плохо определены и вызывают нежелательную ассоциацию, будто в моей книге будет говориться нечто подобное тому, что чи-

татель найдет в сочинениях под такими названиями и что я сам отвергаю как непригодное для решения интересующих меня проблем. Поэтому я предпочел нейтральное выражение «интеллектуальный фактор» или «фактор понимания».

Фактор понимания описывается (выражается) в некоторой совокупности слов, фраз, текстов. Назову это языковое явление учением, не вкладывая в это слово никакого высокопарного смысла. Предметом внимания этого учения являются люди и их объединения. Люди при этом рассматриваются как существа, способные в той или иной мере понимать свое природное и социальное окружение (свою среду жизни), а также самих себя. Такого рода общие заявления вы найдете и в других учениях, претендующих на такие же функции. Но одно дело — общие заявления и обещания, и другое дело — как конкретно выполняются они. Фактор понимания в моем исполнении (мое учение) как в целом, так во всех его деталях принципиально отличается от всех известных мне учений такого рода. Все они (включая марксизм) строятся как компиляции из того интеллектуального материала, который насочиняли различные авторы. Я же предлагаю теорию с единым (некомпилятивным) понятийным аппаратом, организованным в целое по правилам разработанной мною же логической концепции. И это — не просто дело моего личного вкуса. В случае большого числа понятий, утверждений, идей и т.д., включаемых в фактор понимания, никакого другого средства объединить их в единое целое по содержанию просто не существует, поскольку соответствующего единства нет в самих предметных областях, к которым этот интеллектуальный материал относится. Кроме того, в двадцатом веке ситуация в мире с точки зрения интеллектуального материала для фактора понимания изменилась настолько радикально, что добывание информации об эмпирических фактах перестало быть затруднительным. Такая информация теперь имеется в изобилии и доступна без особых усилий, причем — обычно уже в обработанном в какой-то мере виде. Так что главным в исследовательской работе стало теоретическое осмысление готового эмпирического

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

материала, логическая обработка последнего. Наконец, в двадцатом веке произошел великий перелом в самой социальной реальности. Он оказался настолько значительным, что все учения, в той или иной мере претендующие на ее понимание, стали неадекватными новым явлениям и потеряли смысл. Предлагаемое мною учение с самого начала ориентировалось именно на эти перемены. Логическая обработка языка с такой ориентацией вышла, естественно, на первый план. Но логическая не в каком-то общепринятом смысле (таковую я отвергал и отвергаю для себя как непригодную), а в том смысле, в каком она описана в моих работах.

В этой книге я даю по возможности краткое и упрощенное изложение, разъяснение фактора понимания именно в том виде, в каком он явился результатом моих исследований. Книга рассчитана на сравнительно высоко образованных читателей, интересующихся рассматриваемыми в книге проблемами, не обязательно являющихся специалистами в соответствующих сферах интеллектуальной деятельности и готовых потратить время на обдумывание довольно нетривиального (несмотря на упрощение) текста.

ЧАСТЬ 1

ОСНОВЫ ИНТЕЛЛЕКТОЛОГИИ

Интеллектология

В этой части книги я даю популярное описание моих исследований того, что я называю логическим аспектом интеллектуальной деятельности людей или, короче говоря, логическим интеллектом. Науку о логическом интеллекте я называю интеллектологией. С точки зрения предметной области, интеллектология охватывает все то, что является предметом логики (учений о мышлении), онтологии (учений о бытии) и гносеологии (учений о познании). Но я считаю целесообразным употреблять термин «интеллектология», чтобы подчеркнуть радикальное отличие моего решения проблем логики, онтологии и гносеологии от всего того, что читатель может найти в сочинениях других авторов в этих сферах сочинительства.

Мои исследования по интеллектологии были осуществлены в основном в 1951-1975 годы и в свое время публиковались в многочисленных книгах и статьях на многих языках. Они осуществлялись как критическое преодоление того состояния, в котором в те годы находились упомянутые сферы. Это состояние в основном сохраняется до сих пор. И мои исследования, как я могу констатировать сейчас, полностью сохранили свою актуальность и исключительность. Если что-то и сделано новое в направлении, начатом моими работами, это не выходит за рамки моих результатов и уж ни

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

в коем случае не отменяет тот факт, что все это было сделано в моих работах несколько десятилетий тому назад.

Я рассматриваю логику, онтологию и гносеологию как различные аспекты одной единой науки, исследующей человеческий интеллект одновременно в трех аспектах — языковом, бытийном и познавательном. Лишь в интересах изложения (нельзя обо всем сказать сразу) приходится эти аспекты различать и относящиеся к ним суждения выделять в особые части текста и даже в особые подразделения науки. Но при этом в каждом шаге изложения читатель должен помнить, что все явления интеллекта суть языковые объекты, имеющие определенное бытийное содержание и создаваемые в определенных процессах познания, с помощью определенных исследовательских операций.

Я здесь не претендую на то, чтобы изложить систематический курс интеллектологии, — для этого требуется много лет специального обучения желающих овладеть логическим аппаратом и имеющих для этого соответствующие способности. Я лишь хочу познакомить читателя с основными понятиями и суждениями моей интеллектологии, знание которых может оказаться полезным для решения целого ряда актуальных проблем современности, неразрешимых без достаточно высокого уровня логического интеллекта.

Сознание

В человеческом сознании надо различать содержание (образы, мысли, идеи) и аппарат (механизм). Содержание сознания не существует без аппарата и вне его, подобно тому, как написанная на холсте масляными красками картина не существует без холста и красок или описание каких-то событий в книге не существует без бумаги и типографской краски, с помощью которой напечатаны буквы, слова и фразы. Аппарат сознания состоит из чувственного и знакового аппаратов. Чувственный аппарат является биологически прирожденным человеку и передаваемым по биологическому наследству. Он состоит из головного мозга, нервной сис-

темы и органов чувств (зрения, слуха и т.д.). Он неотделим от тела человека, есть часть тела. Он обладает способностью создавать в себе чувственные образы явлений реальности (ощущения, восприятия, представления), сохранять их в себе (память), воспроизводить их без непосредственного воздействия явлений внешнего мира, комбинировать из имеющихся образов новые (воображение, фантазия) и т.д. Этот аппарат профессионально изучается психологами, психиатрами и физиологами.

Знаковый аппарат не является биологически прирожденным человеку и не передается по биологическому наследству. Он является искусственно изобретенным. Он отделен от тела человека, не образует часть тела. Он возникает и функционирует на основе чувственного аппарата, невозможен без чувственного аппарата. Суть его, коротко говоря, заключается в том, что люди с помощью чувственного аппарата устанавливают соответствие между различными явлениями реальности и оперируют одними из них как своего рода заместителями или двойниками других, — как знаками других. Со временем изобретаются или отбираются особого рода предметы, удобные для этой цели. Это становится их специфической функцией в жизни людей. Эти предметы-знаки отделимы от тела человека, легко воспроизводимы, могут накапливаться из поколения в поколения. Изобретаются особые правила оперирования ими. Люди обучаются этим правилам после рождения. Биологически они, повторяю, не наследуются. В своем чувственном аппарате люди оперируют чувственными образами знаков, а не непосредственно самими знаками. Люди оперируют чувственными образами знаков в их качестве заместителей (двойников) предметов, обозначаемых этими знаками.

На рассмотренной основе изобретаются языки и способность оперировать языковыми знаками по особым правилам, высшим уровнем которых являются логические правила. Этот уровень сознания я и называю логическим интеллектом. Прошли многие тысячелетия, прежде чем возник логический интеллект. Мы здесь эту историю не рассматриваем,

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

предполагаем как данность ее результат в том виде, в каком мы можем наблюдать его в наше время. Причем, наблюдать его не просто как интеллект отдельно взятых людей, а как интеллект человечества, аккумулирующийся в совокупной языковой практике человечества, включая практику научных языков. Логический интеллект вообще не существует вне этих достижений языковой деятельности человечества. Так что идея создать искусственное устройство, равное по интеллектуальной силе человеческому логическому интеллекту и даже превосходящему его, есть вздорная утопия, сводящая этот интеллект к самым примитивным логическим операциям отдельно взятых людей. И тем более нелепой является идея производить людей, от рождения обладающих интеллектом в рассмотренном смысле, ибо он, повторяю, по самой своей природе не может передаваться по биологическому наследству, не может находиться ни в мозгу, ни в генах. И никто и ничто в мире не может избавить людей от необходимости длительного обучения ему и от различий отдельных людей по степени его развитости. А различия между отдельными людьми в этом отношении могут даже превосходить различие людей по физической силе между тяжелоатлетом, подымающим более ста килограмм, и слабосильным человечком, с трудом поднимающим столовую ложку.

Из сказанного также следует, что рассматривать человеческое сознание как особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной, есть дань религиозному мракобесию и идеалистической философии, которые являются компонентом идеологической реакции, начавшейся в конце двадцатого века с крахом советского коммунизма и порождающей тотальное помутнение умов. Надеюсь, что излагаемое мною учение хотя бы в какой-то мере может помочь противостоять этому тотальному идеологическому оболваниванию людей и вырабатывать способность к научному пониманию всего того, что представляет интерес для тех, кто стремится быть на уровне интеллектуальных достижений человечества.

Исследователь

Чтобы дать описание логического интеллекта, нужно с самого начала и на протяжении всего описания явно или неявно принимать во внимание тех, кто этим интеллектом обладает, т.е. тех, кто создает знаки и оперирует ими. Назовем их исследователями. Часто для таких целей употребляется слово «субъект». Исключить исследователей при рассмотрении логических явлений неразумно, поскольку решение многих проблем при этом оказывается затрудненным и даже в принципе невозможным.

Мы допускаем, что исследователь обладает природным чувственным аппаратом, о котором говорилось выше, и что этот аппарат необходим и достаточен для осуществления описываемых здесь операций.

Слово «предмет» будем употреблять в самом широком смысле: предмет — все то, что может быть кем-то и как-то воспринято, представлено, названо и т.д. исследователем, короче говоря — все, что угодно (корова, стол, атом, царь, бог, вселенная, способность растворяться в воде, делимость числа на два без остатка и т.п. Предметы будем изображать буквами $P, P^1, P^2, P^3, \dots$

В философии употребляется слово «объект» в том же смысле, что и слово «предмет». Будем и мы иногда употреблять его, отдавая дань традициям и удобствам языковой практики.

Мы допускаем, что наш исследователь, обладает изначальной способностью выделять или выбирать предметы, т. е. способностью «сосредоточить на них свое внимание». Термин «выбор предметов» (выбор) мы здесь принимаем как первичный, разъясняемый лишь на уровне обычного языка и с помощью примеров. Исследователь выбирает некоторый предмет, если видит, слышит, представляет, воображает его, употребляет его название, что-то говорит о нем, создает или разглядывает его схему, рисунок, фотографию. Так, исследователь выбирает электрон, разглядывая его след на фотопластинке; выбирает флогистон, заявляя, что флогистон

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

не существует; выбирает тройку чисел x , y и z , записывая равенство $x + y = z$.

Выбор предметов есть элементарное познавательное действие исследователя. Это всегда есть какое-то состояние его природного аппарата отражения. Наглядно это можно представить так: на отражательном табло исследователя есть особая секция выбора, и если он выбрал некоторый предмет, то в ней зажглась определенная лампочка. Допускаем также, что исследователь умеет различать и отождествлять выбираемые предметы и никаких затруднений на этот счет не испытывает.

Выбор предмета может быть результатом воздействия предмета на исследователя (например, в случае зрительного или слухового его восприятия). Но исследователь может выбрать несуществующий предмет (употребив, например, выражение «круглый квадрат») или предмет, непосредственно не воспринимаемый, благодаря природной способности создавать в своем отражательном аппарате некоторые состояния.

Если исследователь выбирает два или более различных предмета, будем говорить, что он сопоставляет эти предметы (или осуществляет их сопоставление).

Сопоставление предметов, очевидно, есть совокупность из двух или более различных актов выбора. Последние могут быть осуществлены одновременно или в какой-то последовательности. Мы допускаем, что у исследователя имеется какая-то способность, которая позволяет объединять два и более различных акта выбора в один сложный акт сопоставления.

Обращаю внимание читателя на то, что с первых же шагов нашего изложения логической теории мы имеем дело с онтологическим понятием «предмет» и с познавательными операциями: 1) мысленный выбор предметов; 2) мысленное сопоставление предметов. И в последующем изложении мы постоянно будем так или иначе держать в голове все три аспекта логических объектов, лишь отвлекаясь на время от одних при специальном рассмотрении других.

Пусть каждый раз, когда исследователь выбирает Π^1 , он вслед за этим выбирает Π^2 , будучи поставлен перед необходимостью выбрать какой-то предмет из некоторой совокупности предметов, среди которых имеется Π^2 (или будучи поставлен перед альтернативой выбрать или не выбрать Π^2). Будем в таком случае говорить, что исследователь установил соответствие предмета Π^2 предмету Π^1 (или что предмет Π^2 соответствует предмету Π^1 с точки зрения данного исследователя; или что предмету Π^1 поставлен в соответствие предмет Π^2 некоторым исследователем).

Примеры соответствия. Ребенок установил соответствие отца звуку «папа», если каждый раз, когда его просят показать папу, он, услышав звук «папа» (выбран этот звук как особый предмет) и получив приказание выбрать какой-то предмет из числа окружающих его предметов («покажи!»), выбирает именно отца (т.е. другой предмет, физически отличный от звука «папа»). Гардеробщик установил соответствие определенного крючка на вешалке определенному номерку, если умеет каждый раз по данному номерку найти этот крючок на вешалке (когда требуется, например, выдать пальто). Переводчик с русского на английский выбирает слово «hat» вслед за выбором слова «шляпа» каждый раз, когда нужно русскую фразу со словом «шляпа» перевести на английский язык.

Соответствие устанавливается как решение исследователя считать, что один предмет соответствует другому (и совершать определенные поступки в подходящих условиях вследствие этого своего решения) как стихийно сложившаяся привычка, как навязанная другими исследователями необходимость. Но во всех случаях это есть образование у исследователя способности осуществлять определенные действия, и не более того.

Мы рассмотрели простейший случай соответствия. Через него определяются другие его формы. Например, будем говорить: предметы Π^1 и Π^2 взаимно соответствуют друг другу (имеет место их взаимное соответствие), если и только если каждый из них соответствует другому.

Знак

Пусть исследователь специально создает, отбирает, воспроизводит и т. п. предмет Π^1 для того, чтобы он находился во взаимном соответствии с Π^2 и только. Другими словами, исследователь навязывает предмету Π^1 одну-единственную роль — роль предмета, находящегося во взаимном соответствии с Π^2 . Будем в таком случае говорить, что Π^1 является знаком для Π^2 , а Π^2 является обозначаемым для Π^1 (с точки зрения исследователя, конечно). Выражения «предмет Π^1 обозначает предмет Π^2 » и «предмет Π^2 обозначается предметом Π^1 » суть лишь литературные вариации сказанного выше. Примеры знаков общеизвестны. Наиболее употребимые знаки — слова языка, жесты, знаки, регулирующие движение транспорта.

Знаки будем изображать буквами $З, З^1, З^2, \dots$

Знаки различаются или не различаются физически, т. е. по их видимому, слышимому (воспринимаемому) виду. Если знаки считаются физически тождественными, они суть экземпляры (повторения, воспроизведения) одного и того же знака. Например, слово «стол» и слово «стол» суть экземпляры одного и того же знака, если мы не обращаем внимания на их различия.

Из определения знака следует, что если некоторый предмет считается знаком (называют знаком), то должна иметься возможность выбрать другой предмет, обозначаемый им. Без обозначаемого нет знака, как нет обозначаемого без знака, подобно тому как один человек может считаться начальником лишь при том условии, что другой может быть назван его подчиненным. Речь здесь идет лишь о том, что некоторый предмет есть знак лишь для какого-то другого предмета. И если отвлекаются от предметов, обозначаемых данными знаками, последние при этом рассматриваются уже не как знаки, а просто как особого рода предметы (с другой точки зрения).

Кроме того, что знаки находятся в соответствии с обозначаемыми предметами, они имеют и другие свойства. Но в

качестве знаков они берутся исключительно с точки зрения их места в соответствии. На роль знаков отбираются удобные для этой цели предметы, а не любые (в частности, легко воспроизводимые, дешевые). Каждый знает, например, что воспроизводить слово — дело сравнительно простое, а дешевизна слов превосходит дешевизну даже картошки. Со временем лишь определенного вида предметы становятся знаками-профессионалами (подобно тому, как определенного вида вещи становятся деньгами). И привычка связывать слово «знак» не только с функцией предметов, но и с их воспринимаемым видом приводит к тому, что знаками начинают называть и знакоподобные предметы (какие-то линии на бумаге, звуки).

Обозначаемые предметы могут не существовать и быть недоступными непосредственному восприятию. Но знаки должны быть предметами, которые могут непосредственно восприниматься теми, для кого они предназначены, т. е. должны существовать эмпирически и быть доступными слуху, зрению, осязанию. Знаки, которые невозможно увидеть, услышать, — нонсенс. Знак всегда есть нечто осязаемое, а не идеальное.

Образование знаков всецело зависит от исследователя, от его волевого решения. Предметы становятся знаками не в силу каких-то обстоятельств, заложенных в них самих, а по воле и желанию исследователя. Если имеется в виду два или более различных исследователя, то помимо решения одного из них считать некоторые предметы знаками требуется на это согласие других, т. е. аналогичное решение других.

Надо различать знак предмета и изображение предмета. В изображении предмета можно заметить, какой именно предмет изображен, — некоторое сходство с изображаемым предметом (видимая или слышимая имитация некоторых свойств предметов). В ряде случаев знаковость и изобразительность совмещаются в одних и тех же предметах. Не исключено, что изобразительность сыграла роль в истории формирования знаковости. Но на высшем уровне знаковости в знаках не предполагается нечто такое, по чему можно

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

судить о том, какие именно предметы они обозначают. Это очевидно на уровне языковых знаков. Например, в слове «стол» нет ничего похожего на столы.

Будем говорить, что исследователю известно предметное значение знака *З*, если и только если ему известно, какие именно предметы *П* он обозначает (для каких *П* он является знаком). Иначе говоря, на вопрос о том, каково предметное значение знака *З*, исследователь должен каким-то способом нам указать, что именно (какой предмет) этот знак обозначает. Вместо выражения «предметное значение» в дальнейшем для краткости будем употреблять слово «значение».

Значением знака *З* является не предмет *П*, не «мысли», которые могут появиться в голове исследователя при оперировании *З*, а лишь то, что он обозначает *П*, и исследователю это известно.

Простые знаки соединяются в сложные по каким-то правилам, и в сложном знаке имеется нечто такое, что указывает на них: это — близость и порядок знаков в пространстве и времени, а также какие-то дополнительные предметы, образующие с соединяемыми знаками некоторое физическое целое. Будем эти, дополнительные предметы называть знакообразующими операторами. Например, из знаков «число» и «делится на два» посредством знакообразующего оператора «которое» получается новый знак «число, которое делится на два».

Различают смысл и значение знака. Раз простые знаки суть для нас своего рода неделимые, элементарные частицы, то это различие уместно лишь в отношении сложных знаков.

Будем говорить, что исследователю известно смысловое значение (или, для краткости, просто смысл) простого знака, если и только если ему известно его значение, и смысловое значение (смысл) сложного знака, если и только если ему известно значение всех знаков, из которых построен этот сложный знак, и известны свойства всех входящих в него знакообразующих операторов. Если исследователю, например, известно значение знаков «число» и «делится на два» и

известны правила оперирования оператором «которое», то ему известен смысл знака «число, которое делится на два».

В дальнейшем нам предстоит рассматривать языковые знаки как частный случай знаков вообще, но как такой частный случай, который стал основой знаковой сферы жизнедеятельности человечества.

Логика и язык

Согласно моей логической теории, предмет логики как особой науки — язык. Но язык не во всем многообразии его признаков и функций в жизни людей, а лишь в качестве знакового аппарата познания реальности людьми и средства фиксирования и сохранения результатов познания. Языков существует много. Они различаются по многим признакам, в частности — этнически и по степени развитости. Логика выделяет в них нечто общее, а именно — то, что в языке самой логики обозначается понятиями «термин», «высказывание» («суждение») и «логический оператор». Примеры терминов: «стол», «атом», «четное число», «элементарная частица, заряженная отрицательно». Примеры высказываний: «Электрон заряжен отрицательно», «Все люди смертны», «Если воду нагреть, она перейдет в пар». Примеры логических операторов: «и», «или», «не», «все», «если, то». Цель логики — описать эти явления своими средствами (вводя особые понятия и специальные символы, как это делают и другие науки в отношении изучаемых ими предметов) и установить правила обращения с ними. Будем эти правила называть логическими.

Особенность логических правил заключается в том, что они не открываются людьми в окружающем их внешнем мире, а изобретаются вместе с изобретением и прогрессом языка. Но и в этом случае они не обнаруживаются в языке в готовом виде. Логика как особая сфера познания, приступая к изучению этих правил, сталкивается с такой ситуацией. В конкретных языках, достигших достаточно высокого уровня развития, логика обнаруживает особые компоненты

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

(термины, высказывания и операторы) и уже функционирующими некоторые правила обращения с ними. И с этой точки зрения, правила, устанавливаемые логикой, имеют опытную основу. Но логика вместе с тем обнаруживает: свойства определенного вида терминов и высказываний и содержащих их операторов установлены лишь для некоторых случаев их употребления, а не для любых возможных ситуаций; свойства эти установлены неотчетливо и не с предельной общностью (нередко в связи с конкретным видом языковых форм); не установлены отношения различных операторов. Устраняя эти недостатки, логика продолжает творческую деятельность по разработке и совершенствованию упоминавшихся средств языка, и с этой точки зрения, логические правила суть не что иное, как определения свойств логических операторов и содержащих их терминов и высказываний. С этой точки зрения логика является априорной наукой, результаты которой имеют силу для любых языковых ситуаций, подпадающих под соответствующие логические типы.

Высказывания

Высказывания (суждения) суть особого рода языковые конструкции, в которых фиксируются результаты познания людьми предметов, фиксируются знания об этих предметах. Они образуются из терминов, логических операторов и высказываний. Здесь мы рассмотрим, какие именно конструкции из этих компонентов суть высказывания, — это и будет точным определением понятия "высказывание" (пример определения термина путем перечисления предметов, обозначаемых им). Рассмотрим также основные логические свойства высказываний и правила оперирования ими.

Простейшее высказывание состоит из термина-субъекта, термина-предиката и логического оператора, соединяющего эти термины в единое целое. Я называю его оператором предикативности. Схематично такое высказывание можно изобразить так:

"Предмет *a* имеет признак *P*".

В случае, если субъект есть энка из двух и более терминов, схема примет такой вид:

"Энка предметов $a^1, \dots, a^n$ имеет признак P ".

Например, "Электрон заряжен отрицательно" и "Число a больше числа b ".

Логическую структуру этих предложений можно записать так:

"Электрон характеризуется тем (имеет такой признак), что заряжен отрицательно" (или "Электрон имеет отрицательный заряд") и

"Пара чисел a и b характеризуется тем, что первое больше второго".

Напоминаю, что логическая структура языковых явлений редко выражается явно, приходится прибегать к абстрагированию и схематизации, чтобы ее описать в логике как науке.

В логике оператор предикативности не выделялся явно, что стало одной из причин того, что осталось незамеченным различие двух позиций отрицания — перед высказыванием как целым и перед логическими операторами, в том числе — перед оператором предикативности. В результате не был введен оператор неопределенности, что исключило возможность решения целого ряда важных проблем. Впервые введение особого оператора предикативности, различие двух позиций отрицания и введение оператора неопределенности было сделано в моих работах. И вся логическая теория была построена с ними.

Операторы, с помощью которых образуются высказывания, будем называть высказываниеобразующими или, короче, В-операторами. Эти операторы в конкретных языках выражаются в различной форме. И в логике для них употребляются различные символы. Поясню сказанное на простом примере оператора, называемого в логике конъюнкцией. В конкретном языке роль этого оператора могут выполнять такие средства: слова "и", "но", "а также", "кроме того" и другие; запятая, точка с запятой, написание предложений рядом и т.д. Упомянутые средства могут выполнять и другие

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

функции. Логика, вводя оператор конъюнкции, абстрагирует в таких средствах лишь одно их свойство. В логике для обозначения этого свойства используются различные символы. Аналогично — в отношении прочих операторов. Читателя, заинтересованного в моей логической теории, построенной на профессиональном уровне, я отсылаю к моей работе "Очерки комплексной логики", упомянутой в предисловии. Здесь же я считаю возможным излагать мои соображения на уровне общедоступного разговорного языка.

Приведу список основных В-операторов:

- 1) оператор предикативности, о котором говорилось выше;
- 2) конъюнкция ("и", "каждый из");
- 3) сильная дизъюнкция ("либо, либо", "одно и только одно из");
- 4) слабая дизъюнкция ("или", "по крайней мере одно из");
- 5) внешнее отрицание ("не", "не так" перед высказыванием в целом);
- 6) внутреннее отрицание (тоже "не", только перед логическим оператором);
- 7) условность ("если, то");
- 8) обратимая условность ("если и только если");
- 9) квантор общности ("все");
- 10) квантор существования ("некоторые");
- 11) оператор неопределенности ("ни то, ни другое", "нельзя установить", "неизвестно", "нельзя утверждать и нельзя отрицать").

Высказывания с этими операторами имеют такое логическое строение:

- 1) "Предмет **а** (энка предметов) имеет признак **X**";
- 2) "**X** и **Y**", "**X** и **Y** и **Z**" и т.д.;
- 3) "Либо **X**, либо **Y**", "Либо **X**, либо **Y**, либо **Z**" и т.д.;
- 4) "**X** или **Y**", "По крайней мере одно из **X** и **Y**"; аналогично для трех и более высказываний);
- 5) "Не-**X**" ("Не так, как говорится в **X**");
- 6) "Не имеет признак", "Не все", "Нет таких" ("Никакой");

- 7) "Если X , то Y ";
- 8) " X , если и только если Y " ("Если X , то Y ; если Y , то X ");
- 9) "Все a таковы, что X " ("Для всех a верно X ");
- 10) "Некоторые a таковы, что X ";
- 11) Конъюнкция внешнего отрицания того, что говорится в пункте 1,9 и 10, и, соответственно, в пункте 6 ("Неверно, что предмет a имеет признак P , и неверно, что предмет a не имеет признак P "; "Неверно, что все a таковы, что X , и неверно, что не все a таковы, что X "; аналогично для высказывания с квантором "некоторые").

Теперь высказывание можно определить путем перечисления рассмотренных выше структур. Приведенные структуры высказываний не исчерпывают всех возможных видов. Другие виды высказываний образуются путем введения операторов, производных от приведенных выше (определяемых через них), за счет усложнения терминов и перераспределения частей терминов в языковых структурах. В таких случаях к определению высказывания должны быть сделаны дополнения, учитывающие эти структуры (включающие их в число высказываний).

Будем говорить, что исследователю известен смысл высказывания, если и только если ему известен смысл всех входящих в него терминов и известны свойства всех входящих в него логических операторов. Точное описание этих свойств дается в логической теории, о которой будет сказано в дальнейшем.

Хотя высказывание состоит из терминов, оно как целое не есть термин и вообще не есть знак. Из любого высказывания X можно построить термин-субъект "Тот факт, что X " и термин предикат "Такой, что X ". Но это не отменяет сказанное. Высказывания не обозначают предметы, как термины, а фиксируют (закрепляют) знания исследователей о предметах, обозначаемых входящими в них терминами. Их отношение к этим предметам характеризуется особыми логическими терминами, называемыми значениями истинности высказываний.

Значения истинности высказываний

Общеизвестна оценка высказываний как истинных и ложных. Причем, ложность понимается просто как отрицание истинности (как неистинность). Но фактически в языковой практике употребляются и другие оценки — неопределенность, непроверяемость, доказуемость, недоказуемость, неразрешимость и т.д. А в связи с возникновением "многозначной логики" число значений истинности вообще не ограничивается. Ситуация со значениями истинности преднамеренно усложнена, запутана и даже мистифицирована. Ниже я сформулирую основные принципы на этот счет, обнажающие довольно простую суть дела.

Значения истинности суть признаки (свойства) высказываний. И потому обозначающие их термины должны определяться как термины-предикаты, а не как термины-субъекты. Когда философы говорят об истине как о предмете (рассуждают об истине вообще), они совершают грубую логическую ошибку. Проблема состоит не в том, чтобы что-то наговорить на тему "Что такое истина?", а в том, чтобы дать логически правильные определения терминов значений истины (и прежде всего — истинности) как частей в языковых выражениях по схеме "Высказывание X имеет значение истинности Y".

Все значения истинности в конечном счете определяют через значение "истинно". Общая схема тут такова:

"Высказывание X имеет значение истинности Y, если и только если высказывание Z истинно".

Например, высказывание "Предмет **а** имеет признак **Р**" неопределенно, если и только если истинно высказывание "Неверно, что предмет **а** имеет признак **Р**, и неверно, что предмет **а** не имеет признак **Р**" (слово "неверно" здесь играет роль внешнего отрицания).

Значение "истинно" определяется так. Независимо от структуры высказывания X уместно лишь такое определение: "Высказывание X истинно, если и только если X".

Это определение дает правило введения термина "истинно" в язык и элиминации его из языка как излишнего. Значение "истинно" может быть элиминировано из языка, но его нельзя устранить из ситуации, в которой употребляются высказывания. Оно выражает акт принятия высказываний или согласия с тем, о чем в них говорится. Это признание выражается не предикатом "истинно", а как-то иначе, например — самим фактом произнесения или написания высказывания, как это чаще всего и делается.

Для простых высказываний термин "истинно" принимается без определения. Здесь достаточно ограничиться пояснением и приведенным выше общим определением. Для сложных высказываний термин "истинно" определяется в зависимости от их структуры, т.е. определяется различно. Например, высказывание "Не-Х" истинно, если и только если высказывание Х не является истинным. Конъюнкция высказываний Х и У (т.е. "Х и У") истинна, если и только если оба Х и У истинны. Слабая дизъюнкция Х и У (т.е. "Х или У") истинна, если и только если по крайней мере одно из Х и У истинно. И так для любых структур высказываний.

Возьмем высказывание "Частица **а** находится в области пространства **В**". Возможны такие случаи:

- 1) частицу невозможно наблюдать;
- 2) частицу возможно наблюдать.

Во втором случае имеют место такие возможности:

- 1) частица действительно находится в указанной области пространства;
- 2) частица не находится в этой области пространства;
- 3) частица движется так, что нельзя сказать, что она находится в этой области пространства, и нельзя сказать, что она в ней не находится.

Таким образом, тут возможно ввести в употребления четыре термина значений истинности, соответствующие приведенным выше возможностям. Еще большее число таких терминов можно ввести для высказываний с более сложными структурами. Так что в принципе число значений истинности не ограничено. Сколько их на самом деле фигурирует в языке, зависит от практической целесообразности.

Координаты высказываний

Значения истинности некоторых высказываний зависят от места и времени их использования, — от того, с какими индивидуальными предметами их сопоставляют. Например, высказывание "Окно открыто" может быть истинно в отношении одного окна и неистинно в отношении другого, может быть истинно в отношении некоторого окна в одно время и неистинно в другое. Будем такие высказывания называть локальными.

Будем называть координатами высказывания место, время и условия, в которых устанавливается его значение истинности. Они обычно предполагаются неявно, как нечто само собой разумеющееся, а иногда фиксируются особыми знаками как части терминов или как особые дополнения к структуре высказываний. Никакой логической связи между высказыванием и его координатами не предполагается. Если координаты **а** выделяются в особую часть высказывания **Х**, то мы имеем языковую конструкцию

"**Х** в координатах **а**" или, короче, "**Х** при **а**".

Высказывания, значения истинности которых не меняются с изменением координат (не зависят от координат), будем называть универсальными. Таковы, например, высказывания "Четное число делится на два без остатка", "Электрон заряжен отрицательно", "Пять больше трех".

Тавтологии и противоречия

Имеются высказывания, которые истинны в силу правил приписывания значений истинности высказываниям с такой логической структурой. Это — логически истинные высказывания или тавтологии. Таковы, например, высказывания "**Х** или не-**Х**", "Не-(**Х** и не-**Х**)", "**Х** или не-**Х** или **У**" и т.п. Они истинны для любых высказываний **Х** и **У** независимо от каких бы то ни было эмпирических исследований, истинны исключительно по той причине, что построены из высказываний посредством операторов "не", "и" и "или", для

которых приняты определенные правила приписывания значений истинности. Правила эти таковы:

1) если одно из высказываний X и " $\text{Не-}X$ " истинно, то другое неистинно; если одно из них неистинно, то другое истинно;

2) высказывание " X или Y " истинно, если хотя бы одно из высказываний X и Y истинно, и неистинно, если оба X и Y неистинны; аналогично для высказываний " X или Y или Z " и т.д.;

3) высказывание " X и Y " истинно, если оба высказывания X и Y истинны, и неистинно, если хотя бы одно из них неистинно; аналогично для высказываний " X и Y и Z " и т.д.

Логически истинные высказывания называют законами логики. В логике вообще доминирует предрассудок, будто законы логики суть тавтологии, по крайней мере — к ним сводят вообще законы логики. Это ошибочно хотя бы просто фактически. Имеются высказывания, истинность которых в качестве следствий из каких либо определений установить невозможно, но которые принимаются как истинные по каким-то иным соображениям. Например, утверждение " $\text{Предмет } a, \text{ имеющий признак } P, \text{ имеет признак } P$ " истинно для любых a и P . Такого рода примеры можно умножить. Так что множество высказываний, которые считаются истинными в логике (логическими законами), не сводится к множеству тавтологий. В этом смысле так называемая "математическая логика", внеся в логику ряд усовершенствований, резко обеднила содержание логики и внесла в нее ложные концепции, вообще убившие логику как фундаментальную науку в излагаемом мною смысле.

Имеются высказывания, которые неистинны в силу правил приписывания значений истинности высказываниям с такой логической структурой. Это — невыполнимые высказывания или противоречия. Таковы, например, высказывания " X и не- X ", " $\text{Не-}(X \text{ или не-}X)$ ", " X и не- X и Y " и т.п. Противоречия суть отрицания тавтологий: если X есть тавтология, то " $\text{Не-}X$ " есть противоречие, и наоборот.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Имеются также высказывания, в отношении которых логика некомпетентна судить, истинны они или не истинны. Их называют выполнимыми. Подавляющее большинство высказываний относится к числу выполнимых. Имеются высказывания, которые считаются неистинными по каким-то соображениям, выходящим за рамки логики. Считать их логически невыполнимыми нельзя в силу принятых определений.

Классическая и неклассическая логика

Под влиянием "математической" логики сложился предвзвешенный взгляд, будто признание трехзначности (и вообще многозначности) высказываний ведет к тому, что не все законы «обычной» логики универсальны, поскольку не все законы двузначной логики (а она соответствует "обычной" логике) сохраняются в трехзначной (многозначной). Он базируется на таких операциях. В двузначной логике определяются логические операторы ("и", "или", "не" и т. п.) с помощью таблиц истинности (т.е. правила приписывать значения истинности высказываниям с этими операторами), и затем в соответствии с этими определениями находятся выражения, которые всегда истинны. Они считаются законами логики. Таковы, например, законы исключенного третьего ("X или не-X") и противоречия ("Не-(X и не-X)"). В трехзначной логике логические операторы сохраняются те же самые, но таблицы, определяющие их, уже другие (хотя бы потому, что присоединяется третье значение). Эти трехзначные таблицы строятся так, чтобы имелась связь с двузначными (чтобы при исключении третьего значения получались двузначные таблицы), в результате чего получается иллюзия, будто приходится иметь дело с теми же самыми логическими операторами. Но вместе с тем трехзначные таблицы специально подбираются так, чтобы не все законы двузначной логики были законами в новых таблицах.

Трехзначные таблицы специально изобретаются такими, чтобы исключить некоторые законы двузначной

логики, — этот решающий факт элиминируется. И вообще игнорируется другой не менее важный факт — возможность отыскать другие трехзначные таблицы, из которых точно так же можно получить обычные двузначные таблицы путем исключения третьего значения, но которые уже не будут исключать те же самые законы двузначной логики (как мы показали выше). В любой функциональной полной многозначной логике для любых законов двузначной логики можно построить такие определения логических операторов, что эти законы сохранятся в многозначной логике, и такие определения логических операторов, что эти законы в данной многозначной логике не сохранятся.

Короче говоря, дело здесь обстоит не так, будто трехзначность высказываний ведет к тому, что некоторые законы двузначной логики отпадают. Дело обстоит так: по каким-то причинам хотят некоторые законы двузначной логики исключить, и для этого подбирают подходящий способ построения многозначной (в данном случае — трехзначной) логики. В результате, вместо внесения ясности, к которой обязан стремиться логический анализ науки, получается смешение различных логических операторов и относящихся к ним законов логики, что ведет к мистификации довольно тривиальных вещей.

Проиллюстрируем сказанное на примере закона исключенного третьего, который исключается из числа законов особой логики микрофизики. Прежде всего следует сказать, что исключение этого закона не есть фатальное следствие допущения трехзначности высказываний, поскольку имеется возможность различных определений логических операторов. Но если даже имеется только одно-единственное определение логических операторов, соответствующее ситуации в микрофизике, остается следующее обстоятельство: определение отрицания, дизъюнкции и т. п. в трехзначной логике есть определение логических операторов, отличных от соответствующих операторов двузначной логики. И единственно правильный вывод в рассматриваемом случае можно сделать лишь такой: если **A** и **B** суть соот-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ветственно двузначные отрицание и дизъюнкция ("или"), а **С** и **Д** суть трехзначные, то возможны такие определения последних, что утверждение с **А** и **В** будет тавтологией, а утверждение с **С** и **Д** не будет. Вместе с тем, **С**, **Д** и понятие "тавтология" можно определить так, что утверждение с ними будет тавтологией, и никакого конфликта с двузначной логикой не будет (это доказано в моих работах).

Само выражение "закон исключенного третьего" много — смысленно. Это может быть утверждение о том, что высказывание "X или не-X" есть тавтология при условии подходящих правил приписывания значений истинности высказываниям с логическими операторами "или" и "не". О судьбе такой тавтологии в случае многозначности высказываний мы уже говорили. Но это может быть также утверждение такого вида: "Всякое высказывание либо истинно, либо не является истинным". А это утверждение остается незабываемым в любой многозначной логике, поскольку во всех случаях значения истинности высказываниям приписывается так: либо высказывание имеет некоторое значение истинности, либо не имеет его (т. е. имеет какое-то другое). При этом даже такой случай, когда высказывание не является истинным и не является ложным, не содержит ничего особенного: просто при этом высказывание не является истинным.

Законом исключенного третьего называют также утверждение вида: "Всякое высказывание либо истинно, либо ложно". Если при этом ложность понимается не как отрицание истинности, а как рядовое значение и при этом допускаются другие значения наряду с истинностью и ложностью, то приведенное утверждение будет ошибочно по самим упомянутым соглашениям. Оно просто не является законом логики. Это утверждение может быть принято лишь в качестве частной гипотезы, как и любые другие гипотезы о числе значений истинности. Такого рода гипотезы не являются законами логики и не исключают друг друга. На их основе могут быть построены (и строятся) системы логических правил для различных классов высказываний — для двузначных, трехзначных и т. п. Принцип действия правил логики здесь выглядит так: если высказываниям приписываются такие-то

значения истинности и если принимаются такие-то правила приписывания этих значений, то будут иметь силу такие-то логические правила.

Наконец, законом исключенного третьего называют утверждения вида "либо X , либо не- X ", которое принимается как аксиома или получается из некоторых аксиом как следствие. И это утверждение принимается как часть неявного определения логических операторов "или" и "не". И независимо от того, какие соображения лежат в основе принятия такого определения и какие могут быть возражения, факт остается фактом: раз принято решение употреблять знаки "или" и "не" так, что для любого высказывания X будет верно утверждение "либо X , либо не- X ", то никаких исключений из этого правила не может быть. Всякого рода "исключения" на деле означают лишь то, что эти операторы начинают употребляться в каком-то ином смысле.

Аналогично обстоит дело и с другими законами логики, исключаемыми из числа законов особой логики микромира, в частности, с законом коммутативности конъюнкции. Закон этот разрешает в утверждениях вида " X и Y ", где X и Y суть любые высказывания, менять местами X и Y (если истинно " X и Y ", то истинно " Y и X "; или из первого логически следует второе). Он либо принимается как часть неявного определения логического оператора "и", либо принимается в силу правил приписывания значений истинности высказываний с этим логическим оператором (либо из комбинации того и другого). И если возникает сомнение в правомерности применения этого закона к каким-то высказываниям, то естественно усмотреть в этом не мистический переворот в логике, а тривиальное смешение оператора "и" с каким-то другим, очень похожим, возможно, на него, или неуместное его употребление. В частности, оператор "и" может быть спутан с логическими операторами типа "и затем", "и до этого" и т. п., для которых правило коммутации действительно не имеет силы, или употреблен вместо них.

Анализ природы законов логики, конкретной логической ситуации в микрофизике и вида ее особых логик показыва-

ет, что допущение особой логики микрофизики (микромира), отличной от логики макрофизики и других наук, есть чисто беллетристическое явление, основывающееся на смешении логических операторов и относящихся к ним логических правил. Мы при этом ни в какой мере не отвергаем пользы разработки многозначных (и, в частности, трехзначных) логических систем и исследования различного рода ограничений классической логики. Мы не отвергаем также возможной пользы всего этого для анализа языка микрофизики. Но все это не дает никаких аргументов в пользу особой логики микромира, отличной от логики наук, изучающих макромир.

Ситуации такого типа, когда приходится иметь дело не с двумя возможностями, а с тремя, где третья возможность есть отрицание двух других, складываются не только в сфере сложной и утонченной науки, но и на примитивном житейском уровне.

Один человек спрашивает другого: "Перестал ли ты бить своего отца?" Согласно двузначной логике, другой должен ответить либо "да", либо "нет". И тот и другой ответ будет означать, что отвечающий раньше бил своего отца. А как быть, если он раньше не делал этого? Опириуя только одним отрицанием, проблему решить нельзя. Дело в том, что сложившаяся ситуация предполагает не только две возможности: "Я перестал бить своего отца" (X) и "Я не перестал бить своего отца" (Y), но также третью возможность "Я вообще (раньше) не бил своего отца" (Z). И верным будет не утверждение "Либо X, либо Y", а "Либо X, либо Y, либо Z". Другой пример. Пусть A есть "N утверждает, что A", где A есть какое-то высказывание, а Y есть "N утверждает, что не-A". Очевидно, утверждение "Либо X, либо Y" не будет истинным, так как имеет место третья возможность: N не утверждает как A, так и не-A, т.е. вообще помалкивает. Одним словом, обнаружение ситуаций не с одной возможностью для отрицания (классический случай), а с двумя (неклассический случай) означает, что требуется более тщательный логический анализ языка, в частности — введение

двух типов отрицания, а не то, что должна быть отвергнута универсальность правил логики.

Дедукция

Большую часть знаний люди приобретают путем вывода (дедукции) из других уже имеющихся знаний. Исследование правил вывода составляет доминирующую задачу науки логики.

Логика исследует не любые выводы. Пусть, например, даны высказывания:

- (1) «Корабль А прошел расстояние 1000 км»;
- (2) «Время, которое корабль А затратил при этом, равно 20 часам».

Из них выводится высказывание

- (3) «Корабль А плыл со средней скоростью 50 км/час».

Здесь высказывание (3) выведено из высказываний (1) и (2). Но сделано это не по правилам логики, а по особому правилу вычисления скорости, установленному в физике: величина средней скорости тела равна частному от деления расстояния, пройденного телом, на время, затраченное на это. И когда в случаях такого рода говорят, что некоторое высказывание получено чисто логическим путем из других, то допускают неточность или, точнее, смешивают дедукцию в широком смысле с дедукцией логической.

Под выводом (дедукцией) в широком смысле слова имеют в виду получение высказываний из некоторых данных высказываний без обращения к опыту (к наблюдениям и экспериментам) по особому рода правилам, установленным для знаков языка, из которых построены исходные высказывания. К числу таких правил относятся не только правила логики, но и правила, введенные в других науках — в математике, физике, химии и т.п. Под выводом в более узком смысле слова имеют в виду вывод одних высказываний из других исключительно по правилам, устанавливаемым в науке логике. Это — логический вывод, или вывод по правилам логического следования. Например, из высказываний

«Все металлы электропроводны» и «Медь есть металл» выводится высказывание «Медь электропроводна», причем это сделано по правилу логики, устанавливаемому для квантора «все». Это — логический вывод. В дальнейшем мы слово «логический» будем для краткости опускать, предполагая при этом, что имеется в виду исключительно логический вывод. Выражение «логическое следование», которое часто употребляется и которое мы точно так же употребляем, означает то же самое, что и выражение «логический вывод» и «логическая дедукция».

Логическое следование

В языковой практике люди (исследователи) имеют какие-то высказывания (знания) x , обладают какими-то навыками оперирования высказываниями, в том числе — навыками получения из данных высказываний новых высказываний y . В логике как науке, изучающей такого рода явления, это запишется (зафиксируется) в высказывании «Из x выводится (логически следует, дедуцируется) y ». В этом высказывании слово «выводится» («логически следует», «дедуцируется») является предикатом, а не логическим оператором. Вместо него для краткости и стандартности может быть введен особый значок, например (как это делаю я) — значок $|-$. Повторяю и подчеркиваю: это — не оператор, а термин, причем — именно предикат. В логике обычно этот факт игнорируют и используют в качестве предиката следования (вывода) логический оператор, называемый импликацией. Это порождает путаницу и мешает пониманию сути дела. С упомянутым значком тот факт, что из высказывания x выводится высказывание y , можно для краткости записать символом $x \vdash y$. В этом высказывании терминами являются выражения «Высказывание x » и «Высказывание y ». Они суть метатермины по отношению к x и y , т.е. термины, обозначающие высказывания, состоящие из терминов. В логике этот факт точно так же игнорируется, поскольку знак вывода (следования) рассматривается как оператор. Это усугубля-

ет путаницу. В результате проблема правил вывода вообще сводится к операторам «логики высказываний» (к функциям исчисления высказываний). Достаточно детальное решение возникающих здесь проблем дано в моей работе «Логическое следование» (помещена в сборник «Очерки комплексной логики», упомянутый во Введении).

Итак, формула $x \vdash y$ есть лишь краткая и стандартизированная запись высказывания о том, что из высказывания x выводится по особым логическим правилам высказывание y . Если вывод осуществляется из двух или более высказываний $x^1, \dots, x^n$, то эти высказывания можно рассматривать как конъюнкцию, т.е. как одно высказывание « x^1 и ... и x^n ». И такие случаи сводятся к общему выражению $x \vdash y$. При этом высказывание x называется посылкой вывода (умозаключения), а высказывание y называется заключением или следствием.

Формула $x \vdash y$ (из x следует y) фиксирует связь высказываний x и y , а не связь предметов, о которых говорится в высказываниях. В каких логических структурах фиксируются связи предметов, об этом речь пойдет в дальнейшем (в разделе «Онтология»). Какие именно связи высказываний имеются в виду, этому и посвящается логическая теория вывода (логического следования).

Правила вывода вырабатываются с таким расчетом, чтобы выполнялся следующий принцип дедукции: если высказывание y по этим правилам получается из высказываний $x^1, \dots, x^n$, и последние считаются истинными, то и y должно признать истинным. Правила вывода изобретаются с расчетом на этот принцип. Так что таинственная принудительная сила законов логики есть лишь собственная сила самих людей в отношении одной из сфер их деятельности.

Ответом на вопрос о том, когда из одних высказываний логически следуют другие высказывания, являются не общие рассуждения, а перечисление конкретных случаев такого рода. Потому удобным методом здесь оказались логические исчисления, которые не только позволили дать строгую формулировку рассматриваемых правил, но и в целом ряде

случаев позволили охватить эти правила исчерпывающим образом.

Установление правил вывода (следования, умозаключений) есть сложная комплексная задача. При решении ее приходится согласовывать самые различные стороны дела. Но главная трудность при этом заключается в преодолении предрассудков, которые сложились в течение веков в профессиональной логике, философии и математике, которая в последнее столетие стала основным претендентом на роль научной логической теории и породила также множество заблуждений дополнительно к тем, какие ранее породила философия. Я разрабатывал свою логическую теорию, стремясь преодолеть эти заблуждения и предрассудки (отсылаю заинтересованного читателя к упоминавшемуся сборнику «Очерки комплексной логики»). Здесь же ограничусь пояснительным описанием логических исчислений, создаваемых для выполнения сформулированной выше задачи.

Логическая теория не сводится к исчислениям. Последние суть лишь средства для решения некоторых проблем теории. С другой стороны, исчисления могут использоваться и для других целей. Все то, что сделано в моих логических сочинениях в отношении логических исчислений, соответствует критериям, принятым в логике. Но в одном они радикально отличаются от прочих известных исчислений: они построены именно как средства решения проблем логики как особой науки, имеющей специфической задачей логическое исследование языка и усовершенствование языковых логических средств. С этой точки зрения, они характеризуются такими чертами.

При построении исчисления прежде всего приводится совокупность знаков, которые будут фигурировать в нем (их называют алфавитом), и дается определение их комбинаций, подлежащих рассмотрению (их называют формулами). Затем излагаются аксиомы (или аксиомные семы) и правила вывода теорем из аксиом. Дается определение доказуемой формулы. В число таковых включаются аксиомы и теоремы. В моих построениях заранее предполагается, что алфа-

вит фиксирует языковые объекты, подлежащие логической обработке, — логические операторы и конструируемые с ними высказывания и термины. Плюс к тому — логические термины — знаки логических терминов «субъект», «предикат», «выводится» («логически следует»), «логически истинно», «доказуемо», «включается по значению», «тождественно по значению», «дедуктивно эквивалентно» и т.д. В логике обычно логические термины путаются с логическими операторами. Например, на роль предиката вывода (следования) выбирается одна из функций логики высказываний — импликация. Доказуемые формулы заранее планируются на роль описания правил вывода (следования, умозаключения).

Короче говоря, мой подход в известной мере противоположен общепринятому: при последнем берутся готовые логические исчисления, построенные для каких-то целей (и не обязательно логически), и интерпретируются для каких-то логических задач. Например, берутся функции логики высказываний и истолковываются как языковые операторы, а упоминавшаяся импликация истолковывается (интерпретируется) как предикат вывода. При этом возникают всякого рода трудности и путаница, непреодолимые при таком подходе. При моем подходе исчисления строятся с целью решения проблем, возникающих в рамках логической (в моем понимании) теории. Интерпретация исчисления (формального построения) задается с самого начала, Исчисление строится именно для нее. Вид исчисления предопределяется тем, насколько научным является сам подход к логическим объектам.

Классический и неклассический случай

Я различаю классический случай, в котором не различаются два вида отрицания и не вводится оператор неопределенности, и неклассический, в котором это сделано. Классический случай содержится в неклассическом, неклассический является расширением классического. Все исчисления

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

по отдельности и их объединение в одно целое обладают такими чертами. Если формула $x \vdash u$ доказуема в них (в ней), то в заключение u не входят смысловые единицы (высказывания или термины), отсутствующие в посылке x . Это означает, что в случае логического вывода вывод получается из того материала, который содержится в посылках. Тем самым исключаются парадоксальные формулы традиционной математической логики, например — такие:

$$(x \wedge \sim x) \vdash u, x \vdash u \vee \sim u, x \vdash x \vee u.$$

Все доказуемые формулы $x \vdash u$ удовлетворяют основному принципу дедукции: если истинна посылка x , то истинно заключение u . Тем самым доказывается непротиворечивость теории и, в более общем смысле, надежность. Если формула $x \vdash u$ удовлетворяет основному принципу дедукции, она доказуема. Тем самым доказывается полнота теории, т.е. доказывается то, что теория исчерпывает все множество правил логического вывода. Существует способ установления для любой формулы $x \vdash u$, доказуема она в нашей теории или нет. Тем самым доказывается разрешимость теории. Тем самым доказывается, что знаменитые «результаты Геделя» суть следствие того, что исчисления классической и интуиционистской математической логики просто плохо построены в качестве теории логического вывода. В моей теории выполняется принцип: в науке не должно быть проблем, неразрешимых по вине логики. Если такие проблемы возникают, значит, логическая теория нуждается в исправлении, в доработке или вообще в замене на другую.

Отмечу еще одно отличие моего подхода от общепринятого. Я предлагаю не просто сумму различных исчислений, а одно гигантское исчисление, имеющее вертикальную иерархическую структуру с боковыми ответвлениями и с синтезирующими комбинациями. Я допускаю различные варианты фрагментов этой структуры. И все они соответственно эквивалентны или суть модификации, открывающие дополнительные возможности для формальных систем. Заинтересованный читатель найдет многочисленные примеры на этот счет в неоднократно упоминавшихся «Очерках».

Общая теория дедукции

Основу рассматриваемого исчисления образует то, что я называю общей теорией дедукции. В ней определяются свойства высказываниеобразующих операторов. Ее алфавит образует список знаков для терминов и высказываний, а также операторов:

$\wedge$ — конъюнкция («и»), $\vee$ — дизъюнкция («или» в смысле «по крайней мере одно из»), $\sim$ — внешнее отрицание («не», «не так»), $\neg$ — внутреннее отрицание (читается так же, как внешнее, только ставится перед операторами), $\rightarrow$ — условность («если, то»), $\forall$ — квантор общности («все»), $\exists$ — квантор существования («некоторые»), $?$ — неопределенность (отрицание утверждения и внутреннего отрицания), $\leftarrow$ — предикация («имеет признак»). В алфавит включается также $\vdash$ — предикат вывода («Из ... следует...»).

Формулы высказываний имеют такой вид:

$a \leftarrow P, \sim x, x \wedge y, x \vee y, x \rightarrow y, (\forall a)x, (\exists a)x, a \neg \leftarrow P, a? \leftarrow P, x \neg \rightarrow y, x? \rightarrow y, (\neg \forall a)x, (?a)x, (\neg \exists a)x, (? \exists a)x, x^1 \wedge x^2 \wedge \dots \wedge x^n, x^1 \vee x^2 \vee \dots \vee x^n.$

Формулы вывода имеют вид $x \vdash y$. Если $x \vdash y$ и $y \vdash x$, то для краткости будем записывать это символом $x \dashv \vdash y$, где $\dashv \vdash$ есть предикат дедуктивной эквивалентности.

Приведу далее в качестве пояснения лишь аксиомы общей теории дедукции и правила получения теорем из этих аксиом. Для классического случая они имеют такой вид.

Аксиомы «логики высказываний», т.е. для операторов конъюнкции ($\wedge$), дизъюнкции ($\vee$) и внешнего отрицания ($\sim$):

1. $\sim \sim x \dashv \vdash x$;
2. $x^1 \wedge x^2 \wedge \dots \wedge x^n \vdash x^i$, где x^i есть любое из $x^1, x^2, \dots, x^n$, $n \geq 2$;
3. $x^1 \wedge x^2 \wedge \dots \wedge x^n \dashv \vdash y$, где y отличается от $x^1 \wedge x^2 \wedge \dots \wedge x^n$ только тем, что какая-то его часть вида $x^i \wedge \dots \wedge x^k$ заключена в скобки;
4. $x \wedge y \vdash y \wedge x$;
5. $(x^1 \vee x^2 \vee \dots \vee x^n) \wedge y \dashv \vdash (x^1 \wedge y) \vee (x^2 \wedge y) \vee \dots \vee (x^n \wedge y)$;

6. $\sim(x^1 \wedge x^2 \wedge \dots \wedge x^n) \vdash \vdash \sim x^1 \vee \sim x^2 \vee \dots \vee \sim x^n$;
7. $(x \vee y) \wedge \sim x \vdash y$.

Аксиомы для кванторов «все» ($\forall$) и «некоторые» ($\exists$):

1. $(\forall a)x \vdash x$;
2. $x \vdash (\exists a)x$;
3. $(\forall a)x \vdash \vdash \sim (\exists a) \sim x$;
4. $(\forall a)(x \wedge y) \vdash \vdash (\forall a)x \wedge (\forall a)y$;
5. $(\exists a)(x \vee y) \vdash \vdash (\exists a)x \vee (\exists a)y$;
6. $(\forall a)(x \vee y) \vdash (\forall a)x \vee (\exists a)y$;
7. $(\exists a)(x \wedge y) \vdash (\exists a)x \wedge (\exists a)y$;
8. $(\forall a)x \vee (\forall a)y \vdash (\forall a)(x \vee y)$;
9. $(\forall a)x \wedge (\exists a)y \vdash (\exists a)(x \wedge y)$.

Правила вывода теорем из аксиом:

- 1) если $x \vdash y$ и $y \vdash z$, то $x \vdash z$;
- 2) если $x \vdash y$ и $x \vdash z$, то $x \vdash y \wedge z$;
- 3) если $w \wedge x \vdash y$ и $w \wedge y \vdash x$ и v образуется из z путем замены одного или более вхождений x в z в качестве высказывания на y , то $w \wedge z \vdash v$;
- 4) если $x \vdash y$, то $(\forall a)x \vdash (\forall a)y$;
- 5) если $x \vdash y$, то $(\exists a)x \vdash (\exists a)y$.

В неклассическом (более общем) случае принимаются дополнительные аксиомы.

Логическая истинность

Символами вида $\vdash$ x будем записывать факт, что x принимается из чисто логических соображений (как логически истинное). Здесь $\vdash$ есть предикат высказывания "Высказывание x логически истинно". Мы употребляем тот же символ, что и для следования, поскольку из контекста каждый раз будет ясно, в каком смысле он употребляется. Очевидно, если $\vdash$ x , то x истинно.

Теория логической истинности строится путем следующих дополнений к общей теории дедукции. Дополнительная аксиома: $\vdash (x \vee \sim x)$.

Дополнительные правила вывода теорем из аксиом:

- 1) если $x \vdash u$ и $\vdash x$, то $\vdash u$;
- 2) если $x \vdash u$ и $\vdash \sim u$, то $\vdash \sim x$;
- 3) если $\vdash x$ и $\vdash u$, то $\vdash x \wedge u$;
- 4) если $\vdash x$, то $(\forall a)x$;
- 5) если $x \vdash u$, то $\vdash (x \rightarrow u)$.

Формула $\vdash (x \vee \sim x)$ называется в логике законом исключенного третьего. Из нее в теории дедукции выводится формула $\vdash \sim (x \wedge \sim x)$, называемая законом противоречия.

В философии эти формулы считались отражением законов бытия. На самом деле они суть лишь части определения логических операторов или следствия из таких определений. В наблюдаемой реальности никаких таких законов, которые фиксируются высказываниями $x \vee \sim x$ и $\sim (x \wedge \sim x)$, нет. В реальности встречаются случаи, когда одни явления исключают другие и когда имеет место отношение состояний такого рода, что имеет место одно или другое. Для фиксирования в языке таких случаев и были изобретены операторы $\hat{}$, $\vee$ и $\sim$. В логике дали точное их определение. И все. Примысливать к этому философскую концепцию бессмысленно. Что такое законы бытия и в какой языковой форме они отражаются, об этом речь специально пойдет дальше.

В неклассическом случае помимо приведенных выше законов исключенного третьего и противоречия имеют силу следующие законы:

1. $\vdash \sim (P(a) \wedge \neg P(a))$;
2. $\vdash \sim (P(a) \wedge ?P(a))$;
3. $\vdash \sim (\neg P(a) \wedge ?P(a))$;
4. $\vdash (P(a) \vee \neg P(a) \vee ?P(a))$.

Формулы $P(a) \vee \neg P(a)$ и $P(a) \vee ?P(a)$ законами не являются. Одна из часто встречающихся логических ошибок — смешение отрицаний. Поскольку закон исключенного третьего не имеет силы для внутреннего отрицания, на этом основании отрицают его и для внешнего отрицания

Аристотелевская силлогистика строится путем дополнения к теории терминов таких аксиом:

$$\begin{aligned} &(\forall a)(a \leftarrow P) \wedge (b \longrightarrow a) \vdash (b \leftarrow P); \\ &(b \longrightarrow a) \wedge (\exists b)(b \leftarrow P) \vdash (\exists a)(a \leftarrow P); \\ &(b \longrightarrow a) \wedge (\exists b)(b \leftarrow P) \vdash (\neg \forall a)(a \leftarrow P). \end{aligned}$$

Прочие правила силлогистики выводятся как теоремы.

Все примеры выше я приводил не для профессионального обучения студентов, а лишь для первичного ознакомления заинтересованного читателя. В дальнейшем я к аппарату логики буду прибегать лишь в исключительных случаях. По всем технико-логическим проблемам отсылаю читателя к книге «Очерки комплексной логики».

Расширения логики

Первый раздел интеллектологии не исчерпывается сказанным. Не говоря уж о чисто техническом аспекте (построение исчислений и решение связанных с ними проблем), в языковой практике можно заметить множество выражений, еще не обработанных логически. А главный путь расширения интеллектологии — «надстройки» над логическими исчислениями в следующих ее подразделениях — в онтологии и методологии.

Логическая онтология

В конкретных языках фигурируют выражения, которые я называю логическими терминами (в отличие от логических операторов), поскольку они могут быть определены достаточно полно и точно лишь в сфере логики. Приведу примеры их:

предмет, признак, событие, состояние, организация, порядок, движение, объединение, группа, комплекс, скопление, иерархия, качество, количество, величина, степень, структура, отношение, связь, прогресс, регресс, эволюция, развитие, скачок, тип, часть, целое, клеточка, необходимость, случайность, возможность, закон, время, пространство.

настоящее, прошлое, будущее, становление, интеграция, дезинтеграция, подъем, спад, простое, сложное, содержание, форма, норма, отклонение, дивергенция, конвергенция, сущность, явление и т.д.

Такого рода общих языковых выражений насчитываются многие десятки. Они употребляются с весьма смутным смыслом слов «разговорного» языка, а не как научные термины, в лучшем случае — как термины той или иной конкретной сферы науки. Выражение «логические термины» употребляется иногда в смысле терминологии логики как особой науки. Это, например, использованные в первом разделе термины «термин», «высказывание», «субъект», «предикат», «значение», «смысл», «определение», «вывод» и т.д. Я в этом случае буду употреблять выражение «термины логики». В онтологии тоже используется специальная терминология. Но она используется для определения логических терминов языка в указанном выше смысле. Это создает некоторые трудности для читателя. Но они преодолеваются после некоторой тренировки в различении этих двух аспектов интеллектологии.

Рассмотрим такой пример. На вопрос о том, может ли физическое тело одновременно находится в разных местах, обычно отвечают отрицательно: не может. Но почему? На этот вопрос обычно отвечают: так устроен мир. Но дело тут не в устройстве мира. Да и откуда взять гарантии, что наше утверждение будет верно на все времена в прошлом и в будущем и во всех местах пространства? Наша уверенность в том, что физическое тело не может одновременно находиться в разных местах, есть логическое следствие неявного определения выражений «разные места» и «физическое тело». В самом деле, в каком случае места (области пространства) считаются разными? Неявно предполагается, что два места А и В различны, если и только если они не имеют общих точек. Но реальные «точки» суть физические тела. Так что если определение выражений «разные места» записать явно (эксплицировать), то получим следующее. Два места А и В считаются (называют) разными местами, если и только если

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

для любого физического тела **X** имеет силу утверждение: если **X** находится в одном из **A** и **B**, то в то же самое время оно не находится в другом из них. Из этого определения логически следует, что физическое тело не может одновременно находиться в разных местах. Но стоит дать более слабое определение разных мест (например, два места **A** и **B** различны, если и только если по крайней мере для одного физического тела имеет силу утверждение: если оно находится в одном из **A** и **B**, то оно не находится в другом), как окажется возможным логически такое, что некоторое тело может находиться одновременно в разных местах.

В моей логической теории я предложил логическую обработку большого комплекса логических терминов, относящихся к пространству, времени, движению, эмпирическим связям и т.д. Эта терминология плохо определена, многозначна, неустойчива, логически не связана в должные комплексы. Это служит основой для всякого рода спекуляций вроде идей замедления и ускорения времени, обратного хода времени, различного хода времени в разных местах, искривления пространства, особой логики микромира и т.п. Весь этот бред навязывается человечеству со ссылками на новейшие достижения науки. Попробуйте, спросите у того, кто утверждает, например, что будто время где-то идет быстрее (или медленнее), чем на нашей планете, что это означает. Он должен будет сказать вам, что где-то проходит больше (или меньше) времени, чем на Земле, за одно и то же время. Обратите внимание, за одно и то же время! Без таких слов понятия «быстрее» и «медленнее» лишены смысла. Аналогично обстоит дело со всеми словесными трюками, которыми в наше время засоряют мозги людей от имени высокой науки.

Благодаря такой логической обработке я доказал чисто логически (без физики!) необратимость времени, бессмысленность утверждений об ускорении, замедлении и различном «ходе» времени, единственность и трехмерность пространства, существование минимальных длин, объемов, временных интервалов скоростей и целого ряда других утверждений.

Логические термины до сих пор находятся в ведении философских учений о бытии. Характерным для них является почти полное игнорирование средств логики (можно сказать — логическая безграмотность) и стремление построить учение о бытии просто как обобщение результатов конкретных исследований явлений реальности, включая результаты частных наук (в особенности — естественных). Я установил, что на этом пути построить онтологию, удовлетворяющую критериям научного подхода, в принципе невозможно и что это возможно только в рамках особым образом построенной логики и средствами такой логики.

Этот раздел логики можно назвать онтологией, поскольку в нем фактически создается то, что в философии называли учением о бытии. Я называю его логической онтологией, подчеркивая то, что это учение создается именно как раздел логики, т.е. исключительно средствами логики.

Для решения проблем онтологии не требуется профессиональное изучение различных конкретных наук (физики, биологии и т.п.). Онтология как научная теория не может быть создана путем некоего обобщения данных конкретных наук. Эти обобщения осуществляются в языковых выражениях, которые могут быть эксплицированы средствами логики. С логической точки зрения, они остаются лишь допущениями относительно эмпирических предметов, какое бы количество примеров ни приводили в их подтверждение и каким бы социальным престижем эти примеры ни обладали. Чтобы эти обобщения приобрели доказательность, надо упомянутые языковые выражения определить подходящим образом и из таких определений получить рассматриваемые обобщения в качестве логических следствий. Но построение определений языковых выражений в рамках логики уже не зависит ни от каких результатов наук. Так что величайшие достижения физики (и любой другой науки) не вносят в получающуюся здесь обобщенную картину Мира абсолютно ничего такого, что нельзя было бы заметить в обычном опыте. И это в силу свойств самой логической техники построения языковых выражений. Развитие науки дает

стимулы для работы в том направлении и привлекает внимание к фактам, которые лежат на поверхности, но на которые до того не обращали внимания. В результате крайние обобщения результатов наук оказываются (если достаточно строго и ясно установить их смысл) банальными истинами, примеры для которых человек способен обнаружить в своем житейском опыте невооруженным глазом. Они небанальны лишь в своей неясности и неопределенности, т.е. как явления идеологические, а не научные. И лишь вопрос о доказательности таких обобщений есть нетривиальный вопрос логической обработки языка.

Какие бы открытия ни делались в сфере конкретных наук, для фиксации их требуется язык. Изобретаются специальные языки для этого. Но все они так или иначе предполагают общеразговорный язык, без которого они вообще непонятны. Все онтологические термины, которые требуются для описания этих открытий, могут быть определены независимо от этих открытий и пояснены на примерах самого обычного житейского опыта. Но для этого нужна специальная логическая техника, создаваемая в том духе, как это указано в первой части. Причем, само использование этой техники должно выступать как дальнейшая разработка ее, — как дополнение к ней, как «надстройка» над ней. В последующем изложении будут приводиться многочисленные примеры на этот счет.

При чтении последующего текста читатель должен принимать во внимание следующее обстоятельство. Логика, как и всякая наука, погружена в некоторую общекультурную и языковую среду, без которой она не может существовать в качестве науки. Это выражается, в частности, в том, что в логике постоянно приходится использовать некоторые привычно ясные и легко доступные для понимания соображения, использовать простые примеры и разъяснения посредством обычного языка. Все это не входит в число законов логики, но без этого последние нельзя выработать и понять. И это не есть отступление от методов логики. Наоборот, это — необходимый элемент методологии всякой конкретной науки.

Индивиды

Термины-субъекты, которые не могут быть родовыми по отношению к любому термину, будем называть индивидуальными, а обозначаемые ими предметы — индивидами. Другими словами, термин-субъект **a** является индивидуальным, если и только если для любого термина **b** имеет силу следующее утверждение:

$(b \rightarrow a) \rightarrow (a \rightarrow b)$ (если **b есть **a**, то **a** есть **b**).**

Примеры индивидуальных терминов: «столица России Москва», «планета Солнечной системы Земля», «первый космонавт, осуществивший орбитальный полет вокруг Земли». Число предметов, обозначаемых индивидуальным термином (число индивидов), равно единице. Поэтому такие термины называют также единичными. Если **a** есть индивидуальный термин, то $x \vdash (\forall a)$ и $(\exists a)x \vdash x$, т.е. для таких терминов кванторы излишни.

Эмпирическими индивидами мы будем называть такие предметы, о существовании и о признаках (свойствах, чертах, характеристиках) которых люди узнают посредством своих природных органов чувств. Это не значит, что одних органов чувств достаточно для этого. Это означает, что органы чувств так или иначе необходимы для этого. Люди узнают об эмпирических индивидах путем непосредственного воздействия последних на них, через посредников, по следам и последствиям, с помощью приборов, от других людей. Но во всех случаях где-то, как-то и на кого-то должно иметь место воздействие эмпирических индивидов на органы чувств людей, чтобы признать факт их существования и какие-то их свойства.

Эмпирические индивиды существуют независимо от того, исследует их кто-то или нет, существуют вне сознания исследователей, — существуют, как говорят философы, объективно. Не все мыслимые предметы таковы. Например, путем чисто логических операций со знаками (словами) можно построить знак «круглый квадрат». Обозначаемый этим выражением предмет не существует логически

и, следовательно, эмпирически, т.е. не есть эмпирический индивид.

Эмпирические индивиды возникают в какое-то время, какое-то время сохраняются (существуют) и в конце концов прекращают существование (разрушаются, исчезают). Они существуют в каком-то ограниченном пространстве, имеют пространственные размеры и форму. Они имеют пространственное строение. Они изменяются со временем, вступают в различного рода связи с другими индивидами и т.д.

Классы (множества)

Выражение «класс» и «множество» мы употребляем как синонимы.

Мы, далее, различаем логическую и математическую теории классов (множеств). Задача логической теории классов — установить такие правила оперирования терминами классов и высказываниями с этими терминами, которые не зависят от конкретных свойств тех или иных классов.

Мы различаем термин «класс» и особый терминопредставляющий оператор, который также обозначается словом «класс», но термином не является. Будем в качестве такого оператора употреблять символ **К**.

С помощью оператора **К** образуются термины первичных классов по такому правилу: если **а** есть термин-субъект, то **Ка** есть термин-субъект, причем, **Ка** есть индивидуальный термин.

Образовать первичный класс — значит построить термин **Ка**, т.е. буквально сказать «класс предметов **а**». Например, образовать класс богов — значит образовать термин «класс богов», где слово «класс» есть оператор **К**; образовать класс микрочастиц — значит построить термин «класс микрочастиц» и т. п.

Термины первичных классов образуют основу, на которой строится вся терминология, обозначающая классы. Путем обобщения терминов классов вводится, в частности, термин «класс». А именно, это можно сделать, используя

переменную для терминов классов: слово «класс» будет термином таким, что если **a** есть термин класса, то **a** — «класс». Используя операцию ограничения, можно вводить термины типа «класс такой, что **P**» (например, «пустой класс») и «класс такой, что **x**» (например, «класс такой, что все элементы этого класса имеют признаки $Q^1, \dots, Q^n$ »).

Высказывания о том, что предметы, обозначаемые термином **a**, включаются в класс, обозначаемый термином **B**, будем записывать символами вида

$$a \in B.$$

Фигурирующий в них предикат включения индивидов в класс (т.е. $\in$) определяется совместно со свойствами классовообразующих операторов, в том числе — совместно с **K**. Индивиды, обозначаемые термином **a**, суть элементы класса **B**. Но термин **a** может быть общим.

Свойства терминов с оператором **K** и предиката определяются имплицитно системой утверждений, в числе которых могут быть такие:

$$\begin{aligned} (\exists a)(a \in Kb) \vdash (\exists b)(b \in Ka), \\ (\forall a)(a \in Kb) \wedge (\forall b)(b \in Kc) \vdash (\forall a)(a \in Kc), \\ (\exists a)(a \in Kb) \wedge (\forall b)(b \in Kc) \vdash (\exists a)(a \in Kc), \\ (a \in Kb) \wedge (a \in Kc) \vdash (\exists b)(b \in Kc). \end{aligned}$$

Здесь и в ряде случаев ниже мы не приводим полной системы аксиом, поскольку это не потребуется. А для иллюстрации сути дела достаточно отдельных примеров.

Для существования первичного класса достаточно построить его термин. Так, построив выражение «класс богов», мы образовали класс богов, и он стал существовать независимо от того, существуют боги или нет. Вопрос о существовании производных классов решается в зависимости от соблюдения правил логики при построении их названий и от дополнительных определений. В частности, если из определения термина класса следует $(a \in A) \wedge \sim(a \in A)$, то **A** не существует.

Существование классов вообще не зависит от существования индивидов, включаемых в них. Так, целое число, равное квадратному корню из пяти, не существует, но класс це-

лых чисел, равных квадратному корню из пяти, существует. О нем, в частности, можно сказать, что этот класс пуст (т.е. нет такого целого числа, которое в него может быть включено без ошибки). И наоборот, существование индивидов не зависит от того, включают их в какие-то классы или нет и в какие классы их включают. Термин класса может быть построен так, что такой класс заведомо существовать не будет. Но в этот класс могут включаться существующие индивиды. Например, образуем термин класса такой: «Класс, в который включается предмет **a**, и в то же время этот предмет не включается, а также в который включаются электроны». Такой класс не существует, поскольку нарушены правила логики при его образовании; но электроны, как известно, существуют.

Как видим, классы — это такие предметы, которые существуют лишь постольку, поскольку конструируются их названия. И когда пытаются определить классы как нечто, существующее независимо от их терминов, то классы смешивают с энками и скоплениями предметов. А это смешение не всегда безразлично. Например, тройка целых чисел, таких, что сумма кубов двух из них равна кубу третьего, не существует, тогда как класс таких троек чисел существует, и о нем, в частности, можно сказать, что он пуст. Но представить такой класс как нечто, существующее независимо от названия класса, здесь невозможно.

Скопления

Как и в случае с классами, будем различать оператор «скопление» и термин «скопление». Последний определяется (аналогично термину «класс») так: если **a** есть термин, обозначающий скопление индивидов, то **a** есть скопление.

Первичные термины скоплений строятся по правилу: если **a** есть термин-субъект, то «скопление **a**» есть термин-субъект. Прочие термины скоплений предметов образуются по общим правилам образования терминологии. Заметим, что в отличие от термина «класс **a**» термин «скопление **a**» не обязательно индивидуален.

Пример различия оператора и термина «скопление»: в термине «скопление, состоящее из **a**, **b** и **c**», слово «скопление» есть термин, а в термине «скопление звезд в области **A**» — оператор. Когда употребляют выражение «дома, расположенные в районе **A**», «молекулы в данном объеме газа», «звезды, входящие в Галактику» и т. п., часто имеют в виду не классы, а скопления соответствующих предметов. Это — иная точка зрения на предметы, чем в случае образования классов. Так, в отношении класса бессмысленно говорить о пространственных размерах, о перемещении и т. п., тогда как подобные предикаты вполне уместны в отношении скоплений. Существование класса не зависит от существования включаемых в него индивидов, существование же скоплений зависит. Так, скопление из **a** и **b** существует, если и только если существует каждый из **a** и **b**, тогда как класс, в который включаются **a** и **b**, существует, если образован термин «класс, в который включаются **a** и **b**».

Отношения

Среди высказываний с двумя и более местными предикатами имеются такие, которые имеют строение **aRb** и **a¬Rb** или могут быть путем некоторых языковых преобразований приведены к такому виду. Например, «**a** больше **b**», «**a** не больше **b**», «**a** в три раза тяжелее **b**» и т.д. Такие высказывания называются высказываниями об отношениях, а то, о чем в них говорится, называется отношениями.

В символах **aRb** и **a¬Rb** буква **R** обозначает тип предиката отношения (и, соответственно, отношения), но не сам предикат полностью. Так, в высказывании «**a** больше **b**» субъекты суть термины **a** и **b**, предикат запишется выражением «первый предмет больше второго», тип отношения обозначает слово «больше». Термин **b** может быть парой, тройкой и т.д. терминов. Например, в высказывании «**a** находится между **b**, **c** и **d**» термин, идущий вслед за отношением «находится между», есть тройка терминов (**b**, **c**, **d**).

Оператор ? определяется для высказываний об отношениях следующим образом:

$(a?Rb) \vdash \vdash \sim (aRb) \wedge \sim (a \neg Rb).$

Отношение **R** является рефлексивным, если и только если истинно **aRa**, симметричным, если и только если истинно $(aRb) \rightarrow (bRa)$, и транзитивным, если и только если истинно $(aRb) \wedge (bRc) \rightarrow (aRc).$

Отношения различаются как отношения сравнения (например, «тяжелее») и отношения порядка (например, «расположен правее»). В случае сравнения предметов выделяют какие-то признаки и выясняется наличие или отсутствие у предметов этих признаков (сходство и различие), а также количественное сходство или различие по какому-либо признаку.

Имеется группа высказываний сравнения, в которых говорится о превосходстве одних предметов над другими по какому-то признаку. Будем их изображать символами вида

$a > pb,$

где символ $> p$ читается как «превосходит по признаку **p**». Это — схематическое, или обобщенное, изображение группы высказываний, которые литературно могут иметь самую различную форму и знак отношения в которых не всегда расчленен на $>$ и **p**. Так, в высказываниях «**a** выше **b**» и «**a** тяжелее **b**» слова «выше» и «тяжелее» суть частные случаи знаков отношения «превосходит по высоте» и «превосходит по весу».

Внутреннее отрицание и неопределенная форма таких высказываний имеют вид

$a \neg > pb$ и $a? > pb.$

Через отношение превосходства определяются отношения «тождественно по признаку» и «уступает по признаку». Будем их записывать символами $= p$ и $< p$. Таковы, например, «**a** имеет такую же высоту, как **b**», «**a** равен по весу **b**», «**a** легче **b**», «**a** меньше **b**» и т.п. Определения этих отношений можно записать так:

$$\begin{array}{l|l} (a = pb) & \vdash (a \neg > pb) \wedge (b \neg > pa), \\ (a \neg = pb) & \vdash (a > pb) : (b > pa), \\ (a < pb) & \vdash (b > pa), \\ (a \neg < pb) & \vdash (b > pa) : (a = pb), \end{array}$$

где оператор $:$ — «одно и только одно из двух». Неопределенность определяется по общему правилу.

Логические свойства знака отношения $>_p$ определяются имплицитно системой аксиом, среди которых имеются такие:

- 1) $\vdash (a \neg > pa);$
- 2) $(a > pb) \vdash (b \neg > pa);$
- 3) $(a \neg > pb) \vdash (b > pa) : (a = pb);$
- 4) $(a > pb) \wedge (b > pc) \vdash (a > pc);$
- 5) $(a > pb) \wedge (b = pc) \vdash (a > pc);$
- 6) $(a = pb) \wedge (b > pc) \vdash (a > pc);$
- 7) $(a \neg > pb) \wedge (b \neg > pc) \vdash (a \neg > pc).$

Первая аксиома означает, что отношение $>_p$ нерефлексивно, вторая — что оно несимметрично, четвертая — что оно транзитивно.

Отношение порядка

Отношение порядка рассмотрим несколько подробнее, так как оно играет весьма большую роль в последующем изложении.

Выражение «упорядоченность (порядок) предметов» мы принимаем за первично ясное, ограничиваясь примерами и пояснениями. В частности, расположение предметов в пространстве и появление или исчезновение их во времени суть случаи упорядоченности. Для фиксирования ее употребляются выражения «первый», «второй», «выше», «ниже», «раньше», «одновременно», «позднее» и т. п.

Порядок предметов **a** и **b** определяется относительно третьего предмета **c**, который будем называть точкой определения и отсчета порядка.

При установлении порядка предметов важны не только точки определения порядка, но также и способы некоторых действий. Мы можем, например, определить порядок точек **a** и **b** на окружности относительно третьей точки **c**. Но порядок **a** и **b** тем самым еще остается не заданным: потребуется еще указать, будем мы двигаться по часовой стрелке

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

или против. В зависимости от направления движения мы получим разные результаты: в одном случае окажется, что **a** будет дальше **b** относительно **c**, а в другом — **b** дальше **a**. В дальнейшем мы будем употреблять выражение «способ отсчета (определения) порядка», полагая, что способ отсчета (определения) порядка включает также и точку отсчета (определения) порядка.

Высказывания о том, что **a** находится в отношении порядка **R** к **b** относительно способа установления порядка **a**, будем изображать символом

a(Ra)b.

Соответственно, **a¬i(Ra)b** и **a?(Ra)b** суть его частное отрицание и неопределенная форма.

Установление отношений порядка для некоторых предметов проблемы не представляет. Их порядок как-то дан, и споров на этот счет не возникает. Для других же случаев порядок устанавливается путем применения к указанным выше случаям правил логики, математики и специальных правил, выработанных в той или иной области науки применительно к особенностям изучаемых в ней предметов (например, теория относительности в физике).

Как и в случае со сравнением, высказывания о превосходстве одних предметов над другими по порядку относительно некоторого способа установления порядка, а также о тождестве предметов по порядку и о том, что одни предметы уступают другим по порядку (опять-таки относительно некоторого способа установления порядка) будем изображать символами вида

a > ab, a < ab, a = ab.

Аналогично — внутренние их отрицания и неопределенные формы:

a ¬i > ab, a ? > ab, a ¬ < ab

и т. д. Отличие от сравнения состоит лишь в том, что вместо признака **p** имеется в виду способ установления порядка.

Простейший случай отношения «между» определяется так: **a** находится между **b** и **c** относительно **a**, если и только

если $(a > \alpha b) \wedge (c > \alpha a)$ или $(b > \alpha a) \wedge (a > \alpha c)$. В общем виде (для любого числа предметов) это отношение определяется так: a находится между $b^1, \dots, b^n$ относительно способов установления порядка $\alpha^1, \dots, \alpha^m$, если и только если для любой пары b^i и b^k из $b^1, \dots, b^n$ найдется такой α^l из $\alpha^1, \dots, \alpha^m$, что $(a > \alpha^l b^i) \wedge (b^k > \alpha^l a)$ или $(b^i > \alpha^l a) \wedge (a > \alpha^l b^k)$.

Для скоплений (и энков) предметов имеет силу следующее положение: скопление (энка) предметов A находится между $b^1, \dots, b^n$ относительно $\alpha^1, \dots, \alpha^m$, если и только если каждый предмет, входящий в A , находится между $b^1, \dots, b^n$ относительно $\alpha^1, \dots, \alpha^m$.

Скопление индивидов такое, что для любой пары a и b из них $a > \alpha b$ или $b > \alpha a$, будем называть упорядоченным относительно α рядом. Индивиды, входящие в данный упорядоченный ряд, суть его элементы. Из определения очевидно: если $a = \alpha b$, то a и b не могут быть элементами одного ряда. Они могут быть лишь элементами различных рядов.

Элементы a и b ряда A , упорядоченного относительно α , будем называть соседними, если и только если ни один элемент A не находится между a и b относительно α .

Если a и b суть соседние элементы ряда относительно α , будем это записывать символами вида

$$a \mid \alpha b.$$

Будем говорить, что индивиды a и b соприкасаются (не соприкасаются) относительно α и класса индивидов A , если и только если $a > \alpha b$ или $b > \alpha a$, и при этом никакой индивид класса A невозможно (некоторый класс индивидов A возможно) поместить между a и b относительно α . Высказывание « a соприкасается с b относительно α » будем записывать символом

$$a \parallel \alpha b.$$

В рассматриваемом случае различие отрицаний $\neg$ и $\sim$ исключительно важно: $a \neg \parallel \alpha b$ означает « a и b не соприкасаются относительно α », а $\sim(a \parallel \alpha b)$ означает «нельзя сказать (принять), что $a \parallel \alpha b$ » (это может быть не только $a \neg \parallel \alpha b$, но и $a = \alpha b$, $a ? > \alpha b$ и т. п.).

Ряд A будем называть непрерывным (сплошным) относительно α , если и только если все его соседние элементы

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

попарно соприкасаются относительно a . Ряд A будем называть прерывным (пористым) относительно a , если и только если по крайней мере для одной пары соседних элементов его верно, что они не соприкасаются относительно a .

Ряд A имеет начальный элемент относительно a , если и только если найдется такой элемент этого ряда, что любой другой элемент этого ряда превосходит его по порядку относительно a .

Ряд A имеет конечный элемент относительно a , если и только если найдется такой его элемент a , который превосходит все остальные по порядку относительно a . Возможно так, что начиная с некоторого момента порядок индивидов ряда A относительно a установить невозможно. Это — случай с неопределенностью. Если x есть утверждение «Ряд A имеет начальный (конечный) элемент», а y — утверждение «Ряд A не имеет начального (конечного) элемента», то рассматриваемый случай запишется как $\sim x \wedge \sim y$, практически же здесь допустима та или иная договоренность. В частности, последний элемент ряда A , для которого можно установить порядок относительно a , правомерно принять за первый или последний элемент ряда.

Если же допускается, что ряд не имеет начального или не имеет конечного элемента, а из a не ясно, наступит или нет такой момент, когда порядок индивидов относительно a установить становится невозможно, то создается видимость рядов, не имеющих начального или конечного элементов (или даже того и другого). Однако это имеет смысл лишь на уровне допущений. Что касается утверждений типа «Ряд A не имеет начального элемента», «Ряд A не имеет конечного элемента» и т. п., то они не могут быть проверены эмпирически в случаях, о которых идет речь, в силу невозможности перебрать бесконечный ряд предметов и установить для них отношение порядка. Так что если из определения ряда или из способа построения его обозначения нельзя вывести начального или конечного элемента, а эмпирически соответствующие утверждения нельзя проверить, то одинаково правомерны как допущения отсутствия начального или конечного элемента, так и допущения их наличия или воз-

возможности. При этом только надо помнить, что это — лишь допущения, а не бесспорные истины.

Интервал

Для выражений «интервал» и «интервал между **a** и **b**» невозможно построить определения по принципу «Интервалом (интервалом между **a** и **b**) называется ...». Здесь возможны лишь определения сложных выражений, которые содержат слово «интервал» и высказывания с этим словом. Например, выражение «величина интервала между **a** и **b** равна десяти **c**» есть замена (по определению) выражения «между **a** и **b** можно поместить десять предметов класса **c** так, что предметы **a**, **b** и **c** образуют непрерывный ряд»; выражение «**a** произошло в интервале между **b** и **c**» есть замена для выражения «**a** произошло между **b** и **c**» (здесь слово «интервал» вообще является излишним).

Выражение «интервал» уместно использовать лишь для случаев, когда предметы суть элементы упорядоченного ряда. Точнее говоря, слово «интервал» есть лишь часть выражения «интервал между **a** и **b** относительно **a**», которое уместно исключительно для случаев, когда имеет место (**a** > **ab**) или (**b** > **aa**). Будем это выражение для краткости и наглядности записывать символом вида

$\{a, b, a\}$.

Предметы **a** и **b** будем называть границами интервала. Выражение $\{a, b, a\}$ есть термин-субъект. Причем термины $\{a, b, a\}$ и $\{b, a, a\}$ не всегда тождественны по значению; аналогично для терминов $\{a, b, a\}$ и $\{a, b, B\}$, если **a** и **B** различны.

Термин $\{a, b, a\}$ будем считать индивидуальным при заданном **a**, если и только если **a** и **b** суть индивидуальные термины. Все прочие термины интервалов определяются в конечном счете через термины типа $\{a, b, a\}$ по общим правилам введения терминов.

Интервалы характеризуются величиной или протяженностью. Выражения вида «Протяженность $\{a, b, a\}$ » будем записывать символами вида

$L\{a, b, \alpha\}$,

где L есть просто слово «протяженность».

Протяженность интервала между эмпирическими предметами определяется возможностью или невозможностью поместить между ними какие-то предметы и числом последних, а также путем сравнения с другим интервалом. Здесь способ нахождения величины интервала есть одновременно способ определения выражения, в котором говорится об этой величине, — типичный пример для «операционных» определений. Так, в выражении «интервал между a и b равен десяти c » указана величина интервала — «десять c », а в выражении, через которое оно определяется («между a и b можно поместить ...»), указан некоторый способ измерения величины интервала.

Сравнение интервалов $\{a, b, \alpha\}$ и $\{c, d, \beta\}$ предполагает такое их сопоставление, чтобы можно было представить a, b, c и d упорядоченными относительно α или β так, что либо $a = \alpha c$ (или $a = \beta c$), либо $b = \alpha d$ (или $b = \beta d$), но чтобы при этом интервалы не изменялись по величине, т.е. представить как наложение одного из них на другой, совмещая одни из их элементов. Условимся накладывать $\{c, d, \beta\}$ на $\{a, b, \alpha\}$ так, что $\{c, d, \beta\}$ равен по протяженности $\{c, d, \alpha\}$.

Возможны такие имплицитные определения выражений, сравнивающих интервалы:

$(L\{a, b, \alpha\} = L\{c, d, \alpha\}) \vdash \vdash ((a = \alpha c) \leftrightarrow (b = \alpha d)),$

$(L\{a, b, \alpha\} > L\{c, d, \alpha\}) \vdash \vdash ((a = \alpha c) \rightarrow (b > \alpha d)) \wedge ((b = \alpha d) \rightarrow (c > \alpha a)),$

$(L\{a, b, \alpha\} < L\{c, d, \alpha\}) \vdash \vdash (L\{c, d, \alpha\} > L\{a, b, \alpha\}).$

Протяженность индивида

Эмпирические индивиды обладают пространственной протяженностью. Это утверждение есть часть имплицитного определения выражения «эмпирический индивид». Поскольку смысл языковых выражений, фиксирующих объемы и площади эмпирических индивидов, сводится логически к смыслу выражения «длина», мы в дальнейшем ограничимся

при рассмотрении пространственной протяженности индивидов их длиной. Выражение «длина **a** относительно *a*» будем кратко записывать символом

$$L^s \{a, a\}.$$

Приведенное выше утверждение можно записать в такой форме:

$$\Phi 1. \quad |-A \rightarrow (L^s \{a, a\} > 0),$$

где *A* есть утверждение «**a** есть эмпирический индивид относительно *a*».

Из $\Phi 1$ следует: если $L^s \{a, a\} = 0$, т.е. если **a** не имеет пространственной протяженности относительно *a*, то **a** не есть эмпирический индивид относительно *a*.

Протяженность эмпирических предметов определяется (там, где это уместно) так: протяженность эмпирического предмета **a** относительно некоторого способа установления порядка *a* равна протяженности интервала **{b, c, a}** такого, что если **a** поместить между **b** и **c**, то **b** и **a** будут соприкасаться относительно *a*. Частный случай — в качестве **b** и **c** берутся части **a** такие, что все прочие части **a** находятся между **b** и **c** относительно *a*.

Структура

Эксплицитно термин «структура» определяется как часть сложного термина «Структура, которая образуется элементами скопления **A** относительно класса способов установления порядка **B**». **A** этот сложный термин определяется как тождественный по значению термину «Скопление индивидов **A** такое, что для любого элемента **a** найдется другой его элемент **b** и такой способ установления порядка *a*, принадлежащий к классу **B**, что $a > ab$ или $b > aa$ ». Так вводятся первичные термины структур. Теперь с помощью общих правил введения терминов можно определить термин «структура» как производный от первичных терминов структур. Это может быть сделано, в частности, путем обобщения по схеме: если есть термин структуры, то есть структура.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Приведенное определение является эксплицитным. Из него очевидно, что индивиды какого-либо скопления образуют структуру лишь относительно некоторых данных способов установления порядка. Если последние не даны, ни о какой структуре и речи быть не может. А так как выбор этих способов есть дело исследователя, то он не имеет права спрашивать относительно какого-то скопления **A**, есть оно структура или нет, если предварительно не задаст (не выбрал) класс способов установления порядка **B**. Структура — скопление, но не всякое скопление — структура (хотя это не исключает того, что для любого скопления из двух и более индивидов могут быть найдены какие-то способы установления порядка такие, что это скопление будет структурой).

Имплицитно термины первичных структур определяются так: элементы скопления **A** образуют структуру относительно класса способов установления порядка **B**, если и только если для любого элемента **a** этого скопления найдется другой его элемент **b** и такой способ установления порядка **a**, относящийся к классу **B**, что $a > ab$ или $b > aa$.

B имплицитном определении слово «структура» определено как часть высказывания. И требуются еще дополнительные логические операции, чтобы ввести термин «структура» как самостоятельный термин.

Упорядоченный ряд есть, очевидно, структура. Простейшая структура — структура из двух индивидов и одного способа установления порядка.

Определение структуры дает право считать или не считать то или иное скопление **A** структурой относительно **B**. Но оно не содержит в себе всего того, что мы можем знать о структуре. Структура может исследоваться как самостоятельный предмет. В частности, могут выясняться интервалы между ее элементами, число элементов, их порядок друг относительно друга и т. д.

На основе определения структуры строится серия определений. Они опять-таки могут быть эксплицитными и имплицитными. В первой форме лучше видна природа определений, вторая удобнее с точки зрения вывода следствий и

построения формального исчисления. Таким путем я ввожу понятия подструктуры, объединения структур, включения индивида и структуры в структуру, нахождения внутри и вне структуры, порядка структур и т.д. Все эти определения служат логической основой при решении проблем, относящихся к пространству и времени.

Вопрос о протяженности структур сводится к вопросу о протяженности индивидов, интервалов и рядов и к операциям с соответствующими величинами. Таковы, как известно, операции по нахождению площадей и объемов фигур и тел. Мы эти вопросы не рассматриваем. Ограничимся краткими замечаниями.

Если принято, что протяженность эмпирического индивида всегда больше нуля, то из этого следует, что протяженность любого рода эмпирической структуры также больше нуля.

Протяженность индивидов устанавливается так же, как протяженность некоторой структуры, образуемой частями этих индивидов.

Протяженность подструктуры **А** данной структуры **В** не может превышать протяженности **В**. Если индивид **а** находится внутри структуры **А**, то его протяженность не больше протяженности **А**. Если индивид **а** есть элемент структуры **А**, его протяженность не больше протяженности **А**.

Существование

Предикат «существует» будем сокращенно записывать символом **Е**. Высказывания типа «**а** имеет признак **Р**» будем для краткости записывать символами **Р(а)**, т.е. будем опускать оператор предикации, записывая субъект и предикат рядом. Будем также опускать координаты высказывания, предполагая их данными, поскольку для характеристики рассматриваемых ниже терминов они не требуются. Высказывания с предикатом существования запишутся символами **Е(а)**, **¬Е(а)** и **?Е(а)**.

Имеются случаи, когда смысл термина **Е** не определяется, а лишь разъясняется. Это — случаи, когда субъект в вы-

сказываниях существования есть индивидуальный термин. Тут имеют место два подслучая:

1. Вопрос о существовании индивида решается в зависимости от возможности наблюдать с помощью его органов чувств или посредством приборов, непосредственно или по его следам по результатам воздействия на другие предметы); сюда же относится доверие к свидетельствам тех, кто наблюдал тот или иной индивид;

2. Вопрос о существовании индивидов решается посредством доказательства из других данных, как допущение для каких-либо целей, как вывод из определений. Неопределенность здесь означает, что невозможно установить посредством наблюдения (например, в случае процесса возникновения или уничтожения индивида) или рассуждения, существует или не существует индивид.

Предполагая данным значение E для указанных случаев, можно дать точное определение этого предиката для других случаев. Например, если термин a есть родовой (общий), то определение E примет такой вид:

1. $E(a) \dashv \vdash (\exists b)E(b \downarrow (b \rightarrow a))$,
2. $\neg E(a) \dashv \vdash (\forall b)\neg E(b \downarrow (b \rightarrow a))$,
3. $?E(a) \dashv \vdash \neg E(a) \wedge \sim \neg E(a)$.

Для энков предметов :

1. $E(a^1, \dots, a^n) \dashv \vdash E(a^1) \wedge \dots \wedge \neg E(a^n)$,
2. $\neg E(a^1, \dots, a^n) \dashv \vdash \neg E(a^1) \vee \dots \vee \neg E(a^n)$,
3. $?E(a^1, \dots, a^n) \dashv \vdash \neg E(a^1, \dots, a^n) \wedge \sim \neg E(a^1, \dots, a^n)$.

Особые определения E требуются для классов, скоплений, рядов, отношений, структур и т.д. Единого для всех типов терминов-субъектов (и соответственно для обозначаемых ими типов предметов) определения E не существует.

Логически полное определение свойств предиката E можно дать, построив особое исчисление как «надстройку» над общей теорией вывода, теорией терминов и координат высказываний. В этом исчислении в качестве доказуемых формул (аксиом и теорем) должны фигурировать упомянутые имплицитные определения и другие, например — формула

$$[xv] \vdash [E(\downarrow x)],$$

где v есть знак координат высказывания x . Ее можно читать так: если x истинно в координатах v , то существует $\downarrow x$ в тех же координатах. Доказуема также формула

$$\{\sim xv\} \vdash \{\sim E(\downarrow x) v\}.$$

Не следует смешивать предикат E и квантор $\exists$, как это обычно делается в математической логике. Между ними имеют место различные связи, но они не сводятся друг к другу. Например, утверждение

$$E(a\downarrow x) \vdash (\exists a)x$$

является правилом логики (истинно), а обратное утверждение

$$(\exists a)x \vdash E(a\downarrow x)$$

неверно, в чем легко убедиться, взяв $\sim E(a)$ в качестве x .

Термин E , рассмотренный выше, есть термин-предикат. В языке употребляются также выражения «существующее», «сущее», «существование» и т.п. как термины-субъекты. Они употребляются как субъекты, обозначающие реальность, существующую независимо от человеческого сознания, бытие. Какими чертами характеризуется это бытие, ответ на этот вопрос и должна дать онтология как часть и аспект интеллектологии. Но сделать это она может лишь с помощью специального языка, обработанного логически. Что из себя представляет реальность, существующая независимо от человеческого сознания, можно описать только с помощью языка как инструмента сознания, т.е. лишь в той мере, в какой это позволяет сделать фактическое состояние языка.

Состояние

Пусть x есть высказывание об эмпирическом предмете a , истинное во время t . Термин $\downarrow x$ («тот факт, что x ») будет обозначать состояние a во время t . Простейшие состояния фиксируются высказываниями $P(a)$ и $E(a)$ без знаков отрицания и неопределенности или с ними. Сложные состояния фиксируются логически непротиворечивыми конъюнкциями простых высказываний.

Изменение

Пусть x есть состояние предмета a во время t^1 , а y состояние того же a во время t^2 позже t^1 , т.е. y превосходит x по временному порядку. Пусть при этом x и y исключают друг друга, т.е. $\sim(x \wedge y)$. Будем говорить, что при этом происходит изменение состояния x на состояние y , и изображать это символом

$$\downarrow x \Rightarrow \downarrow y,$$

где $\Rightarrow$ есть предикат изменения. Внутреннее отрицание и неопределенная форма этого высказывания имеют вид

$$\downarrow x \neg \Rightarrow \downarrow y \text{ и } \downarrow x ? \Rightarrow \downarrow y.$$

Простейшие случаи изменений суть следующие:

1. $\downarrow \neg E(a) \Rightarrow \downarrow E(a)$ — возникновение a ;
2. $\downarrow \sim x \Rightarrow \downarrow x$ — возникновение $\downarrow x$;
3. $\downarrow E(a) \Rightarrow \downarrow \neg E(a)$ — уничтожение a ;
4. $\downarrow x \Rightarrow \downarrow \sim x$ — уничтожение $\downarrow x$;
5. $\downarrow P(a) \Rightarrow \downarrow \neg P(a)$ — потеря признака индивидом a ;
6. $\downarrow \neg P(a) \Rightarrow \downarrow P(a)$ — приобретение признака индивидом a ;
7. $\downarrow P(\alpha)a \Rightarrow \downarrow P\beta(a)$, где $\alpha > \beta$ — уменьшение a по признаку P ;

ку P ;

8. $\downarrow P(\alpha)a \Rightarrow \downarrow P\beta(a)$, где $\alpha < \beta$ — увеличение a по признаку P .

На этой основе определяются все прочие виды изменений — процесс, прогресс, регресс, эволюция, развитие, упадок, деградация и т.д. При этом должны использоваться и другие термины. Определяться должны целые комплексы терминов (соответственно — типов изменений). Достаточно полная онтологическая теория изменения, таким образом, может быть построена лишь как аспект в онтологии в целом, распределенный по различным ее разделам.

Пусть t^1 есть время, когда имеет место $\downarrow x$, а t^2 есть время, когда имеет место $\downarrow y$, причем имеет место $\downarrow x \Rightarrow \downarrow y$. Из опыта известны случаи, когда между t^1 и t^2 имеется время t^3 такое, что $\sim x \wedge \sim y$. Будем состояние $\downarrow(\sim x \wedge \sim y)$ называть переходным от $\downarrow x$ к $\downarrow y$. Для элементарных изменений такие переходные состояния суть

$$\downarrow(\sim P(a) \wedge \neg P(a)) \text{ и } \downarrow(\sim E(a) \wedge \neg E(a)),$$

сокращенно $\downarrow(?P(a))$ и $\downarrow(?E(a))$. Таким образом, в случае изменений приходится иметь дело не с двумя, а с тремя состояниями. Это ни в коем случае не исключает универсальность законов логики, как полагали основатели диалектики и их последователи (как об этом уже говорилось выше).

Предикат изменения ($\Rightarrow$) должен быть определен для каждого логического типа предметов (соответственно терминов-субъектов) — для отношений, рядов, структур, классов, скоплений и т.д. То определение, которое дано выше, является самым абстрактным, необходимым лишь как исходный пункт в системе определений для конкретных логических типов изменений. Это требование в языковой практике обычно не соблюдается, что порождает путаницу и неразрешимые затруднения. Например, изменение положения тела в пространстве и изменение социального строя общества различны не просто тем, что изменяющиеся предметы различны, а тем, что типы их изменения требуют для описания различные системы терминов и различные способы их определения.

Событие

Чтобы зафиксировать в сознании эмпирическое изменение, необходимо, как сказано выше, зафиксировать (выбрать) два состояния эмпирических предметов, следующие во времени друг за другом. Это означает, что по определению терминов изменения длительность изменения во времени больше нуля. На изменение требуется время. Подчеркиваю, это — не какой-то закон природы, а следствие определения терминологии. Когда говорят о мгновенных изменениях (без затрат времени, за время, равное нулю), — а так говорят не только безграмотные люди, но даже ученые, претснующие на научные открытия, — то совершают элементарную логическую ошибку.

Выражение «длительность изменения α относительно способа временного порядка α » будем кратко записывать символом $L'\{a, \alpha\}$. Пусть x есть высказывание « a есть эмпи-

рический индивид». Приведенное выше утверждение можно записать кратко так:

$$\vdash x \rightarrow L'\{a, \alpha\} > 0.$$

Из него логически следует: если $L'\{a, \alpha\} = 0$, то a не есть эмпирический индивид. Следует также, что длительностей меньше нуля не бывает.

Изменение, рассматриваемое отвлеченно от его структуры и длительности, будем называть событием. Подобно тому, как наблюдение (выбор, фиксирование в сознании) эмпирических тел служит основой для создания пространственных представлений и введения первичной терминологии, относящейся к пространству, так наблюдение эмпирических событий служит основой для аналогичных операций в отношении ко времени. Все то, что выше говорилось об отношениях вообще, относится и к временным отношениям событий.

В отношении событий употребляются термины-предикаты «происходит», «произошло» и «произойдет», аналогичные предикату существования. Можно также сказать, что эти предикаты суть предикат существования в применении к предметам, которые мы называем событиями. Употребляются также термины, называемые модальными: «возможно», «необходимо» и «случайно». Будем обозначать их символами соответственно M , N и C .

Модальные термины

Высказывания с модальными предикатами будем записывать символами $M(\downarrow x)$, $N(\downarrow x)$ и $C(\downarrow x)$ со знаками отрицаний и неопределенности или без них. Здесь x есть высказывание об осуществлении события. Как и в случае с E , модальные предикаты определяются в зависимости от логических типов терминов-субъектов.

Между модальными предикатами имеют место чисто формальные отношения, позволяющие при построении логических исчислений с ними определять одни из них через другие, выбрав какой-то за исходный. Например, предикат N определяется через M так:

$$N(\downarrow x) \vdash \vdash \neg M(\downarrow \sim x),$$

$$\neg N(\downarrow x) \vdash \vdash M(\downarrow \sim x).$$

Предикат *C* определяется через *M* так:

$$C(\downarrow x) \vdash \vdash x \wedge M(\downarrow \sim x),$$

$$\neg C(\downarrow x) \vdash \vdash x \wedge \neg M(\downarrow \sim x).$$

Свойства модальных предикатов не исчерпываются упомянутыми выше. В их определение входят, например, такие утверждения:

$$x \vdash M(\downarrow x),$$

$$N(\downarrow x) \vdash x,$$

$$\neg M(\downarrow x) \vdash \sim x,$$

$$\sim x \vdash \neg N(\downarrow x).$$

Рассмотренные модальные термины суть предикаты, а не субъекты. Как и в случае с предикатом существования, в языке употребляются выражения, являющиеся терминами-субъектами. Это выражения «необходимость», «возможность» и «случайность». Они обозначают какие-то явления бытия (реальности), в отношении которых уместно употреблять модальные предикаты. Например, людей интересуют такие проблемы: была ли необходимость в разрушении Советского Союза, имеется ли возможность для России вновь стать мировой сверхдержавой, какую роль сыграла случайность в антикоммунистическом перевороте в России и т.п. Ведутся бесчисленные и бесперспективные дискуссии на эти темы, поскольку отсутствует однозначность и ясность терминологии. В философии с этими терминами связаны многочисленные заблуждения и предрассудки. Например, необходимость сводится к общему или закономерному, хотя это логически различные явления. Известна концепция фатализма, согласно которой все в мире происходит с необходимостью. Будучи распространена на будущее, она ведет к концепции предопределенности. В основе их лежит неявное включение в определение предиката *N* утверждения $x \vdash Nx$, т.е. субъективное решение употреблять слово «необходимо» в таком смысле, а не какие-то объективные законы бытия. Случайность смешивается с беспричинностью или непредвиденностью, а также с малой степенью вероятности. Воз-

мжность рассматривается как наличие чего-то (средств, сил, способностей и т.п.). Точное определение модальных выражений возможно только на основе точного определения модальных предикатов. Модальные субъекты могут быть определены с помощью общих логических правил теории терминов, с помощью которых из предикатов образуются субъекты.

Вероятность

К модальным терминам относятся также термины вероятности. Вероятность событий измеряется числами от 0 до 1. Высказывания о вероятности событий будем записывать символами вида $P(x)=\alpha$, $P(x)>\alpha$ и $P(x)<\alpha$, где α есть величина вероятности. Термины вероятности связаны с предикатами N и M такими утверждениями:

$$\begin{array}{l|l} (P(x)=0) & \vdash \neg M(\downarrow x), \\ (P(x)>0) & \vdash M(\downarrow x), \\ (P(x)=1) & \vdash N(\downarrow x), \\ (P(x)<1) & \vdash \neg N(\downarrow x). \end{array}$$

Часто встречается логическая ошибка, когда высокую степень вероятности рассматривают как необходимость. На такой ошибке основывается, например, уверенность в том, что во Вселенной должны быть планеты, на которых возникла живая материя и даже разумные существа вроде людей и даже совершеннее людей. Другая ошибка — низкую степень вероятности рассматривают как невозможность. Например, низкую степень вероятности реставрации коммунизма в России многие расценивают как невозможность. Высокая степень вероятности события не исключает его необходимости, а низкая — невозможности. Но необходимость и возможность событий в таких случаях определяются не степенью вероятности, а другими факторами.

Тенденции

Рассмотрим такой пример. Наблюдается беспорядочное движение большого числа частиц a в области пространства

b. Замечается, что время от времени какие-то частицы **a** образуют некоторые регулярные («правильные», упорядоченные) скопления. Эти скопления недолговечны и не охватывают все частицы, так что нельзя сказать, будто происходит упорядочивание частиц **a** в области **b**. Говорят нечто более «слабое», а именно — что имеет место некоторая тенденция к упорядочиванию.

Введем особый терминообразующий оператор тенденции **t**. Примем такое правило: если **P** есть предикат, то **tP** есть предикат. Примем также утверждение:

$\vdash P(a) \rightarrow tP(a).$

Для любого предиката **P** имеет силу закон противоречия

$\vdash \sim(P(a) \wedge \sim P(a)),$

а утверждение $P(a) \wedge \sim P(a)$ не может быть истинно (логически неистинно, противоречиво). Но утверждение

$\vdash \sim(tP(a) \wedge \sim P(a))$

не есть правило логики, а утверждение

$tP(a) \wedge \sim P(a)$

логически выполнимо (может быть истинным). Например, конъюнкция утверждений «Неверно, что температура **a** увеличивается» и «Температура **a** имеет тенденцию к увеличению» может быть истинной.

Признаки **P** и **Q** могут исключать друг друга, а признаки **tP** и **tQ** нет. Если **P** и **Q** исключают друг друга, то $P(a) \wedge Q(a)$ есть противоречие. Но $tP(a) \wedge tQ(a)$ может быть истинным. Так что одному и тому же предмету в одно и то же время могут быть присущи взаимоисключающие (и в том числе — противоположные) тенденции. Так, величина некоторого предмета **a** может одновременно иметь тенденцию к увеличению и к уменьшению. И в этом нет никакого логического противоречия.

Связи

Высказывания вида $x \rightarrow (Rx)y$ такие, что высказывание $x \rightarrow y$ не является логически доказуемым (логически истинным), будем называть высказыванием о связи состояний $\downarrow x$

и $\downarrow u$ или о физическом следовании $\downarrow u$ из $\downarrow x$. Если a есть такое высказывание, то $\downarrow a$ есть термин связи, а то, что обозначается этим термином, — связь состояний. Последние суть элементы связи. Будем говорить также, что упомянутые состояния находятся в связи (связаны).

Если в $x \rightarrow (Rx)y$ отношение R означает тождество координат для x и y , то Rx опускают, и высказывания принимают вид $x \rightarrow y$. Но отношение Rx в них так или иначе предполагаются. Например, в высказывании «Если по проводнику пропустить электрический ток, то вокруг него возникает магнитное поле» предполагается то же самое время или время сразу после наступления первого события.

Высказывание A о связи строится с таким расчетом, чтобы из высказываний x^i можно было чисто логически получать высказывания y^i такие, что $\downarrow x^i \in R\downarrow x$ и $\downarrow y^i \in R\downarrow y$, и x , y и Rx входят в A . Другими словами, A строится так, чтобы имело место

$$x^i \wedge (\downarrow x^i \in R\downarrow x) \wedge A \vdash (Rx^i) y^i.$$

Поэтому A можно рассматривать как особое правило получения одних высказываний из других. Но это правило не логическое (относящееся к свойствам языка), а относящееся к свойствам той или иной предметной области.

В зависимости от строения x и y различаются простые и сложные высказывания о связях. Сложные определяются через простые особыми логическими правилами. Например, это правила вида

$$\begin{aligned} (a \vee b \rightarrow (R(a \vee b))c) &\vdash (a \rightarrow (Ra)c) \wedge (b \rightarrow (Rb)c), \\ (a \rightarrow (Ra)(b \wedge c)) &\vdash (a \rightarrow (Ra)b) \wedge (a \rightarrow (Ra)c). \end{aligned}$$

В языке употребляется огромное количество выражений, обозначающих эмпирические связи: «зависимость», «влияние», «неразрывно связаны», «порождение», «совместимость» и т.п. В большинстве случаев они аморфны, многосмысленны, зависят от контекста и от особенности среды употребления и т.п. Конечно, наивно рассчитывать навести здесь строгий логический порядок. Мы лишь обратим внимание читателя на два момента:

1. Анализ этих выражений обнаруживает ту или иную комбинацию высказываний типа $x \rightarrow (Rx)y$;

2. Эти комбинации весьма разнообразны, их число и степень устойчивости определяются лишь соображениями практической целесообразности.

Например, совместность предметов можно определить так: **a** и **b** совместны, если и только если всегда и везде имеет силу утверждение

$$(E(a) \leftrightarrow E(b)) \wedge (\neg E(a) \leftrightarrow \neg E(b)).$$

Совместимость признаков можно определить так: **P** и **Q** совместны, если и только если для любого предмета **a** имеет силу утверждение

$$(P(a) \leftrightarrow Q(b)) \wedge (\neg P(a) \leftrightarrow \neg Q(b)).$$

Часто употребляют выражение «зависимость» («зависит»). Оно многосмысленно. В частности, речь может идти о зависимости состояния от другого состояния, состояния от недифференцируемого предмета, предмета от состояния, предмета от предмета. И в каждом случае, в свою очередь, есть вариации. Например, возможны такие определения:

1. $\downarrow x$ зависит от $\downarrow y$, если и только если x при условии z и $\sim x$ при условии $z \wedge y$;

2. $\downarrow x$ зависит от $\downarrow y$, если и только если x при условии z и $\sim x$ при условии $z \wedge \sim y$.

Как видим, в определяющей части (1) фигурирует $z \wedge y$, а (2) — $z \wedge \sim y$. Кроме того, зависимость иногда понимают как воздействие, как взаимодействие, как причинную связь и другие виды связей. Наконец, о зависимости говорят в таком смысле:

1. $\downarrow x$ зависит от $\downarrow y$, если и только если $(y \rightarrow x) \vee (y \rightarrow \sim x)$;

2. **a** зависит от **b**, если и только если $(\exists P)(\exists Q) \ll \downarrow P(a) \text{ зависит от } \downarrow Q(b) \gg$;

3. Комбинации случаев типа (1) и (2).

От связей-зависимостей отличаются связи-передачи. Приведем сразу одну из возможных экспликаций:

1. Выражение «предмет **a** отдает x предмету **b**» есть сокращение для выражения «Если **a** теряет x , то **b** в это же время приобретает это x », где выражение «**a** теряет x » в свою очередь, есть сокращение для выражения « $x \in a$ в t^1 , и $x \notin a$ в t^2 ».

затем в t^2 », а « b приобретает x » есть сокращение для « $x \rightarrow \in b$ в t^1 , и затем $x \in b$ в t^2 »;

2. Обмен определяется как « a отдает x предмету b , а b отдает y предмету a в то же время»;

3. Выражение « a передает x от b к c » есть сокращение для выражения « b отдает x предмету a , затем a отдает x предмету c ». Как видим, и в этом случае в основе лежит условная связь и порядковое отношение.

Причинные связи мы более обстоятельно рассмотрим далее.

Парадоксы связей

Встречаются высказывания

1. $x \rightarrow (Ra)z$,

2. $y \rightarrow (Ra)v$,

которые на первый взгляд обладают следующим свойством. По правилам логики из них получается

3. $x \wedge y \rightarrow (Ra)(z \wedge v)$,

но при этом высказывание $x \wedge y$ может быть истинным, а $(z \wedge v)$ нет, т.е. истинно $\sim(z \wedge v)$. Например, (1) есть «Если к телу A приложить силу B , то A сдвинется в направлении C на расстояние α », а (2) есть «Если к телу A приложить силу D , то A сдвинется в направлении E на расстояние β »; к телу A можно приложить одновременно силу B и силу D , но одновременно сдвинуться в направлении C и E (например, вправо и влево) тело не может. Сложившаяся ситуация воспринимается как парадоксальная (один из вариантов парадоксов связей).

Ничего парадоксального, однако, в рассмотренной ситуации не останется, если восстановить достаточно полную логическую ее картину. На самом деле в формулировке (1), (2) и (3) опущено указание на условия, при которых они принимаются как истинные. Причем эти условия различны. Пусть w^1 суть условия для (1), w^2 — условия для (2), w^3 — условия для (3). Условия w^1 могут включать в себя $\sim y$ или такое z , из которого следует $\sim y$, т.е. $w^1 \rightarrow \sim y$. Условия w^2

могут предполагать $\sim x$, т.е. $w^2 \rightarrow \sim x$. Например, w^1 предполагает, что к **A** не прилагается сила **D**, w^2 предполагает, что к **A** не прилагается сила **B**. Возьмем простейший случай: w^1 есть $w^2 \wedge \sim y$; w^2 есть $w^1 \wedge \sim x$.

Наличие w^3 во всех трех w^1 , w^2 и w^3 необходимо для того, чтобы было возможно рассуждение. В таком случае мы имеем:

1. $x \wedge \sim y \rightarrow (Ra)z$;
2. $\sim x \wedge y \rightarrow (Ra)v$;
3. $x \wedge \sim y \wedge \sim x \wedge y \rightarrow (Ra)(z \wedge v)$,

(при условии всех трех). Но $x \wedge \sim y \wedge \sim x \wedge y$ есть противоречие, и парадоксальность (3) исчезает. Теперь, чтобы установить, какое следствие будет вытекать из $x \wedge y$ (в частности, какое положение займет тело **A**, если к нему сразу приложить силы **B** и **D**), необходимо либо дополнительное эмпирическое исследование, дающее

4. $x \wedge y \rightarrow (Ra)w$,

либо особое правило оперирования с z и v , позволяющее дедуктивно получить w (например, правило параллелограмма сил).

Разрешением парадоксальности рассматриваемой ситуации является употребление предикатов тенденций. Например, вместо выражения «если к телу **A** приложить силу **B**, то **A** не сдвинется в направлении **C** на расстояние α (при условии, что никакие другие силы не действуют на **A**)» употребляется более краткое «если к телу **A** приложить силу **B**, то **A** будет иметь тенденцию двигаться в направлении **C** на расстояние α ». В этом случае какие бы силы ни действовали на **A** и куда бы оно ни сдвинулось, наше высказывание будет фиксировать не фактическое положение дел, а долю участия силы **B** в нем. При этом наши высказывания примут вид

1. $x \rightarrow (Ra)z'$,
2. $y \rightarrow (Ra)v'$,

где в z' и v' говорится не о реальных положениях, а о тенденциях. В таком случае будет верно

3. $x \wedge y \rightarrow (Ra)(z' \wedge v')$,

поскольку $z' \wedge v'$ не есть противоречие. Наличие противоположных тенденций не есть логическое противоречие. Как

реализуются тенденции z^1 и v^1 совместно, должен установить опять-таки опыт или специально выработанное на основе опыта правило.

Причина

Выражение «а есть причина b» употребляется во многих различных смыслах, например, в таких:

1) «а есть причина b» $\dashv \vdash$ «Если не-а, то не-b; наступает а; вслед за этим наступает b»;

2) «а есть причина b» $\dashv \vdash$ «Если наступает а, то вслед за этим наступает b»;

3) «а есть причина b» $\dashv \vdash$ «Если бы не было а, то не было бы b; имеет место b»;

4) «а есть причина b» $\dashv \vdash$ «а и затем b; не будь а, не было бы и b».

Кроме того, говоря о причине, имеют в виду ответ на вопросы типа «Что является причиной события (состояния и т. п.) а?». И на этот вопрос отвечают различно, в частности, так:

1) причиной состояния (явления, события) а является все то, что порождает а (что ведет к возникновению а);

2) причиной а является то, без чего не может существовать а;

3) причиной а являются те особые условия, которые отличают возникновение его от возникновения других состояний и т. п.

Ниже мы сформулируем несколько положений, относящихся к проблеме причинности или, точнее, к совокупности проблем, к которым так или иначе причастно слово «причина».

Тщетно искать некое «единственно правильное» понимание причины. Его пока просто нет. Имеются разные словоупотребления, и только. Имеются различные познавательные ситуации, нуждающиеся для своего фиксирования в строгой терминологии, учитывающей упомянутые различия. Так, встречается отношение состояний такое, что

$x \rightarrow (Rx)y$,

и такое, что

$x \wedge (Rx)y \wedge (\sim x \rightarrow (R \sim x) \sim y)$,

где R означает «затем», «после» и т. п. В качестве сокращения для первого можно ввести выражение

$\downarrow xC^1 \downarrow y$,

а в качестве сокращения для второго — выражение

$\downarrow xC^2 \downarrow y$.

Здесь C^1 и C^2 суть особые двухместные предикаты. И ни один из них не лучше и не хуже другого в качестве средства экспликации термина «причина». Если уж непременно здесь нужно это слово использовать, то можно вводить какие-то ограничения типа «позитивная причина», «негативная причина», «полная причина» и т. п.

Далее, если даже принять только одно строго определенное употребление слова «причина», это еще не дает никаких гарантий в том отношении, что исследователи при установлении причин одних и тех же явлений будут находить одни и те же причины. Так, если мы приняли в качестве экспликации слова «причина» знак C^2 , то это не исключает возможности построения высказываний $\downarrow xC^2 \downarrow y$ и $\downarrow zC^2 \downarrow y$ при отыскании причины $\downarrow y$. Одно другому не противоречит, и согласно определению, $\downarrow x$ в качестве причины $\downarrow y$ не лучше и не хуже, чем $\downarrow z$, и наоборот.

Можно, конечно, условиться считать причиной некоторого состояния $\downarrow y$ такое состояние, которое единственно является причиной $\downarrow y$ (т. е. никакое другое состояние, отличное от него, причиной $\downarrow y$ не является). Но это лишь общие, ни к чему не обязывающие разговоры. Одно дело — определение слова «причина», другое дело — отыскание причин конкретных состояний. Когда в практике познания приходят к единодушному согласию считать причиной некоторого явления **a** определенное явление **b**, то это делается не в силу определения слова «причина» (никакое определение такого рода не может содержать указание на единственность причины, ибо не может дать гарантий этой единственности), а как неявное соглашение считать именно **b** причиной **a**, поскольку соот-

ношение **a** и **b** удовлетворяет определению слова «причина» и удовлетворяет некоторым другим требованиям, не входящим в это определение (например, в некоторых само собой разумеющихся условиях наступление **b** всегда ведет к **a**, а ненаступление **b** не ведет к **a** при тех же условиях; причем другие явления не ведут к наступлению **a**).

Выше мы говорили о слове «причина» как о части предиката «...причина...». Но оно употребляется и как субъект, точнее, как часть субъектов типа «причина события», «причина $\downarrow x$ », «причина того, что x » и т. п. В этой своей роли оно определяется как производное от предиката «причина» следующим образом (буквы x и y суть переменные для терминов состояний): «Причина x » = Df. «Состояние $\downarrow y$ такое, что $\downarrow y$ есть причина $\downarrow x$ » (т.е. причина некоторого состояния есть другое состояние такое, которое является его причиной).

Известные индуктивные методы установления причинной связи (методы Бэкона–Милля) являются не просто способами исследования, предполагающими, что термин «причина» определен до их применения и независимо от них. Они сами суть имплицитное определение различных случаев употребления термина «причина». Так, метод сопутствующих изменений формулируется следующим образом: если каждый раз, когда наступает событие **a**, вслед за этим наступает событие **b**, то **a** есть причина **b**. Это следует понимать не как утверждение с термином «причина», смысл которого известен и без этого утверждения, а как фрагмент имплицитного определения самого слова «причина». И методу этому точнее следует придать такой вид: если каждый раз вслед за наступлением **a** наступает **b**, то **a** будем называть причиной явления **b**. Это другими словами запишется так: «**a** есть причина **b**» $\dashv \vdash$ «Если наступает **a**, то наступает **b**». Метод единственного сходства формулируется так: если случаи, когда наступает **b**, различаются во всем и сходны только в том, что наступлению **b** предшествует **a**, то **a** есть причина **b**. Опять-таки это есть не просто прием исследования, но фрагмент неявного определения слова «причина».

Аналогично для прочих методов. Если же рассматривать упомянутые методы как приемы исследования причин, причем, что такое «причина» — известно без них, то неизбежны недоразумения, за которые эти методы многократно критиковались в истории логики и философии. К ним в таком случае предъявляли необоснованно чрезмерные претензии.

При экспликации терминов надо различать, далее, благие пожелания и реальные возможности языка. Так, мы можем поставить задачу определить причину **а**, чтобы причиной **а** было все то, что порождает **а** и без чего невозможно возникновение **а**. Но это лишь пожелание, и не более того (вроде пожелания о глубоком и всестороннем изучении **а**). Спрашивается, как теперь быть с Миром, без которого нет никакого состояния; как быть с Галактикой, без которой нет никаких событий в Солнечной системе; как быть с электронами, когда речь заходит о причинах поражения в той или иной войне и т. д. Никакие схоластические ухищрения здесь не помогут. Экспликация, адекватная приведенному пожеланию, просто невозможна практически.

Если **а** есть причина **б**, то наступление **а** предшествует во времени наступлению **б**. Временное отношение **а** и **б** есть один из признаков причинного отношения, участвующих в определении последнего. Вся терминология времени определяется и вводится в употребление независимо от термина «причина», но не наоборот.

Пусть достигнута следующая договоренность: выражение «**а** есть причина **б** в координатах **с**» будет высказыванием, тождественным по смыслу высказыванию «Всегда в координатах **с** вслед за наступлением **а** наступает **б**», где **а** и **б** суть переменные для терминов событий (или суть термины любых событий), а **с** суть переменная для термина координат (или любой термин координат).

Если **Н** известно это соглашение и он его принимает, то он принимает решение употреблять термин «причина» в смысле, установленном этим определением. Но пусть, наблюдая какую-то конкретную область предметов, **Н** пришел к выводу: «**А** есть причина **В** в координатах **С**», где **А**, **В**,

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

С суть вполне конкретные термины. Знание смысла слова «причина» не гарантирует того, что этот его вывод будет истинным. Если он есть результат наблюдения большого числа случаев последовательности событий **А** и **В** во времени в координатах **С**, то не исключено, что однажды обнаружится такой случай: вслед за наступлением **А** в координатах **С** не наступает **В**. Этот случай опровергает вывод **Н**, приведенный выше, но не отвергает определения слова «причина» и не опровергает того, что **Н** оно известно.

Эти два аспекта — терминологический и эвристический, как правило, смешивают. Классический образец такого смешения — описание и истолкование методов Бэкона—Милля.

Представим себе теперь такую картину:

1) слово «причина» употребляется в самых различных значениях;

2) эти значения смутны и неустойчивы;

3) терминологический и эвристический аспекты его употребления смешиваются.

Так что почти все, что говорится с использованием этого слова, либо вообще бессмысленно, либо имеет весьма смутный смысл за счет конкретности контекста или ситуации, в которой оно употребляется.

В этой связи вообще следует заметить, что процесс исследования (открытий) не совпадает с операциями по установлению смысла терминологии, если эти операции осуществляются по правилам логики и на уровне логики. Терминология может рождаться и рождается в ходе исследования и остается какое-то время (часто всегда) связанной с ним. Логическая экспликация ее должна прежде всего оторвать ее от этого генетического источника и рассмотреть независимо от него. И чем крепче и тоньше эта связь, тем важнее найти здесь логические различия.

Ситуация с термином «причина» весьма характерна и показательна. В свое время и теперь для определенных целей термин «причина» в его аморфном состоянии был и является вполне пригодным (подобно тому, как термин «шизофрения» в медицине, обозначающий самые разнородные бо-

лезни, пригоден как средство предварительной или приближительной ориентации). Но если более тщательно изучить языковые фрагменты с этим термином, то обнаружится, что для описания этих фрагментов в рамках логики требуется более строгая и дифференцированная терминология, делающая этот термин вообще излишним или закрепляющая за ним лишь одно из многочисленных его значений. Сказанное можно с полным основанием отнести вообще ко всей совокупности общих терминов методологии науки.

Виды причинных связей

При сравнении случаев, когда употребляется выражение « $\downarrow x$ есть причина $\downarrow y$ », обнаруживается следующее: в одних случаях предполагается, что из x логически не следует y , в других — не предполагается; в одних случаях предполагается, что из « $\downarrow x$ есть причина $\downarrow y$ » и x следует y , в других — нет; в одних случаях предполагается, что из « $\downarrow x$ есть причина $\downarrow y$ » и $\sim x$ следует $\sim y$, а в других — нет; в одних случаях предполагается транзитивность причинного отношения, а в других — нет и т. д. Так что найти в этих употреблении какой-то «инвариант», который можно было бы изобразить как «подлинное понимание причины», есть дело совершенно бесперспективное.

Мы считаем целесообразным говорить о видах причинных отношений состояний $\downarrow x$ и $\downarrow y$, причисляя к этим видам следующие (повсюду R^1a читается как «вслед за a », «после a », а R^2a — как «до a », «перед a »):

- $x \rightarrow (R^1x)y$;
- $y \rightarrow (R^2y)x$;
- $\sim x \rightarrow (R^1 \sim x) \sim y$;
- $\sim y \rightarrow (R^2 \sim y) \sim x$;
- $(x \rightarrow (R^1x)y) \wedge y$;
- $(y \rightarrow (R^2y)x) \wedge x \wedge (R^1x)y$;
- $(\sim x \rightarrow (R^1 \sim x) \sim y) \wedge x \wedge (R^1x)y$;
- $(\sim y \rightarrow (R^2 \sim y) \sim x) \wedge x \wedge (R^1x)y$;
- $(x \rightarrow (R^1x)y) \wedge (y \rightarrow (R^2y)x)$

и т.п. Общим для них всех является наличие условного отношения высказываний, описывающих состояния, и временного отношения «вслед за этим» или «до этого». И свойства этих отношений целиком определены свойствами соответствующих высказываний. В частности,

$$\begin{aligned} & (x \rightarrow (R^1x)y) \vdash (\sim y \rightarrow (R^2 \sim y) \sim x), \\ & (x \rightarrow (R^1x)y) \wedge (y \rightarrow (R^1y)z) \vdash (x \rightarrow (R^1x)z). \end{aligned}$$

Если a есть причина b , то b есть следствие a (это — определение термина «следствие»).

Если $\downarrow x$ и $\downarrow y$ суть индивидуальные термины, то термин «причина» определяется для них следующим образом: « $\downarrow x$ есть причина $\downarrow y$ » $\vdash \vdash (\downarrow x \rightarrow a) \wedge (\downarrow y \rightarrow b) \wedge$ « a есть причина b » (т.е. $\downarrow x$ есть причина $\downarrow y$, если и только если $\downarrow x$ есть a , $\downarrow y$ есть b и a есть причина b). Как видим, здесь предполагается, что термин «причина» сначала определяется для общих терминов, а затем — для индивидуальных. И в этом есть резон, поскольку для общих терминов причинное отношение определяется через условное отношение высказываний, а последнее предполагает обобщения, в частности, то, что

$$(x \rightarrow (Rx)y) \vdash \vdash (\forall \downarrow x)(Rx)y,$$

и т.д. Да и с точки зрения установления причинных отношений индивидуальных состояний $\downarrow x$ и $\downarrow y$, помимо того, что второе появляется по времени после первого, требуется еще нечто дополнительное, имеющее силу для классов состояний, элементами которых являются $\downarrow x$ и $\downarrow y$.

Этим, кстати сказать, объясняется тот факт, что большинство утверждений о причинной связи событий прошлого невозможно подтвердить и невозможно опровергнуть, поскольку для них невозможно построить истинные высказывания типа $x \rightarrow (Rx)y$. Здесь опять-таки вместо логической убедительности обычно прибегают к неявным соглашениям считать одни события причиной других, т.е. неявным образом утверждения вида « a причина b » принимают за постулаты, обставляя это свое решение всякого рода разговорами. Последние называют обоснованием принятого утверждения.

Частными случаями причинных отношений $\downarrow x$ и $\downarrow u$ являются такие, в которых так или иначе фигурирует вероятность событий. Это, например, отношения, фиксируемые высказываниями вида «Вероятность того, что $\downarrow x$ есть причина $\downarrow u$, есть a (равна a , больше a и т. п.)», «Если $\downarrow x$, то вслед за этим наступает $\downarrow u$ с вероятностью a » и т. п.

Высказывания типа « x , и потому (по этой причине, вследствие этого) u » и « u по той причине (потому), что x », в которых x и u суть высказывания об индивидуальных эмпирических состояниях или событиях, будем называть причинными конъюнкциями и изображать сокращающими символами вида

$$x \triangleright u.$$

Примеры таких высказываний: «Пароход «Титаник» потонул потому, что столкнулся с айсбергом»; «Наличие агента противника в штабе N-го соединения является причиной того, что секретные сведения о соединении становятся известными противнику».

Логическое строение причинных конъюнкций $x \triangleright u$ таково:

1) высказывание $\tilde{x}$ фиксирует то, что произошло (или происходит) некоторое эмпирическое событие или имело (или имеет) место некоторое эмпирическое состояние, последнее может быть, в частности, скоплением эмпирических событий (иногда — однородных) в пространстве и во времени;

2) высказывание u фиксирует другое эмпирические событие или состояние;

3) имеется еще некоторый причинный ингредиент, который позволяет сказать, что первое событие (состояние) является причиной второго.

Этот причинный ингредиент имеет различные логические формы. Он может быть выражен высказыванием «Если происходит событие (имеет место состояние) класса a , к которому относится событие (состояние) $\downarrow x$, то после этого происходит событие (имеет место, наступает и т.п. состояние) класса, к которому относится $\downarrow u$ ». Но это не всегда

так. Иногда причинный ингредиент фиксируется высказыванием «Если бы не произошло $\downarrow x$, то не произошло бы $\downarrow y$ », иногда — высказыванием «Все прочие возможные причины $\downarrow y$, кроме $\downarrow x$, отпадают» и т. п. В ряде случаев он есть результат привычных навыков или привносится за счет наблюдения последовательности событий, порождающих одно другое, и не находит никакого языкового воплощения. Одним словом, найти некий единый причинный ингредиент для z , такой, чтобы можно было представить $x \triangleright y$ как сокращение для $x \wedge y \wedge z$, в принципе невозможно.

Внутреннее отрицание причинных конъюнкций $x \rightarrow \triangleright y$ означает, что признается $x \triangleright y$, но отвергается наличие причинного ингредиента. Внешнее отрицание $x \wedge y$ эквивалентно $\sim x \vee \sim y \vee (x \rightarrow \triangleright y)$.

Примем следующие логические правила для причинных конъюнкций, дающие имплицитное определение выражения $\triangleright$ («и поэтому», «по этой причине» и т. п.):

- 1) $\vdash (x \rightarrow \triangleright x)$;
- 2) $(x \triangleright y) \vdash (x \wedge y)$;
- 3) $(x \rightarrow \triangleright y) \vdash (x \wedge y)$;
- 4) $(x \triangleright y) \vdash (y \rightarrow \triangleright x)$;
- 5) $\sim(x \triangleright y) \vdash \sim x \vee \sim y \vee (x \rightarrow \triangleright y)$;
- 6) $(x \triangleright y) \wedge (y \triangleright z) \vdash (x \triangleright z)$;
- 7) $(x \triangleright y) \wedge (x \triangleright z) \vdash (x \triangleright y \wedge z)$;
- 8) $(x \triangleright y) \wedge (z \triangleright v) \wedge ((y \wedge v) \triangleright \omega) \vdash ((x \wedge z) \triangleright \omega)$;
- 9) $(x \triangleright y) \wedge (y \rightarrow z) \vdash (x \triangleright z)$;
- 10) $x \wedge y \wedge (\downarrow x \rightarrow a) \wedge (\downarrow y \rightarrow b) \wedge (a \rightarrow (Ra)b) \vdash (x \triangleright y)$,

где R есть «после этого».

Детерминизм и индетерминизм

Понятие детерминизма (и его отрицания — индетерминизма) неоднозначно. Оно употребляется по крайней мере в таких смыслах.

Под детерминизмом понимают прежде всего такой принцип: для всякого эмпирического состояния (события) имеется некоторое другое состояние, являющееся его причиной

(все происходящее имеет причину, или ничто не происходит без причины). Модификацией этого принципа является следующее допущение: для всякого эмпирического состояния можно отыскать другое состояние, являющееся его причиной (для всего можно отыскать причину). Это допущение не только признает существование причин любых состояний, но и возможность их нахождения. Оно, очевидно, сильнее.

Индетерминизм, в свою очередь, понимается как отрицание приведенных выше принципов. Причем отрицание первого означает допущение состояний, не имеющих причин (беспричинных событий). Отрицание же второго означает лишь допущение того, что в некоторых случаях найти причины событий нельзя.

Детерминизм, далее, понимается как допущение, согласно которому для каждого эмпирического состояния $\downarrow x$ имеется такое состояние $\downarrow y$, что $y \rightarrow (Ry)x$ с вероятностью 1, где R есть некоторое временное отношение. Если a и b суть переменные для высказываний об эмпирических предметах, то это допущение запишется так:

$$(\forall a)(\exists b)(b \rightarrow (Ry)a).$$

Усилением этого допущения является допущение, согласно которому для каждого эмпирического состояния $\downarrow x$ не только имеется указанное выше состояние $\downarrow y$, но его можно и обнаружить. Отрицание же детерминизма в таком смысле понимается как допущение, согласно которому имеются случаи, когда $y \rightarrow (Ry)x$ с вероятностью 1 найти невозможно, а возможно лишь с вероятностью меньше единицы. А это — уже совершенно иной аспект дела.

Детерминизм понимается также в более узком смысле, а именно как принцип, согласно которому, если имеются достаточно полные и точные сведения о состоянии данной области мира в данное время, то можно предсказать ее состояние в последующее время.

Физический детерминизм есть еще более узкий принцип: если известны импульсы и траектории физических тел в настоящее время, то можно предвидеть их положения в последующее время. К вопросу о таком детерминизме мы вернемся ниже.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Примем такие определения:

1) Будем говорить, что событие $\downarrow u$ детерминировано относительно класса событий A , если и только если

$$(\exists \downarrow x)((\downarrow x \in A) \wedge \sim(\downarrow u \in A) \wedge (x \rightarrow u)),$$

где x есть переменная для высказываний.

2) Будем говорить, что $\downarrow u$ не детерминировано относительно A , если и только если

$$(\forall \downarrow x)((\downarrow x \in A) \wedge \sim(\downarrow u \in A) \rightarrow \sim(x \rightarrow u)).$$

Поскольку выражения «находятся внутри» и «находятся вне» определены, то правомерны определения:

3) События, происходящие внутри индивида a , суть внутренние для a события.

4) События, происходящие вне a , суть внешние для a события.

Если в определениях (1) и (2) класс A есть класс внутренних (внешних) для $\downarrow u$ событий, то получим определение выражений «внутренне (внешне) детерминировано (не детерминировано)» — определения (5) и (6).

Примем, наконец, такие определения:

7) Событие свободно, если и только если оно не детерминировано внешне и внутренне.

8) Событие несвободно, если и только если оно детерминировано внешне или внутренне.

9) Событие внутренне свободно (несвободно), если и только если оно внутренне не детерминировано (детерминировано).

10) Событие внешне свободно (несвободно), если и только если оно внешне не детерминировано (детерминировано).

Из определений следует, что если индивид имеет минимальные размеры, то он внутренне свободен (или невозможно событие, происходящее внутри его).

Объективные законы

Научное исследование ориентируется на открытие законов объектов или объективных законов.

Слово «закон» многозначно. В конкретных науках и в методологии науки говорят о законах науки (или научных законах), имея в виду определенного типа суждения об исследуемых объектах. Законами объектов называют то, о чем говорится в таких суждениях. Речь идет об одном и том же, только в первом случае — о языковых выражениях, фиксирующих законы объектов, а во втором случае — о том, что фиксируют эти выражения.

Научными законами (законами объектов) называют обобщения результатов наблюдений и экспериментов, которым приписывают какую-то особо важную роль в науке. С логической точки зрения суждения такого рода суть общие суждения фактов. К числу таких суждений относится, например, утверждение о том, что в демократических странах имеет место разделение власти на законодательную и исполнительную. Это — суждение о наблюдаемом факте, аналогичное по его логическому статусу суждению «Нормальная собака имеет четыре ноги». Кстати сказать, социологическая наука в основном состоит из суждений такого логического типа.

Научными законами (суждениями законов) называют также суждения, явно или неявно предполагающие определенные условия, при которых они всегда истинны. Я в дальнейшем буду иметь в виду только их, говоря об объективных законах.

В языковой практике условия законов обычно не учитываются совсем или подразумеваются как нечто само собой разумеющееся и всегда имеющее место. Это порождает путаницу, бессмысленные споры, идейные «перевороты» и даже умышленные спекуляции, когда обнаруживается важность явного учета условий в случаях их несоблюдения и изменения. Порою такие ситуации принимают грандиозные размеры, вовлекая большое число людей и растягиваясь на много десятилетий и даже на века. Например, спекуляции такого рода в физике приняли поистине эпохальные и глобальные размеры, по уровню мракобесия не уступая мистификациям Средневековья. А в сфере социальных явлений на этот счет творится нечто невообразимое.

Чтобы некоторое суждение (совокупность суждений) **А** приобрело статус научного закона, необходимо условие **В** установить (подобрать специально!) таким образом, чтобы **А** было истинно всегда при наличии условия **В**. Если при наличии условий **В** возможны случаи, когда **А** ложно, то **А** не может рассматриваться как закон, отвергается в качестве закона. **В** практике познания условия **В** устанавливаются всегда лишь частично и приблизительно. **В** ряде случаев они вообще являются воображаемыми, невозможными в реальности. **В** таких случаях суждения «**А** при условии **В**» вообще не верифицируются (не подтверждаются и не отвергаются) путем сопоставления с эмпирической реальностью. Их ценность устанавливается косвенно, т.е. тем, что с их помощью получают выводы, которые соответствуют или не соответствуют реальности. Они принимаются как аксиомы или на основе логических рассуждений, в которых **А** выводится из каких-то посылок, включая в них **В**. Условия **А** могут быть в той или иной мере достигнуты в эксперименте или выявлены в результате логической обработки данных наблюдений.

Надо различать общие черты (признаки) различных явлений и законы этих явлений. Для обнаружения общего необходимо сравнение по крайней мере двух различных явлений. Для выявления закона нужны логические операции иного рода. Закон может быть открыт путем изучения одного экземпляра явлений данного рода. Для этого нужен логически сложный анализ эмпирической ситуации, включающий отвлечение от множества обстоятельств, выделение непосредственно незаметного явления в «чистом виде», своего рода очищение закона от скрывающих его оболочек. Закон находится как логический предел такого процесса, причем не как нечто наблюдаемое, а как результат логических операций. Законы эмпирических объектов вообще нельзя наблюдать так же, как наблюдаются сами эти объекты.

Законы не следует также смешивать с причинно-следственными отношениями, с необходимостью, сущностью, содержанием и другими явлениями бытия, фиксируемыми логическими и философскими понятиями.

У всех у них различные функции в фиксировании результатов познания, они выражают различные аспекты познания, различно ориентируют внимание исследователей. Однако как в языковой практике, так и в сочинениях профессионалов, которые по идее должны были бы тут наводить порядок, царит на этот счет невообразимый хаос.

Законы эмпирических объектов (законы бытия) не зависят от воли и желаний людей и вообще от чьей-либо воли. Если есть объекты, к которым они относятся, и есть необходимые условия, то они имеют силу, никто и ничто в мире не может отменить их действие. Можно ослабить их действие, скрыть, придать форму — создать видимость их «отмены». Но они все равно остаются. Они именно такими и открываются исследователями, чтобы быть универсальными в отношении соответствующих объектов при соответствующих условиях.

Надо различать законы как таковые, фиксируемые в абстрактной форме (скажем, абстрактные законы), и их конкретные проявления в частных случаях. Условия закона в реальности и в исследовании ее никогда не выполняются полностью, а порою не выполняются вообще. Одновременно действует множество законов, которые воздействуют на форму проявления друг друга и даже действуют порою в противоположных направлениях. Потому кажется, будто законы потеряли силу или их не было вообще. В реальности законы действуют как скрытые механизмы явлений и как более или менее явные тенденции.

Надо различать законы и следствия действия законов — закономерные явления. Люди, например, давно заметили регулярность смены времени суток и закрепили это знание в суждениях, выражающих уверенность в том, что на смену дня обязательно придет ночь, а на смену ночи — день. Но это не значит, будто они открыли закон природы, вследствие которого происходит смена дня и ночи. Обычно эмпирические законы в том смысле, как мы рассмотрели выше, и закономерные явления не различают и в качестве суждений законов рассматривают обобщения наблюдаемых фактов, подкрепляемые многократными повторениями и не стал-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

квивающиеся с противоречащими фактами. В практике познания такого рода «законы» часто опровергаются, по сему поводу устраиваются сенсации, кричат о «революциях» в науке, о ломке «устаревших» представлений. С логической точки зрения, однако, в таких случаях лишь выясняется ограниченность простой неполной индукции и логическая ошибка необоснованности обобщения.

Объективные законы суть законы эмпирических объектов, но сами они эмпирическими объектами не являются. Они сами по себе не возникают, не изменяются и не исчезают. Это не значит, что они вечны и неизменны. Просто по самому смыслу понятий к ним нельзя применять понятия возникновения, изменения, исчезновения, неизменности, вечности. Они не имеют независимости от объектов существования. Об их существовании мы судим не путем их непосредственного наблюдения (их невозможно видеть, слышать, трогать руками), а по их проявлениям в ситуациях с эмпирическими объектами. Они открываются на основе наблюдений эмпирических фактов, но открываются благодаря особого рода интеллектуальным операциям.

С точки зрения этих операции и логических свойств суждений, получаемых посредством таких операций, нет принципиальной разницы между суждениями о законах физики, биологии и т.д. и суждениями о социальных законах.

Классическим примером первых может служить закон механики: «Тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения до тех пор, пока внешние силы не выведут его из этого состояния». Логическая структура его в явном виде такова: «Если на тело не действуют никакие внешние силы (условие А), то оно будет сохранять состояние покоя или прямолинейного равномерного движения (В)». Наблюдать ситуацию, фиксируемую в В, невозможно. Можно наблюдать только бесчисленные факты перемещения тел, причем с ускорением, с замедлением, по различным траекториям, с меняющимися траекториями и скоростями. Никто также не наблюдал то, о чем говорится в А, ибо на тела обычно действуют какие-то внешние силы. Это утверждение было изобретено впервые Ньютоном, при-

чем изобретено не по правилам простой индукции, а по правилам мысленного эксперимента.

Возьмем для сравнения один из самых простых социальных законов: «Если человек вынужден выбирать из двух вариантов поведения, которые одинаковы во всем, кроме одного признака, он выбирает тот из них, который лучше для него с точки зрения этого признака». В частности, если человек вынужден выбирать место работы из двух вариантов, которые одинаковы во всем, кроме зарплаты, и зарплата есть единственный источник существования для него, то он выберет тот вариант, где платят больше. В реальности такие условия выбора вряд ли могут встретиться. В реальности людям приходится выбирать из вариантов, различающихся по многим признакам, выбирать под давлением всякого рода обстоятельств, а не только из расчета на абстрактно лучший вариант. К тому же люди совершают ошибки в оценке ситуаций.

Сфера действия рассматриваемых законов ограничена множеством эмпирических объектов определенного вида. Никаких всеобщих законов бытия, имеющих силу в отношении любых (всех) эмпирических объектов, не существует хотя бы уже потому, что условия законов для объектов различных видов логически несовместимы в некое единое условие. Возможно, конечно, сформулировать утверждения, имеющие силу для всех эмпирических объектов. Но они (с логической точки зрения) будут либо логически ложными (противоречивыми), либо частями неявного определения понятия «эмпирический объект». Этому определению можно придать форму системы аксиом. Выводимые в этой системе утверждения истинны по определению понятий. Они не являются эмпирическими законами. Их можно назвать дефинитивными законами. Они не открываются в изучаемых эмпирических объектах.

Диалектика

Выше я сказал, что никаких всеобщих объективных законов, имеющих силу для всех эмпирических объектов (все-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

общих законов бытия), не существует. А между тем именно на создание такого учения о всеобщих законах бытия претендует диалектика, по крайней мере в том виде, какой она приобрела в советской философии.

Рассмотрим, что в этой претензии имеет основания и что нет.

Напомним, что надо различать общие утверждения и утверждения, фиксирующие объективные законы. Первые имеют такое логическое строение: «Для всех **a** верно (имеет силу) **X**». Вторые имеют такое логическое строение: «Если **Y**, то при этом условии всегда верно **X**». Утверждения, называемые законами диалектики, относятся к утверждениям первого типа. Они были получены путем наблюдения отдельных фактов реальности и логически неправомерного (ошибочного) обобщения на все бытие. Логически здесь правомерно лишь следующее. Наблюдая явления бытия, объединяемые названием «объективная диалектика» (возникновение, изменение, противоположности, связи и т.п.), мы вправе ввести соответствующие понятия и осуществить их логическую экспликацию. Например, мы это сделали выше в отношении понятий «эмпирический индивид», «состояние», «изменение», «связь», «причина» и т.д. Аналогично можно поступить в отношении понятий «качество», «количество», «противоположность», «диалектическое отрицание», «снятие», «эволюция», «развитие», «скачок», «мера» и т.д. И сделать это путем использования логической техники, включая логические исчисления. В этом отношении терминология диалектики исключением не является. Можно строить логическую онтологию, вообще не упоминая даже слово «диалектика». При этом границы и условия применимости этих понятий должны быть ясны из самих определений. Такие определения в имплицитной форме и следствия из них являются логическими правилами (логическими законами или, можно сказать, дефинитивными законами), а не фиксированием в языке неких объективных законов бытия.

Но мы при этом все-таки фиксируем определенные явления бытия. Возможно ли тут осуществить какие-то обобще-

ния или другие логические операции, чтобы получились утверждения о законах бытия? Логически корректно это можно сделать, точно определив сферу наблюдаемых явлений, а не для всего бытия вообще. Например, наблюдая факты единства и борьбы противоположностей, мы вправе определить, что это такое, ввести соответствующие обозначения и произвести какие-то обобщения наблюдаемых процессов возникновения противоположностей, их взаимоотношений, конфликтов и их разрешений. Но логически ошибочно утверждать, будто всем явлениям бытия свойственно такое.

Из определения понятий такой вывод не следует. Зато можно показать, что такое чрезмерное обобщение на все бытие порождает логические противоречия. Если всем явлениям бытия свойственны единство и борьба противоположностей, то и объектам, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, свойственны единство и борьба противоположностей. А это логическое противоречие означает, что рассматриваемое обобщение на все явления бытия ложно. Можно возразить, что объекты, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, не существуют согласно нашему обобщению. Но в таком случае обобщение превращается в тавтологию: всем объектам свойственны единство и борьба противоположностей, за исключением тех, которым они не свойственны. Аналогично обстоит дело с прочими чрезмерными обобщениями диалектики. Сказанное не есть словесная казуистика. Диалектика как учение есть языковая конструкция, и, как таковая, она должна строиться в соответствии с правилами логики. И прежде всего она должна быть логически непротиворечивой. Пренебрежение к логическому аспекту было и остается характерным для всех сочинений на тему о диалектике.

Логическая обработка понятий и утверждений, отражающих диалектику бытия, устанавливает сферу применимости и уместности диалектики как учения, удовлетворяющего критериям научности. Диалектика как учение очевидным образом лишена смысла в математике и вообще в так называемых точных науках, в которых объекты создаются

определениями понятий, но вполне правомерна в сфере эмпирических наук, объекты которых существуют независимо от исследователя и его понятий. Но даже в этой сфере далеко не всегда есть надобность в диалектике и условия для ее применения. Условия применимости диалектики оказались ограниченными самими ее понятиями, а надобность в ней — характером исследуемых объектов. Сфера социальных исследований является такой, да и то в ограниченном смысле.

В философской диалектике обычно рассматривают три «закона» бытия:

- 1) единство и борьба противоположностей;
- 2) переход количественных изменений в качественные;
- 3) отрицание отрицания.

Сделаю несколько замечаний о них.

По мысли философов, первый «закон» определяет некую первопричину или первоисточник изменений объектов. Бесспорно, что в некоторых случаях борьба противоположностей (например борьба классов) порождает какие-то изменения. Но так бывает далеко не всегда. Что касается причин изменений, то никакого универсального, пригодного для всех случаев изменений объектов объяснения их причин не существует хотя бы уже потому, что реальные причины изменений в различных случаях могут исключать друг друга. Более того, известны бесчисленные случаи, когда одни и те же следствия порождаются противоположными причинами.

Вместе с тем в идеях диалектики имеется вполне здравый смысл. Рассмотрим такой пример. По опыту общеизвестно, что в объединении людей, рассчитанном на длительное существование и деятельность в качестве единого целого, должен образоваться управляющий орган из одного или нескольких членов объединения. Он должен взять на себя функции, аналогичные функциям мозга отдельно взятого человека. На долю прочих членов объединения выпадают функции управляемого тела. Если это не будет сделано, объединение будет нежизнеспособным, будет плохо функ-

ционируют и распадется. Выражаясь языком диалектики, тут происходит раздвоение единого: члены объединения разделяются на руководителей (управляющих), воплощающих в себе «мозг» объединения, и руководимых (управляемых), воплощающих в себе управляемое «мозгом» «тело» объединения. Первые сохраняют тело, вторые — мозг. Но в объединении происходит их разделение и воплощение в его различных частях. Эти части противоположны — одна управляет, другая управляется. Их функции и интересы в этом отношении противоположны. Вместе с тем они образуют единство. Одна часть нуждается в другой. Лишь в единстве они могут существовать как целое. И лишь в целом они оказываются противоположностями.

Рассмотренный пример говорит о том, что в одном «зако-не» диалектики смешивается множество различных «зако-нов»: наличие противоположных свойств в одном объекте, раздвоение единого и обособление его частей, противоположные тенденции в едином процессе. К ним можно доба-вить еще такие «законы»: изменение объекта и переход его в противоположное состояние, изменение функций объекта на противоположные в различных условиях и со временем и другие. Аналогично обстоит дело и с прочими «законами».

Слово «качество», как и прочие категории (понятия) диа-лектики, плохо определено и многозначно. Обычно имеется в виду совокупность структурных компонентов объектов с их свойствами и взаимоотношениями, благодаря которым объекты сохраняются и без которых они не могут сущест-вовать. Иногда имеют в виду то, что отличает одни объекты от других, фиксируется в определениях их понятий. Коли-чеством называют то, что может быть подсчитано (число), измерено, вычислено и зафиксировано в величинах.

Отношение качества и количества не ограничивается ут-верждением диалектики, согласно которому количествен-ные изменения ведут к качественным. Не все качественные изменения суть результат количественных. В человеческих объединениях постоянно происходят качественные измене-ния в рамках тех же количественных характеристик (напри-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

мер, реструктурирование). И количественные изменения не всегда ведут к качественным. В науке и в практике жизни людей известны так называемые до-пороговые изменения, не влияющие на качественное состояние объектов. И даже в случаях, когда количественные изменения ведут к качественным, первые суть лишь одно из условий вторых, причем порою не главное. С другой стороны, количественный аспект зависит от качественного. Например, размеры объединений людей зависят от организации, от типа управления, от квалификации членов объединения, от целей и т.п. Так что не только количественные изменения ведут к качественным, но и качественные ведут к количественным. Причем одни и те же количественные изменения в различных условиях ведут к различным качественным, а одни и те же качественные — к различным количественным.

Отношение качества и количества характеризуется степенью соответствия. Есть определенные границы, в которых колеблется нормальная для самосохранения объекта степень соответствия, именуемая в диалектике мерой. Выход за ее пределы ведет либо к разрушению объекта, либо к качественным изменениям. Например, увеличение числа членов группы сверх некоторого максимума ведет к тому, что либо группа разделяется на две, либо сокращается число членов (излишние исключаются), либо в группе образуются подгруппы со своими руководящими лицами. Если число членов группы недостаточно для выполнения ее функций, группа либо ликвидируется, либо увеличивается численно, либо изменяет статус (например, сокращается объем выполняемых ею дел).

Имеет основания в познании эмпирических объектов и «закон» отрицания. Он относится к эволюции объектов. В реальных фактах эволюции наблюдается то, что в диалектике называли диалектическим отрицанием или снятием. Заключается это явление в следующем.

На более высоком уровне эволюции некоторые явления более низкого уровня исчезают («отрицаются»), а некоторые сохраняются в новом состоянии в «снятом» виде, т.е.

в виде, «очищенном» от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и «подчиненном» явлениям нового состояния. В таком «снятом» виде сохраняются те явления предшествующего состояния, без которых новый уровень невозможен. Отбрасываются те явления, которые препятствуют переходу на новый уровень. Так осуществляется историческая преемственность состояния и непрерывность процесса. Одновременно происходит перерыв непрерывности путем отбрасывания старого.

В эволюционном процессе бывает, что несколько таких снятий (отрицаний) следуют во времени друг за другом в одном социальном объеме. В этой связи я ввожу понятие эволюционного расстояния: это — число снятий между двумя состояниями объектов во времени. Вполне логично, принять такое утверждение как аксиому: чем больше (меньше) эволюционное расстояние между двумя объектами, тем меньше (больше) влияние законов предшествующего на последующий. Действие этого закона в случае больших эволюционных расстояний очевидно. Например, при рассмотрении социальных явлений мало кто считается с законами биологических клеток, молекул, атомов, электронов. Но при этом многие пытаются свести социальные явления к явлениям высокоразвитых живых организмов (социальная биология).

При возникновении более высокого уровня организации возникают новые явления, каких не было на предшествующем уровне, — совершается эволюционный шаг вперед (или вверх). Но за это приходится «платить», т.е. отказаться от каких-то достижений предшествующего состояния. Происходит, как я уже сказал, отрицание предшествующего уровня. Если эволюция идет дальше и происходит подъем на еще более высокий уровень, совершается второе снятие и второе отрицание — отрицание отрицания. Оно выступает в некоторых чертах как отрицание каких-то черт предшествующего состояния, явившегося результатом первого отрицания, и как возврат к некоторым чертам состояния, предшествовавшего первому отрицанию, причем к чертам,

отвергнутым первым отрицанием. В наше время действие этого закона очевидным образом можно наблюдать в грандиозных масштабах в процессах, происходящих в бывшем коммунистическом и в западном мире.

Возможно ли третье отрицание? Эволюционный процесс, описываемый формулой «отрицание отрицания», этим завершается в определенном разрезе (аспекте) процесса. Если эволюция продолжается, отрицание отрицания может происходить в другом аспекте или в более обширном объеме.

Число онтологических утверждений диалектики («законов бытия») не ограничивается упомянутыми выше. Оно ограничено лишь способностями специалистов по методологии открывать и записывать их и практическими надобностями в этом. Важно то, что все они не являются всеобщими законами бытия, поскольку таковые вообще невозможны логически. Они имеют сферу действия, ограниченную условиями и смыслом употребляемой терминологии, а также практической надобностью их в конкретном исследовании. Они уместны и даже необходимы для научного понимания социальных объектов. В какой мере они уместны в других частных науках? Это зависит от характера (от логического типа) объектов их внимания. Если эти объекты аналогичны социальным объектам с точки зрения логической методологии, то уместность их в отношении этих объектов не подлежит сомнению. Например, если где-то есть существа, подобные людям как социальным атомам и образующие аналогичные объединения, и эти люди обладают достаточно развитыми средствами познания, то диалектика вполне может стать одним из инструментов познания этими существами своих объединений.

Диалектика не сводится к учению о бытии. Она возникла и как совокупность приемов исследования, образующих целостный метод познания реальности. Что собой представляют эти приемы, фиксируется в серии онтологических терминов: органическое целое, клеточка, орган, простое, сложное, абстрактное, конкретное, закон, проявление, тенденция, развитие, качество, количество, мера, содержание,

форма, сущность, явление, связь, взаимодействие, система и т.д. Частично эта терминология рассматривается в философии (как философские категории). Но при этом игнорируется почти полностью то, что с ними связаны определенные познавательные действия. Для описания этих действий помимо упомянутых понятий требуются также понятия, обозначающие эти действия как действия исследователей. Логическое описание таких познавательных действий распределяется по различным разделам интеллектологии. Оно может быть сделано независимо от диалектики. Но некоторые из них уместно рассмотреть именно как операции диалектического метода хотя бы потому, что они впервые были зафиксированы Гегелем и сознательно использованы в конкретном исследовании Марксом.

Логическая физика

Логическая физика есть часть логической онтологии. В ней рассматривается комплекс терминов и высказываний, относящихся к пространству, времени и движению. Результаты моих исследований в этой сфере были опубликованы в книге «Логическая физика» еще в 1974 году. Расширенный вариант книги был опубликован в 1975 году на немецком языке и в 1983 году на английском. В несколько переработанном виде книга была переиздана как часть книги «Очерки комплексной логики» в 2000 году. Здесь будут приведены лишь некоторые фрагменты с целью дать первичное представление о моем подходе к проблемам пространства, времени, движения и другим, связанным с ними.

Приведу список тем, рассмотренных в упомянутых работах:

проблема пространства и времени, пространственно-временные отношения, время существования эмпирического индивида, существование пространства и времени, изменение пространства и времени, необратимость времени, отношение порождения, непрерывность пространства и времени, инвариантность пространства и времени, тож-

дество и различие пространства и времени, минимальная протяженность, бесконечная протяженность, трехмерность пространства, перемещение, парадокс движения, процесс, скорость, кванты пространства и времени, относительность движения, величина, микромир, логическая ситуация в микрофизике, дуализм волны и частицы, траектория, часть и составное, малые и большие объекты, мир в целом, общие утверждения о мире и физические допущения и другие.

Приводимых ниже фрагментов логической физики достаточно, чтобы читатель смог заметить радикальное отличие моей онтологии от всего, что читатель найдет в сочинениях философов и специалистов по методологии (философии) физики на эти темы.

Пространство и время

Надо различать два вида проблем, относящихся к пространству и времени:

1. Терминологические, т. е. связанные с установлением значения терминов «пространство», «время», «дальше», «ближе», «раньше» и т. п.;
2. Измеренческие (или физические), т. е. связанные с установлением пространственно-временных характеристик предметов.

Различие этих аспектов видно хотя бы из такого примера. Если некоторый человек утверждает, что Иркутск расположен ближе к Москве (по железной дороге), чем Новосибирск, то мы усматриваем в этом не ошибку в употреблении термина «ближе», а ошибку в установлении пространственного порядка Иркутска и Новосибирска относительно Москвы по железной дороге. И если этот человек согласится с тем, что Новосибирск ближе Иркутска, то термин «ближе» он будет употреблять в том же смысле (так же), как и в первом случае.

В силу разделения труда в науке проблемы исследования пространственно-временных свойств и отношений предметов стали проблемами физики. Однако физические

теории пространства и времени не дают определений пространственно-временной терминологии в том смысле, что не вводят эту терминологию в употребление впервые. Они предполагают ее данной и устанавливают методы выяснения пространственно-временных отношений предметов для различного рода трудных (сравнительно с обычным житейским опытом) случаев, в частности для различно движущихся систем, для удаленных событий, для случаев, когда имеет значение скорость распространения сигналов, взаимные перемещения событий и наблюдателей и т. п. При этом явно или неявно предполагаются некоторые базисные случаи, для которых установление пространственно-временных отношений проблемы не представляет и на примере которых соответствующая терминология вводится в язык. Например, к базисным случаям относятся такие, когда последовательность наблюдения событий считается точно совпадающей с последовательностью их наступления по времени. Пространственно-временные отношения для прочих случаев выясняются путем применения правил логики, математики и физики к тем данным, которые получаются из наблюдения базисных случаев. В качестве одного из условий и следствий физические теории осуществляют экспликацию пространственно-временной терминологии для особого рода случаев отношений предметов. При этом происходит следующее любопытное явление.

В случае упомянутой экспликации не происходит введение новых терминов, учитывающих особенности рассматриваемых случаев, а используется та же самая общая терминология, выработанная на основе наблюдений пространственно-временных отношений предметов в обычном опыте. В результате происходит неявное наложение двух (по крайней мере) различных совокупностей терминов с известными парадоксальными последствиями.

С другой стороны, на пространство и время перенесли терминологию, выработанную для эмпирических предметов, т. е. фактически стали рассматривать пространство и время как особого рода эмпирические предметы наряду с

другими. В частности, стали говорить об изменении пространства и времени, о ходе или движении времени, о сжатии пространства, о замедлении и ускорении хода времени, об обратном течении времени и т. п. Причем эти выражения употребляются не иносказательно, а буквально. В результате в литературе, так или иначе связанной с пространством и временем, сложилась такая хаотическая терминологическая ситуация, что логический анализ самых фундаментальных вопросов терминологии здесь явно был бы не бесполезен.

Попытки ввести пространственно-временные термины путем определения через другие обнаруживают, что для этого требуются термины, не имеющие с точки зрения первичной ясности никаких преимуществ перед пространственно-временными терминами. Кроме того, среди последних имеются такие, которые вообще вводятся в употребление не посредством определений, а иными способами. И применительно к такого рода терминам речь может идти лишь об их экспликации.

Эксплицирующие термины по воспринимаемому виду могут быть тождественны эксплицируемому. Именно так обстоит дело в нашем случае. В этом нет ничего страшного, если постоянно помнить различные роли одних и тех же слов.

Пространственно-временные отношения

Простейшие пространственно-временные термины суть термины из области значения знаков $>a$, $<a$ и $=a$. Их отношения друг к другу таковы, как отношение этих знаков в общем случае. Что касается их особенностей, то надо выяснить следующее: что присоединяется к логическим соображениям, когда мы выбираем ту или иную тройку конкретных терминов порядка (например, «раньше — позже — одновременно», «ближе — дальше — на одинаковом расстоянии» и т. п.)?

В общем обо всех простейших пространственно-временных терминах такого рода можно сказать следующее: исследователь имеет особые приспособления (прирожденные способности, если это человек; особые технические средс-

тва, если это человекоподобная машина), благодаря которым он фиксирует пространственные и временные отношения, и после достаточно большого числа повторений начинает правильно употреблять соответствующие термины (подобно тому, как люди усваивают большинство слов языка, обозначающих вещи, события, поступки). Приспособления, о которых сказано выше, — поворот глаз, поворот тела, смена восприятий. Все это дологические операции.

Важно отметить различие предметов, которые фигурируют в пространственном и временном порядке. В случае пространственного порядка предметы суть эмпирические (воспринимаемые, т. е. видимые, слышимые) тела. В случае временных отношений предметы суть воспринимаемые изменения (наступления событий, «вспышки», «возмущения»).

Некоторые тела и изменения становятся особого рода метками или знаками пространства и, соответственно, времени, если не принимаются во внимание их длины и длительности и принимается во внимание лишь их упорядоченность друг относительно друга и интервалы между ними. В таких случаях говорят о точках пространства и моментах времени. Выражения «в такой-то точке пространства» и «в такой-то момент» не следует понимать, будто соответствующие тела и изменения не имеют длины и длительности. Они учитывают лишь место предметов в пространственном или временном порядке.

Та совокупность терминов, о которой говорилось выше, есть совокупность предикатов. Используя ее, можно нечто высказать о пространственно-временных свойствах и отношениях эмпирических индивидов. Но ее нельзя использовать в качестве субъектов суждений, т. е. нельзя еще высказать что-либо о пространстве и времени как об особых предметах.

Чтобы ввести термины, обозначающие пространство и время как особые предметы, необходимо проделать еще такие операции по введению терминов.

Пусть эмпирические индивиды $a^1, \dots, a^n$ образуют пространственную структуру A . Возможны по крайней мере три различных смысла термина «данное пространство A ».

В первом смысле термин «данное пространство A » вводится так. Берется пространственная структура A , и происходит отвлечение от всех индивидов, находящихся внутри A , а также от того, что именно a^1, a^n образуют ее. Этому отвлеченно придают наглядную форму допущений, вполне соответствующую обычному опыту: находящиеся внутри A индивиды могут быть изъяты из нее (предельный случай — пустое или чистое пространство без индивидов), любые индивиды подходящего размера могут быть помещены в A , индивиды a^1, a^n могут быть заменены любыми другими, подходящими для фиксирования границ A .

В результате под данным пространством A будем иметь в виду лишь то, что заключено между какими-то индивидами, расположение которых аналогично расположению a^1, a^n в A , после исключения из A всех индивидов. Индивидуальность данного пространства определяется положением A .

Таким образом, «данное пространство A » в рассматриваемом смысле есть то, что останется, если сохранить только положение A , а из A изъять все индивиды (в том числе и граничные его точки a^1, a^n). Так что термин «данное пространство A » удобнее было бы читать как «пространство, занимаемое A ».

Важно здесь следующее: возможно или нет осуществить указанную выше операцию, это никак не влияет на определение термина «данное пространство A » и на его правомерность.

Для образования термина, обозначающего данное пространство A в смысле два, осуществляется то же самое, что и в первом случае, за исключением допущений относительно предметов a^1, a^n — они принимаются во внимание как граничные точки данного пространства. При образовании термина данного пространства A в смысле три допускают, что его образует пространственная структура A с какими-то предметами, которые находятся внутри ее. Здесь возможны варианты: согласно одному из них в данное пространство A включаются все предметы, находящиеся в A , и в этом случае данное пространство A есть кусок материи, заключенный в

пространственной структуре А; согласно другим — в него включаются лишь какие-то особые виды «тонкой» материи (в частности, такие, которые физически нельзя изъять из А в принципе ни при каких обстоятельствах).

Аналогично обстоит дело с терминами данного времени. Берется временная структура В, образованная событиями b^1 , ..., b^m , и осуществляются допущения относительно событий b^1 , b^m и событий внутри В, подобные допущениям для терминов данного пространства. Заметим только, что допущения для времени, подобные допущениям для пространства, точно так же имеют наглядную основу в опыте людей. Дело в том, что исследователь фиксирует некоторую пространственную структуру в какое-то определенное время, а временную структуру — в какой-то определенной области пространства. А области пространства, где, по-видимому, ничего не происходит («все спокойно»), в какой-то мере встречаются в опыте людей. Точно так же в рамках заданной временной структуры исследователь может вызывать сам происходящие события или препятствовать их наступлению. По крайней мере он может не обращать на них внимания. В третьем смысле данное время В есть мир со всеми (или избранными) событиями во временной структуре В.

Термины «данное пространство» и «данное время» образуются (подобно термину «структура») как обобщение терминов, обозначающих конкретные пространства и времена. Конечно, в реальных языках здесь имеет место комплекс разнообразных терминов вроде «интервал», «место», «отрезок», «область пространства» и т. п. — видовые термины для термина «структура».

Но обычно, когда употребляют термины «пространство» и «время» сами по себе, то (в отличие от соотношения термина «структура» и терминов, обозначающих конкретные структуры) имеют в виду не любые конкретные пространства и времена («отрезки» и «объемы» пространства и времени), а их объединение в целое. Для введения этих терминов (скажем, «пространство в целом» и «время в целом») надо допустить пространственную и временную структуры та-

кие, в которые включаются любые данные пространственные и, соответственно, временные структуры (в рассмотренном выше смысле). И в отношении этой гипотетической структуры проделать те же допущения, что и в отношении данных пространственных и временных структур. Только при этом различие первого и второго смысла терминов теряется. Остается лишь различие первого и третьего:

1. Пространство —местилище всех вещей, время —числая длительность;

2. Пространство —мир всех (или избранных) вещей, время —мир всех (или избранных) событий.

Как видим, обнаруживается явное разнообразие значений терминов. А между тем судьба многих высказываний с пространственно-временной терминологией всецело зависит от того, какие определения приняты (явно или неявно) для нее. И от этой зависимости не в состоянии избавить никакие достижения науки. Если, например, высказано утверждение, что пространство в районе такой-то звезды искривлено, то это утверждение еще равным счетом ничего не значит, пока не сказано, в каком смысле здесь употреблен термин «пространство». Если он употреблен в первом смысле, то это утверждение бессмысленно, ибо искривлен может быть лишь какой-то ряд предметов относительно какого-то другого ряда, а с точки зрения первого понятия пространства все это исключено. Значит, термин «пространство» употреблен здесь в третьем смысле. Но в таком смысле ничего удивительного в этом нет.

Относительно пространства и времени в целом (т.е. объединения всех пространств и времен) надо заметить еще следующее. Для объединения всех пространственных (временных) структур в одну пространственную (временную) структуру требуется один и тот же класс способов установления пространственного (временного) порядка для всех структур. А это практически невозможно. Если же иметь в виду класс всех способов установления порядка (и он действительно будет один), то таковой будет содержать взаимноисключающие способы и потому логически невозможен.

Так что все рассуждения о пространстве и времени как о целом (объединении всех пространств и времен) остаются всегда чисто гипотетическими.

Более того, если попытаться придать логически явный вид приведенным выше абстракциям, то обнаруживается следующее интересное обстоятельство.

Абстракцию, осуществляемую для образования термина «данное пространство A » в первом смысле, явным образом можно записать так: если изъять (исключить) из пространственной структуры A все индивиды, находящиеся внутри A , и индивиды $a^1, \dots, a^n$, оставив все остальные без изменения, то то, что останется от A , будем называть пространством A (или пространством, занимаемым A). В этом утверждении право употреблять термин «пространство A » поставлено в зависимость от такого условия, которое невыполнимо. И поэтому в соответствии со свойствами оператора «если... то» это право реализовать нельзя. Замена «если... то» на выражения «если бы... то», «если бы можно было... то» лишь еще более запутывает дело. Так что приведенные схемы образования терминов пространства логически совершенно несостоятельны. Аналогично для времени.

По нашему мнению, логически корректным является лишь такой путь. Логической экспликации поддаются термины, обозначающие пространственный и временной порядок индивидов, термины «пространственная структура», «временная структура» и совокупность терминов, которые связаны с ними и которые мы отчасти рассмотрели. Что касается самих слов «пространство» и «время», то они могут быть точно определены лишь как части сложных выражений (если, конечно, есть в этом надобность). Например, так: «Индивид a находится в пространстве A » = **Df.** «Индивид a находится внутри пространственной структуры A »; «Пространство в области a искривлено» = **Df.** x , где x есть описание данных наблюдения или эксперимента относительно поведения или положения каких-то индивидов в области a . Но во всех таких случаях определяются практически выражения, содержащие слова «пространство» и «время», но не сами эти слова как отдельные самостоятельные термины.

Существование пространства и времени

Обработка пространственно-временной терминологии не заканчивается введением соответствующих субъектов. Если последние введены, это не означает, что мы можем получать осмысленные высказывания, соединяя их с любыми предикатами. Условия предикцирования пространства и времени для целого ряда предикатов еще должны быть определены. Возьмем, например, утверждение о бесконечности пространства. Оно, в частности, имеет смысл как замена для следующего выражения: имеется способ установления порядка, относительно которого упорядочиваются пространственные структуры; и этот упорядоченный ряд бесконечен. В противном случае оно не имеет смысла.

Возьмем предикат существования. В каком смысле говорят о существовании пространства и времени? Оставим в стороне различия терминологии, рассмотренные выше, и выделим общее:

1. Вопрос о существовании данного пространства и времени и пространства и времени вообще;
2. Вопрос о существовании пространственно-временных структур.

Первый вопрос принципиальных трудностей не представляет: вопрос о существовании любого пространства (и времени) и вопрос о существовании пространства (времени) вообще совпадают и сводятся к вопросу о существовании некоторого данного пространства (и времени), подобно тому, как вопрос о существовании стола вообще сводится к вопросу о существовании какого-то конкретного стола.

Вопрос о существовании структур сводится к вопросу о существовании порядковых отношений, а существование последних определяется в зависимости от существования предметов: отношение **aRb** существует, если и только если существуют **a** и **b** и при этом отношение между ними именно таково, как сказано в утверждении **aRb**. Другие определения существования являются лишь усложнением этой схемы.

Поскольку пространственные структуры суть структуры эмпирических предметов, то из самого определения предиката существования для этих структур следует, что пространство не существует без эмпирических предметов. Но поскольку не только в обиходе, но и в науке обходятся неявными определениями, это обстоятельство остается скрытым, и положение о невозможности существования пространства без вещей расценивается или как результат наблюдений, или как постулат. Совершенно аналогично для времени: время не существует без эмпирических изменений.

Данное пространство A существует для исследователя, если и только если для него существует данная пространственная структура A (или существуют какие-то предметы, образующие пространственную структуру A , в случае первого смысла термина). A последняя существует для исследователя, если и только если существуют предметы $a^1, \dots, a^n$ (или какие-то предметы в соответствующих местах) и порядок их таков, как сказано в определении A . Пространство вообще существует для исследователя, если и только если для него существует какое-то данное пространство. Важно заметить, что здесь предполагается существование предметов, образующих данную пространственную структуру, в некоторое данное время (предполагается «одновременность» вещей).

Определения существования для времени аналогичны, только напоминаем, что в них имеются в виду не эмпирические устойчивые вещи, а изменения вещей. И здесь важна разновременность изменений. Изменения, образующие данную временную структуру, наблюдаются исследователем и, следовательно, существуют для него в разное время, а сама временная структура существует для него именно тогда, когда она им фиксируется.

Так что для исследователя имеет смысл говорить не о времени существования данного времени, а лишь о некоторой пространственной области, в которой исследователь наблюдает изменения, образующие данную временную структуру. Эти изменения, можно сказать, «однопространственны».

Время и место существования времени и пространства определяется утверждениями:

$$\begin{aligned} & \begin{cases} \text{Et}(t); \\ \text{Es}(s); \end{cases} \\ & (t^1 > t^2) \rightarrow \neg \text{Et}^1(t^2) \wedge \neg \text{Et}^2(t^1); \\ & (s^1 > s^2) \rightarrow \neg \text{Es}^1(s^2) \wedge \neg \text{Es}^2(s^1). \end{aligned}$$

Изменение пространства и времени

Возьмем пространственную структуру A , образованную предметами $a^1, \dots, a^n$. Для того чтобы считать A , взятую во время t^1 , и A , взятую в другое время t^2 , одной и той же структурой, необходимо, чтобы для каждого a^i выполнялось следующее: a^i взятый в t^1 , и a^i , взятый в t^2 , суть один и тот же предмет. Но достаточно это условие или нет? Нужно ли в определении указывать на то, что все отношения между a^i в t^2 остаются такими же, как в t^1 ?

Если это второе условие в определении не указывать (не считать его обязательным), то пространственные структуры в силу определений будут иметь возможность изменяться (т.е. утверждение « A изменилась» и другие производные утверждения о величинах изменений, о скорости и т.п. могут быть истинными). Если же это условие считать обязательным, то все пространственные структуры будут неизменны по определениям: если отношения между a^i в t^2 не изменились сравнительно с t^1 , то структура A не изменилась; если же они изменились, то мы не имеем права сказать, что A в t^1 и A в t^2 суть одна и та же структура, и не имеем условий для применения предикатов изменения.

Второе условие не мешает тому, что происходит смена одних структур другими. И все то, что можно сказать без принятия второго условия, можно сказать и с ним только в несколько иных выражениях (на ином варианте языка).

Заметим, кстати, еще одно интересное обстоятельство. Предмет a , взятый в любое время, есть один и тот же предмет a . Здесь указание на время не входит в состав термина. Если же мы введем указание на время в термин, т.е. возьмем

термин « a , взятый в t^1 » (« a , который существует в t^1 ») и « a , взятый в t^2 » (« a , который существует в t^2 »), и при этом один из t^2 и t^1 превосходит другой, то обозначаемые ими предметы нельзя рассматривать как один и тот же предмет в силу второго пункта определения. Они суть лишь представители одного и того же класса предметов a . Так что если при задании пространственной структуры A фигурируют названия образующих ее предметов только что рассмотренного вида, то условия для применения предикатов изменения исчезают, и все высказывания об изменениях пространственных структур оказываются непроверяемыми.

Обратимся к временным структурам. Здесь для того, чтобы сказать «та же самая временная структура», требуется, чтобы были теми же самыми образующие ее события. Возьмем простейший случай — структуру B из двух событий b^1 и b^2 . Время существования B есть само это время B . Пусть b^1 произошло в t^1 , а b^2 в t^2 . Пусть интервал между t^1 и t^2 есть время t^1 . Чтобы судить об изменении, надо взять ту же самую структуру B в другое время t^2 . Причем как t^1 и t^1 , так и t^2 и t^2 суть разные времена. Но по определению существования событий события b^1 и b^2 не существуют в t^2 . Если мы возьмем некоторые события, аналогичные b^1 и b^2 , но существующие в t^2 , они по определениям не существуют в t^1 . Так что здесь даже независимо от условия, аналогичного второму условию для пространственных структур, все высказывания об изменениях временных структур нельзя проверить. Здесь нельзя сказать, что временная структура изменилась. Но нельзя сказать, что она не изменилась: чтобы признать, что B не изменилась, нужно воспроизвести те же самые события b^1 и b^2 в t^2 , что невозможно. Таким образом, в силу определений наши высказывания как об изменениях времени (об ускорении, замедлении и т.п.), так и о его неизменности являются непроверяемыми.

Но можно ли считать, что принятие таких высказываний является делом безобидным? Ничего подобного. Если мы приняли утверждение, что временные структуры изменяются, то в силу смысла соответствующих терминов мы

придем к следствиям, противоречащим принятым определениям (например, к заключению, что одно и то же событие осуществляется в разное время). Принятие такого рода высказываний означает неявный отказ от каких-то определений, изменение смысла терминологии и т.п. Это не физические допущения, а всего лишь небрежное обращение со словами.

Единственное, о чем уместно говорить с точки зрения изменений во временных структурах, это об изменении временного интервала между различными представителями классов событий, изменении порядка представителей классов событий и т.п. Но это ничего общего не имеет с изменением временных структур и времени.

Возможна ли такая ситуация, что в одном месте мира время идет иначе (быстрее, медленнее, наоборот), чем в другом? Не говоря уже о том, что вообще бессмысленно говорить о движении времени, если строго относиться к словам и рассматривать движение как вид изменения, здесь присоединяются слова, являющиеся результатом сравнения (например, слово «быстрее»). Оставим в стороне указанную бессмысленность и сформулируем проблему приемлемым образом так: пусть события a^1 и a^2 суть элементы класса событий Ka , а b^1 и b^2 — класса событий Kb . Пусть измерение времени между a^1 и a^2 дало результат $a^1(R^1a)a^2$, а между b^1 и b^2 — результат $b^1(R^2B)b^2$. Чтобы сравнить эти времена, необходим единый способ установления временного отношения как для пары событий a^1 и a^2 , так и для b^1 и b^2 . Лишь после того как мы получим $a^1(R^3y)a^2$ и $b^1(R^4y)b^2$, мы можем высказать свои суждения о временном отношении a^1 и b^1 , с одной стороны, и a^2 и b^2 , с другой стороны, осуществив их сравнение. Например, мы можем сказать, что в некоторой области пространства A сначала происходит c и затем d , а в области пространства B — наоборот, причем в A интервал между c и d вдвое больше, чем в B .

Изменение продолжительности существования индивидов с изменением некоторых условий не есть изменение хода времени. Так, от изменения скорости движения зави-

сит продолжительность существования некоторых микро-частиц. Но видеть в этом пример изменения (замедления или ускорения) хода времени правомерно в такой же мере, как в случае изменения продолжительности жизни людей в зависимости от изменения характера питания.

Рассмотрим, наконец, такой случай. Пусть взята пара одинаковых часов *аиВ*. Пусть *а* оставлены на Земле (*А*), а *В* помещены на тело *В*, которое во время t^1 покидает Землю, движется каким-то образом и во время t^2 возвращается на Землю. Пусть показания *а* и *В* оказываются различными (в *а* произошло нечто, характеризующее величиной *х*, а в *В* — величиной *у*, причем *х* и *у* не равны).

Что можно высказать об указанном факте, соблюдая правила осмысленности употребляемых выражений? Наблюдатель, осуществляющий сравнение *а* и *В* и имеющий какой-то способ измерения времени, в котором он фиксирует t^1, t^2 и интервал *z* между ними, может сказать следующее: показания *а* и *В* различны; за одно и то же время *z* в *а* осуществился некоторый процесс, фиксируемый величиной *х*, а в *В* — процесс того же рода, фиксируемый величиной *у*; этот процесс в одних из часов *аиВ* протекал медленнее (быстрее), чем в других из них. На вопрос о том, сколько прошло времени, нужно поставить другой вопрос: относительно какого способа отсчета времени? И только при этом условии можно дать такие ответы, не противоречащие друг другу:

1) за время *z* прошло время, которое характеризуется величиной *х* (прошло времени *х*), относительно *а*, установленных на *А*;

2) за время *z* прошло время *у* относительно *В*, установленных на *В*;

3) прошло время *z* относительно некоторого способа установления временных отношений;

4) прошло время *х* относительно *а* на *А*;

5) прошло время *у* относительно *В* на *В*.

Пункты (1—5) могут попарно совпадать и различаться, что не играет роли. Но невозможны имеющие смысл выражения «для *А* и *В* прошло разное время», «для *А* и *В* время

текло с различной скоростью» и т. п., ибо они предполагают сравнение и одно и то же время, без которого сравнение логически исключено.

Таким образом, дело не в том, что утверждение о замедлении или ускорении времени неверно. Дело в том, что здесь одинаково бессмысленно как само такое утверждение, так и его отрицание. Здесь имеют место языковые конструкции, похожие на высказывания, но таковыми не являющиеся, ибо входящие в них выражения не имеют смысла (не являются терминами). А бессмыслицу нельзя доказать (подтвердить) и нельзя опровергнуть. Если для каких-либо предметов прошло времени x относительно некоторого способа установления временных отношений a , то для любых предметов за это же время прошло времени x относительно a . Это утверждение есть логическая тавтология, только это обстоятельство здесь скрыто за словесной формулировкой. Оно иначе (и более явно) может быть сформулировано так: для любого предмета a , если для a можно измерить время способом a и если при этом получается величина x , то величина времени для a относительно a характеризуется величиной x .

Необратимость времени

Вопрос об обратимости и необратимости времени есть часть вопроса об изменении времени. Мы его выделили здесь, чтобы привлечь внимание к еще одной детали.

Вопрос об обратимости и необратимости времени смешивают с вопросом об обратимости и необратимости процессов. Но если даже на минуту признать, что это — одна и та же проблема, мы должны считаться с такими фактами.

Если мы наблюдаем превращение A в B , а затем обратное превращение B в A , это не будет возврат во времени: если в t^1 наблюдается A , а затем в t^2 имеет место B , то обратное превращение B в A возможно лишь во время t^3 , следующее за t^1 и t^2 . Кроме того, то A , которое превращалось в B , и то A , в которое превратилось B , это не один и тот же предмет

в силу определения выражения «один и тот же предмет». В результате $B \Rightarrow A$ получается предмет такой же, как A (того же класса), но не тот же A .

Необратимость времени не имеет никаких физических оснований. Временная терминология вырабатывается так (и для таких предметов), что в силу самого способа выработки этой терминологии приходится признать необратимость времени во избежание конфликта с определениями терминов.

Пусть интервал времени t^1 имеет место позже, чем t^2 (т.е. все изменения, происходящие в t^1 , происходят позже всех изменений, происходящих в t^2). Выражение «время обратно» означает (в простейшем случае) следующее: возможны такие t^1 и t^2 , для которых можно изменить временное отношение на обратное (т.е. сделать так, что t^2 будет иметь место позже, чем t^1).

Чтобы ответить на вопрос о том, возможно или нет обернуть время, надо сами временные интервалы (и моменты) рассматривать как индивиды и установить, что будет называться временем существования времени.

Мы не будем восстанавливать все тонкости, связанные с переносом принятых выше определений на такого рода индивиды. Приведем лишь очевидный результат: время существования данного времени t есть само это время t . Так что t^1 не существует в t^2 , а t^2 не существует в t^1 . Если t^2 не существует в t^1 , то t^2 не будет больше существовать никогда. Так что во время t^3 , когда мы хотим получить $t^2 > t^1$, не будет существовать ни t^2 , ни t^1 (поскольку $t^3 > t^1$). Так что t^1 и t^2 неповторимы, и отношение между ними изменить уже нельзя.

Трехмерность пространства

Пространство трехмерно. Для доказательства этого утверждения приведу фрагмент из моей эмпирической геометрии. Примем следующие сокращения:

- 1) ЭТ — эмпирическая точка;
- 2) ЭЛ — эмпирическая линия;

3) ЭП — эмпирическая поверхность;

4) ТЭ — эмпирическое тело.

Д1. Определение эмпирической точки:

ЭТ есть эмпирический индивид, имеющий минимальную пространственную протяженность относительно любого способа установления пространственного порядка.

Всякая ЭТ имеет протяженность. Эта протяженность больше нуля, но минимальная (самая маленькая). Какие конкретно предметы можно считать ЭТ, есть вопрос практического соглашения, зависящего от обстоятельств внелогического характера (подобно тому, как в самом допущении материальных точек в физике не содержится указания на то, какие именно физические тела можно считать материальными точками).

В Д1 определен термин «ЭТ». И хотя в определяющей части фигурирует ссылка на способы установления пространственного порядка, для употребления самого термина «ЭТ» это значения не имеет: здесь эти способы безразличны. И в этом смысле можно сказать, что ЭТ нольмерна.

В дальнейшем буквы α , β , γ , δ будем употреблять как обозначения каких-то классов способов установления пространственного порядка.

Точно так же будут предполагаться любые (или безразлично, какие) классы такого рода. Но здесь безразличие к конкретности этих классов будет иным, поскольку эти символы будут фигурировать в определяемой и определяющей частях определений.

Д2. Определение эмпирической линии:

1) ЭТ есть ЭЛ относительно α ;

2) упорядоченный относительно α непрерывный ряд ЭТ есть ЭЛ относительно α ;

3) нечто есть ЭЛ относительно α только в силу (1) и (2).

Всякая ЭТ есть ЭЛ относительно любого способа установления пространственного порядка, но не всякая ЭЛ есть ЭТ, что очевидно, например, в случае упорядоченного ряда из двух и более ЭТ. Из Д2 следует, что если две ЭТ в данной ЭЛ являются соседними, то они соприкасаются.

Обращаем внимание на следующее важное обстоятельство: в Д1 определено выражение ЭТ, а в Д2 — выражение «ЭЛ относительно a ». Это дополнение «относительно a » появляется здесь вследствие того, что в пункте (2) определения Д2 речь идет об упорядоченном ряде ЭТ, что предполагает заданный класс способов установления порядка. И в этом смысле ЭЛ одномерна.

Д9. ЭЛ A прилагает к ЭЛ B относительно B , если и только если каждая точка A соприкасается по крайней мере с одной точкой B относительно B .

Д10. ЭЛ A и B суть прилегающие ЭЛ, если и только если A прилагает к B или B прилагает к A (или и то, и другое).

Д12. Определение эмпирической поверхности:

1) ЭЛ относительно a есть ЭП относительно пары классов (a , B) способов установления пространственного порядка;

2) упорядоченный относительно B непрерывный ряд прилегающих ЭЛ, каждая из которых есть ЭЛ относительно a , есть ЭП относительно (a , B);

3) нечто есть ЭП относительно (a , B) только в силу (1) и (2).

Всякая ЭЛ есть ЭП, но не наоборот. В определении Д12 определяется не выражение «ЭП», а выражение «ЭП относительно (a , B)». Добавление B связано с тем, что предполагается не только упорядоченность ЭТ в ЭЛ, но и упорядоченность ЭЛ в ЭП. И в этом смысле ЭП двухмерна.

Д13. ЭП A прилагает к ЭП B относительно y , если и только если каждая ЭТ, входящая в A , соприкасается по крайней мере с одной ЭТ, входящей в B , относительно y .

Д14. Две ЭП A и B суть прилегающие относительно y ЭП, если и только если A прилагает к B или B прилагает к A относительно y .

Д18. Определение эмпирического тела:

1) ЭП относительно (a , B) есть ТЭ относительно тройки (a , B , y) способов установления пространственного порядка;

2) упорядоченный относительно y непрерывный ряд прилегающих ЭП, каждая из которых есть ЭП относительно (a , B), есть ТЭ относительно (a , B , y);

3) нечто есть ТЭ относительно (α, β, γ) лишь в силу (1) и (2).

Как видим, «ТЭ» определяется как «ТЭ относительно (α, β, γ) », т. е. относительно трех классов способов установления пространственного порядка. Здесь γ добавляется потому, что рассматривается упорядоченный относительно γ ряд ЭП, которые сами уже двухмерны. И в этом смысле ТЭ трехмерно. Всякая ЭП есть ТЭ, но не наоборот.

Д19. Два ТЭ суть прилегающие относительно δ ТЭ, если и только если одна ЭП одного из них прилегает к какой-либо ЭП другого относительно δ .

Рассмотрим теперь упорядоченный относительно δ непрерывный ряд прилегающих относительно δ ТЭ относительно (α, β, γ) . Поскольку на классы способов установления порядка α, β, γ никаких ограничений не наложено, то вместо них можно взять $\alpha^*, \beta^*, \gamma^*$, представляющие соответственно объединения каждого из α, β, γ с δ . В таком случае рассматриваемый ряд ТЭ будет ТЭ относительно $(\alpha^*, \beta^*, \gamma^*)$, т. е. также будет ТЭ независимо от числа членов этого ряда. И четырехмерность логически сводится к трехмерности. Аналогично сводится к трехмерности пятимерность (через четырехмерность), шестимерность и т.д., — вообще $(n+1)$ -мерность сводится к n -мерности и в конечном счете к трехмерности.

Аналогичное сведение ТЭ к ЭП, ЭП к ЭЛ, ЭЛ к ЭТ невозможно потому, что согласно определениям не всякое ТЭ есть ЭП, не всякая ЭП есть ЭЛ, не всякая ЭЛ есть ЭТ.

Перемещение

Перемещение тел в пространстве (движение) есть частный случай изменения.

Предикат $\Rightarrow$ в случае перемещения имеет такой смысл. Пусть x есть высказывание «Тело a находится в месте β », α и β суть разные места, состояние $\downarrow x$ по времени предшествует $\downarrow y$. При этом $\downarrow x \Rightarrow \downarrow y$ читается сокращенно так: «Тело a переместилось (перемещается) из места α в место β ».

Выражение «тело **а** перемещается (движется)» двусмысленно.

Оно может означать, что имеет место переходное состояние $\downarrow(\sim x \wedge \sim y)$. Но его можно эксплицировать так: в данное время t может быть указана область пространства α такая, что неверно «тело **а** находится в α » и неверно «тело **а** не находится в α ».

Выражение «**а** переместилось из α в β » по определению означает, что в некоторое время t^1 предмет **а** находился в месте α , а во время t^2 — в месте β , причем $t^2 > t^1$. Выражение «**а** не переместилось из α » (пребывает в α) означает, что **а** находился в α как в t^1 , так и в t^2 , причем в любое время между t^1 и t^2 предмет **а** был в α .

Но возникает вопрос: возможно или нет, чтобы один прибор или человек **А** отметил нахождение **а** в месте α во время t , а другой прибор или человек **В** отметил нахождение **а** в другом месте β в то же самое время t ? Вспомним определение разных мест. Согласно этому определению: если α и β суть непересекающиеся места, то **а** не может одновременно находиться в разных местах с точки зрения одного и того же способа установления порядка. Так что если различие **А** и **В** означает различие способов установления порядка, то мы не можем считать α и β разными местами. А если различие **А** и **В** означает различие в рамках одного и того же способа установления порядка, то указанная выше ситуация невозможна.

Если принято определение разных мест как непересекающихся (не имеющих общих точек), то из него логически следует невозможность мгновенных перемещений. Перемещение тела **а** из места α в другое место β считается мгновенным, если и только если **а** находится во время t в α и в то же самое время оказывается в β . Но если по определению разных мест какое тело **а** не может находиться сразу в α и β , то мгновенное перемещение невозможно. Так что допущение мгновенных перемещений есть чисто физическое допущение. Оно правомерно лишь как намерение не учитывать время, затраченное в том или ином случае на переме-

шение, или как допущение абстрактных предметов, способных перемещаться во времени.

Парадокс движения

В большинстве случаев на вопрос: «Может ли физическое тело находиться и в то же самое время не находиться в данном месте?» — отвечают отрицательно. И в большинстве случаев мотивы отрицательного ответа заслуживают критики.

«Физическое тело не может находиться и в то же самое время не находиться в данном месте потому, что таков мир» — так часто отвечают на поставленный выше вопрос. Действительно, в нашем опыте не встречаются случаи, противоречащие такому ответу. И никогда не встретятся. Но причина этого принципиально отличается от причин того, что не встречаются лошади с десятью рогами и зайцы с лошадиными копытами. Причина этого заключается в том, что мы употребляем знаки «и» и «не», а высказывание «Физическое тело находится в данное время в данном месте» есть частный случай высказывания. И никакой иной премудрости здесь не заключено.

Трудность устранения всяких парадоксов заключается прежде всего в том, чтобы строго описать, как они получаются. Так обстоит дело и в данном случае. Откуда берется утверждение «Движущееся тело находится и в то же самое время не находится в данном месте»? Является результатом эмпирического наблюдения? Нет. Логически невозможное невозможно и фактически, а невозможное (и несуществующее) нельзя наблюдать. Значит, оно принимается как аксиома или получается как следствие из других утверждений. Как аксиома оно не может быть принято, поскольку оно логически противоречиво (неистинно в силу свойств конъюнкции «и» и отрицания «не»). Значит, оно есть следствие каких-то других допущений. Каких именно?

Эмпирически замечены случаи, когда о перемещающемся предмете нельзя сказать, что он находится в некотором

месте, и нельзя сказать, что он не находится в этом месте, т.е. когда имеет место переходное состояние. Если $P(a)$ есть высказывание « a находится в α », то в отношении переходного состояния верно высказывание

$$1) \sim P(a) \wedge \sim \neg P(a).$$

Но если не различают два отрицания, т.е. не различают $\sim$ и $\neg$, а последнее воспринимают как $\sim$, то переходное состояние ошибочно описывают высказыванием

$$2) \sim P(a) \wedge \sim \sim P(a).$$

Поскольку имеют силу правила логики

$$3) \sim \sim P(a) \vdash \vdash P(a),$$

из (2) и (3) получается

$$4) \sim P(a) \wedge P(a).$$

Парадокс есть результат ошибки, суть которой заключается в следующем: с самого начала допускается неклассический случай, для которого предполагаются три возможности: $P(a)$, $\neg P(a)$, $\sim P(a) \wedge \sim \neg P(a)$, а применяют правила для классического случая, для которого допускаются только две возможности: $P(a)$, $\neg P(a)$.

Мир в целом

Мир (Вселенная) есть скопление эмпирических индивидов, в которое включаются все эмпирические индивиды, т.е. если x есть переменная для эмпирических индивидов, то

$$\vdash (\forall x)(x \in \text{Мир}).$$

Из определения следует единственность Мира в смысле такого утверждения

$$\vdash (\forall x)(\forall y)((x \in \text{Мир}) \wedge (y \in \text{Мир})) \rightarrow (x = y),$$

где x и y суть индивидные переменные (т.е. если x есть Мир и y есть Мир, то термины x и y тождественны по значению или x и y суть один и тот же индивид).

Из определения также следует:

$$E(\text{Мир}) \vdash \vdash (\exists x) E(x),$$

$$\neg E(\text{Мир}) \vdash \vdash (\forall x) \neg E(x),$$

т.е. Мир существует, если и только если существует хотя бы один эмпирический индивид, и Мир не существует, если и только если не существует ни один эмпирический индивид.

Мир есть скопление индивидов, и к нему (как ко всякому скоплению) применимы предикаты, определенные для скоплений. Но здесь нужно соблюдать осторожность, связанную с особенностью определения этого скопления и с двусмысленностью языковых выражений со словами «возникает», «бесконечен» и т. п.

Возьмем выражение «Мир не возник во времени» (или «Мир не имеет начала во времени», «Мир вечен в прошлом» и т.п.). Оно двусмысленно. Во-первых, его можно понимать как отрицание утверждения «Мир возник во времени», которое есть сокращение для

$$\neg E(\text{Мир}) \Rightarrow E(\text{Мир})$$

и в котором Мир берется просто как эмпирический индивид. Но чтобы принять или отвергнуть такое утверждение, необходимо иметь точку отсчета времени — некоторое эмпирическое событие a , иметь метки времени — эмпирические события $b^1, b^2, \dots$, иметь возможность наблюдать состояние $\downarrow \neg E(\text{Мир})$, причем индивиды $a, b^1, b^2, \dots$ не должны включаться в Мир. А это исключено по определению. Если же $a, b^1, b^2, \dots$ включаются в Мир, то из определений и из $E(a), E(b^1), E(b^2), \dots$ получим, что $E(\text{Мир})$, т.е. состояние $\downarrow \neg E(\text{Мир})$ невозможно наблюдать в принципе. Таким образом, в рассматриваемом смысле наше утверждение неопределенно, т.е. неверно, что «Мир возник», и неверно, что «Мир не возник».

Таким образом, мы имеем нечто противоположное кантовским антиномиям: отрицание обоих противоположных суждений. Но здесь это не ведет к противоречию, поскольку имеется третья возможность — неопределенность.

Второй смысл рассматриваемого утверждения заключается в следующем. Мир рассматривается как процесс, т.е. как ряд различных состояний во времени. При этом наше утверждение означает, что этот ряд не имеет начального элемента, т.е.

$$(\forall x)(\exists x)(x > \alpha),$$

где x и y суть переменные для состояний Мира, а α — способ упорядочивания их во времени относительно некоторого события, принадлежащего к Миру (здесь это не запрещается).

Оставляя без внимания вопрос о том, можно или нет проверить это утверждение практически, с чисто логической точки зрения оно осмысленно и не вступает в конфликт с принятыми определениями. В частности, из того, что Мир не имеет начала во времени (во втором смысле), не следует невозможность его существования.

Аналогично нельзя принять и отвергнуть утверждение о том, что Мир не перемещается в пространстве, если рассматривать просто Мир как индивид, так как невозможны тела, относительно которых фиксируются перемещение или покой Мира и которые не включались бы в Мир.

Правила предикторизации для субъектов с выражениями «Мир в пространстве» и «Мир во времени» одинаковы с правилами для субъектов с выражениями «пространство» и «время». Так что практически эти выражения употребляются как синонимы. Эксплицировать их можно разными способами, в частности так.

Мир актуально (потенциально) конечен в пространстве относительно класса способов установления пространственного порядка A , если и только если $(\forall x)(\exists a)(\forall b)((x \in A) \rightarrow (a \geq xb))$, где a и b суть переменные для эмпирических индивидов, а x — для способов пространственного порядка (соответственно $(\forall x)(Ma)(\forall b)((x \in A) \rightarrow (a \geq xb))$). Мир актуально (потенциально) бесконечен в пространстве относительно A , если и только если $(\forall x)(\forall b)(\exists a)((x \in A) \rightarrow (b \geq xa))$ (соответственно $(\forall x)(\forall a)(Mb)((x \in A) \rightarrow (b > xa))$). Логически не исключено, что для некоторого A Мир не конечен и не бесконечен. Мир конечен (бесконечен) во времени в прошлом относительно β , если и только если $(\exists x)(\forall y)(x \leq \beta y)$, (соответственно $(\forall x)(\exists y)(y < \beta x)$), где β есть способ установления временного порядка, а x и y суть переменные для эмпирических изменений. Мир конечен (бесконечен) во времени в будущем относительно β , если и только если $(Mx)(\forall y)(y \leq \beta x)$ (соответственно $(\forall x)(My)(y > \beta x)$). Выражения «Мир потенциально конечен (бесконечен) в прошлом» и «Мир актуально конечен (бесконечен) в будущем» лишены смысла.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Общим для всех возможных экспликаций рассматриваемых утверждений является то, что они не являются логически истинными и логически ложными, — они независимы от положений логики и логически выполнимы. Логически невыполнимы лишь их противоречивые комбинации.

Из определений, приведенных выше, следует, что утверждение «Мир не является конечным и не является бесконечным в пространстве относительно некоторого А» логически выполнимо.

Бесконечность и конечность Мира в пространстве можно определить через движение тела. Но эти определения будут более узкими. Кроме того, они требуют еще целой системы терминов, которых в нашем распоряжении здесь еще нет, т. е. они логически более сложны.

Конечность и бесконечность пространства и времени имеют определяющую часть такую же, как и конечность и бесконечность Мира в пространстве и времени. И в этом смысле выражения «пространство (время) конечно (бесконечно)» тождественны выражениям «Мир конечен (бесконечен) в пространстве (во времени)».

Материя

Все известные мне философские онтологические учения (включая диалектический материализм) не истинны и не ложны, поскольку фигурирующие в них языковые выражения не определены в соответствии с правилами логики. Они просто бессмысленны. Возьмем слово «материя», являющееся своего рода божком марксизма. Общеизвестно определение материи, приписываемое Ленину и считавшееся вершиной философской премудрости: материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях. Согласно правилам логики, определение такого типа разделяется на определяемую часть, которую образует или в которую входит определяемый термин (в данном случае — слово «материя»), и определяющую часть, в которую входят термины, смысл которых должен быть известен (и понятен!) до

построения определения и независимо него. В данном случае в определяющую часть входят выражение «объективная реальность» (родовой термин) и «данная нам в ощущениях» (видовой термин). А что такое объективная реальность? Думаете, это понятнее, чем материя? Попробуйте, найдите ей мало-мальски вразумительное определение, и вы сами убедитесь в том, что тут ясности ничуть не больше, чем в отношении материи. Одна неясность заменяется другой, и создается иллюзия понимания. А что означает «данная нам в ощущениях»? Все пояснения на этот счет не идут дальше ссылки на существование предметов вне головы и примеров таких предметов: мол, например, столы, дома, деревья и т.п. Но это — лишь пояснение того, что такое материальный предмет, а не материи, подобно тому, как примеры отдельных деревьев не суть примеры леса в целом. Чтобы дать точное определение материи как скопления (совокупности) материальных предметов, нужна довольно сложная логическая техника и предварительное определение комплекса других терминов, о чем автор рассматриваемого определения материи и миллионы заучивавших это определение как вершину премудрости людей не имели ни малейшего представления.

Напоминание

Читатель должен всегда помнить, что все утверждения логической онтологии, включая логическую физику, суть экспликация языковых выражений, употребляющихся в общеразговорных и специальных языках, а не обобщение данных конкретных наук в том смысле, как это понимается в сочинениях философов и популяризаторов достижений конкретных наук. В моей логической физике доказываются многочисленные утверждения (именно доказываются!), которые радикально меняют привычные представления о мире. Кроме приведенных выше утверждений, могу, например, привести еще такие:

о существовании минимальных длин и временных интервалов (которые больше нуля!), о существовании мини-

мальных скоростей (откуда следует невозможность мгновенных перемещений тел), о непрерывности и, вместе с тем, дискретности пространства и времени, о невозможности путешествий во времени, о невозможности второго существования одного и того же индивида, о существовании максимальной скорости перемещения тел, о невозможности движения двух тел одновременно друг вокруг друга, о неопределенности утверждения о расширении или сужении мира (в целом) и многие другие.

Третий аспект логического интеллекта

Как было сказано в самом начале этой работы и повторялось неоднократно, логический интеллект человека есть единство трех аспектов — языкового (знакового), бытийного и познавательного. Чтобы рассмотреть их более или менее систематично, мы должны все-таки различать их и при рассмотрении каждого акцентировать внимание на его особенностях, предполагая другие, но на время отвлекаясь от их особенностей. Мы рассмотрели два из них. Теперь нам предстоит рассмотреть третий. Это будет продолжением описания языка и бытия, но с точки зрения свойств тех действий, которые человек (исследователь, субъект) предпринимает с целью приобретения знаний о бытии, для познания последнего. Будем такие действия называть познавательными.

Исследуемые объекты обладают какими-то признаками. И применяемые исследователем средства тоже обладают своими признаками. С помощью этих средств исследователь отражает признаки познаваемых объектов, создает их субъективные образы. Но признаки наших познавательных средств не являются отражениями (образами) признаков познаваемых объектов. Кажется, это должно быть очевидно. Например, тот факт, что наши суждения об объектах состоят из понятий и логических операторов, обусловлен свойствами употребляемых нами знаков, а не свойствами обозначаемых

ими объектов. Свойства микроскопа, с помощью которого мы разглядываем бактерии, не являются образами свойств бактерий. Но в практике познания всегда имела место и до сих пор имеет место чудовищная путаница на этот счет. Далеко не всегда можно строго различить, что идет от средств познания и что от познаваемых объектов. Объективизация субъективного и субъективизация объективного суть обычные явления даже в рамках науки, не говоря уж о том, что творится вне ее. Классическим примером на этот счет может служить ситуация в современной физике.

Объективизация субъективных средств измерения пространственно-временных характеристик и отношений физических объектов, какую тут можно видеть на высшем уровне науки, ничуть не уступает мракобесию прошлого, порожденного невежеством.

Для изучения познавательного аспекта интеллекта естественно выбрать такую сферу человеческой деятельности, в которой этот аспект наиболее развит, — сферу науки, в которой познание является профессиональным делом особой категории людей. Так что логическая методология есть методология научного познания (исследования).

Методология частных наук

Логика едина для всех наук. Не существует и не может быть никакой особой логики для той или иной науки (физики, химии, истории, математики и т.д.), отличной от логики для других наук. Но деятелей частных наук интересуют не разговоры о науке вообще, а методологические проблемы своей науки, да к тому же выступающие для них в форме конкретных проблем этой науки, так что нельзя ли в логике построить разделы, специально и непосредственно рассчитанные на интересы потребителя такого рода?

Конечно, кое-что здесь можно сделать. А именно следующее. Пусть дана некоторая наука с ее особыми методологическими проблемами. В логике можно выбрать такие разделы, которые более всего подходят к логическому типу ме-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

тодологических проблем этой науки. Изложить эти разделы можно на примерах понятий, утверждений, теорий данной науки. Наконец, в логике какие-то разделы можно развить более детально и в таком направлении, чтобы это соответствовало интересам данной науки.

Мы ни в коем случае не отвергаем педагогическую и просветительную роль логики в упомянутом выше случае. Мы только хотим здесь обратить внимание на два обстоятельства. Пропаганда логики с целью сделать ее участником исследований в конкретных науках неизбежно сталкивается с дилеммой: если логика как наука общедоступна, она тривиальна и практически бесполезна; если же логика не тривиальна и может иметь серьезное научное значение, она доступна лишь сравнительно узкому кругу специалистов при условии значительных затрат ума и времени. И вряд ли можно рассчитывать на то, что эта дилемма будет решена массовым порядком.

Второе обстоятельство состоит в том, что сказанное выше об ориентации логики на интересы той или иной науки есть либо разработка логики как особой науки, либо разъяснение ее результатов особой группе лиц, работающих в некоторой частной науке, но еще не есть решение методологических проблем этой науки. Последнее может быть найдено не в терминах одной только логики, но в терминах самой этой науки. Решение методологических проблем физики, химии, истории, математики и т.д. есть исследование в области физики, химии и т.д.

По содержанию специальная методология той или иной науки есть совокупность исследований, включающая обработку языка данной науки (ее терминологии и утверждений), исследование, усовершенствование и изобретение ее теорий, выявление и исследование ее эвристических допущений, исследование, усовершенствование и изобретение ее эвристических правил — т.е. вся та работа, которую выполняют так называемые теоретики данной науки (а не логики и методологи вообще). И результатом этой работы является совершенствование данной науки как системы знаний, а не

конструирование особой систематически построенной методологии этой науки. Методология данной науки исчезает в теле самой науки, а не образует особое тело наряду с ней.

Возникают следующие вопросы:

1) могут ли представители той или иной частной науки своими силами решить методологические проблемы своей науки без участия профессиональной логики;

2) может ли разработка методологических проблем наук сама по себе стать вкладом в некую общую методологию науки?

Ответ на эти вопросы зависит от характера проблем и от состояния логики. Некоторые проблемы примитивны с логической точки зрения, и методологи конкретной науки сами могут справиться с ними. Некоторые проблемы таковы, что в профессиональной логике в ее данном состоянии найти помощь невозможно, и специалисты конкретной науки сами вынуждены искать их решение. Однако фактическое положение в истории науки и логики было (и остается!) таково, что, делая отчасти добро для логики, представители конкретных наук причиняли ей и зло. Причем трудно измерить, чего больше. Так, решив некоторые проблемы оснований математики и заразив логику математизацией, математики фактически угробили логику как самостоятельную науку, породив в ней массу заблуждений и предрассудков. Еще более основательно поработали в этом направлении физики, засорив логику вздорными идеями и внося огромный вклад в идеологическое помутнение умов. И самый ощутимый ущерб логике и вклад в идеологическое обольщение людей внесли те, кто занимался методологией социальных исследований. Логика оказалась в таком состоянии, что даже при желании использовать ее для решения методологических проблем упомянутых (и других) наук стало невозможным. В интеллектуальной сфере человечества сложилась такая ситуация, что разработка логики с ориентацией на использование ее для решения методологических проблем науки оказалась под запретом.

Логическая методология (в моем понимании) должна исходить из той ситуации, которая сложилась в конкрет-

ных науках с точки зрения их методологических проблем, ориентироваться на решение этих проблем. Но решать их она должна своими средствами. И не по отдельности, не как множество разрозненных и независимых друг от друга частных проблем и не изолированно от прочих разделов логики, а в контексте логической теории в целом и как части этой теории.

Наука и научный подход

Слово «наука» неоднозначно. Наукой называют более или менее систематизированную совокупность знаний, для овладения которыми требуется профессиональное обучение. Наукой называют также профессиональную деятельность по добыванию знаний. В таком смысле в число наук попадают не только признанные науки — физика, химия, биология и т.д., но и алхимия, астрология, магия, теология, кулинария и т.п. Наукой называют также лишь определенного типа знания и способы приобретения знаний (исследования), удовлетворяющие определенным критериям, — определенный подход к изучаемым объектам, определенный способ мышления и исследования. Буду такой подход к исследуемым объектам (такой «поворот мозгов») называть научным.

Далеко не все, что делается в сфере профессиональных исследований, может служить примером научного подхода к изучаемым объектам. Не все, что делается вне этой сферы, должно быть отнесено к ненаучному подходу. Научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. В общей форме правила такого подхода к изучаемым объектам выглядят очень простыми и бесспорными. К их числу относится прежде всего принцип субъективной беспристрастности, т.е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет. Сам по себе научный подход не гарантирует истину. Он мо-

жет впадать в заблуждения. Но его целью является все-таки истина, а не воздействие на умы и чувства людей, не имеющее ничего общего с познанием. Фраза «Платон мне — друг, но истина дороже» тут не просто крылатое изречение, а обязательное правило.

Научный подход, далее, означает то, что исследователь в познании объектов исходит из наблюдения реально существующих объектов, а не из априорных (предвзятых) представлений, мнений, предрассудков. Если таких объектов нет в реальности, то не может быть никакой науки о них. Измышления о несуществующих эмпирически объектах наукой не являются. Это вроде бы очевидно. Но фактически этот принцип постоянно нарушается и даже умышленно игнорируется не только на уровне обывательского мышления, но и в сфере профессиональной науки.

Научный подход к изучаемым объектам предполагает следование правилам логики и методологии науки. И это требование кажется бесспорным, само собой разумеющимся. Вряд ли вы найдете человека, который с ним не согласился бы. И опять-таки фактически лишь ничтожное число исследователей и в ничтожной мере следуют ему. Почему? Конечно, многие умышленно нарушают правила, о которых идет речь. Но это не значит, будто они знают эти правила. Обычно они их не знают вообще или знают на самом примитивном уровне.

Мало сказать, что исследователь должен следовать правилам логики и методологии науки. Важно, как понимаются сами эти правила, каков их ассортимент, насколько они соответствуют потребностям познания. Если, например, вы хотите строго определять понятия, но не знаете различий между определениями и утверждениями, а из видов определений знакомы только с самыми примитивными определениями путем указания родовых и видовых признаков объектов, то вашему намерению грош цена. А попробовав найти в логических сочинениях полезные советы на этот счет, вы убедитесь, что хорошо разработанной, общепринятой и пригодной для неспециалистов в логике теории такого рода

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

не существует. Так обстоит дело и с прочими разделами логики и методологии науки.

Научный подход не есть нечто одинаковое для всех людей и для всех ситуаций познания. Он может иметь различные степени развитости, различные степени четкости, различные степени «растворенности» (концентрации) в общем объеме мышления и познания. Обычные, средненормальные люди так или иначе овладевают какими-то элементами научного подхода или даже сами открывают их, не отдавая себе в этом отчета. И даже выдающиеся мастера научного подхода так или иначе покидают позицию научного подхода и отдаются во власть обывательского и идеологического способа мышления.

Науки различаются прежде всего изучаемыми объектами (предметными областями, сферами исследования). Для нас здесь важно разделение объектов на эмпирические и абстрактные.

Эмпирические объекты

Объекты, которые отражаются исследователем посредством его природного (чувственного) аппарата отражения (которые воздействуют на этот аппарат — ощущаются, воспринимаются, наблюдаются и т.п. исследователем), будем называть реальными эмпирическими объектами. Вопрос о существовании таких объектов решается (в конце концов) в зависимости от возможности их наблюдения (данным исследователем или другими исследователями, свидетельствам которых он доверяет). Если на основе каких-то имеющихся данных исследователь судит о существовании какого-то объекта в прошлом или в местах, в которых он не может осуществлять наблюдение, то неявно принимается допущение: если бы исследователь смог переместиться в пространстве или во времени в соответствующее положение относительно этого объекта, то последний был бы доступен наблюдению.

Реальные эмпирические объекты не вечны, изменчивы, существуют в определенной среде, в определенной области

пространства и в определенное время, являются следствиями каких-то причин и сами порождают какие-то следствия, обладают бесконечным числом различных признаков и т.п. Высказывания о них могут иметь различные значения истинности в зависимости от времени и области пространства.

Гипотетические эмпирические объекты суть объекты, которые характеризуются следующими чертами. Сами по себе они не наблюдаются, наблюдаются последствия их воздействия на другие наблюдаемые объекты. Существование этих объектов допускается для каких-то определенных целей. Эти объекты (как и реальные) принимаются как возникающие и исчезающие, как изменчивые и т.п. Основные принципы их допущения:

1) логическая непротиворечивость высказываний о них, отсутствие противоречий между этими высказываниями и признанными положениями данной науки;

2) разрешимость проблемы, ради исследования которой они принимаются.

Пример гипотетических эмпирических объектов — микрочастицы в физике. Возможно различать уровни или степени таких объектов.

Науки, изучающие эмпирические объекты, называются опытными.

Абстрактные объекты

Исследователь может принять решение в некотором акте познания не принимать во внимание некоторые признаки объектов (исключающе-негативная абстракция) или принимать во внимание только некоторые определенные признаки объектов (выделяюще-позитивная абстракция). Это решение может быть реализовано в отдельных случаях путем выбора предметной области, в которой исследуемые объекты действительно обладают указанными признаками, или путем искусственного создания ее. И в этих случаях исследуемые объекты остаются эмпирическими, взятыми лишь в определенных условиях наблюдения.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Иначе будет обстоит дело, если принимается решение отвлечься от таких признаков объектов, без которых эмпирические объекты вообще или объекты данной области исследования в частности не могут существовать. Аналогично при выделяющей абстракции, поскольку решение рассматривать только какие-то признаки означает решение не рассматривать прочие. Например, исследователь решает не принимать во внимание размеры и форму физических тел при рассмотрении их движения, считая, что эти тела не имеют пространственных размеров (суть «материальные точки»).

Реализацией этого решения является допущение особых объектов, которые являются абстрактными (или идеальными). Эти объекты не существуют эмпирически по самому характеру их допущения. И исследование их уже не будет процессом наблюдения.

Абстрактные объекты вводятся в науку следующим образом. Исходные (или первичные) абстрактные объекты вводятся путем обычных определений с дополнениями относительно исключения признаков, о которых говорилось выше. Суть этих определений можно представить схемами.

Схема 1. Принимается определение: термином s будет называться объект, который имеет признаки $P^1, \dots, P^n$ ($n > 1$) и не имеет признаков $Q^1, \dots, Q^m$ ($m > 1$). При этом признаки Q^i таковы, что эмпирический объект (вообще или в данной предметной области) без них не существует. Если некоторый эмпирический объект имеет признаки P^j , то он имеет и признаки Q^i , если он не имеет какого-то признака из Q^i , то он не имеет и признаков P^j .

Схема 2. Принимается определение: термином s будет называться объект, который имеет признаки $P^1, \dots, P^n$, и если из этого соглашения и других принятых в данной науке утверждений не следует, что s имеет признак Q^1 , то s не имеет этого признака. При этом Q^1 есть необходимый признак эмпирических объектов, т.е. если некоторый эмпирический объект имеет признаки P^j , то он обязательно имеет и признак Q^1 . В данном случае объекту s приписываются толь-

ко определенные признаки P^j и признаки, принадлежность которых объекту вытекает логически из принятых утверждений и определений. Этому определению точно так же можно придать вид системы аксиом, определяющей s как первичный термин.

Объекты, обозначаемые терминами, введенными по схемам 1 и 2, называются исходными абстрактными объектами. В определение терминов исходных абстрактных объектов не входят другие термины абстрактных объектов, кроме вновь вводимых терминов.

Исходный абстрактный объект существует, если и только если соблюдены правила определения при введении его термина и из определения его термина и других определений и утверждений данной науки не следует логическое противоречие при условии, что эти другие определения и утверждения непротиворечивы.

Из определений следует: исходный абстрактный объект либо существует, либо не существует, а неопределенность исключается.

Поскольку определения исходных абстрактных объектов в принципе стремятся сделать такими, чтобы выполнялись правила логики, то эти объекты всегда предполагаются существующими (точки, линии, числа и т.п. считаются данными).

Производные абстрактные объекты суть объекты, термины которых определяются через термины исходных абстрактных объектов.

Вопрос о существовании производных абстрактных объектов решается посредством рассуждений, т.е. посредством вывода соответствующих утверждений или их отрицаний из определений исходных абстрактных объектов или установления невозможности построить такие выводы. Здесь возможны по крайней мере три исхода: доказательство существования, доказательство несуществования и установление неразрешимости проблемы существования.

Признаки производных абстрактных объектов выясняются также посредством рассуждений. И здесь возможны три исхода.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

1) Исходные и производные абстрактные объекты суть абстрактные объекты.

2) Высказывания об абстрактных объектах универсальны.

3) Если **a** есть термин абстрактного объекта, а **b** — эмпирического, то $\sim(a - b)$ и $\sim(b - a)$. Отношения терминов абстрактных и эмпирических объектов устанавливаются иначе, а именно посредством операции, называемой интерпретацией.

Интерпретация абстрактного объекта s^1 заключается и следующим:

1) абстрактному объекту s^1 ставится в соответствие объект s^2 (в частности, эмпирический);

2) s^2 подбирается с таким расчетом, чтобы для любого x выполнялось утверждение $x \rightarrow y$, где y образуется из x путем замены s^1 на s^2 .

Абстрактный объект, имеющий интерпретацию, называется реальным абстрактным объектом, а не имеющий таковой — гипотетическим. Цель введения последних — интересы дедукции.

Совокупность определений и утверждений, содержащих термины абстрактных объектов, образуют исчисление. В настоящее время с понятием «исчисление» ассоциируют также введение специальной символики, установление точного перечня правил вывода. Но это уже касается технического совершенства исчислений.

Поскольку термины абстрактных объектов не имеют эмпирических двойников, то сами эти термины начинают рассматривать как исследуемые объекты. И в этом есть резон, ибо все определения и утверждения касаются смысла этих терминов. При таком понимании исчисления принимают характер формальных систем, а правила рассуждения выступают как операции с этими объектами. Этот шаг терминологически упрощает изложение, но вместе с тем он делает еще менее заметной связь с эмпирической основой.

Абстрактные объекты изобретаются как средство для исследования эмпирических объектов. Однако в силу раз-

деления труда в науке изобретение и исследование их обособляется от исследования эмпирических объектов в форме развития особых наук, часто называемых точными или дедуктивными. Интересы и потребности точных наук служили основным стимулом развития логики в двадцатом столетии. И в силу особенностей абстрактных объектов логика стала методологией точных наук.

Доказательство

Одним из важнейших методов точных наук является доказательство. Но как это ни странно, в логике до сих пор отсутствует общепризнанная теория доказательства. В моей логической концепции была предложена такая теория для этой цели. Согласно этой теории, высказывание можно считать доказанным в таких и только таких случаях:

- 1) x есть теорема логики;
- 2) x есть определение, часть определения или следствие из определения, и в этом случае x есть теорема логики;
- 3) x есть допущение, и в этом случае допущение «пусть x доказуемо» ничем не отличается от допущения «пусть x логически истинно».

Короче говоря, мы не допускаем никаких иных источников доказуемости, кроме определений терминов и логических операторов и следствий из них. Некая очевидность утверждения не есть его доказательство.

Логическое исчисление, интерпретируемое как теория доказательства, строится как «надстройка» над общей теорией дедукции, — расширяется алфавит последней и принимаются дополнительные аксиомы,

Познавательные действия

Опытные науки возникли сравнительно недавно. Их значение в жизни людей стремительно возрастало. Нет "надобности говорить о том, какого уровня оно достигло в наше время. Изобретались и совершенствовались и средс-

тва опытного познания. Возник и интерес к ним в логике. В конце XVI века зародилось новое направление в логике, отличное от аристотелевского, — индуктивная логика. Основателем ее явился Фрэнсис Бэкон. В этом направлении было сделано немало интересного и полезного для науки. С возникновением «математической» логики это направление было отброшено на задний план и почти совсем заглушено. Инициативу в исследовании познавательных действий опытного исследования захватили люди, занимавшиеся методологическими проблемами частных наук. Возникла особая сфера, получившая название философии естествознания. Характерная черта всех их — игнорирование логики, полное невежество в логике, сужение предмета логики, ложное понимание задач и результатов логики. Это состояние является доминирующим до сих пор.

А между тем богатейший арсенал познавательных действий, накопленных в опытных науках, может быть описан и обработан в рамках логики. Назову для примера некоторые из них, являющиеся общеизвестными хотя бы по названиям: выбор (выделение), сопоставление, сравнение, обобщение, ограничение, анализ (разделение), синтез (соединение), интерполяция, экстраполяция, классификация, эксперимент, моделирование, систематизация, аналогия, построение теорий и т.д. Для всех них могут быть установлены (и отчасти это уже сделано) строгие логические правила. Причем эти правила могут быть приведены в систему по правилам построения самих логических исчислений. Благодаря этому становится возможным изобретение новых познавательных средств. И само собой разумеется, могут быть преодолены методологические трудности, занимающие внимание многих мыслителей, и идеологические предрассудки, в изобилии порождаемые прогрессом опытного познания.

Наблюдение

Основу опытных наук образует наблюдение эмпирических объектов. В случае наблюдения, рассматриваемого

в чистом виде (отвлеченно от других познавательных операций), исследователь распоряжается своими познавательными средствами, но не вмешивается в состояние наблюдаемых объектов. Он лишь выбирает объекты в том смысле, что отличает от других, сосредоточивает на них внимание, отвлекается от других. Говоря логическим языком, он абстрагирует исследуемые объекты (совершает выделяющую абстракцию) и абстрагируется от других (совершает исключющую или изолирующую абстракцию). Изобретены многочисленные правила наблюдения. Исследователи профессионально обучаются им на конкретном материале своих наук. Систематическое логическое исследование этих правил, насколько мне известно, не производилось. Приведу в качестве примера одно из таких правил.

Исследователь вправе выбрать для наблюдения объекта наиболее удобную с точки зрения исследования ситуацию. Например, наилучшим в свое время местом для наблюдения капитализма была Англия (Смит, Рикардо, Маркс), а для наблюдения демократии — США (Токвилль). В Советском Союзе наиболее отчетливо наблюдался коммунизм. В естественных науках это правило есть нечто само собой разумеющееся. А тот факт, что при этом совершаются логические операции, влияющие на результаты исследования, остается обычно неосознанным.

На уровне наблюдения вводятся термины, обозначающие наблюдаемые объекты. Это — активная операция, причем — не такая уж простая, как это кажется тем, перед кем не вставала такая проблема. Обычно при наблюдении новых объектов люди используют уже имеющуюся терминологию. Отсюда — многозначность терминов, являющаяся бичом научного познания. Порою она вообще исключает научный подход к наблюдаемым объектам, поскольку используемые термины имеют смысловую нагрузку. Это ведет к смешению объектов, — одна из самых распространенных логических ошибок.

На уровне наблюдения происходит расширение и сужение сферы наблюдения, что фиксируется в языке операци-

ями обобщения и ограничения терминов. Производится сравнение объектов и фиксирование их упорядоченности в пространстве и времени, а также классификация множеств объектов. При этом исследователь, повторяю, активно распоряжается своими действиями в качестве наблюдателя и результатами наблюдений. С этим связана логическая ошибка: результаты субъективной деятельности по отбору, комбинированию и упорядочиванию результатов наблюдений выдаются за описание самой реальности. Эта ошибка используется зачастую как сознательный прием фальсификации реальности. Она является обычным явлением в сфере социальных объектов.

Наблюдение бывает простым и сложным, состоящим из множества отдельных актов наблюдения. Эти акты упорядочиваются. Упорядоченное наблюдение имеет место при фиксировании в языке изменений и связей объектов. Об этом уже говорилось в разделе «Онтология». Добавлю к сказанному еще следующие соображения по поводу индукции.

Индукция

В индуктивной логике рассматривались законы индукции, о которых я уже упоминал в другой связи. Они рассматривались как законы открытия причинных связей. Сформулирую их еще раз в несколько ином виде, поскольку они сохраняют значение в опытном исследовании.

Закон сопутствующих изменений: если каждый раз вслед за возникновением **A** возникает **B**, то **A** есть причина **B**.

Закон остатка: если среди множества явлений, предшествующих появлению **B**, ни одно из них, кроме **A**, не есть причина **B**, то **A** есть причина **B**.

Закон единственного различия: если две ситуации, в которых возникает **B**, одинаковы во всем, кроме того, что в одной из них появлению **B** предшествует появление **A**, а в другой — нет, то **A** есть причина **B**.

Им можно придать другую формулировку. Число их можно увеличить. Разумеется, они не абсолютно безупреч-

ны, что в свое время было известно в кругах логиков и философов. Для нас здесь важно одно: они рассматривались именно как приемы опытного исследования.

Ниже я приведу правила генерализации (или индукции), являющиеся правилами получения общих высказываний вида $(\forall a)X$. В таком виде я излагаю их в моей логической методологии.

Пусть высказывание $(\forall a)X$ не может быть получено из высказываний $Y^1, \dots, Y^n$ по правилам логического следования. В некоторых случаях, однако, признав истинность $Y^1, \dots, Y^n$, признают истинным и $(\forall a)X$. При этом люди иногда угадывают, что $(\forall a)X$; иногда со временем убеждаются, что $\sim(\forall a)X$, и принимают соответствующие меры; иногда с самого начала знают, что $\sim(\forall a)X$, но игнорируют это. Но при всех обстоятельствах они принимают $(\forall a)X$ и действуют с ним в соответствии со свойствами квантора общности. Эти случаи и образуют индуктивную генерализацию.

Простейший случай такой генерализации — полная индукция. Известны такие ее формы.

Примитивная индукция: если высказывание X истинно в отношении индивидов $s^1, \dots, s^n$ класса Ks и при этом $s^1, \dots, s^n$ исчерпывают класс Ks , то $(\forall a)X$.

Индукция через деление: если $s^1, \dots, s^n$ образуют деление s и при этом X истинно в отношении всех $s^1, \dots, s^n$, то $(\forall a)X$.

Рекурсивная индукция:

1) в класс Ks включаются только $s^1, \dots, s^n$ и $s_1, \dots, s_m$ (последние при том условии, что в Ks включаются $s^{*1}, \dots, s^{*k}$);

2) если X истинно в отношении всех $s^1, \dots, s^n$ и если из признания того, что X истинно в отношении всех $s^{*1}, \dots, s^{*k}$, следует, что оно истинно в отношении всех $s_1, \dots, s_m$, то $(\forall s)X$.

В случае **математической индукции** предполагается (допускается или усматривается из свойств объектов) возможность упорядочить индивиды Ks и построить утверждение $(s^n \leftarrow P) \rightarrow (s^{n+1} \leftarrow P)$, где s^n есть любой индивид. Если истинно $s^1 \leftarrow P$ и только что приведенное утверждение, то истинно $(\forall s)(s \leftarrow P)$.

Приведенные схемы сами являются правилами получения высказываний $(\forall a)X$ из тех данных, которые указаны в них. И никакого обоснования их не требуется, кроме ссылки на интуитивное понимание квантора $\forall$. Суть всех этих правил с точки зрения «обоснования» тривиально проста: если нам как-то удалось установить, что высказывание X истинно в отношении всех индивидов класса, то мы принимаем как истинное высказывание $(\forall s)X$.

Если число индивидов данного класса бесконечно или таково, что практически невозможно пересмотреть все их, а использование методов полной индукции исключено, то используется так называемая **неполная, эмпирическая или вероятностная индукция**. Известны различные ее формы.

Количественная индукция:

1) если число случаев, когда $s \leftarrow (X\downarrow)$, достаточно велико и при этом не встречаются случаи, когда $s \leftarrow (\sim X\downarrow)$, то $(\forall s)X$ считается истинным (**популярная индукция**);

2) если вероятность того, что $s \leftarrow (X\downarrow)$, достаточно велика, то $(\forall s)X$ считается истинным (**частотная индукция**).

Но когда именно имеет место указанное выше «достаточно», зависит от обстоятельств. Никакие логические критерии здесь не формулируются. Играть роль опыт и удача. Может случиться так, что исследователь «наткнулся» на такой s , что $(\forall s)X$, хотя он и рассмотрел всего несколько примеров s . Но может случиться так, что исследователь пересмотрел огромное число s , построил $(\forall s)X$, а потом нашли такой s , что $s \leftarrow (X\downarrow)$. Кроме того, встречаются случаи, когда заведомо известно, что возможно $s \leftarrow (\sim X\downarrow)$, но оперируют с $(\forall s)X$ как с истинным.

Условная индукция: если $s \leftarrow (X\downarrow)$ в некоторых данных условиях, то $(\forall s)X$ считается истинным в этих условиях. Здесь эффект зависит от точности, полноты и т.п. учета условий. Здесь можно сформулировать довольно четкий принцип: «Если истинно $s \leftarrow (X\downarrow)$, то возможно установить (зафиксировать) такие условия, что в этих условиях $s \leftarrow (X\downarrow)$, всегда истинно, т.е. $(\forall s)X$ ». Этот принцип теоретически безупречен. Но в практическом исполнении его эффект опять-

таким образом зависит от обстоятельств. Так, высказывание «Человек может стать императором Франции» истинно в отношении Наполеона I; можно (в принципе) перечислить условия, необходимые для этого; в этих условиях (при наличии их) это высказывание будет истинно для всех людей; только эти условия повторимы далеко не всегда и не для всех людей. В практическом применении названного принципа всегда действует здравый смысл, вводящий ограничения на характер X и на описание условий, когда $s \leftarrow (X \downarrow)$.

Условно-количественная индукция: выбираются произвольные элементы Ks (минимум два); если при достаточно большом числе случаев и достаточном разнообразии их условия (крайний вариант — взаимоисключающие условия) истинно $s \leftarrow (X \downarrow)$, то $(\forall s)X$ считается истинным.

Индукция по различению: если индивиды $s^1, \dots, s^n$ класса Ks достаточно различны и при этом истинны $s^1 \leftarrow (X \downarrow), \dots, s^n \leftarrow (X \downarrow)$, то $(\forall s)X$ считается истинным.

Индукция по сходству: если истинны $s^1 \leftarrow (X \downarrow), \dots, s^n \leftarrow (X \downarrow)$, все индивиды $s^1, \dots, s^n$ достаточно сходны, а в Ks включаются только $s^1, \dots, s^n$ и такие индивиды, которые с ними достаточно сходны, то $(\forall s)X$ считается истинным.

От индуктивной генерализации отличается вид генерализации, которую можно назвать **дефинитивной**. Она не является эвристической операцией. Схема ее такова:

1) эмпирически установлено, что X истинно в отношении некоторых индивидов класса Ks ;

2) принято определение $a = Df \cdot s \downarrow X$;

3) по правилам теории терминов имеем $(\forall s)((s \downarrow X) \leftarrow (X \downarrow))$, откуда получаем $(\forall a)X$. При этом $(\forall a)X$ принимается как следствие намерения исследователя называть термином a именно такие объекты, что $(\forall a)$.

Редукционная индукция: если собственные следствия $(\forall s)X$ истинны, если число их достаточно велико и если они достаточно важны, то $(\forall s)X$ принимается за истинное. Очевидно, что эти «достаточно велико» и «достаточно важны» точно так же имеют внелогическую природу, зависят от условий, подвержены колебаниям и т.п. Предельный

случай — следствия точно определены, и возможности получения их с помощью $(\forall s)X$ достаточны для признания последнего за истинное.

Возможны два варианта редукции.

Сильный вариант: если из $(\forall s)X$ получается по крайней мере одно неистинное следствие, то оно не является истинным.

Слабый вариант: из $(\forall s)X$ могут получаться неистинные следствия; но если они не играют существенной роли (ими можно пренебречь), то $(\forall s)X$ может быть принят за истинное. В этом случае встает вопрос о «весе» (о важности) следствий. Если «вес» истинных следствий из $(\forall s)X$ оценивается числом α , а неистинных — числом β , то в зависимости от соотношения α и β решают, считать его истинным или нет.

Эксперимент

Вторым фундаментальным средством опытных наук является эксперимент. В случае эксперимента исследователи искусственно создают условия для наблюдения объектов и совершают действия в отношении объектов, изменяющие их состояния. Нет надобности пояснять, какую огромную роль играет эксперимент в современной науке и какого высочайшего уровня достигла технология его. Это очевидно для всех. Однако изучение его логического аспекта до сих пор оставляет желать лучшего. Более того, прогресс в этом аспекте науки породил множество заблуждений, которые с годами не преодолеваются, а умножаются, упрочиваются и усложняются. Это стало одним из источников современного помутнения умов. Например, остается нерешенной на научном уровне проблема отношения между тем, что привносит экспериментатор от себя в сферу изучаемых объектов, и как при этом вычленяется то, чем обладают изучаемые объекты независимо от исследователя, сами по себе. Особенно остро эта проблема встала в сфере микрофизики. Но не ограничилась ею. Она встает (в не столь явной форме, как в микрофи-

зике) и в других сферах науки, — в астрономии, биологии, психологии и даже социологии.

Одним из методов экспериментальных исследований является метод моделирования. Слово «модель» стало широко употребляемым. Оно употребляется в различных смыслах, причем -- обычно расплывчатых, просто как ни к чему не обязывающее модное словечко.

Модель

Пусть требуется исследовать предметы некоторого класса **Ка** (это может быть и индивидуальный предмет), т.е. требуется получить какие-то высказывания об этих предметах, удовлетворяющие определенным требованиям. Эта задача может быть решена двояко:

1) исследуются представители этого класса предметов (сам этот предмет) **а**;

2) подбираются (или создаются, в частности) какие-то другие предметы класса **Кb**, которые исследуются вместо предметов **а**, и затем из высказываний, полученных здесь, получаются по определенным правилам высказывания, относящиеся к предметам **а**.

Предметы **а** суть предметы-оригиналы относительно предметов **б**, а предметы **б** суть предметы-модели относительно предметов **а**.

Таким образом, модель есть предмет, который исследуется вместо другого предмета с целью получения каких-то знаний о последнем. Эта роль модели обуславливает то, что она подбирается или создается специально так, чтобы из истинных высказываний, полученных при исследовании ее (обычно при экспериментах на ней), можно было посредством заранее установленных правил из этих высказываний получить достаточно достоверные высказывания о предмете, моделью которого она является.

А для этой модель предмета должна быть подобна моделируемому предмету по комплексу признаков, известных и принимаемых во внимание заранее. Упомянутые правила устанавливаются при условии такого подобия.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Метод моделирования применяется тогда, когда моделируемый предмет еще не существует, а лишь проектируется, или когда экспериментирование с предметом-оригиналом затруднено, слишком дорого, громоздко, требует слишком много времени или вообще невозможно.

Выводы на основе моделирования не являются абсолютно истинными, они характеризуются лишь степенью достоверности (надежности).

Мысленный эксперимент

В ряде опытных наук (например, социальных) затруднен или исключен лабораторный эксперимент в том виде, в каком он применяется в других эмпирических (опытных) науках. Его место тут занимает мысленный эксперимент. Он осуществляется как совокупность абстракций, допущений, операций с понятиями и суждениями. Для них имеются особые правила, которые определяют пределы абстракций и допущений, порядок рассмотрения объектов, способы введения понятий, характер умозаключений и т.д.

Приведу несколько примеров.

- Нельзя отвлекаться от признаков объектов, которые указываются в определениях объектов, так как без этих признаков они не могут существовать.
- Нельзя допускать соединение объектов, признаки которых логически исключают друг друга, так как такие соединения невозможны логически, а значит, и эмпирически.
- Нельзя принимать допущения, противоречащие социальным законам объектов.

Мысленный эксперимент принимает самые разнообразные формы. Это, например, извлечение объектов из связи с другими, помещение их в связи с другими, расчленение на части и объединение частей в целое, упрощение, осреднение и т.д. Часто требуется прием рассмотрения объектов в «чистом» (т.е. в идеализированном) виде. При этом происходит отвлечение от всех признаков и связей объектов, за исключением тех, которые фигурируют в определениях их понятий.

Теория

Слово «теория» употребляется в разных смыслах. Мы здесь выделим лишь один из них, при котором теория рассматривается как метод получения новых знаний.

Пусть задана некоторая область науки и как-то заданы классы высказываний **A** и **B**, относящиеся к этой области науки. Пусть **X** есть непустое множество универсальных высказываний.

Если из **X** и истинных высказываний, относящихся к **A**, достаточно регулярно получают истинные высказывания, относящиеся к **B**, и при этом для получения их достаточно правил оперирования с высказываниями и терминами, то будем говорить, что **X** играет роль теории (есть теория) по отношению к **A** и **B**.

Высказывания и термины, входящие в данную теорию, разделяются на исходные (первичные) и производные. Исходные высказывания принимаются как нечто данное, производные же выводятся посредством исходных. Исходные термины не определяются друг через друга и через другие термины теории. Они входят в исходные высказывания. Через них определяются прочие термины теории.

Высказывания, выводимые только из исходных утверждений теории, суть внутренние следствия теории, а выводимые из исходных утверждений с помощью каких-то других утверждений, не входящих в эту теорию, — внешние. Аналогично термины, определяемые только через исходные термины теории, суть ее внутренние производные термины, а определяемые посредством терминов, не входящих в эту теорию, — внешние.

Теория считается логически непротиворечивой, если и только если не получают противоречивые следствия (внешние и внутренние).

Логически противоречивые теории в науке встречаются и используются. Это возможно постольку, поскольку в них содержатся непротиворечивые фрагменты, позволяющие получать истинные высказывания. Но вообще обнаружение

логических противоречий в теориях является стимулом к их усовершенствованию.

Исходное утверждение теории не зависит от остальных ее исходных утверждений, если и только если его нельзя получить как следствия остальных. Исходный термин не зависит от других исходных терминов теории, если и только если он не определяется через них. Обнаружение зависимости одних исходных утверждений (терминов) от других является стимулом к «минимизации» исходных элементов теории. Однако зависимость их не ведет сама по себе к недоразумениям, подобным последствиям логической противоречивости.

Задано какое-то множество высказываний, и теория считается полной или неполной (с какими-то дополнительными определениями вроде «интуитивно», «эмпирически», «апостериорно» и т.п.) в зависимости от того, все или не все заданные высказывания могут быть получены посредством этой теории (здесь мыслимы градации в зависимости от того, имеются в виду только внутренние или любые следствия теории).

Заданы какие-то априорные требования, которым должны удовлетворять высказывания данной области науки; и в зависимости от того, все или не все высказывания, удовлетворяющие этим требованиям, получаются посредством данной теории, последняя расценивается как полная или неполная (с некоторым ограничением вроде «дедуктивно», «априорно» и т.п.).

Между теориями имеют место различные взаимоотношения. Частично они определяются как отношения классов, получаемых в них посредством их высказываний, и представляют собой обобщения обычно рассматриваемых в логике отношений аксиоматических систем.

Одна теория включается в другую, если и только если каждое следствие первой есть также следствие второй. Две теории равносильны, если каждая из них включается в другую.

Одна теория оценивается как частный случай другой, если какие-то исходные термины первой суть видовые тер-

мины соответствующих терминов второй, а в остальном они не различаются.

Теории изобретаются для того, чтобы получать нужные знания, не прибегая к эмпирическим исследованиям (как замена последних). В конечном итоге совпадение высказываний, получаемых посредством теорий, с эмпирическими данными оправдывает теории или заставляет их отбросить как неэффективные или даже ведущие к ошибочным результатам. Если обнаруживаются такие случаи, что получаемые в теории или посредством теории высказывания не совпадают с результатами эмпирических исследований (оказываются вне диапазона истинности), то сложившаяся ситуация не образует никакого логического противоречия. Иногда эти несовпадения приобретают вид парадоксов.

Теории используются для объяснения наблюдаемых конкретных явлений, для прогнозирования, как аппарат решения частных проблем и для других целей.

Формализация

Формальная система не есть теория, поскольку в формальной системе нет терминов и высказываний. Теория может получиться лишь благодаря интерпретации формальной системы, при которой ее объекты рассматриваются как термины, высказывания и логические операторы.

Когда говорят о формализации теории, то часто имеют в виду совершенно различные вещи:

- 1) отвлечение от смысла терминов теории с целью исследования ее логических достоинств;
- 2) аксиоматизацию;
- 3) изобретение такой формальной системы, в результате интерпретации которой получилась бы теория, равносильная данной.

Между теориями, между теорией и формальной системой и между формальными системами могут быть установлены отношения модели и оригинала. Формальные системы являются очень удобными моделями для исследования некоторых свойств теорий (например, их непротиворечивости).

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Но все это зависит от обстоятельств. Теория же (в нашем смысле) не есть модель той предметной области, к которой относятся ее термины и высказывания.

Одна из функций теорий, сказали мы, есть осуществление прогнозов. При этом существенное значение имеет не вообще способность теорий прогнозировать, но качество самих прогнозов, их ценность с точки зрения ситуации в данной науке и вненаучных практических соображений. Поэтому бывает так, что теории, позволяющие делать безошибочные прогнозы, оказываются бесполезными и необычайно скучными, а теории, позволяющие делать сбывающиеся предсказания лишь в каком-то проценте случаев, оказываются в высшей степени полезными и значительными.

Метод

Словом «метод» я называю не отдельный прием познания, а совокупность таких приемов, объединенных в единое целое. В это целое могут входить самые разнообразные приемы, употребляемые и сами по себе, независимо от этого целого, а также входящие и в другие объединения приемов, образующие другой метод. Но тип метода определяется некоторыми специфическими именно для данного метода приемами, благодаря которым прочие приемы образуют целостный метод.

Существуют частные методы конкретных наук. У нас здесь речь идет о методах, описываемых в логической терминологии, и в этом смысле — о логических методах.

Гипотетико-дедуктивный метод

В рамках идей индуктивной логики в XIX веке зародились идеи гипотетико-дедуктивного метода в опытных науках (Д. С. Милль). Суть этого метода заключается в том, что исследователь принимает некоторые гипотезы (допущения) относительно исследуемых объектов. Эти допущения невозможно проверить эмпирически. Они могут противоречить эмпирическим фактам. Принятие их оправдывается тем, что благодаря им становится возможной дедукция в

данной области науки и получаются нужные следствия. Эти допущения в своей основе суть абстракция, т.е. решения не принимать во внимание какие-то признаки исследуемых объектов или принимать во внимание только такие-то признаки объектов. Например, все объекты данного класса могут приниматься как различающиеся только по положению в пространстве, как абсолютно независимые друг от друга и т.п. Очевидно, намерения исследователя не имеют значения истинности. Их нельзя подтвердить или опровергнуть. Их можно только оправдать или нет в зависимости от их последствий. И хотя они сами по себе могут быть заведомо ложными, неопределенными и даже непроверяемыми, получаемые с их помощью следствия могут считаться истинными.

Пример таких допущений — известные законы ньютоновской механики. Они применимы и в социальных исследованиях. Например, в исследовании советского общества следует допустить, что оно разделяется на стандартные социальные ячейки, имеющие стандартную структуру; что граждане отдают все свои силы обществу через такую ячейку и через нее получают все жизненные блага; что социальное положение человека адекватно его вкладу в общество; что вознаграждение производится в соответствии с трудовым вкладом индивида и его социальным положением и т.д. Такое общество, разумеется, не существует в реальности. Но мы можем постепенно учитывать реальные обстоятельства, деформирующие наш идеальный, абстрактный образ, и выводить следствия, проверяемые реальными фактами. И судьба наших исходных допущений зависит от того, насколько выводимые из них и с их помощью следствия соответствуют реальности, насколько точно и полно построенная на основе таких допущений теория позволяет предвидеть будущие события.

Эвристические гипотезы

В принципе, можно составить достаточно полный перечень эвристических гипотез и затем построить логическое

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

их исчисление по правилам исчислений. Приведу список таких гипотез в качестве примера.

1. Если эмпирический индивид возник, то он исчезнет (разрушится, перестанет существовать).

2. Если эмпирический индивид исчез, то он возник.

3. Для каждого эмпирического тела (изменения) и всякого способа установления пространственного (временного) порядка найдется эмпирическое тело (изменение), которое соприкасается с ним относительно этого способа.

4. В Море никогда и нигде не бывает абсолютной пустоты (т.е. во всякое время и во всякой области пространства существует некоторый эмпирический индивид).

5. В Море никогда и нигде не бывает абсолютного покоя (т.е. во всякое время в любой области пространства происходит эмпирическое изменение).

6. Во всякое время и в любой области пространства найдутся такие эмпирические индивиды, что происходит превращение одного из них в другого.

7. Если эмпирический индивид имеет величину x по некоторому признаку и величину y по тому же признаку через некоторое время, которое не меньше минимального, то разность x и y не равна нулю.

8. Один предмет воздействует на другой порциями (прерывно).

9. Взаимодействующие предметы воздействуют друг на друга поочередно.

10. Предмет может воздействовать только на конечное число предметов. Причем это число не больше некоторого максимума.

11. Предмет может испытывать на себе воздействие только конечного числа предметов. Причем это число не больше некоторого максимума.

12. Происходит затухание воздействий.

13. Имеются автономные ряды воздействий.

Возможно отыскать некоторое число таких гипотез, из которых по правилам логики выводятся (с той или иной степе-

нию полноты) другие гипотезы. Эта выводимость возможна постольку, поскольку эти гипотезы являются действительно общими (не предполагают термины частных наук) и поддаются экспликации в рамках языка логики.

Диалектический метод

Диалектический подход к явлениям бытия не означает, будто при этом теряют силу законы логики. Обычно в таких случаях имели в виду закон исключенного третьего и противоречия. Дело в том, что законы (правила) логики суть правила оперирования определенными языковыми объектами. Эти правила, если они сами правильно установлены, не теряют силу никогда и ни при каких обстоятельствах. Если люди их не знают или нарушают, из этого не следует, будто они не действуют. Диалектические же «законы» суть, во-первых, определенные черты изучаемых объектов — связи, изменение, противоположности, конфликты, качественные «скачки» и т.п. Диалектический подход к изучаемым объектам означает, что исследователь должен принимать это во внимание. Диалектические «законы» суть, во-вторых, определенные приемы, которые диалектически мыслящий исследователь использует, чтобы на деле реализовать то, что сказано в первом пункте. Эти приемы суть логические в том смысле, что могут быть точно описаны на языке логики, причем с соблюдением всех правил логики. То трюкачество с диалектикой, которое имело место в прошлом (сейчас его почти нет, поскольку диалектику вообще отбросили вместе с марксистской идеологией), было связано с логической безграмотностью и с помутнением умов, подобным тому, какое имеет место в связи с методологическими проблемами физики.

Частью диалектики является также то, что связано с понятиями «развитие», «эволюция», «прогресс», «деградация», «стагнация» («застой»), «кризис» и другими. Я имею в виду не просто употребление этих понятий как слов общеразговорного языка, а определение их в рамках логики как ком-

понентов логического интеллекта. В принципе все это, как и вообще всю проблематику диалектики, можно разрабатывать как части логической онтологии и методологии, даже не упоминая о диалектике. Я считаю своим долгом, однако, упоминать о диалектике, поскольку она была и является реальным фактором истории человеческого интеллекта. Ниже я (в дополнение к сказанному выше) поясню на отдельных фрагментах, в каком духе проблематика диалектики поглощается логической методологией.

Изложенное выше понимание диалектики было выработано мною полвека назад и изложено в кандидатской диссертации «Метод восхождения от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)». Диссертация была встречена враждебно в официальной философии и оказалась на многие годы под запретом. Лишь в 2002 г. она была напечатана тиражом 500 экземпляров в Институте философии РАН. Приведу некоторые идеи этой работы, не утратившие смысл и актуальность, дающие первоначальное представление о моем понимании метода восхождения от абстрактного к конкретному как о «субъективной форме диалектического мышления» (выражение из диссертации).

От абстрактного к конкретному

Одни и те же объекты выглядят различно, когда рассматриваются в связи с другими объектами и когда извлекаются из этой связи и рассматриваются в «чистом» (идеализированном, абстрактном, воображаемом) виде. Знания, которые исследователь получает в первом случае, назовем конкретными, а получаемые во втором случае — абстрактными. Когда эти знания разорваны, не образуют элементы единого процесса познания, они выглядят как логически несовместимые. Одно дело, например, абстрактные знания о капитализме, демократии, рынке, конкуренции, коммунизме, планировании и т.п., и другое дело — конкретные знания об этих же самых явлениях в их реальности. В первом случае упомянутые явления рассматриваются в идеализированном

виде даже тогда, когда принимаются во внимание их существенные черты. Во втором случае эти же явления рассматриваются со всеми их достоинствами и недостатками, какие можно наблюдать в их конкретной реальности. И очень часто конкретные представления об объектах противопоставляются абстрактным представлениям о них так, как будто реальные объекты в их конкретном виде суть «неправильные» реализации неких «правильных» образцов. Считается, например, что реальная западная демократия и экономика есть нарушение некоей правильной демократии и экономики, что в Советском Союзе был неправильно построен некий правильный коммунизм. А между тем тут имеют место одни и те же объекты, только рассматриваемые различно, и при этом конкретные «неправильности» суть реальное проявление абстрактных «правильностей».

Пусть перед исследователем стоит задача теоретического исследования социального объекта такого рода, как упомянутые выше. Он получает множество разнообразных сведений о нем из личного жизненного опыта и личных наблюдений, от других людей, из средств массовой информации, из книг, из лекций и т.д. Это — исходный пункт его исследования и постоянный источник информации. Его цель — не беспорядочное барахтанье в этом море информации о конкретном состоянии объекта, а нахождение определенного упорядоченного (систематизированного) его понимания. Это — конечный пункт его исследования и постоянный ориентир в блужданиях в море информации. Чтобы проделать этот путь, исследователь должен одновременно мысленно двигаться в двух аспектах, которые противоположно направлены, но неразрывно связаны и совместно ведут к одной цели. Первый из них — путь от конкретного к абстрактному, второй — от абстрактного к конкретному.

Отношение этих путей не является таким, будто сначала совершается один, а затем другой. Дело тут не в последовательности, а в другом. Дело в том, что сложный процесс исследования состоит из множества более или менее целостных актов (блоков). В каждом акте имеют место оба

рассматриваемых аспекта исследования. Они имеют место и в исследовании в целом. В первом аспекте исследователь, имея перед собой конкретную реальность, стремится найти в ней (выделить мысленно, абстрагировать) такие объекты и такую их упорядоченность, исследование которых даст возможность найти объяснение явлений реальности и построить целостное, логически связное описание этой реальности. Это осуществляется как совокупность проб. Не все они могут быть удачными. В конце концов одна может быть удачной. Причем удачность ее устанавливается движением мысли во втором аспекте, исходящем из результатов исследования выбранных в первом аспекте объектов.

В первом аспекте исследователь обеспечивает возможность введения определений абстрагированных объектов. Эти определения становятся явными или неявными аксиомами. В этом аспекте исследователь обеспечивает также возможность открытия законов исследуемых объектов. Во втором аспекте исследователь выясняет, как эти законы согласуются с конкретной реальностью. Это происходит как исследование, упорядоченное определенными правилами методологии науки. Именно совокупность этих правил определяет процесс исследования в целом. Последний выглядит как движение мысли от абстрактного к конкретному. Первый аспект остается неявным, предполагаемым как нечто само собой разумеющееся, но в структуре полученного знания не фиксируемое.

Представим себе простейшую познавательную ситуацию: нам нужно изучить объект **А**, который существует в связи с объектом **В** и испытывает его воздействие. Мы должны отвлечься от **В**. Но не просто игнорировать его, а мысленно допустить, будто **В** не действует на **А**, и рассмотреть **А** при этом допущении. Изучив **А** таким образом, мы получим некоторое знание **Х** об **А**. Следующим шагом нашего исследования пусть будет решение рассмотреть **А** при том условии, что на него действует **В**. При этом мы не просто получаем какое-то новое знание об **А**, логически не связанное с **Х**, а вносим некоторый корректив в **Х** с учетом

В. Полученное таким путем знание **У** будет конкретизацией **Х**. Знание **Х** по отношению к **У** мы оцениваем как абстрактное, а **У** по отношению к **Х** — как конкретное. Переход от **Х** к **У** есть простейший случай перехода (восхождения) от абстрактного знания к конкретному. При этом должны быть использованы или изобретены вновь какие-то логические правила получения **У** на основе **Х**.

Обращаю внимание на две особенности получаемого таким способом знания. Первая особенность: мы получаем не два различных знания наряду друг с другом, а одно целостное, но внутренне расчлененное знание, между компонентами которого имеет место определенная логическая связь. Вторая особенность: фиксирование способа получения знания тут является частью знания, поскольку операции с объектами осуществляются как мысленные, а не реальные и поскольку без этого утверждения об объекте лишены смысла. Фиксирование способа исследования объекта становится частью описания самого объекта.

Более сложные случаи — рассматривается взаимное воздействие объектов друг на друга, принимается во внимание большое число объектов и т.д. При исследовании сложных объектов операции перехода от абстрактного к конкретному совершаются по многим линиям и в несколько этапов. Эти операции разнообразятся в зависимости от характера объектов, их связей и видов логических правил переходов. Процесс познания и изображения объекта оказывается многомерным и многоступенчатым движением мысли от предельно абстрактных оснований ко все более конкретной картине объекта.

Восхождение от абстрактного к конкретному предполагает логические операции — анализ и синтез, мысленный анализ объектов и синтез получаемых в анализе знаний. Знания, получаемые в анализе, являются абстрактными по отношению к тому знанию, которое получается в результате их синтеза. Последнее является конкретным по отношению к предыдущим. Конкретное (синтетическое) знание является не простой суммой абстрактных (аналитических) знаний,

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

а новым знанием, получаемым из абстрактных посредством специально изобретенных для этого логических операций. Эти операции специально изобретаются такими, чтобы результат их применения удовлетворял критериям соответствия некоторой эмпирической реальности. Поясню эту ситуацию такой абстрактной схемой.

Пусть дана ситуация, в которой участвуют три объекта — **А**, **В** и **С**. В результате анализа выделяются две связи — связь **А** и **В** (обозначим ее **Х**) и связь **А** и **С** (обозначим ее **У**). Исследование **Х** при условии отвлечения от **У** (ее мысленно исключаем) дает знание **М**. Исследование **У** при условии отвлечения от **Х** дает знание **Н**. Исследователь изобретает особые правила, с помощью которых из знаний **М** и **Н** логически выводится знание **О**. Классический конкретный пример для этого — известное из школьных учебников правило параллелограмма сил в физике.

Идеи метода восхождения от абстрактного к конкретному не получили признания в теоретической социологии. В «конкретной» социологии рассмотренные приемы анализа и синтеза растворились в математических методах в отношении конкретных проблем. А в теоретической социологии по-прежнему доминирует примитивная схема: с одной стороны — конкретность, понимаемая как рассмотрение явлений реальности в том виде, в каком они предстают перед наблюдателем непосредственно в данных ему условиях («ползучий эмпиризм»), а с другой стороны — абстрактность, понимаемая как выдумывание беспредельно общих теоретических концепций путем скачка от эмпирических явлений к высотам абстракции. Работа ума, опосредующая эти логически разорванные крайности, выпадает как непосильная, ненужная и даже порою запретная.

Системный метод

Эмпирическая система есть скопление большого числа элементарных тел в данной области пространства и в данных временных рамках. Элементарные тела рассматрива-

ются как не расчленяемые на части. Не принимаются во внимание их пространственные размеры и формы, а также продолжительность их существования. Это не отвергается. Предполагаются какие-то нормы на этот счет. Но для самого метода это роли не играет. Важно, что элементарные тела существуют достаточно долго, воспроизводятся, удовлетворяют некоторым требованиям, без чего они не могут быть элементами системы. В силу того, что элементарные тела вступают в многочисленные и разнообразные «соприкосновения» друг с другом, происходит своего рода «обтесывание углов» — приведение их к некоторому усредненному виду. Это неизбежный результат массовости и вынужденности столкновений тел. Это дает основания рассматривать элементарные тела как неразличимые.

В силу произведенных абстракций у элементарных тел принимаются во внимание такие и только такие свойства, которые необходимы и достаточны для существования их в качестве элементов системы. Допускается, что все они в той или иной мере обладают этими свойствами.

Чтобы элементарное тело могло существовать в качестве элемента системы, оно должно осуществлять определенные действия по отношению к другим элементарным телам системы — системные действия. Оно должно иметь способности к бытию в системе и регулярно осуществлять их на деле. Эти действия не анализируются. Они принимаются как данные. Фиксирование действий элементарных тел служит основой введения терминов, обозначающих потенциальные признаки или способности к действиям такого рода.

Все способности элементарных тел сводятся к конечно-му числу первичных, т.е. не определяемых через другие. Стремление свести их к минимуму естественно. Если даже допустить, что число таких способностей бесконечно, то практически это не играет никакой роли. Даже на однократную реализацию способности нужно время. А так как предполагаются регулярно реализуемые способности, то число первичных способностей тел практически оказывается очень небольшим. В качестве первичных способностей от-

бираются регулярно реализуемые способности элементарных тел, свойственные всем телам. Отклонения от нормы, разумеется, бывают, но их нельзя принимать во внимание в теоретическом анализе. Элементарные тела различаются лишь по величине первичных способностей. Здесь имеются минимальные и максимальные пределы, выход за которые делает элементарное тело нежизнеспособным.

Сложные тела системы суть скопления из двух и более элементарных тел — группы и группы из групп различных рангов. Группа как целое имеет какие-то пространственные размеры и положение. С точки зрения системного подхода важно лишь число индивидов или групп, входящих в нее. Это число конечно. В зависимости от физической природы элементарных тел имеются какие-то минимальные и максимальные размеры групп. Если размеры меньше этого минимума, то между телами не могут установиться такие связи, которые дают регулярный массовый (системный) эффект. Если размеры больше максимума, то группа распадается вообще, распадается на подгруппы, из нее выделяется часть в качестве нормальной группы. Из сказанного должно быть очевидно, что чем больше число индивидов в данной системе, тем больше рангов групп в их иерархии. Группы прежде всего рассматриваются по тем же признакам, что и элементарные тела. Кроме того, в группах возникают явления, обусловленные самим фактом скопления множества тел в одной пространственно-временной области. Задача системного метода — фиксировать эти следствия массовости тел и событий и указать методы вычисления их величин как функций величин, характеризующих элементарные тела и группы тел низших рангов.

Любые свойства предметов в принципе измеримы. Скажу коротко о некоторых особенностях измерения в системах. Первичным способностям элементарных тел приписываются некоторые величины. Они выводятся из наблюдений, из экспериментов и по соглашениям. Для производных признаков (способностей) указывается метод вычисления величин, исходя из первичных. Он должен быть единым для всех

аналогичных величин для групп. Один из методов приписывания величин первичным способностям элементарных тел — оценка в баллах.

Число баллов должно быть конечно и невелико. Большое число баллов, создавая трудности вычислений, абсолютно ничего не прибавляет к содержанию и точности знаний. Например, в случае социальных систем часто бывает достаточно трехбалльной оценки: норма, ниже нормы, выше нормы. Измеряемые базисные величины, например, таковы: первичные способности элементарных тел системы; число элементарных тел (в оценочных величинах); число тел, с которыми вступают в связи; размеры групп; ранги групп; ранги производных тел и производных связей; время распространения воздействия. Короче говоря, тут надо изобрести методы измерения, подобные измерениям длин, объемов, весов, температур и других признаков тел, а также методы вычисления производных величин, подобные физическим.

Хочу обратить внимание на то, что в случае задач такого рода, как рассматриваемая, невозможно причинное объяснение результирующих явлений системы. В силу огромного числа взаимодействующих явлений практически невозможно проследить механизм их суммирования в форме причинно-следственных отношений. А противоречивый характер следствий одних и тех же причин, сходство следствий противоположных причин, наличие ситуаций, когда одни причины нивелируют действие других, и другие свойства систем делают причинное объяснение принципиально невозможным. Приведу еще один любопытный пример эффекта системности, действующего в том же направлении.

В эмпирической системе тела воздействуют друг на друга. Акт воздействия предполагает время и какие-то затраты на его осуществление, в результате чего образуются потери в том, что передается от одних тел к другим (в веществе, энергии, информации). Имеются некоторые константы таких потерь. Если эти константы известны, то можно выяснить, через какое число посредников (то есть на каком расстоянии от источника) воздействия затухают. Потери не вступают в конфликт с законами сохранения физики, так как

эмпирическая система не есть изолированный кусок мира, а есть лишь своеобразная сетка, накладываемая на реальные куски мира и частично организующая их. Из системы всегда что-то выпадает и теряется — неизбежные издержки на организацию. Но в нее также кое-что поступает извне, как нечто подлежащее системной обработке. Так что для эмпирических систем допустимы случаи, когда источник воздействий одних тел на другие не имеет причинных оснований в данной системе. Некоторые ее тела обладают способностью к имманентному продуцированию воздействий — они воздействуют, передавая нечто другим телам, не получая это нечто от других. Так что наряду с затухающими рядами воздействий здесь имеют место внезапные первичные воздействия как бы из ничего.

Естественные и социальные науки

Хотя понятия и утверждения интеллектологии универсальны в том смысле, что имеют силу для всех наук, это не устраняет различия наук в смысле различия исследуемых в них объектов, особенностей условий их познания и отношения людей к результатам исследования. С этой точки зрения различают естественные и социальные науки, причем настолько основательно, что порою вообще отвергают некоторые принципы научного подхода к социальным объектам.

Особенности наук сказываются в том, какие именно логические и методологические проблемы возникают в них и дают материал и стимул для разработки логики и методологии науки. В свое время именно повышенный интерес к социальным явлениям стимулировал идеи диалектики не только как учения о бытии, но и как особого способа исследования, как особого метода мышления (особого «поворота мозгов»). Сейчас, по моему мнению, именно сфера социальных объектов и повышенный интерес к ним являются основным поставщиком материала для методологии науки.

Это касается, в частности, методологии предсказания будущего (футурологии) и исследования прошлого (по моей терминологии — ретрологии).

Александр ЗИНОВЬЕВ

Я в моих социологических исследованиях разрабатывал и применял комплексный метод. Суть его, коротко говоря, заключается в следующем. Пусть $a^1, \dots, a^n$ ($n > 2$) суть специфические признаки, условия существования A , причины появления A или компоненты A . Будем говорить, что они образуют комплекс соответственно признаков, условий, причин или компонентов A , если и только если выполняется такое условие: каждый из $a^1, \dots, a^n$ по отдельности необходим для указанной роли в отношении A , а все вместе достаточны для этого. Такой комплекс далеко не всегда очевиден. Требуется исследование, чтобы выявить его. Такие $a^1, \dots, a^n$ должны быть специально найдены, чтобы приведенное условие было выполнено. А для этого нужны определенные приемы исследования, причем — действующие именно в комплексе, т.е. как компоненты особого логического метода.

ЧАСТЬ 2

ОСНОВЫ ЛОГИЧЕСКОЙ

СОЦИОЛОГИИ

Социальные объекты

Логической социологией я называю особую теорию социальных объектов, разработанную мною с использованием результатов моих собственных исследований в логике и методологии науки.

Социальные объекты (явления, предметы, феномены) суть объединения людей и люди как члены этих объединений. О социальных объектах думают фактически все нормальные взрослые люди. Причем даже самая примитивная мысль человека о каком-то социальном объекте есть либо его собственное открытие, либо заимствована у других людей, сделавших это открытие. Так что всякий человек — в какой-то мере исследователь социальных объектов. Говоря о социальных исследованиях, я буду иметь в виду всю сферу думания о социальных объектах, а не только профессиональные исследования.

Особенность социальных объектов состоит прежде всего в том, что люди сами суть объекты такого рода, постоянно живут среди них и в них, постоянно имеют с ними дело. Они должны уметь жить в качестве социальных объектов и в их среде. Для этого они должны как-то познавать их, что-то знать о них. Они приобретают свои знания в ходе воспитания, обучения и образования, от общения с другими людьми,

на личном опыте, из средств информации, из литературы и фильмов. Таким путем у них складываются свои представления о социальных объектах, можно сказать — житейские или обывательские представления. В слово «обывательские» я здесь не вкладываю никакого негативного смысла. На этом уровне о социальных объектах думает подавляющее большинство представителей рода человеческого. Причем степень развитости таких представлений у различных людей различна. У большинства она примитивна, у многих высока. Но эти различия суть различия в рамках одного типа.

Что-то знать о социальных объектах и научно понимать их — это далеко не одно и то же. Можно много знать, но при этом мало что понимать, тем более — понимать на научном уровне. Обывательские представления о социальных объектах имеют ничтожно мало общего с их научным пониманием. Тем не менее гигантское число дилетантов высказывается о них, сочиняет бесчисленные книги и статьи. В наше время положение в этом отношении приняло поистине гротескные формы и катастрофические размеры. Интеллектуальный аспект человечества оказался не в меньшей мере загаженным словесным мусором и помоями, чем природная среда продуктами и отходами современной промышленности. Чуть ли не каждый мало-мальски образованный человек считает себя специалистом в понимании явлений своего общества только на том основании, что он имеет какой-то опыт жизни в нем и кое-что знает о нем. Такие дилетанты воображают, будто нет ничего проще, чем понимание явлений, которые они видят своими глазами, среди которых они живут, в которых принимают участие и которые сами творят. А те из них, кто занимает высокое положение в обществе, известны и имеют возможность публичных выступлений, считают себя и признаются другими за высших экспертов в сфере социальных явлений. Люди верят президентам, министрам, королям, знаменитым актерам и даже спортсменам больше, чем профессионалам в исследовании социальных явлений, хотя эти высокопоставленные личности и знаменитости обычно несут несусветный вздор, а он больше соответствует

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

обывательским представлениям, чем суждения профессионалов. Последним верят тогда, когда они занимают высокое положение, признаются и поощряются власть имущими и погружают свои профессиональные достижения в трясину обывательского сознания и идеологии. Таково первое серьезное препятствие на пути научного познания социальных явлений.

Для самосохранения человеческих объединений, для упорядочивания совместной жизни больших масс людей и для управления ими жизненно важно то, что и как люди думают о социальных явлениях. Суждения о последних неизмеримо сильнее затрагивают интересы различных категорий людей, чем суждения о других явлениях бытия. Потому эта сфера изначально находилась и находится теперь под неусыпным контролем идеологии, включая идеологию религиозную. Идеология характеризуется определенной целью относительно человеческих объединений и определенными средствами ее достижения. Ее цель — формирование сознания людей в соответствии с требованиями самосохранения объединения и манипулирование поведением людей путем воздействия на их сознание, а не познание реальности. Она использует данные познания и опирается на них, но лишь как средство. Она отбирает в них то, что отвечает ее цели, и подвергает такой обработке, какая требуется для более эффективного воздействия на умы и чувства людей в желаемом духе. В результате создаваемая идеологией картина социальных явлений оказывается искаженным отражением реальности или вообще вымыслом.

Таково второе серьезное препятствие на пути научного понимания социальных явлений.

И третье препятствие на пути научного познания социальных объектов — гигантская армия людей, профессионально занятых в сфере науки. Дело в том, что надо различать науку как сферу жизнедеятельности множества людей, добывающих себе жизненные блага и добывающихся жизненного успеха (известности, степеней, званий, наград) за счет профессионального изучения социальных объектов, и

научный подход к этим объектам. Лишь для ничтожной части этих профессионалов научное познание есть самоцель. Научный подход к социальным объектам составляет лишь ничтожную долю в колоссальной продукции сферы профессиональных социальных исследований.

Социальная наука

Социальные объекты суть эмпирические (опытные, видимые, наблюдаемые) объекты. В исследовании их затруднен и ограничен, а в основном вообще исключен лабораторный эксперимент в том виде, в каком он применяется в естествознании. Исследователи добывали сведения о социальных явлениях путем личных наблюдений, знакомства с источниками, в которых были зафиксированы результаты наблюдений других исследователей и очевидцев событий, знакомства со всякого рода документами и свидетельствами. Главными орудиями исследования были средства наблюдения фактов и логические средства — сравнение, отбор, обобщение, абстрагирование, классификация, определения понятий, умозаключения, гипотезы и т.д. Причем эти логические средства были в том виде и ассортименте, в каком они были описаны в сочинениях по логике и методологии науки и стали известны исследователям. А это был довольно бедный логический аппарат, который сам по себе ограничивал возможности осмысления эмпирического материала, доступного исследователям.

В XIX веке был разработан и получил широкую известность диалектический метод (диалектика). Но его постигла печальная участь. Гегель, который сделал самый значительный вклад в диалектику, мистифицировал ее в большей мере, чем кто-либо другой. Он ограничил число законов диалектики несколькими, перечисление которых и стало основным содержанием текстов на эту тему. Маркс взял диалектику на вооружение в своих сочинениях и несколько рационализировал ее. Но он не дал ее систематического построения, ограничившись отдельными разрозненными замечаниями.

Энгельс придал диалектике вид учения о всеобщих законах бытия, распространив ее на сферы, где она была лишена смысла (даже на математику), и оторвав ее от сферы социальных явлений, где она была бы на своем месте. Обычным примером закона единства и борьбы противоположностей стали отношения плюса и минуса в математике и отношения пролетариата и буржуазии в социологии. В таком понимании из этого закона (как и из прочих) испарился всякий научный смысл. Преодолев гегелевскую идеалистическую мистификацию законов диалектики, марксизм принес с собой материалистическую вульгаризацию их. Последователи Маркса и Энгельса связали диалектику прежде всего с идеологией и политикой, изобразив ее как оружие пролетариата, как «алгебру революции». В странах победившего коммунизма диалектика в предельно упрощенном виде стала составной частью государственной идеологии. Нет ничего удивительного в том, что диалектика стала предметом насмешек. Одно из величайших достижений в истории человеческого интеллекта фактически было извращено и опопшлено, во всяком случае — было исключено из арсенала орудий научного познания социальных явлений.

Пренебрежение к диалектике в современных социальных исследованиях не имеет никакого разумного оправдания. В реальной жизни очевидным образом происходит все то, о чем говорили диалектики. Социальные объекты возникают исторически и со временем изменяются, причем иногда так, что превращаются в свою противоположность. Они многосторонни, обладают одновременно различными свойствами, порою противоположными. Они взаимосвязаны. Причины и следствия меняются ролями. Одни и те же причины порождают противоположные следствия. Развитие социальных объектов происходит путем дифференциации их свойств и обособления этих свойств в качестве особых свойств различных объектов, происходит раздвоение единого. Всему есть своя мера, нарушение которой ведет к разрушению объектов или к возникновению нового качества. Короче говоря, диалектики прошлого обратили внимание на

реальные явления жизни и эволюции социальных объектов, а современные исследователи этих объектов, боясь упреков в почтении к диалектике как идеологической доктрине, игнорируют это или не используют на уровне методологии научного познания, отрезая тем самым для себя возможность такого познания.

В XX веке к рассмотренным выше методам добавились методы «конкретной» («эмпирической») социологии — сбор и обработка статистических данных о явлениях, имеющих злободневный интерес, а также опрос определенным образом отобранных людей по заранее разработанным анкетам (вопросникам) и обработка результатов этих опросов. Во второй половине века эти эмпирические методы имели почти безраздельное господство в сфере социальных исследований, оттеснив на задний план теоретические (логические) методы традиционной социологии.

Не буду оспаривать пользу эмпирических методов для решения частных задач. Но было бы ошибочно, на мой взгляд, преувеличивать их достаточность и надежность. Их результаты зависят от субъективного произвола исследователей и опрашиваемых, от случайностей, от априорных установок и предвзятых убеждений, от пропагандистских целей и политической ситуации. Эмпирическими данными до такой степени переполнены все сообщения средств массовой информации и профессиональная литература, что можно констатировать своего рода террор эмпиризма. Числа, величины, проценты, свидетельства отобранных граждан, отсортированные факты и т.п. — это все кажется на первый взгляд бесспорным и убедительным. А между тем ничто так не искажает реальность, как манипулирование этими «бесспорными» величинами и фактами. Эмпирические методы социальных исследований стали не столько методами научного познания, сколько методами пропаганды и идеологического оболванивания масс.

Конечно, ни в какой другой сфере исследования исследуемые объекты не рассказывают о себе сами, как это бывает с социальными объектами. Но трудно сказать, чего больше

от таких помощников исследователя — пользы или вреда. Многие ли письменные свидетельства прошлого заслуживают доверия?! Многие ли из них адекватны сущности исторических событий?! Люди впадают в заблуждения, подвержены всяким влияниям, способны к обману. Люди могут думать одно, а делать другое. Их настроения и мнения меняются. Так что даже в тех случаях, когда требуется выяснить, что именно люди думают о какой-то проблеме, их признания и опросные данные далеко не всегда надежны. А когда нужно исследовать структуру человеческих объединений, взаимоотношения сфер, слоев населения, классов, партий и прочих явлений, их функционирование и закономерности, то опрашивать мнение людей обо всем этом — значит заранее исключать всякую возможность научного понимания. Электроны, атомы, хромосомы, молекулы, животные и прочие объекты, не обладающие разумом, молчат, но они по крайней мере не врут, не клеветают, не хвастаются и не обладают прочими пороками, свойственными разумным существам.

Для построения целостной теории коммунизма, западнизма и того типа человеческих объединений, какие стали формироваться после Второй мировой войны, методы «конкретной» социологии не годились очевидным образом. Обращаться к массам людей с вопросами о том, что они думают по поводу проблем, в которых сами опрашиваемые не смыслят ничего, по меньшей мере нелепо. Однако в одном отношении «конкретная» социология сделала колоссальный шаг вперед по сравнению с по преимуществу теоретической социологией предшественников. Заключается этот шаг в разработке и применении количественных методов.

В сфере социальных исследований величинам социальных объектов и их измерениям не придавалось почти никакого значения вплоть до возникновения «конкретной» социологии. Если исследователям и приходилось обращать внимание на количественный аспект изучаемых явлений, то они довольствовались самыми примитивными сведениями, какие могли почерпнуть из исторических источников,

или сравнительными оценками вроде «больше», «меньше», «увеличилось», «уменьшилось», «в два раза», «во много раз» и т.п. После Второй мировой войны положение резко изменилось. Началась буквально оргия величин. Теперь редко речи и публикации на социальные темы обходятся без ссылок на статистические данные, на величины, полученные в результате социологических опросов, на результаты математических вычислений, причем даже с использованием современной интеллектуальной техники. Социологические работы с использованием математического аппарата, требующего специальной подготовки, стали обычными. Можно сказать, началась эпоха количественного взгляда на социальные явления.

Это, конечно, не случайно. Наше время — время социальных явлений огромного масштаба. Измерение и вычисление их величин приобрело первостепенное практическое значение. Около шести миллиардов человек на планете, огромное множество стран и народов, сотни тысяч больших и миллионы малых объединений людей, миллионы предприятий и организаций, гигантские страны и блоки стран, исчисляемые астрономически огромными величинами ресурсы, затраты, продукты производства... Одним словом, за что ни возьмешься, имеешь дело с тысячами, миллионами, миллиардами. Можно сказать, что величины обрели качественный смысл.

В этом буйстве и торжестве величин есть один аспект, который мы не можем обойти вниманием, если хотим удержаться на научном уровне или подняться на него. Заключается он в следующем. Бесспорно, публикуемые количественные данные имеют значение для научного понимания социальных объектов такого рода, какие интересуют нас здесь. Более того, без них не обойдешься. Но эти данные так или иначе отбираются специалистами и препарируются. Их можно интерпретировать самым различным образом. Изобилие величин стало не столько средством достижения истины, сколько средством ее сокрытия. Этими величинами исследователь может воспользоваться в интересах истины

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

лишь в том случае, если он заранее имеет ориентировочное представление о том, где эта истина лежит и в чем примерно она заключается, т.е. лишь как подкреплением и развитием результатов познания, добытых каким-то иным путем. Из этих количественных данных самих по себе невозможно извлечь научную социальную теорию, отвечающую требованиям логики и методологии науки. Они могут быть использованы для построения и развития такой теории, для верификации (проверки) ее отдельных положений. Но что именно измерять и вычислять, как и с какой целью, это зависит от теоретических средств, а не наоборот.

Теоретический подход к социальным объектам имеет иную ориентацию, чем эмпирически-практический, доминирующий в современной сфере социальных исследований. Например, с помощью методов «конкретной» социологии можно установить шансы того или иного кандидата стать президентом страны, но абсолютно невозможно выяснить фактический статус самой должности президента в той или иной системе власти. Можно установить уровень безработицы и предсказать ее эволюцию на несколько лет вперед, но невозможно выяснить реальные причины этого феномена. И отношение к количественному аспекту исследования иное. Те количественные данные, которые необходимы для построения такой теории, либо отсутствуют совсем, либо не публикуются, либо требуются большие усилия, чтобы их выуживать из океана ненужной информации.

Одним словом, в сфере социальных исследований сложилась ситуация, в которой научный подход к изучаемым объектам невозможен без профессионально разработанной методологии исследования социальных объектов, а сама эта методология невозможна без разработки разделов логической методологии, специально ориентированной на потребности социальных исследований.

Научный подход

В первой части книги («Логический интеллект») дано определение научного подхода к исследуемым объектам

(научности). Сделаю дополнение к этому определению, относящееся специально к социальным объектам. Читатель не должен при этом рассчитывать на то, что я сообщу ему какие-то интригующие, сенсационные открытия на этот счет. Те черты научного подхода, о которых я буду говорить, широко известны. Для представителей естественных и точных (дедуктивных) наук некоторые из них суть нечто само собой разумеющееся. Они тут навязываются самими условиями исследования и высоким уровнем профессионализма. В них не суют нос с претензией на поучительство никакие политики, журналисты, бизнесмены, известные артисты и спортсмены, государственные и партийные чиновники. Иное дело — сфера социальных исследований. Тут чем сложнее проблемы с научной точки зрения, тем настырнее в них суют нос именно политики, журналисты, чиновники, бизнесмены и прочие значительные личности, причем суют нос с претензией на открытия, понимание и поучительство. Тут отстаивание научного подхода к социальным явлениям надо начинать именно с самых фундаментальных и очевидных принципов.

Научный подход не есть нечто одинаковое для всех людей и для всех ситуаций познания. Он может иметь различные степени развитости, различные степени четкости, различные степени «растворенности» (концентрации) в общем объеме мышления и познания. Обычные, средненормальные люди так или иначе овладевают какими-то элементами научного подхода или даже сами открывают их, не отдавая себе в этом отчета. И даже выдающиеся мастера научного подхода так или иначе покидают позицию научного подхода и отдаются во власть обывательского и идеологического способа мышления. Так, один из самых выдающихся умов в истории человечества — Маркс — создал в общем и целом величайшую в истории нерелигиозную идеологию, а не науку, хотя стремился к научному пониманию общества и был убежден в том, что создал именно таковое. Сколько лет марксизм превозносился как самая что ни на есть подлинная наука об обществе! Сколько миллионов людей было в

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

этом убеждено и все еще убеждено! Точно так же обстоит дело с западной сферой социальной мысли, в которой, на самом деле доля научного подхода не превышает таковую в марксизме.

В общей словесной форме принципы научного подхода к исследуемым объектам выглядят очень простыми и бесспорными. К их числу относится, прежде всего, принцип субъективной беспристрастности, т.е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет. Сам по себе научный подход не гарантирует истину. Он может привести к заблуждению. Но его целью является все-таки истина, а не воздействие на умы и чувства людей, не имеющее ничего общего с познанием. Фраза «Платон мне — друг, но истина дороже» тут не просто крылатое изречение, а обязательное правило.

Позиция исследователя, руководствующегося принципами научного подхода к социальным явлениям, подобна позиции исследователя, наблюдающего муравейник. Заметив, например, разделение муравьев на различные категории, исследователь не становится защитником интересов одних из них, не раздражается гневом по поводу какой-то несправедливости, не предлагает никаких проектов более разумного и справедливого переустройства муравейника. Научный подход к социальным явлениям означает беспристрастное отношение к ним, отсутствие эмоциональной вовлеченности в отношения между людьми, безразличие к интересам тех или иных категорий людей. Он означает также правдивое описание изучаемых явлений, не считаясь с тем, какие чувства у людей это может вызвать. Но люди и их объединения по самой своей природе таковы, что они скорее примирятся с ложью о себе, чем с неприятной для них научной истиной. Они воспринимают такую истину как разоблачение своих сокровенных тайн, как клевету и как угрозу. Не случайно самопознание было истолковано в Библии как первородный грех. А в наше время беспристрастное научное познание

социальных объектов стало фактически всеобщим табу. Огромное число представителей рода человеческого стоит на страже этого табу, допуская к жизни лишь крупницы истины, к тому же обработанные так, что в них не остается яда познания.

Требование беспристрастности в отношении объектов неживой и живой дочеловеческой природы очевидно. Да и то порой исследователи не могут избавиться от своих симпатий и антипатий по отношению к объектам, с которыми имеют дело. А в сфере социальных объектов отношение исследователей к личностям, массам, движениям, партиям, классам, социальным системам и т.д. накладывает свою печать на то, что они говорят и пишут о них. Тут субъективизм и тенденциозность суть обычное дело. Устанавливаются оценочные штампы. Например, считается, что демократия — это хорошо, а диктатура — плохо, что коллективизация в России была злом, сталинизм был преступлением, советский период был черным провалом русской истории, Запад есть средоточие всех добродетелей, Советский Союз был империей зла. Попробуйте проанализировать с этой точки зрения то, что сообщается в средствах массовой информации на социальные темы, и вы вряд ли обнаружите беспристрастные (нетенденциозные) суждения. При ознакомлении советских людей с марксизмом всегда сообщалось, что Маркс и Энгельс перешли на позиции пролетариата, и это считалось признаком научности, а учения «буржуазных» мыслителей считались ненаучными уже на том основании, что они были на позиции буржуазии. А между тем именно классовая позиция Маркса была одной из причин, сбивших его с научного подхода к обществу и к социальной эволюции на идеологический.

Научный подход, далее, означает то, что исследователь в познании объектов исходит из наблюдения реально существующих объектов, а не из априорных (предвзятых) представлений, мнений, предрассудков. Социальные объекты суть эмпирические, т.е. наблюдаемые людьми посредством их природных органов чувств и усиливающих их приспособ-

лений объекты. Если таких объектов нет в реальности, то не может быть никакой науки о них. Измышления о несуществующих эмпирически объектах наукой не являются. Это вроде бы очевидно. Но фактически этот принцип постоянно нарушается и даже умышленно игнорируется не только на уровне обывательского мышления, но и в сфере профессиональной науки. Еще совсем недавно, например, считалось широко признанным убеждение, будто наука о «полном коммунизме» («научный коммунизм») возникла уже в прошлом веке, хотя этого полного коммунизма не было якобы даже в Советском Союзе. При этом исходили не из фактически данной советской реальности, а из утверждений людей, никогда не живших в реальном коммунистическом обществе, причем высказывавших свои суждения о коммунизме, когда его еще не было в реальности даже в виде первой его стадии, называвшейся социализмом. А многие мыслители шли в этом направлении еще дальше. Они полагали (думают так до сих пор), будто советский коммунизм был построен неправильно, поскольку согласно Марксу он должен был выглядеть совсем иначе. С точки зрения научного подхода к реальному коммунизму надо поступать как раз наоборот, а именно — брать за исходное то, как в реальности сложился социальный строй в Советском Союзе в силу его конкретных исторических условий и объективных социальных закономерностей, и смотреть, насколько созданная Марксом воображаемая картина будущего для него общества соответствует этой реальности. Неправильной тут является не реальность, а априорная теоретическая концепция, применяемая к ней.

Точно такая же ситуация сложилась и в отношении к современному социальному строю западных стран. Общепринято считать его капиталистическим с экономической точки зрения и демократическим с политической точки зрения. Причем капитализм и демократия описываются так, как это сложилось в XIX веке и в первой половине XX века в западной идеологии. И до сих пор тысячи специалистов упорно жуют и пережевывают эти ставшие бессмысленными пред-

ставления, игнорируя тот очевидный факт, что социальный строй западных стран радикальным образом изменился, что во второй половине XX века в этом отношении на Западе произошел качественный перелом. И даже самые умные и трезвые западные теоретики говорят об отклонении нынешней экономической и политической системы Запада от некоего правильного капитализма и некоей правильной демократии.

Научный подход означает, что исследователь познает то, что существует, возможно, невозможно, необходимо, случайно, закономерно и т.д., независимо от того, познает это исследователь или нет, а не выдумывает то, что должно быть или чего не должно быть по его мнению. Позиция должествования не есть позиция научная.

Социальные объекты суть объекты исторические, т.е. возникают в какое-то время, существуют в конечном временном интервале и в конце концов прекращают существование. Кажется естественным, что научный подход к ним должен заключаться в изучении конкретной истории их конкретных экземпляров. Но эта кажимость ошибочна. Не изучение конкретной истории дает ключ к научному пониманию социального объекта, а, наоборот, изучение сложившегося (до известной степени) объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса его формирования. Надо знать то, что сложилось в результате исторического процесса, чтобы понять, как это происходило в истории.

Предмет логической социологии

Будем для краткости вместо выражений «логическая социология» употреблять аббревиатуру ЛС, а вместо выражений «социальный объект» и «социальные объекты» употреблять аббревиатуру СО.

Я мыслю логическую социологию (ЛС) как науку о языке и методах исследования социальных объектов (СО). Но это еще не определяет специфику ЛС. ЛС рассматривает пред-

мет своего внимания с логической точки зрения. Но и это еще недостаточно для определения ее специфики. Для характеристики фактического состояния языка и методов социальных исследований с логической точки зрения никакая особая наука не требуется. Тут и без особой науки очевидно, что языковые и исследовательские средства сферы размышлений, разговоров и сочинительства на темы о СО, как правило, не удовлетворяют критериям логики и методологии науки, находятся на некотором дологическом уровне. Задача ЛС, в моем представлении, гораздо серьезнее: осуществить логическую обработку этих средств, усовершенствовать их так, чтобы они стали соответствовать критериям логики и методологии науки. Таким образом, ЛС должна быть наукой не описательной, а изобретательной.

Чтобы успешно выполнить эту задачу, необходимо, во-первых, быть специалистом в области логики и, во-вторых, достаточно много знать о СО, т.е. быть также специалистом в области социологии. Это — работа с целью разработки не логики, а социологии. Это — разработка особой социологической теории, которая могла бы послужить в интересах исследования СО. Но сама эта теория должна быть построена с помощью логических средств. Каких именно? В готовом виде таких средств в логике просто нет. Развитие логики, непомерно раздутое в пропаганде, на самом деле оказалось весьма однобоким, ограничившись самыми примитивными логическими знаками. К тому же логикой завладели ложные философские концепции, исключавшие разработку ее в интересах опытных наук. Содержательный аспект логических объектов (знаков, операторов, операций) просто выпал из поля внимания логиков. А в так называемой философии естествознания, где этот аспект рассматривался в связи с методологическими проблемами конкретных опытных наук (в особенности — физики), полностью игнорировался логический (формальный) аспект. Так что мне пришлось радикально пересмотреть состояние исследований в сфере логики и методологии науки, выработать свою собственную логическую концепцию и расширить сам аппарат логики с

ориентацией на методологические проблемы социальных исследований. Достаточно популярное описание этой концепции дано в первой части книги.

Обратимся к терминологии, относящейся к СО, т. е. к сфере социальных исследований. В нее включаются такие, например, термины: социальный индивид, группа, класс, общество, власть, управление, государство, право, закон, хозяйство, экономика, собственность, деньги, партия, диктатура, демократия, стоимость, прибыль, рентабельность, менталитет, религия, идеология, коллектив, капитализм, коммунизм и т.д. И вся эта терминология, если ее рассмотреть с точки зрения требований научного подхода к социальным явлениям, не удовлетворяет логическим критериям. Об этом говорит хотя бы тот факт, что нет единых и общепризнанных определений смысла этих слов. Насчитываются десятки различных определений только в самой сфере профессиональной науки. В подавляющем большинстве случаев употребляющие эту терминологию люди даже не в состоянии объяснить смысл этих слов самих по себе, довольствуясь лишь их контекстуальным смыслом, т. е. изученным их употреблением в подходящих наборах фраз. Это объясняется не столько тем, что люди всего лишь не могут договориться об однозначности понятий, сколько тем, что люди вообще не владеют логической техникой определения научных понятий.

Сам факт существования упомянутой терминологии говорит о том, что какое-то множество СО известно, выделено исследователями и зафиксировано в языке. Вместе с тем, состояние ее свидетельствует о состоянии способа понимания обозначаемых ею СО. И логическая ее обработка (в моем понимании) должна стать созданием нового способа понимания этих СО. И не только этих, зафиксированных в известных терминах, но и любых других, еще не отраженных в языке.

Правила обработки терминологии тут (в ЛС) те же самые, что и в логике, поскольку и тут приходится иметь дело с языковыми выражениями. Но тут имеет место отличие от

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

логики. Во-первых, в ЛС предполагается, что логика уже в достаточно значительной мере разработана в том направлении, о котором говорилось выше. В частности, разработана теория определения терминов, в которой описаны виды определений, без которых невозможно дать научные определения основных социологических понятий. Построена логическая онтология, в которой определены комплексы логических понятий, относящихся к изменениям объектов, к пространству и времени, к эмпирическим связям, к эмпирическим законам и т. д. Во-вторых, ЛС предполагает достаточное знакомство с социальными объектами и с результатами их познания, т. е. с состоянием социологических исследований. И в-третьих, логическая обработка языка и методов социальных исследований означает выход за рамки логики в сферу методологии социологии. Логика, сыграв свою роль, тут как бы поглощается конкретной методологией социологии и, затем, конкретным содержанием социологической теории.

Хочу особое внимание обратить на следующую установку ЛС. Логической обработке подлежат не термины, взятые по отдельности, как это делается в справочниках и словарях, а вся совокупность языковых средств, относящихся к сфере СО, как нечто целое. Я как автор ЛС знаком с этой терминологией и с состоянием понимания сферы СО, фиксируемым в ней. Но я строю особую социологическую теорию, отличную от всех известных мне текстов о СО, в которой в качестве одной из задач осуществляется и логическая обработка всей терминологии, фигурирующей в сфере социальных исследований.

Методы логической социологии

ЛС есть теория, дающая научное понимание СО. Для ее построения используются самые разнообразные приемы научного подхода к изучаемым объектам. Сама эта теория, в свою очередь, становится средством решения каких-то проблем, касающихся СО. В частности, она является необ-

ходимым условием научного понимания таких важнейших явлений современности, как гибель советского коммунизма, западнизм, постсоветизм в России, глобализация и других.

Отталкиваясь от некоторых знаний о СО и приобретая о них некоторую информацию по мере надобности, что в наше время информационной избыточности не представляет трудности, ЛС осуществляет свою исследовательскую работу логическими методами. Для исследователя в данном случае достаточно иметь голову на плечах, правда — голову, специально обученную и подготовленную к этому. Работа исследователя в этом случае сродни работе математика и физика-теоретика. Отличие в нынешних условиях (как в математике, так и в социологии) состоит в том, что исследователь в ЛС еще должен сам изобретать свой аппарат исследования. Продукт его творчества должен сам становиться аппаратом для этого творчества. Эта ситуация подобна ситуации в современной логике. Более того, ЛС с этой точки зрения выступает как дополнение к логике.

Основные методы ЛС суть методы определения понятий, мысленного эксперимента и комбинаторики. В первом случае имеется в виду не просто сумма определений множества слов, а комплекс взаимосвязанных определений, упорядоченных в единую теоретическую конструкцию — в своего рода дефинитивную теорию, которая по идее должна послужить самым фундаментальным разделом социологии. Задача ее — определить сферу объектов, подлежащих исследованию. Тут исследователь принимает сознательно-волевое решение выделить эти объекты и в дальнейшем не выходить за эти рамки, не искать какие-то более глубокие закономерности, причины, основы и т. и. интересующих его объектов, чем те, которые описываются в ЛС. В ЛС описываются самые глубокие основы социальных механизмов. Эти основы не есть нечто спрятанное в секретных учреждениях и документах, вознесенное на высшие высоты социальной иерархии или утопленное в неких толщах народной жизни. Они суть нечто в высшей степени будничное, обыденное и вроде бы очевидное. Ум исследователя тут нужен для того, чтобы

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

заметить это, оценить и зафиксировать в форме теории рассматриваемого типа. Тут определения человека как социального существа, человеческого объединения, социальной организации, власти, управления, социальных клеточек, бизнеса, хозяйства, менталитета, идеологии, собственности, права и прочих СО должны быть построены так, чтобы тем самым фиксировались фундаментальные социальные законы. Последние по самой своей природе таковы, что для обнаружения их нужна именно логическая обработка общедоступной информации.

Ко второй категории методов ЛС относятся методы мысленного эксперимента. Мысленный эксперимент заключается в том, что исследователь мысленно осуществляет операции с изучаемыми объектами, подобные тем, какие совершают ученые в опытных науках в своих лабораториях. Эти операции суть познавательные: конечной целью их являются знания об объектах, что бы при этом ни делалось с объектами. Особенность социальных исследований с этой точки зрения состоит в том, что они осуществляются как допущения относительно мыслимых объектов и логические рассуждения. Рассмотрим такой простой пример. Допустим, что некоторый человек вынужден наниматься на работу с целью заработать на жизнь. Допустим, что он имеет возможность выбирать из двух мест, которые одинаковы во всем, кроме размера заработной платы. Допустим, что человек вполне нормален и умеет оценить ситуацию выбора правильно. Какое место работы он выберет? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо в явном виде сформулировать некоторые фундаментальные утверждения, определяющие человека как социального объекта (социального атома). Среди них — закон экзистенциального эгоизма, согласно которому человек не действует во вред себе, он отдает предпочтение тому, что в его интересах. И теперь вы чисто логически можете сделать вывод, что наш гипотетический человек предпочтет то место работы из двух, на котором заработная плата выше.

В этом аспекте ЛС есть гипотетическая теория. Задача исследователя при этом не ограничивается операциями мыс-

ленного эксперимента. Он еще должен изобрести особые правила в дополнение к правилам логики, позволяющие выводить логические следствия из получаемых в мысленном эксперименте знаний. Такие правила могут быть взяты из математики, если подходящий раздел уже создан в ней. Но при всех обстоятельствах эти правила должны быть привнесены извне применительно к характеру знаний.

Социальные объекты (СО) суть люди и их разнообразные комбинации. Для исследования их естественно напрашиваются методы комбинаторики. Если точно определены СО, подлежащие исследованию, и выполняются требования мысленного эксперимента, то с помощью правил комбинаторики становится возможным выяснить все логически мыслимые характеристики объектов, их границы и варианты. Установив эти варианты, мы можем с полной уверенностью утверждать, что в реальности возможны частные случаи соответствующих СО только в рамках этих вариантов и их логически допустимых комбинаций. Таким образом, результаты ЛС имеют априорный характер.

Социальные объекты суть объекты исторические, т. е. возникают в какое-то время, существуют в конечном временном интервале и в конце концов прекращают существование. Кажется естественным, что научный подход к ним должен заключаться в изучении конкретной истории их конкретных экземпляров. Но эта кажимость ошибочна. Не изучение конкретной истории дает ключ к научному пониманию социального объекта, а наоборот, изучение сложившегося (до известной степени) объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса его формирования. Надо знать то, что сложилось в результате исторического процесса, чтобы понять, как это происходило в истории.

Надо различать два вида подхода к социальным явлениям как к историческим — два вида историзма. Один из них можно видеть в истории как особой сфере науки. Ее основная установка — выяснение того, что конкретно происходило в таких-то районах планеты в такое-то время. Второй вид

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

историзма можно видеть в социологических концепциях, так или иначе учитывающих исторический характер социальных объектов, а также рассматривающих эти объекты с точки зрения их эволюции во времени. Тут не конкретное пространство и время принимается во внимание, а обобщенные пространственно-временные характеристики объектов того или иного рода.

В ИС используется лишь историзм второго вида. Что касается историзма первого вида, то СО признаются как явления в конкретной истории, но последняя не рассматривается. Более того, прошлое СО нам известно лишь из сочинений специалистов-историков. А в них оно сфальсифицировано настолько, что надежной информацией о СО они служить не могут. ЛС выбирает в качестве эмпирического материала такие экземпляры СО, которые наиболее удобны с точки зрения наблюдения и в которых интересующие ее явления выражены наиболее отчетливо. Ссылки на конкретную историю СО могут служить материалом для пояснения понятий и утверждений ЛС, но не логически бесспорным аргументом в их достоверность.

ЛС ориентируется на изучение и научное описание того, что можно наблюдать в настоящем (современность). Ее задача — теоретическое осмысление результатов наблюдения существующей реальности. И лишь на этой основе она может предложить средства научного прогнозирования будущего и получения достоверных суждений о прошлом (ретросказаний).

Социальный атом

Все в мире есть результат комбинирования некоторых элементарных частичек — атомов. Я принял это допущение в отношении социальных объектов. Что считать социальными атомами, это напрашивается само собой: людей. Но не просто людей со всеми теми свойствами, какие вообще у них можно обнаружить, а лишь с такими, которые непосредственно играют социальную роль и учитываются в опре-

делении человека как социального атома. Человек в этом качестве не делится на части, которые сами суть социальные объекты. Он в этом качестве состоит из тела, способного выполнять необходимые для его существования действия, и особого органа, управляющего телом, — сознания. Задача сознания — обеспечить поведение тела, адекватное условиям его жизни, и его самосохранение.

Социальных атомов много. Они как-то различаются. Но в логической социологии принимается во внимание лишь наличие у них тела и сознания. При этом предполагается, что способности того и другого у всех нормальных атомов практически одинаковы. Отклонения от норм во внимание не принимаются. Люди в качестве социальных атомов различаются по положению в скоплениях себе подобных и по функциям в этих скоплениях. Например, логическая социология не интересуется индивидуальными особенностями, благодаря которым один атом стал президентом страны, а другой — мусорщиком. Для нее важно лишь то, что существуют различные социальные позиции, на которые как-то попадают различные социальные атомы, способные выполнять различные функции.

В ЛС происходит отвлечение от биологических свойств людей. Эти свойства не отрицаются. Они предполагаются данными и известными. Они здесь лишь не являются предметом исследования. Все СО суть явления телесные, биологические, живые. И объединения людей таковы. Социальное без биологического вообще не существует. Социальное возникает как новый, более высокий уровень бытия живого. Когда фантасты говорят о небιологических существах, обладающих свойствами СО, они допускают логическую ошибку, абсолютизируя абстракцию.

В ЛС предполагается, что социальные атомы рождаются, растут, достигают зрелости и умирают; размножаются, производят потомство, заботятся о нем; нуждаются в еде, одежде, жилище и т.д.; вступают в физические контакты; перемещаются в пространстве. Они вступают в социальную жизнь, обладая множеством прирожденных, передаваемых

по биологическому наследию свойств, в их числе — с чувственным аппаратом психики, со способностью к волевым поступкам по законам экзистенциального эгоизма (например, стремление избегать опасности) и т.д. Все это, повторяю, предполагается данным и известным. Ссылки на это делаются по мере надобности, лишь в той мере, в какой это требуется для понимания специфики социальности.

Очень важно всегда помнить о том, что СО (в моем понимании) — это не некие безликие «базис», «экономика», «производительные силы», «производственные отношения» и т.п., а люди как социальные атомы и их объединения.

Сознание

Теме сознания посвящена первая часть книги. Тем не менее я считаю нелишним повторить сказанное там.

Хотя человечество добилось баснословных успехов в познании бытия, до сих пор живет и даже преобладает взгляд на человеческое сознание как на особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной (вещной). Это разделение духа и материи и лишение духа материальности из религии перешло в идеалистическую философию (или наоборот?), а из идеалистической философии — в «перевернутом» виде в философский материализм. На самом деле сознание людей (мышление, дух) есть явление не менее материальное, чем прочие явления живой и неживой природы. Никакой бестелесной (нематериальной, идеальной) субстанции вообще не существует. Сознание есть состояние и деятельность мозга человека со связанной с ним нервной системой. Идеи (мысли) суть состояния клеток мозга и комплексы вполне материальных знаков. И если люди при рассмотрении и переживании идей отвлекаются от всего этого или не отдают себе в этом отчета, если они абстрагируют лишь один аспект идей, а именно — аспект отражения мозгом и знаками явлений реальности, или сосредоточивают лишь на нем внимание, то это не означает, будто идеи на самом деле таковы. Таким

путем можно навывдумывать любое число неких бестелесных субстанций, абстрагируя отдельные признаки предметов и приписывая им самостоятельное существование (длина, скорость, сила и т.п.). Надо заметить, что в наше время многие ученые на высотах науки в этом отношении ничем не отличаются от дикарей, попов и философов.

В человеческом сознании надо различать содержание (образы мысли) и «аппарат». Обычно, говоря о сознании людей, имеют в виду содержание сознания и игнорируют аппарат сознания, без которого это содержание не существует. Положение тут подобно тому, как если бы мы захотели сохранить написанное на холсте масляными красками изображение, уничтожив материальные холст и краски, или сохранить описание событий в книге, уничтожив бумагу и типографскую краску, благодаря которой напечатаны буквы.

Аппарат сознания человека состоит из чувственного, биологически прирожденного и передаваемого по биологическому наследству аппарата и знакового, искусственного, не прирожденного и не передаваемого по биологическому наследству аппарата. Первый состоит из головного мозга, нервной системы и органов чувств. Он неотделим от человеческого тела, есть часть тела. Он обладает способностью создавать в себе чувственные образы явлений реальности (ощущения, восприятия), хранить их в себе (память), воспроизводить без непосредственного воздействия явлений внешнего мира, комбинировать из имеющихся образов новые (воображение, фантазия) и т.д. Этот аппарат изучается психологами и физиологами. Второй (знаковый) аппарат возникает на основе первого (чувственного), предполагает его в качестве необходимого условия и средства, переплетается с ним. Чувственный аппарат испытывает влияние знакового. По мере разрастания знакового аппарата роль его в сознании людей становится настолько значительной, что он становится доминирующим.

Суть знакового аппарата заключается в том, что люди с помощью чувственного аппарата устанавливают соответствие между различными явлениями реальности и оперируют

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

одними из них как своего рода заместителями или двойниками других. Со временем изобретаются или отбираются особого рода предметы, удобные для этой цели. Они отделимы от человека, легко воспроизводимы, могут накапливаться из поколения в поколение. Изобретаются правила оперирования знаками. Этим правилам обучаются с рождения. Они не наследуются биологически. В своем чувственном аппарате люди оперируют чувственными образами знаков как заместителями обозначаемых ими предметов. На рассмотренной основе развивается язык и способность оперировать языковыми знаками по особым правилам, высшим уровнем которых являются логические правила.

Знаки, включая знаки языка, суть все без исключения материальные (вещественные, осязаемые, видимые, слышимые) явления. Никаких нематериальных знаков не существует. Возможно такое, что из данных знаков образуется новый знак или с их помощью изобретается новый знак, для которых нет реального предмета или предмет остается лишь воображаемым («круглый квадрат», «всемогущий Бог»). Но невозможно такое, чтобы знак был нематериален, т.е. невидим, неслышим, неосязаем.

Сознательное действие

Будем называть сознательным такое действие (поступок) человека, когда человек до совершения этого действия имеет в сознании цель действия, т.е. осознает, в чем именно должно заключаться действие, и рассчитывает на определенный результат действия. Совокупность действий человека образует его поведение. Поведение человека включает в себя сознательные действия, но не на сто процентов состоит из них. Люди в значительной мере действуют непроизвольно, наугад, животнобразно. Так что можно говорить лишь о степени сознательности поведения. Эта степень достаточно велика, чтобы положить между животными и людьми непреодолимую для первых преграду и породить новое качество в эволюции живой материи. На мой взгляд, именно доста-

точно высокая степень сознательности поведения образует самое глубокое основание качественного «скачка» человека в эволюции живой материи. Во всяком случае, вся социальная эволюция начинается с этого.

Сознательное действие не всегда рационально (разумно) в смысле соответствия условиям и успеха. Действие может быть сознательным и в то же время нерациональным (неразумным), т.е. безуспешным, неудачным и даже вредным для человека. Действие может быть бессознательным, но рациональным в смысле соответствия условиям и успеха. Сознательность действий не дает автоматически гарантий, что поведение людей будет в таких случаях мудрым и успешным. Глупость, ошибки и неудачи в поведении людей суть столь же обычные проявления сознательности, как и умность, правильность и успешность. Сознательность действий есть прежде всего появление в действиях живых существ нового ингредиента — сознания. А то, что это послужило основой колоссального прогресса обладающих сознанием существ сравнительно с прочим животным миром, это явилось результатом истории, а не исходным пунктом. В этом «скачке» прогресс не был запланирован.

Сознание является фактором человеческих действий не само по себе, а посредством эмоционально-волевого механизма. Этот механизм является продуктом биологической эволюции людей. Он становится компонентом человеческой деятельности благодаря сознанию.

Люди выделились из животного мира и образовали качественно новый уровень в эволюции живой материи благодаря сознанию и сознательному поведению. На этой основе у них развились три способности, сыгравшие и продолжающие играть решающую роль в их эволюции. Это, во-первых, способность сохранять, накапливать и использовать результаты и средства познания окружающего мира независимо от биологически прирожденных средств. Это, во-вторых, способность сохранять, накапливать и изобретать материальную культуру независимо от биологических способностей и готовых даров природы. Это, в-третьих, способность

самоорганизовываться независимо от биологически наследуемой способности поведения.

Социальное объединение

Объединением множества предметов в единое целое называют такое скопление предметов в ограниченном пространственном объеме, которое существует (воспроизводится) достаточно долгое время, причем — благодаря взаимосвязям этих предметов. Объединения людей образуются и сохраняются благодаря действию многочисленных и разнообразных факторов. От всех прочих объединений человеческие объединения отличаются тем, что в числе объединяющих факторов тут появляются факторы социальные. Со временем эти факторы становятся все более и более значимыми и доминирующими в комплексе объединяющих факторов, — возникают объединения социальные. В чем именно состоит специфика таких объединений?

Специфика таких объединений заключается в том, что в них среди объединяющих факторов фигурирует сознательное объединение людей как социальных атомов для совместных сознательных действий. А чтобы объединение как целое совершало сознательные действия, оно должно как целое обладать управляющим органом, сознанием. Для этого должно произойти разделение членов объединения на таких, которые становятся воплощением мозга объединения, и таких, которые становятся управляемым телом объединения. Часть членов объединения должна стать носителями и исполнителями функции сознания объединения.

Если в человеческом объединении не происходит рассмотренное выше разделение на управляющий орган и управляемое тело, оно оказывается нежизнеспособным. Управляющий орган должен быть один. Он может быть сложным, расчлененным на части, но он сам должен быть единым объединением. Если в объединении появляются два или более таких органов, возникают конфликты, объединение распадается или образуется какой-то неявный орган

единства, подчиняющий себе явные, претендующие на эту роль. Борьба за единовластие в объединении есть форма проявления рассматриваемого закона. Образно говоря, Наполеон в армии должен быть один. Если их два, в армии идет между ними борьба за первенство. Много Наполеонов делают армию небоеспособной. Это не дело характеров людей, а проявление объективных законов.

И управляемое тело тоже должно быть одно (едино) в том смысле, что в нем не должно быть части, которая не подлежит контролю управляющего органа. Если такая часть возникает, то подобное отклонение от закона сказывается на состоянии объединения и в конце концов как-то преодолевается (если, конечно, объединение не погибает). Бывают случаи, когда один и тот же управляющий орган управляет двумя и более объектами. Но это бывает в порядке исключения и временно. Или управляемые тела имеют какую-то компенсацию такого дефекта.

Помимо разделения членов объединения на управляющий орган и управляемое тело происходит разделение функций членов объединения в других аспектах. При этом способности, слитые в социальном атоме в единство, дифференцируются в качестве функций различных членов объединения, образующих органы целого.

Части объединения людей, регулярно выполняющие в нем определенные функции, становятся органами объединения. Между органами и исполняемыми ими функциями устанавливаются закономерные отношения. Назову два основных из них. Во-первых, орган и функция в идеале должны взаимно-однозначно соответствовать друг другу, т.е. определенные функции должен выполнять определенный орган, а орган должен выполнять только эти функции. Во-вторых, между органом и функцией должно иметь место отношение взаимной адекватности. Тут тоже речь идет о соответствии, но иного рода, а именно о том, насколько орган справляется с исполнением функции и насколько функция отвечает возможностям органа. Орган со временем изменяется, усложняется, увеличивается, совершенствуется. Изме-

няется и функция (усложняется, дифференцируется), а также условия ее исполнения. Так что адекватность органа и функции постоянно нарушается. Но действует и тенденция к ее установлению. В реальности это происходит как борьба, полная драматизма и жертв.

Сложные социальные объекты суть комбинации социальных «атомов», воспроизводящие основные черты этих «атомов». Так что их можно рассматривать как эмпирически реализующиеся экземпляры из числа логически непротиворечивых вариантов. Законы образования сложных объединений, как и вообще социальные законы, универсальны, т.е. имеют силу везде и всегда, где имеются соответствующие им условия. Например, фундаментальный закон дифференциации объединения на тех, кто выполняет функции управляющего органа (мозга, сознания), и тех, кто выполняет функции управляемого тела, имеет силу в отношении объединений из нескольких человек (минимум из двух) и в отношении объединений из сотен миллионов человек.

Социальные законы

Социальные объекты по нашему определению суть особого рода объединения людей и люди как члены этих объединений, как социальные атомы. Эти объекты не наследуются биологически. Они искусственно изобретаются, сохраняются (воспроизводятся) и эволюционируют благодаря сознательно-волевой деятельности людей. Это не означает, будто они суть продукты субъективного произвола людей. Существуют определенные объективные законы, с которыми так или иначе люди вынуждены считаться в своей жизнедеятельности в этом ее аспекте. Эти законы объективны в том смысле, что не зависят от того, знают о них люди или нет (как правило, они о них не знают или не осознают их в качестве именно объективных законов). И что бы люди ни предпринимали, они не в силах отменить факт существования этих законов. Социальные законы суть законы организации людей в их объединениях и их поведения в аспекте этой организации и в ее рамках.

Социальные объекты суть объекты эмпирические. Значит, на них распространяется все то, что говорилось об объективных законах (в первой части книги).

Но они обладают свойствами, отличающими их от всех прочих эмпирических объектов, а именно — они обладают интеллектом, волей, способностью ставить цели и добиваться их осуществления, способностью планировать свои действия и предвидеть их результаты, короче говоря — обладают тем, что называют субъективными факторами. Наличие этих факторов порождает трудности в отношении признания объективных социальных законов, аналогичных в рассмотренном выше смысле законам объектов неживой и живой до-человеческой (неразумной) природы. В самом деле, о каких независимых от воли и сознания людей законах может идти речь, если социальные объекты суть существа, наделенные волей и сознанием?!

Особенность социальных законов, далее, состоит в том, в каком смысле они объективны. Тут мало признать объективность в том смысле, в каком мы признаем объективность законов и вообще явлений неживой и до-человеческой живой природы, т. е. в смысле признания их существования вне сознания исследователей, независимо от воли и сознания исследователей. Проблема тут заключается в том, что социальные законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей. Кажется, будто одно исключает другое, будто тут имеет место логическое противоречие. На самом деле никакого противоречия нет. Тут надо различать два различных явления, а именно отдельно взятые действия людей как эмпирические объекты и законы таких действий. Отдельно взятые социальные действия людей являются сознательно-волевыми, но законы этих действий таковыми не являются. Отдельные действия суть эмпирические явления, которые можно наблюдать непосредственно. Законы же их так наблюдать невозможно. Для обнаружения их, повторяю, нужна особая работа ума, особые познавательные операции.

Социальные и природные законы

С точки зрения этих операций и логических свойств суждений, получаемых посредством таких операций, нет принципиальной разницы между суждениями о законах физики, биологии и т. д. и суждениями о социальных законах.

Классическим примером первых может служить закон механики: «Тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения до тех пор, пока внешние силы не выведут его из этого состояния». Логическая структура его в явном виде такова: «Если на тело не действуют никакие внешние силы (условие **A**), то оно будет сохранять состояние покоя или прямолинейного равномерного движения (**B**)». Наблюдать ситуацию, фиксируемую в **B**, невозможно. Можно наблюдать только бесчисленные факты перемещения тел, причем с ускорением, с замедлением, по различным траекториям, с меняющимися траекториями и скоростями. Никто также не наблюдал то, о чем говорится в **A**, ибо на тела обычно действуют какие-то внешние силы. Это утверждение было изобретено впервые Ньютоном, причем изобретено не по правилам простой индукции, а по правилам мысленного эксперимента.

Возьмем для сравнения один из самых простых социальных законов. Если человек вынужден выбирать из двух вариантов поведения, которые одинаковы во всем, кроме одного признака, он выбирает тот из них, который лучше для него с точки зрения этого признака. В частности, если человек вынужден выбирать место работы из двух вариантов, которые одинаковы во всем, кроме зарплаты, и зарплата есть единственный источник существования для него, то он выберет тот вариант, где платят больше. В реальности такие условия выбора вряд ли могут встретиться. В реальности людям приходится выбирать из вариантов, различающихся по многим признакам, выбирать под давлением всякого рода обстоятельств, а не только из расчета на абстрактно лучший вариант. К тому же люди совершают ошибки в оценке ситуаций.

Нарушение социальных законов

Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Как раз наоборот, люди их обычно вообще не знают и постоянно игнорируют их, поступая так, как будто никаких таких законов нет. Но люди столь же часто игнорируют законы природы, отчего последние не перестают существовать.

Возьмем такой простой пример для пояснения. Пусть некоторое множество людей решило создать группу с целью совместных действий, для которых требуется именно много людей. Это решение их сознательное и волевое. Но чтобы группа могла достаточно долго функционировать как единое целое и справиться с задачей, в ней должен быть руководитель или даже группа руководящая, причем руководитель должен быть достаточно компетентен (адекватен делу), как и прочие члены группы. И эти требования суть объективные законы организации и успеха дела.

Они суть не зависящие от сознания и воли людей факторы их сознательно-волевой деятельности. Люди не в состоянии отменить эти факторы по своему произволу, как они не в состоянии отменить закон тяготения. Люди изобрели летательные аппараты, позволяющие преодолевать силу тяготения. Но это не означает, будто сила тяготения перестала действовать. Так и в сфере социальных явлений. Приняв решение назначить руководителем группы некомпетентного дурака и распределив обязанности членов группы, не считаясь с их квалификацией, люди тем самым не отменили упомянутый выше закон группировки и адекватности людей занимаемым должностям.

Они создали группу, подобную летательному аппарату, построенному без учета закона тяготения.

Вся история человечества полна бесчисленных примеров игнорирования законов организации государственности и экономики негативных последствий этого. Это дает основания теоретикам, идеологам и обывателям вообще отвергать социальные законы. Они представляют эти законы в виде

неумолимых механизмов, которые действуют явно в каждом отдельном случае, и люди не могут их игнорировать. На самом деле люди, игнорируя (и в этом и только этом смысле нарушая) одни социальные законы, действуют в силу каких-то других законов. В реальности одновременно действуют различные законы, так что каждый из них проявляется именно через массу отклонений и нарушений, как и законы природы. Если бы было возможно наблюдать механизмы природных законов изнутри их сферы, как мы это делаем в отношении социальных законов, мы увидели бы картину, аналогичную той, какую видим в общественной жизни.

Универсальность социальных законов

Социальные законы универсальны, т. е. одни и те же для всех времен и народов, где появляются социальные объекты, к которым они относятся, и соответствующие условия. Различны лишь конкретные формы их проявления и действия. Например, государственная власть организуется и функционирует по одним и тем же законам везде, где она возникает. Это не значит, что она везде одинакова. Она разнообразится в зависимости от различных факторов, достигает различных уровней развитости. Но законы, по которым это происходит, одни и те же. Поэтому исследователь, имеющий цель открыть именно социальные законы, а не что-то другое, вправе выбрать для наблюдения наиболее развитые и четко выраженные образцы социальных объектов. Нелепо, например, брать для исследования законов государственности примитивные общества, разумнее для этой цели выбрать западные страны с высокоразвитой системой государственной власти.

Социальные законы суть самые глубокие механизмы социальных явлений. Авторы сочинений на социальные темы так или иначе говорят о язвах общества и ищут тех, кто виновен в них. Одни при этом называют в качестве источника зол диктаторов и тиранов, другие — капиталистов и феодалов, третьи — партии и организации вроде партий

нацистов, партий коммунистов, органов государственной безопасности, четвертые — экономический и технологический прогресс, пятые — чрезмерный рост населения, шестые — идеологию, седьмые — биологические законы, и никто не называет такой источник зол и таких тиранов человечества, какими являются объективные социальные законы. От этих зол и тиранов человечество не избавится никогда и ни при каких обстоятельствах. Меняя условия своей жизни, люди избавляются от одних тиранов такого рода, но с необходимостью попадают во власть других, порою еще более жестоких. В мире никогда не было, нет и не будет идеального общества всеобщего благоденствия — не по произволу каких-то злоумышленников, а в силу объективных законов бытия.

Открытие законов

Наше время дает богатейший материал для познания социальных законов, близкий к лабораторным условиям. Мы являемся свидетелями крушения одних человеческих объединений и образования других. На наших глазах происходят стремительные и грандиозные социальные преобразования. Этот опыт позволяет пересмотреть традиционные и привычные социологические концепции, сложившиеся на основе опыта прошлых веков, отбросить многочисленные предрассудки, накапливавшиеся в сфере социальных исследований веками, и в том числе предрассудки в отношении к социальным законам.

Как уже было сказано выше, для обнаружения социальных законов требуются особые приемы исследования. Самыми фундаментальными из них являются приемы лабораторного эксперимента, т. е. искусственное создание условий, при которых имеет силу закон в «чистом виде», приемы отбора ситуаций, близких к условиям лабораторного эксперимента, и приемы мысленного эксперимента. Лабораторный эксперимент в сфере социальных объектов затруднен или невозможен вообще, так что остаются главным образом второй и

третий из упомянутых случаев. Иногда второй случай бывает весьма близок к лабораторному, как это было, например, в годы формирования русского коммунизма и как это можно наблюдать в современной (постсоветской) России. Но все же и в этом случае приходится прибегать к приемам мысленного эксперимента. Мысленно можно допустить любые условия. Но при этом далеко не всегда можно чисто логически выявить закон, как это, например, имеет место в случаях, когда требуются измерения и вычисления величин.

Виды законов

Социальные законы разнообразны. Одни из них (самые фундаментальные) обнаруживаются уже при экспликации понятийного аппарата социальных исследований. Назовем их дефинитивными. Таковы, например, законы, касающиеся основных аспектов, уровней и сфер социальной организации человеков. Выявление других законов предполагает анализ сложных объектов. Назовем их аналитическими. Таковы, например, законы, касающиеся взаимоотношений различных компонентов социальной организации. Третьи фиксируют количественные характеристики объектов и их зависимостей. Обнаружение их предполагает эмпирические измерения и вычисления величин. Имеется группа законов, фиксируемых в той части логической социологии, которую мы называем социальной комбинаторикой. Эти законы являются априорными по отношению к эмпирическим исследованиям.

Число социальных законов не ограничено логически. Их открытие ограничено способностями и потребностями исследователей. Все типы законов, которые можно видеть в естественных науках, в принципе, могут быть открыты и в сфере социальных явлений. Это обусловлено тем, что типы законов характеризуются способами их открытия исследователями, которые (способы) изобретаются самими исследователями в соответствии с правилами логики и методологии науки.

Законы диалектики

Рассмотрим такой пример. Люди по опыту знают, что в объединении людей, рассчитанном на длительное существование и деятельность в качестве единого целого, должен образоваться управляющий орган из одного или нескольких членов объединения. Он должен взять на себя функции, аналогичные функциям мозга отдельно взятого человека. На долю прочих членов объединения выпадают функции управляемого тела. Если это не будет сделано, объединение будет нежизнеспособным, будет плохо функционировать и распадется. Выражаясь языком диалектики, тут происходит раздвоение единого: члены объединения разделяются на руководителей (управляющих), воплощающих в себе «мозг» объединения, и руководимых (управляемых), воплощающих в себе управляемое «мозгом» «тело» объединения. Первые сохраняют тело, вторые — мозг. Но в объединении происходит их разделение и воплощение в его различных частях. Эти части противоположны — одна управляет, другая управляется. Их функции и интересы в этом отношении противоположны. Вместе с тем они образуют единство. Одна часть нуждается в другой. Лишь в единстве они могут существовать как целое. И лишь в целом они оказываются противоположностями.

Анализируя такого рода сравнительно простые ситуации, я установил для себя следующее. То, что философы в весьма туманной (именно философской!) форме обобщают под именем законов диалектики, отчасти может быть понято как неявные определения понятий и логические следствия из этих определений (т. е. как дефинитивные законы, по моей терминологии), а в другой части — как законы эмпирической комбинаторики. Поскольку я ограничивался сферой социальных объектов, я эти законы для себя назвал законами социальной комбинаторики.

Рассмотрим, например, закон диалектического отрицания.

Эволюция социальных объектов включает в себя возникновение качественно новых, более высоких уровней орга-

низации. При этом имеет силу закон «снятия» или диалектического отрицания. Заключается он в следующем. Возникновение более высокого уровня организации социального объекта означает, что некоторые явления более низкого уровня исчезают («отрицаются»), а некоторые сохраняются в новом состоянии в «снятом» виде, т. е. в виде, «очищенном» от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и «подчиненном» явлениям нового состояния. В таком «снятом» виде сохраняются те явления предшествующего состояния, без которых новый уровень невозможен. Отбрасываются те явления, которые препятствуют переходу на новый уровень. Так осуществляется историческая преемственность состояния и непрерывность процесса. Одновременно происходит перерыв непрерывности путем отбрасывания старого. Если эволюция идет дальше и происходит подъем на еще более высокий уровень, происходит второе снятие и второе отрицание — отрицание отрицания. Поскольку социальная эволюция есть эволюция объединений наделенных сознанием существ, а возможности осознаваемых преобразований логически ограничены, то отрицание отрицания выступает в некоторых чертах как отрицание каких-то черт предшествующего состояния, явившегося результатом первого отрицания, и как возврат к некоторым чертам состояния, предшествовавшего первому отрицанию, причем к чертам, отвергнутым первым отрицанием. В наше время действие этого закона очевидным образом можно наблюдать в грандиозных масштабах в процессах, происходящих в бывшем коммунистическом и в западном мире.

Знание рассмотренных законов эволюции может стать средством исследования генезиса каких-то СО, поскольку прошлая история этих СО в «сокращенном» виде сохраняется в процессах воспроизводства и функционирования в настоящем. Например, это касается формирования языка, власти, норм поведения и т.д. Разумеется, это имеет силу не в отношении конкретных исторических форм, а лишь в отношении наиболее фундаментальных закономерностей.

Социальные законы и нормы

Надо различать социальные законы и социальные нормы. Большинство людей вообще не имеют понятия о том, что первые существуют в реальности. До сих пор нет признанной научной теории этих законов. Многие (если не большинство) теоретики отрицают их. Люди в своей жизнедеятельности так или иначе сталкиваются с ними, вынуждены как-то считаться с ними или испытывать последствия того, что не считаются с ними. Но при всех обстоятельствах они остаются факторами объективными. Социальные же нормы суть сознательно принимаемые решения людей, регулирующие их поведение, их взаимоотношения, структурирование и функционирование их объединений. К числу социальных норм относятся моральные и юридические нормы, правила этикета и другие. Социальные законы имеют силу, если есть соответствующие социальные объекты. Люди не в силах их отменить и изменить. Социальные нормы имеют силу, если приняты сознательные решения на этот счет и при этом имеются силы, принуждающие людей к соблюдению их. Социальные нормы могут отражать какие-то социальные законы или ограничивать негативные последствия игнорирования социальных законов. Они могут быть отменены, изменены, заменены другими. С их участием и благодаря им могут создаваться социальные объекты. Например, без социальных норм не может сложиться государственная власть и общество в целом. Но при всех обстоятельствах социальные нормы суть факторы жизнедеятельности социальных объектов, а не объективные законы этих объектов.

Человек

Социальные объединения многочисленны и разнообразны. Логическую основу для их систематического обзора дает выделение и анализ объединения такого типа, которое я называю человек. Это объединение обладает следующим комплексом признаков. Члены человека

живут совместно исторической жизнью, т.е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как целое, вступая в регулярные связи с другими членами человеиника. Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человеинике различные позиции. Причем эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий человеиника. Члены человеиника совместными усилиями обеспечивают самосохранение человеиника. Человеиник занимает и использует определенное пространство (территорию), обладает относительной автономией в своей внутренней жизни, производит или добывает средства существования, защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию. Он обладает внутренней идентификацией, т.е. его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих. Он обладает также внешней идентификацией, т.е. люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человеиника осознают их как чужих.

Таким образом, не всякое объединение людей есть человеиник. Скопление людей на стадионе, демонстрация, армейское подразделение, монастырь, союз охотников или писателей, коллектив сотрудников учреждения, партия и т.п. — все эти объединения человеиниками не являются. Они суть явления в человеиниках, но не человеиники согласно нашему определению.

Чловеиник характеризуется материалом (веществом, материей), из которого он строится, и организацией этого вещества. Материал человеиника образуют социальные атомы (люди) и все то, что создается и используется ими для существования, — орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения, домашние животные, культурные растения и прочие материальные явления. Будем называть это материальной культурой. В логической социологии материал человеиника принимается как данность

и рассматривается лишь как фактор, как-то влияющий на свою организацию. Объектом внимания становится организация материала — социальная организация людей как социальных атомов. Так что логическая социология может считаться теорией социальной организации человеичиков.

Описание социальной организации человеичика дает логические ориентиры для описания прочих человеческих объединений, т.е. прочих социальных объектов. Последние включаются в исследование в той мере, в какой они являются компонентами социальной организации человеичика, а по другой линии — как логически мыслимые типы человеичиков и ступени их социальной эволюции.

Человек в качестве социального атома возникает и существует лишь как член человеичика, а человеичик — лишь как объединение людей в этом качестве.

Самыми высокоразвитыми образцами человеичиков являются современные страны Западной Европы (Франция, Германия, Италия, Англия и другие), Советский Союз, Китай, Япония и т.д. Четкую грань между человеичиками и объединениями животных в прошлом (т.е. в начале истории человеичиков) установить невозможно.

Ее можно увидеть, лишь сравнивая современные человеичики и объединения животных. Качественное отличие тут дает знать о себе лишь со временем, когда новое качество разовьется достаточно высоко. После того, как будут описаны основные специфические черты человеичиков, можно будет точно указать, чем отличаются человеичики от объединений животных: тем, что у вторых нет таких черт, какие имеют первые. Мы увидим тогда, что их различие имеет место не по какому-то одному признаку или нескольким наряду, а по комплексу признаков, образующих единое целое.

История человечества есть история возникновения, жизни, борьбы, гибели и эволюции человеичиков. Имеется тенденция к слиянию всех людей в один глобальный человеичик. Но пока это — лишь тенденция. Пока трудно сказать, реализуется ли она полностью, и в какой форме, если да.

Человеческий материал

Множество членов челоуейника есть человеческий материал его. Этот материал не является раз и навсегда данным. Люди суть биологические существа. Они рождаются, живут ограниченное время и умирают. На их место приходят другие. Происходит регулярное воспроизводство человеческого материала. Это — постоянное необходимое условие существования челоуейника. Так что биологический механизм воспроизводства человеческого материала и его разрастание является исторически исходной и фундаментальной формой человеческого материала челоуейника. Это — семьи, их разрастание, роды, племена, союзы родов и племен. Со временем возникает новый вид и более высокий уровень человеческого материала, для обозначения которого я употребляю слово «народ».

Важно понять, что народ не есть всего лишь разросшаяся семья, род, племя, объединение родов и племен, т.е. не есть образование чисто биологическое. Это — новый тип и новый уровень человеческих объединений. Хотя народ и включает в себя биологически родственные группы, он как целое состоит из биологически неродственных людей и групп людей или из таких, которые хотя и имели общих предков, но утратили родственные связи. И со временем большинство достаточно большого народа становится объединением биологически неродственных людей. Народ есть объединение социобиологическое, хотя и возникающее из биологического материала, но возникающее и живущее по социальным, а не по биологическим законам.

В силу длительного совместного существования в человеческом объединении, складывающемся в единый народ, вырабатывается единый язык (если его не было до этого), устанавливаются бесчисленные личные контакты и деловые связи, совместные или сходные школы, сходные моды в одежде и традиции в быту, браки заключаются в основном в рамках этого объединения, люди проводят всю свою жизнь (за немногими исключениями) в этой среде, короче

говоря — образуется некая единая человеческая масса и среда, воспроизводящаяся в более или менее устойчивом виде из поколения в поколение. Люди оказывают влияние друг на друга, приспосабливаются к общим для них условиям бытия. Изобретаются средства искусственного воздействия на людей, вынуждающие их быть средне-нормальными представителями целостности. Формируется то, что можно назвать характером этого феномена именно как целого, характером этого народа.

Характер данного народа не является непосредственным обобщением свойств его отдельных представителей. Это, подчеркиваю, есть его характер как целого, а не его отдельных представителей по отдельности, подобно тому, как характер лесного массива не есть характер каждого растущего в нем дерева и каждой его части по отдельности. То, что верно в отношении отдельных людей или их отдельных групп, логически ошибочно распространять на целый народ. И то, что верно в отношении целого народа, логически ошибочно распространять на его отдельных представителей и отдельные группы. Например, если вы увидите в некотором народе музыкально одаренных людей, это еще не означает, что народ можно считать музыкально одаренным. И если некоторый народ музыкально одарен, из этого не следует, что каждый его представитель таков. Один народ может включать в себя много глупых и бездарных людей, имея в целом высокий интеллектуальный и творческий уровень. А другой народ может включать в себя большое число умных и талантливых людей, имея в целом низкий интеллектуальный и творческий уровень.

Признаки народа разделяются на две группы. К первой относятся признаки, характеризующие народ именно как множество людей, можно сказать — состав народа. При этом люди разделяются на различные категории (возрастные, половые, этнические, по роду занятий и т.п.) и подсчитываются величины и пропорции этих категорий. Несводимость таких признаков к признакам отдельных людей очевидна. Ко второй группе относятся признаки, характе-

ризующие народ как целое, как единое существо, отвлеченно от его разделения на отдельных людей и их группы. При этом народ рассматривается по тем же признакам, что и отдельные люди, — с точки зрения интеллекта, творческих потенций, смелости, предприимчивости, жестокости, доброты, склонности к панике и предательству, стойкости, чувства собственного достоинства, общительности, сдержанности, степени организованности и других социально значимых признаков.

В случае признаков второй группы характер народа связан со свойствами его представителей, взятых по отдельности. Но связан не по правилам силлогизма и простой (обобщающей) индукции. Тут отношение иного рода. Характер народа включает в себя комплекс признаков (черт, свойств), которые распределены между различными представителями народа в различных комбинациях, пропорциях и величинах. В достаточно большом народе можно обнаружить все возможные варианты такого рода. Индивид, обладающий всем комплексом этих признаков и к тому же в развитой форме, не существует. В комплекс признаков народа могут входить такие, которые могут оказаться несовместимыми в характере отдельно взятого индивида.

Характер того или иного конкретного народа выясняется опытным путем. Причем до сих пор это делается лишь на уровне обывательского сознания. Чаше это делали и делают писатели и иностранные наблюдатели — народы сами правду о себе не любят. Иногда предпринимались попытки специального изучения, главным образом, когда предполагалось покорение изучаемого народа. Например, немцы перед нападением на Советский Союз в 1941 году изучали характер народов, населявших Советский Союз, особенно русского народа. На Западе в период холодной войны делалось то же самое в еще больших масштабах. И результаты изучения эффективно использовались западным миром в борьбе против советских народов, русских, в первую очередь. В наше время изучение характера народов, включая точные количественные измерения и вычисления, становится жизненно важным делом.

Обращаю внимание читателя на то, что для измерения величин, определяющих характер народов, необходимо изобрести особые средства измерения и вычисления. Это должны быть особые тесты (эталоны), подобные тем, какие уже применяются социологами для других целей, а также логико-математическая обработка определенным образом отобранных и собранных статистических данных. Характеристики народа нельзя точно оценить путем приведения примеров выдающихся личностей и событий из истории этого народа. Не следует преувеличивать достоинства людей как отдельно взятых индивидов. Человек выглядит как некое выдающееся существо лишь в сравнении с животными, поскольку людям всем приписывают качества выдающихся представителей рода человеческого, изредка появляющихся в массе посредственностей, и поскольку результаты общих усилий накапливаются веками и искусственно перепадают в той или иной мере людям по отдельности.

В наше время возникли многочисленные социальные проблемы, решение которых существенным образом зависит от фактических качеств и потенций народов. И тут отделаться идеологической демагогией, будто способности людей и народов универсальны, одинаковы у всех и безграничны, уже нельзя. Народы различаются по интеллектуальному уровню, по степени предприимчивости, по степени самоорганизации и многим другим признакам, играющим огромную роль в организации управления, в экономике, в овладении современной технологией и т.д. Опыт человечества на этот счет несомненен, закрывать на него глаза из страха обвинений в расизме — значит сохранять идеологические заблуждения другого рода.

Характер народа создается путем искусственного поощрения одних прирожденных способностей людей и препятствования другим. Происходит это как искусственный отбор индивидов с определенными природными способностями. Механизм отбора определяется социальными, а не биологическими законами. Потому и случаются такие парадоксальные на первый взгляд явления, когда в одном народе рож-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

дается больше индивидов с некоторой способностью, чем в другом, но они не поощряются в первом и поощряются во втором, так что со временем второй народ накапливает преимущество перед первым с точки зрения этой способности.

Характер народа не есть всего лишь сумма различных признаков, случайно собранных вместе в силу исторических условий жизни народа. Это — единый комплекс взаимосвязанных признаков. Если такой комплекс сложился, к нему нельзя добавить ничего постороннего и из него нельзя исключить ничего существенного, не разрушая его. Народы исторически изменяются, но в рамках одного и того же характера. Характер народа устойчив и даже консервативен. Изменение его сверх меры ведет к его разрушению и к разрушению его носителя как единого этнического образования. Если он разрушается, восстановить его можно с таким же успехом, как оживить мертвого.

В достаточно долго живущем народе складывается механизм сохранения его характера и передачи его от поколения к поколению, — механизм социальной наследственности. Этот механизм содержит в себе в снятом виде механизм биологической наследственности. Но главным в нем является искусственный отбор, система воспитания, культура, идеология, религия, моральные нормы и другие социальные факторы. Он является важнейшим компонентом механизма самосохранения народа вообще. Сложившись, он вынуждает народ приспособлять сами условия жизни к своему характеру. Если нарушаются границы адекватности характера народа условиям его существования, наступает кризисная ситуация, упадок народа и даже его историческая гибель.

Не любые смешения различных народов образуют один народ. Между смешивающимися массами людей должны иметь место достаточно сильные соответствия, чтобы через несколько поколений они слились в однородное целое. Отсутствие такого соответствия стало одной из причин того, что население Советского Союза не превратилось в один народ. Аналогично — в США.

Не любые примеси к данному народу перерабатываются этим народом в свои части. В странах Западной Европы,

например, сейчас живут миллионы людей из незападных стран. Причем они живут уже в ряде поколений. Но они не становятся этническими немцами, французами, итальянцами и т.д. Как качественно, так и количественно они уже превратились в один из важных факторов разрушения западно-европейских народов.

Нужна некоторая минимальная численность человеиника, чтобы возник народ. Имеется и максимальная граница численности, перейдя которую данное множество людей либо не может стать одним народом (как, например, в Китае), либо дезинтегрируется на различные народы, если оно было народом. Если народ распадается на части, то воссоединение оказывается делом трудным или вообще невозможным.

Имеются и эволюционные границы народа. Нижнюю эволюционную границу образует наличие достаточно большого и сильного человеиника, способного в течение длительного времени защищать формирующийся народ. Верхнюю эволюционную границу образует появление наций и наднациональных объединений.

Слово «нация» (как и слово «народ») употребляется в различном смысле. Обычно народ и нация не различаются. Я употребляю его в следующем смысле. Нацию образует множество граждан определенной страны, узаконенных в этом качестве и признающих себя в качестве таковых. Нацию может образовать один народ или несколько. В нацию могут включаться представители других народов, не живущих в данной стране, и даже люди, у которых нет определенной принадлежности к какому-то народу. Народ не есть явление узаконенное. Это — явление этническое. Нация включает в себя этнические явления, но она есть новое качество по отношению к ним. Нация есть явление не этническое, а социальное. Представителем нации можно стать по праву. Представителем народа можно стать лишь в силу этнического происхождения. Немец, считающий себя русским и имеющий российский паспорт, не превращается тем самым в этнически русского. Этнически русский не пере-

стает быть таковым, если он становится гражданином Германии и объявляет себя немцем. Принадлежность к нации можно выбрать и сменить. Принадлежность к народу не выбирают, ее нельзя сменить.

Эпоха человеиников, в которых доминирующим компонентом человеческого материала являются народы, судя по всему, приходит к концу, уступая место человеиникам, человеческий материал в которых включает народы, представителей различных народов и группы таких людей, а также людей с неопределенной этнической характеристикой, но который в целом не является народом. Я здесь называю его сверхнародом (но на таком названии не настаиваю). В отличие от народа, сверхнарод этнически неоднороден настолько, что такое явление, которое мы называем этническим характером, тут отсутствует как характер целого. Один из важнейших признаков народа — чувство принадлежности к нему его отдельных представителей. В сверхнароде такое чувство по отношению к целому отсутствует. Такое чувство сохраняется лишь по отношению к частичным этническим объединениям, которые борются за лучшее положение в человеинике сообща.

Материальная культура

Материальную культуру человеиника образует совокупность всего того, что искусственно и преднамеренно создается и сохраняется членами человеиника для их жизни. Её роль в жизни и эволюции человеиников очевидна. Но одно дело — видеть, что ее роль огромна, и другое дело — понимание ее в рамках социологических исследований. Самой значительной социологической концепцией, в которой материальной культуре приписывалась роль фундамента («базиса») социальных явлений вообще, была марксистская концепция.

Согласно марксизму труд как вещественная деятельность (т. е. как фактор именно материальной культуры) был главным фактором возникновения человека как социального су-

щества (как социального атома, в моей терминологии). Согласно логической социологии люди выделились из животного мира и образовали качественно новый, более высокий уровень в эволюции живой материи благодаря таким трем способностям: 1) приобретать, сохранять, накапливать и использовать результаты и средства познания окружающего мира независимо от биологически прирожденных средств; 2) изобретать, сохранять и накапливать материальную культуру независимо от биологических способностей и готовых даров природы; 3) самоорганизовываться независимо от биологически наследуемой способности поведения. Так что изобретение орудий труда и труд с использованием их есть лишь один из факторов «базиса» человеичника.

Марксизм

Хотя марксизм вроде бы отбросили, следы его влияния на понимание социальных явлений можно обнаружить почти во всех современных концепциях. Так что о нем стоит высказаться несколько подробнее.

Согласно марксистской концепции способ производства образует материальный базис общества, на котором вырастают надстройки, включая государственные учреждения, а также правовые идеи и учреждения. Сам способ производства образуют производительные силы и производственные отношения. Производительные силы суть средства производства и приводящие их в действие люди. Средства производства являются определяющим фактором в способе производства. На первый взгляд все это имеет смысл. Но лишь на первый. Определяющим фактором в производительных силах, как бы мы их ни понимали, были и останутся люди, ибо человеичник по определению есть объединение людей, а не каких-то мертвых (во всяком случае — неодушевленных) вещей. Более того, люди приводят в действие средства производства, а не наоборот. Даже в тех случаях, когда какие-то люди становятся придатками машин, всегда имеются другие люди, которые «соединяют» машины с людьми-придатками

и приводят в движение тех и других. Материальная культура, играющая в человеке роль, подобную той, какую марксисты приписывали средствам производства, не сводится к последним. Вычленив в ее современном состоянии средства производства практически (да и теоретически) невозможно, не превращая само понятие «средства производства» в бессмыслицу. Подавляющее большинство наиболее важных изобретений людей играет роль средств производства лишь в общей массе материальной культуры человека. А приводит материальную культуру в движение весь совокупный человеческий материал человека. Так что у нас остается лишь различие массы людей и массы созданных и используемых ими неодушевленных вещей. То, что представлялось результатом анализа, становится лишь констатацией очевидного эмпирического наблюдения.

Марксу принадлежит известное ассоциирование капиталистического общества с паровой машиной, а феодального — с ветряной мельницей. И это было сказано отнюдь не для красного словца. Если тщательно проанализировать марксовское учение об общественно-экономической формации, то сведение типов человек и их эволюции к явлениям материальной культуры обнаружится как логическое следствие его. Любопытно, какие технические изобретения нашего времени Маркс стал бы считать символами капитализма и какие — коммунизма?!

Для марксизма, как и для других социальных учений, так или иначе считающих экономику базисом общества, характерно смешение экономики и материальной культуры общества. Экономика участвует в создании материальной культуры. Но последняя создается общими усилиями общества. Экономика использует достижения материальной культуры и производит их. Но она вообще не есть компонент материальной культуры. Последняя есть совокупность предметов, создаваемых и используемых людьми, есть нечто статичное и, по крайней мере, пассивное. Экономика же есть функционирующая ткань общества, нечто действующее, живое. Это — организация и деятельность людей. Экономика и ма-

термальная культура суть феномены в различных измерениях общества.

Технократия

В двадцатые годы XX века на Западе возникло особое социологическое учение — технократия. Оно возникло как отражение колоссального научно-технического прогресса. В результате этого прогресса научно-технический комплекс превратился в особую сферу человечника, сопоставимую с другими основными сферами. В годы после Второй мировой войны он стал определяющим фактором в материальной культуре западных обществ. Технократическое направление западной социальной мысли еще более усилилось вследствие научных открытий и технических изобретений, о каких даже думать не смели самые отважные исследователи, изобретатели и фантазеры еще недавнего прошлого. Но из этого никак не следует, что научно-технический комплекс может занять место деловой (экономической в том числе) и государственной сфер общества. Всему свое место. Бизнес и управление обществом имеют свои специфические правила и требуют профессиональной подготовки людей, которая существенно отличается от профессии математиков, инженеров, программистов, экономистов и других представителей научно-технического комплекса. Деловые, социальные, экономические и политические проблемы не являются проблемами чисто академическими, для решения которых нужен лишь «математический» интеллект, т. е. интеллект, ищущий научную истину и оптимальное техническое решение. Это — прежде всего и главным образом проблемы ситуаций, в которых сталкиваются различные и часто (если не чаще) несовместимые интересы людей, групп людей, предприятий, классов, слоев, больших человеческих объединений и даже целых стран. В этих ситуациях идет борьба, считающаяся, прежде всего, с силами участников их, а не с интересами научно-технических задач как таковых. Научно-технические знания в таких ситуациях используются в

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

их специфической роли, т. е. как подсобные средства, а не в качестве инструкций поведения для конфликтующих или кооперирующихся сил. Представители научно-технического комплекса участвуют в таких ситуациях в качестве советников, а не ответственных лиц. Если же они попадают в число последних, они действуют все равно по особым правилам поведения деловой или политической сферы, лишь принимая во внимание то, что им известно в качестве выходцев из научно-технического комплекса.

«Скачок» в материальной культуре

Во второй половине XX века в эволюции материальной культуры человечества произошел грандиозный качественный «скачок». Инициатива его исходила из западного мира. Он развил материальную культуру, не имеющую серьезной конкуренции на планете. На короткое время Советский Союз сделал значительную попытку вырваться вперед. Кое в чем она удалась. Но его бег был прерван. В обозримом будущем Россия вряд ли способна подняться настолько, чтобы сравняться с ролью разгромленного Советского Союза.

Современная материальная культура западнизма характеризуется такими чертами. Предметы ее в западном мире производятся в огромных масштабах, — производство стало массовым. Происходит усложнение и усовершенствование ее предметов, растет число их видов. Усложняются правила оперирования ими. Обычными стали сооружения таких гигантских масштабов по затратам интеллекта, вещества, усилий и средств, какие еще совсем недавно были не по силам всему человечеству. Египетские пирамиды и гигантские храмы кажутся в сравнении с ними детской забавой. А с точки зрения времени изготовления тут вообще и речи не может быть о какой-то сопоставимости.

Материальная культура проникает во все сферы жизни людей, возникает везде, где есть малейшая возможность для нее, — она проникает во все «щели» и «поры» человеческой жизни. Практически в жизни людей не остается места, где

бы ее не было, — где бы «не ступала нога прогресса материальной культуры». Образуются многочисленные профессии не только в ее производстве и в усовершенствовании, но и в использовании. В большинстве случаев требуется специальное обучение правилам оперирования ее предметами. Практически для всех членов общества требуется длительное обучение навыкам жить в среде современной материальной культуры. Общество тратит на это огромные средства и усилия.

Есть основания утверждать, что растет степень несоответствия человеческого материала той материальной культуре, которая создается его самыми изобретательными представителями и при его участии, можно сказать — им самим. Сами творцы материальной культуры становятся препятствием на пути ее дальнейшего прогресса. Это, с одной стороны, вынуждает на новые изобретения с целью компенсации несоответствия. А с другой стороны, это становится одним из важнейших факторов иерархического структурирования людей в плане создания, сохранения, эксплуатации и усовершенствования материальной культуры, причем структурирования в диапазоне между величайшими научными и техническими открытиями и изобретениями, с одной стороны, и самыми примитивными явлениями, напоминающими о происхождении человека из животного мира, с другой стороны. На высшем уровне этой иерархии уже происходит интенсивный процесс выделения человеческой элиты (сверхлюдей) из миллиардов прочих людей, сопоставимый по своим эволюционным последствиям с выделением мира людей из мира животных.

Следствия «скачка»

На первых порах не замечали, игнорировали или считали временными негативные следствия этого прогресса. Не заметили того, что человек, биологически сформировавшийся в естественной природной среде и развившийся в социальной среде, соразмерной среде природной, почти внезапно (с точки зрения исторического времени) оказался в искус-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ственной, созданной им самим среде материальной культуры, и эта среда обнаружила себя как неподконтрольная ему сверхприрода. Человеческий материал общества оказался неподготовленным к такому перелому. С восторгом приняв позитивные достижения этого перелома, он не сразу ощутил их негативных спутников и свое бессилие перед ними.

Общеизвестно, что принципы взаимоотношений между материальной культурой и природной средой были нарушены вследствие рассмотренного перелома. Сообщениями на эту тему заполнены средства массовой информации, печатаются тысячи книг, проводятся бесчисленные конференции, принимаются решения на высотах власти, создаются всякого рода организации. Одним словом, проблема природной среды в условиях современной материальной культуры завладела вниманием человечества. Но при этом тот факт, что оказались нарушенными гораздо более важные принципы взаимоотношений между человеческим материалом и материальной культурой, остался в тени.

Вопиющим нарушением социальных законов, касающихся взаимоотношений между материальной культурой и человеческим материалом, явилось, например, образование сверхгигантских городов. В них искусственно созданная среда «каменных джунглей» стала вообще средой обитания сотен миллионов людей. Во многих местах планеты материальная культура вообще поглотила природную среду.

Взлет знаковой культуры

Самый, пожалуй, грандиозный взлет в западной материальной культуре произошел в сфере знаковой культуры, в сфере информационно-интеллектуальной техники. Новый уровень, на который в значительной мере уже поднялась социальная эволюция человечества и который обещает стать будущим его состоянием, стали называть информационным обществом. Это характерно для западной и нынешней российской социологии: выделять лишь отдельные привлекающие внимание аспекты жизни людей или сенсационные научные открытия и технические изобретения, давать им

тенденциозную идеологическую интерпретацию и изображать состояние и будущее человечества так, как будто вся жизнь крутится вокруг этого и как будто ничего другого нет или все другое является второстепенным. При этом все описания «информационного общества» касаются гипертрофически раздутых частных, социологически же важные явления игнорируются совсем или в лучшем случае фальсифицируются в угоду априорным концепциям.

По научной несостоятельности описания «информационного общества» превосходят даже бредовые идеи марксистского «полного коммунизма». Например, некоторые идеологи «информационного общества» утверждают, что благодаря информационной технике резко улучшатся жизненные условия людей, так как они будут разумно управляться. Производительность труда возрастет настолько, что все потребности людей можно будет удовлетворить с помощью незначительной рабочей силы. Сам доступ к информации и использование ее приобретет статус богатства наряду с владением землей и средствами производства. Трудно придумать что-либо более убогое интеллектуально и подлое с моральной точки зрения, чем это утешение для все растущего числа нищих и неимущих. Планета захламлена информацией не меньше, чем отходами индустрии, нанесшими непоправимый ущерб природной среде. Информация стала самым дешевым продуктом жизнедеятельности человечества. Но миллиарды людей не стали от этого ощущать себя богаче. Информационный тоталитаризм стал мощнейшим средством идеологического оболванивания и закабаления миллиардов людей. В мутном потоке того, что называют информацией, основную массу образует дезинформация, псевдокультура, средства моральной деградации человечества.

Типы человеческих объединений (включая общества) и уровни их социальной эволюции определяются не отдельными достижениями в той или иной сфере (в науке, технике, экономике, культуре и т. д.), а типами и уровнями социальной организации этих объединений. Социальная же организация есть сложный комплекс ее структурных компонентов. Эти компоненты по отдельности и их единый ком-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

плекс складываются, функционируют и эволюционируют по своим особым объективным законам, которые не определяются ни ветряными и паровыми мельницами (вспомните слова Маркса на эту тему!), ни автомобилями и самолетами, ни атомными бомбами, ни компьютерами, ни генной инженерией и т. п. Все эти и другие явления такого рода играют, конечно, свою роль в эволюции и структурировании человеческих объединений — это банальная истина. Но они, подчеркиваю, не определяют типы социальной организации этих объединений и ее закономерности. Не было и нет какого-то автомобильного, самолетного, электрического, телевизионного, ракетного, картофельного, кукурузного, джинсового, наркотикового и т. п. типа социальной организации обществ. Нет и в принципе невозможен особый социальный тип социальной организации общества, обусловленный законами информационного аспекта жизни людей, т. е. некое «информационное общество». Это — идеологический вымысел, как и некое «индустриальное» и «постиндустриальное общество».

Во второй половине XX столетия действительно произошел качественный перелом в социальной эволюции человечества, сущность которого заключается в переходе от эпохи господства человеческих объединений типа (и уровня) обществ к эпохе господства объединений типа сверхобществ. Для того чтобы понять на научном уровне, что это такое, нужен новый понятийный аппарат, новая социологическая теория, принципиально отличные от средств, используемых в настоящее время в сфере социальных исследований. Эти средства утратили научный смысл, оказались непригодными для понимания новой социальной реальности. Концепция «информационного общества» и весь поток слов, связанный с ней, — в числе этих средств.

Плата за прогресс

Люди сами изобретают знаковую культуру как материальную культуру, скажем, второго уровня. И сами они усугубляют правила ее функционирования, организации

и использования. Но, вступив в силу, эти правила приобретают характер законов природы, вернее — сверхприроды. Сверхприроды не в смысле чего-то сверхъестественного, а в смысле искусственно изобретенной природы над природой естественно данной. Творения человека, призванные служить ему, превращаются в беспощадных и бесчувственных господ над своими творцами, заставляя последних служить им. Они воплощают в себе коллективную волю человеешника и его коллективную власть над отдельным индивидом. Люди могут бороться с себе подобными, бунтовать против них, упрекать их во всех грехах. Но ничего подобного они не могут позволить себе в отношении вешного мира. Если кто-то отказывается от роли прислуги вещей, он либо заменяется другим, послушным человеком, либо вешный мир вообще начинает обходиться без людей, либо случаются какие-то неприятности, обычно преодолеваемые в пользу вещей.

Знаковая культура западного мира достигает астрономических размеров. Она в миллионы раз превосходит знаковую культуру прочих стран. Одно это ставит западный мир в особое положение в истории человечества. В мире нет и вряд ли когда появится другой социальный феномен, способный на аналогичное творчество.

На создание, сохранение, воспроизводство, дальнейшее усовершенствование и обогащение знаковой культуры и использование ее Запад затрачивает астрономических размеров средства и усилия. Пока эти траты оправдываются. Но всему есть предел. Во-первых, достигла огромных размеров и все увеличивается паразитическая и негативная (вроде рака) часть этой культуры, и никто не в состоянии остановить этот процесс. Во-вторых, все дороже обходится сохранение и воспроизводство навыков обращения с нею. В-третьих, все дороже обходится каждый шаг вперед. И, в-четвертых, передача многих функций знаковой культуры и значительного объема операций с нею техническим устройствам, усиливая и облегчая некоторые аспекты интеллектуальной деятельности людей, одновременно ограничивает возможности знакового творчества.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

При оценке прогресса материальной культуры надо принимать во внимание баланс его позитивных результатов и негативных следствий, баланс выгод от него и затрат, соотношение следствий разумного и неразумного использования. Уже теперь можно констатировать сильнейшую тенденцию к тому, что негативные следствия прогресса пересилият позитивные его результаты, затраты на него пересилият выгоды от него, именно разумное использование результатов прогресса становится основной причиной его негативных следствий. И что особенно интересно, это то, что избежать прогресса материальной культуры уже невозможно, ибо он стал принудительным. Ослабить рост негативных его следствий можно теперь только на пути дальнейшего прогресса. Остановка последнего и даже ослабление ниже некоторого уровня приведут к жестокому всестороннему кризису и даже к катастрофе. Прогресс материальной культуры становится врагом человечества. Но он же стал единственным спасением от этого врага, т. е. от самого себя.

Материальная культура становится чрезмерной с точки зрения живущих в ней людей. Она отнимает слишком много времени и сил на овладение правилами поведения в ней и использования ее. Она имеет свои объективные законы, нарушить которые человек вообще не в состоянии или нарушение которых ведет к тяжким последствиям и строго наказуется. Вся жизнь человека оказывается регламентированной неподвластными ему силами сверхприроды. Свобода поведения и воли сводится лишь к выбору варианта «канала», в котором (причем — в любом) человек становится рабом сил и законов материальной культуры.

Человеческий материал оказался неадекватным созданной им самой материальной культуре. У первого потолок развития ниже, чем у второй, а скорость движения к потолку тем более ниже. Человек просто не в состоянии овладеть и нормально оперировать непомерно большим числом довольно сложных операций с предметами материальной культуры, без которой он уже не может сделать ни шагу. Дело в том, что изобретали материальную культуру немногие таланты и гении, а иметь дело с ней приходится милли-

онам посредственностей и даже индивидов ниже среднего уровня. Жалобы на дефицит человеческого материала время от времени вырываются в сферу гласности в современных, наиболее высокоразвитых обществах.

Самым значительным, на мой взгляд, признаком произошедшего перелома в сфере материальной культуры является то, что люди во всевозрастающей степени стали совершать поступки и организовываться не в соответствии с законами живых существ, а в соответствии с законами созданного и воспроизводимого ими вещного мира. Этот мир имеет свои законы, неподвластные живым существам. Одни из этих законов непосредственно и очевидным образом суть законы природы, в соответствии с которыми создаются и используются здания, машины, приборы и прочие вещи. Другие же проявляют свою силу законов природы через коллективную и безликую силу множества живых существ, навязываемую вещам и передаваемую из поколения в поколение. Такими являются, например, правила оперирования всякого рода знаками и вещами, содержащими знаки (в частности, документы), а также правила, регламентирующие расположение и эксплуатацию вещей (в частности, расписания самолетов). Совокупность таких правил обладает силой, с которой ни в какое сравнение не идет власть правительств, концернов, организаций, партий, движений, сект, мафий. Человечество преодолевает уровень живой материи. На смену социальной организации живых существ приходит социальный механизм, воплощающий в себе отчужденные волю и интеллект человечества.

Организация человека

Человек организуется (упорядочивается) под воздействием множества различных факторов. То в организации человека, что обусловлено социальными законами, я называю социальной организацией. Буду употреблять сокращенное обозначение для нее — СО.

СО не исчерпывает организацию конкретных человеичков. Она включает в себя только то, что зависит от социальных законов. Согласно определению последних, СО есть результат сознательно-волевой деятельности людей. Она создается осознанно. Но не произвольно, а именно в силу объективных социальных законов. Это не значит, что сами эти законы осознаются, известны создающим СО людям. Это означает лишь то, что действия людей по созданию СО являются сознательными. А законы этих действий познаются лишь немногими людьми, лишь фрагментарно, лишь в извращенной форме и в каких-то отдельных проявлениях.

Компоненты СО общеизвестны: это — деловые клеточки (учреждения, предприятия, организации и т. п.), органы власти и управления, сфера хозяйства, сфера идеологии и религии, армия, правовая сфера и др. Проблема для нас заключается не в том, чтобы открывать существование каких-то других компонентов СО, а в том, чтобы их исследовать в соответствии с критериями научного понимания, прежде всего — открывать и описывать объективные законы СО.

В нормальном человеичке компоненты СО образуют единый комплекс. Это означает, во-первых, что между ними имеет место такое разделение функций, при котором они совместно обеспечивают единство человеичка и условия жизнедеятельности всех членов человеичка. Во-вторых, это означает, что между ними устанавливаются отношения взаимного соответствия (адекватности). Последние заключаются в том, что компоненты СО приспосабливаются друг к другу, «притираются» друг к другу. Они координируют свои действия, позволяют друг другу существовать и выполнять свои функции. Разумеется, все это — лишь тенденции, прокладывающие себе дорогу через нарушения, несоответствия, конфликты, вражду, порою — в кровопролитных войнах.

Соответственно и определения понятий СО и ее компонентов должны осуществляться посредством логического комплекса определений (посредством комплексного определения, по моей терминологии). В отношении СО в целом

это очевидно: она определяется путем перечисления и определения ее компонентов и описания их отношений. Что касается ее отдельных компонентов, то при определении и описании одних из них необходимо принимать во внимание другие, а не только их роль в комплексе в целом. Если они вырываются из связи с другими и рассматриваются сами по себе, они превращаются в неразрешимую загадку и в предмет бессмысленных споров о словах. Если же их брать именно в комплексе с другими, то касающиеся их проблемы упрощаются и порою оказываются банальными.

При рассмотрении компонентов СО человекa надо различать их свойства как целого, т. е. их функции в человекe (что они такое для других, говоря языком диалектики), и свойства их как особых объектов, т. е. что они такое «в себе и для себя». Например, функция власти как органа целостности человекa не есть функция каждого ее подразделения и каждого занятого в ней человека по отдельности. Люди, делающие карьеру в системе власти, как правило, имеют свои эгоистические цели, а демагогию об интересах человекa используют как орудие карьеры. Отдельные предприниматели думают о своих доходах, а не о целях хозяйства как целого. И ради удовлетворения своих интересов они жертвуют интересами человекa.

«Базис» человекa

Основу («базис») человекa образует не один какой-то компонент СО, а СО как единое целое. Так что широко распространенное (не только в марксизме) утверждение, будто экономика есть базис общества (человекa в моей терминологии), есть утверждение не научное, а идеологическое. Оно есть результат логической ошибки: в СО одного типа (а именно — в западнистской) был абстрагирован один компонент (экономика) и абсолютизирован в качестве основы человекa вообще.

При рассмотрении СО человекa надо различать конкретно-исторический процесс формирования человекa и

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

процесс исторической жизни сформировавшегося человека. В первом процессе происходит первоначальное появление компонентов человека в конкретной истории, во втором происходит упорядочивание их в соответствии с их силами и ролями в их комплексе, а не в соответствии с их историческими «заслугами», ролями и формами. Во втором процессе они сбрасывают с себя исторические одежды и надевают другие, адекватные их ролям в настоящем состоянии. Эти процессы (скажем, исторический и структурный) отчасти совпадают, а отчасти нет.

При рассмотрении СО, далее, надо различать то, как человек организуется сам по себе, т. е. независимо от того, изучаем мы его или нет, и закономерности исследования и описания его. Если, например, мы начинаем описание СО с системы власти, это не означает, будто власть с нашей точки зрения есть некий «базис» человека. Отношения между членами СО и их роли описываются в содержании определений понятий и утверждений, а не в логической последовательности и логической связи понятий и утверждений.

Многомерность человека

СО возникает, функционирует и эволюционирует одновременно в различных измерениях, она есть многомерное образование. Это не означает, будто входящие в ее структуру компоненты возникают независимо друг от друга и затем объединяются в готовом виде в единое целое. Это означает, что каждое измерение имеет свои закономерности, не сводимые к закономерностям других измерений. Ни одно из них не вырастает из другого. Это означает также, что структурные компоненты СО формируются и живут одновременно в разных измерениях. В конкретной реальности различные измерения переплетаются, взаимно проникают друг в друга, изменяются. Различить их достаточно четко и выделить в «чистом» виде можно лишь в абстракции и в наиболее характерных проявлениях

Назову основные измерения, в которых формируется и функционирует СО. Прежде всего можно различить

два аспекта, в которых происходит жизнедеятельность членов человеиника: деловой и коммунальный. В первом из них люди занимаются каким-то делом, благодаря которому они могут существовать и удовлетворять свои потребности, — выполнять в человеинике тем самым какие-то функции. Во втором люди совершают какие-то поступки и вступают в какие-то отношения в зависимости от того, что их много, что они вынуждены жить совместно из поколения в поколение и как-то считаться друг с другом. Разделение это не абсолютно: занимаясь своим делом, люди так или иначе вступают в неделовые контакты друг с другом, а в своих коммунальных отношениях им приходится заниматься какими-то делами. Тем не менее различие этих аспектов имеет место. В первом доминируют интересы и правила дела, во втором — отношений к другим людям. В первом люди должны обучаться какой-то профессии, чтобы зарабатывать на жизнь, во втором они должны обучаться правилам поведения в отношении себе подобных, чтобы они терпели друг друга и позволяли друг другу функционировать в первом.

Одновременно в жизнедеятельности членов человеиника можно различить то, что касается их телесной природы, и то, что касается их менталитета (сознания, духовной природы). В первом из этих аспектов люди создают, добывают и распределяют средства материального бытия, во втором — формируют свое сознание, создают, распределяют и потребляют духовную пищу. Суммарным результатом дифференциации жизни членов человеиника в указанных аспектах является образование трех основных аспектов человеиника — делового, коммунального и менталитетного. Все они, в свою очередь, дифференцируются и переплетаются. Но для структурирования человеиника эти три сохраняют свои специфические особенности и фундаментальную роль.

В структуре человеиника можно различить также три основных уровня — микроуровень, макроуровень и суперуровень. На микроуровне члены человеиника образуют

первичные деловые клеточки. Такие клеточки составляют основную массу тела человеиника. В них протекает основная жизнедеятельность членов человеиника. На макроуровне происходит объединение деловых клеточек в особые сферы, охватывающие своей деятельностью человеиник в целом. — образуются органы человеиника, выполняющие особые функции его как целостного социального организма. Основные из этих сфер суть сферы власти, хозяйства и менталитета. В высокоразвитых человеиниках, какими являются общеизвестные и привычные общества, эти сферы суть государственность, право, экономика, идеология. Суперуровень человеиника образуют явления, возникающие на основе явлений микроуровня и макроуровня, но выходящие за их пределы. Это — социальные слои и классы, партии, профсоюзы и другие объединения людей. На этом уровне возникают сверхклеточные, сверхгосударственные, сверхправовые, сверхэкономические явления. То, что называют гражданским обществом, есть явление на суперуровне

Социальная комбинаторика

Все измерения, аспекты, уровни и компоненты СО образуются по законам социальной комбинаторики. Все логически мыслимые состояния и комбинации компонентов СО перечислимы. Перечислимы также логически невозможные комбинации, а значит — и эмпирически невозможные. Все эмпирически существующие комбинации являются реализацией логически возможных. Их не так уж много, поскольку в реальности выживают лишь немногие логически возможные варианты. Эти варианты суть типы СО.

СО ограничена как по составу компонентов, так и по их величинам. Зародившись, она исторически развивается. Но происходит это не за счет произвольных и случайных внешних дополнений, а по законам имманентной социальной комбинаторики. Все внешние привнесения должны так или иначе ассимилироваться, стать внутренними факторами. Они должны принять такой вид, как будто являются резуль-

татом имманентного процесса. Иначе они оказываются нежизнеспособными и наносят ущерб человеку.

Между компонентами СО устанавливаются различного рода отношения помимо упомянутого взаимного соответствия. Это, например, отношения субординации, координации, доминирования, производности. Эти отношения со временем могут меняться и варьироваться в различных человеках. Например, в одних людях может доминировать власть, в других — хозяйственная сфера, в третьих — религиозная сфера.

Типы людей

Надо различать абстрактные типы СО, СО конкретных людей и типы людей, зависящие не только от СО. В известной мне литературе на социальные темы это различие не делается. В истории человечества никогда не было, нет и не будет людей, СО которых совпадает с каким-то абстрактным типом СО. Конкретная история человечества есть история социальных уродов, лишь в той или иной мере приближающихся к абстрактным образцам СО. Наследственная монархия, например, является признаком общества феодального, а ее между тем можно увидеть во многих демократических (капиталистических) странах в наше время. Товарно-денежные отношения характерны для общества капиталистического, но их можно видеть и в обществе феодальном. В западных странах сохранились владельцы наследственных поместий, что является пережитком феодализма. Но потомки феодалов вполне вписались в капиталистические привилегированные слои и многие сами стали предпринимателями и политиками.

СО конкретного человека может иметь признаки различных типов СО, но тип СО как таковой не есть смешение любых произвольно выбранных признаков. Тут требуется комплекс взаимно соответствующих признаков. СО конкретных людей может меняться со временем. К типу СО понятие изменения неприменимо: мы его специально абс-

трагируем именно таким. СО может быть более или менее развита в рамках одного и того же типа. Но это — развитие одного и того же типа, а не смена одного типа на другой, подобно тому, как взросление человека не есть превращение его в человека другого биологического типа.

СО конкретных человеииков изменяется в процессе их жизни. Но эти изменения имеют границы, выход за которые несет угрозу существованию человеиика. Чем дольше человеиик живет с данной СО, тем труднее изменить ее без разрушения человеиика. Возможен конкретный человеиик с СО, являющейся гибридом разнотипных СО, как это произошло с Россией в результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы. Логически он мыслим. Насколько он жизнеспособен практически, пока судить трудно.

Я различаю три эволюционных уровня СО человеииков и, соответственно, человеииков с такими уровнями СО, а именно — предобщества, общества и сверхобщества. Отношение между ними характеризуется понятием диалектического отрицания или снятия: более высокий уровень СО человеиика означает, что некоторые признаки более низкого уровня организации исчезают («отрицаются»), а некоторые другие сохраняются в новом состоянии в «снятом» виде, т. е. в виде, «очищенном» от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и «подчиненном» признакам нового состояния. Общество появляется как диалектическое отрицание предобщества, сохраняя его в себе в «снятом» виде. Аналогично отношение сверхобщества и общества. Сверхобщество выступает по отношению к предобществу как отрицание отрицания или снятие снятия и по ряду признаков является «возвратом» к предобществу.

В социальной организации предобществ доминируют явления микроуровня человеиика, в социальной организации общества — макроуровня, в социальной организации сверхобщества — суперуровня. Это не означает, будто прочие явления в человеииках в той или иной мере и форме не развиваются. Доминирование, о котором я упомянул, озна-

чает лишь то, что доминирующие явления определяют тип социальной организации.

Человеческий материал и СО

Общепринято считать, что СО влияет на характер народа, обладающего этой организацией. Люди, естественно, приспособляются к условиям своего социального бытия. Но столь же верно и то, что люди сами в какой-то мере приспособляют условия своего бытия к своим качествам, — люди определенного типа создают соответствующий их характеру тип СО (социального строя). Тут зависимость двусторонняя. А между тем вторая часть истины не только не общепризнана, а скорее отвергнута. Признание роли человеческого фактора в формировании и развитии социальных систем является табу и расценивается как расизм. Смысл этого табу очевиден. Западная идеология стремится убедить всех, будто социальный строй западных стран является наилучшим и годится для всех стран и народов без исключения. Она не может допустить даже намека на то, что для каких-то народов коммунистический строй предпочтительнее, что он лучше соответствует их природе. Еще недавно коммунистическая идеология стремилась навязать человечеству убеждение, будто коммунистический социальный строй пригоден для всех народов.

Люди и народы обладают разнообразными свойствами. Но не все эти свойства играют одинаковую роль в формировании человека и его СО. Есть свойства социально значимые и социально незначимые. Социальный строй западных стран создавался, сохранялся и завоевывал себе место на планете не просто какими-то человеческими существами, а народами вполне определенного вида. Аналогично коммунизм имел успех в России в значительной мере благодаря характеру русского народа. После того, как социальный строй определенного типа уже сложился у какого-то народа, он может быть заимствован другими народами или навязан им силой извне. Таким путем многие черты западного социального строя распространились по планете. Таким путем

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

коммунизм развился у ряда народов под влиянием коммунистической России или был навязан Советским Союзом после Второй мировой войны силой. Да и в этих случаях в различных народах, заимствовавших тот или иной социальный строй извне, находились какие-то предпосылки для этого. А когда речь идет об исторически первом или спонтанном возникновении того или иного социального строя, то оно было бы невозможно без определенных качеств человеческого материала.

Материальная культура и СО

О взаимоотношении СО и материальной культуры я уже говорил выше. Здесь добавлю лишь следующее. Конечно, они влияют друг на друга. Но такой жесткой связи между ними, как полагал Маркс, на самом деле нет. Ветряная мельница не порождает феодала, а паровая не порождает капиталиста, подобно тому, как пустыня не порождает змей и скорпионов. Если уже есть феодалы, капиталисты, змеи и скорпионы, то среди условий их возникновения могут фигурировать соответственно ветряная мельница, паровая мельница и пустыня. Но не более того. Законы СО не зависят от материальной культуры. Законы второй не зависят от первой. Законы бытия вообще ни от чего не зависят, они сами суть самые глубокие механизмы бытия. Понятие зависимости к ним вообще неприменимо.

Образ жизни и СО

Задолго до марксизма возникло убеждение, будто СО является источником всех зол или, наоборот, всех благ, какие можно наблюдать в человеке. Коммунисты, например, объявляли капитализм источником всех зол, а в коммунизме видели источник всех благ. В период «холодной» войны западная идеология изображала капитализм как источник всех благ, а коммунизм как источник всех зол. На самом деле жизнь людей зависит не только от СО их человека, но и от других факторов, включая природные условия,

характер человеческого материала, историческое стечение обстоятельств. Можно жить плохо с хорошей СО и хорошо с плохой. Различные народы с одинаковой СО могут жить различно, одни — лучше других, другие — хуже. Превосходство одних народов над другими нельзя сводить к превосходству СО первых из них. Если одни народы побеждают другие в какой-то борьбе (например, в войне), это не значит, что первые имеют более высокий уровень СО, чем вторые. Советский Союз имел более высокий эволюционный уровень СО, чем страны Запада, одержавшие победу в «холодной» войне. С точки зрения эволюционного уровня СО западный мир отставал от Советского Союза более чем на полвека. Лишь к концу XX в. Запад стал эволюционировать в направлении к сверхобществу, тогда как в Советском Союзе оно уже существовало несколько десятилетий. Антисоветский переворот в конце XX в. породил СО более низкого социального уровня, чем СО советского периода.

Деловой аспект

Жизнь человека есть прежде всего совокупность деловых поступков его членов. К числу таких поступков (дел) относится добывание и производство материальных ценностей. Но не только это. Делом является и создание культурных ценностей, и создание средств развлечения, и бытовое обслуживание, и управление людьми, и поддержание общественного порядка. В общем, делом в этом (социальном) смысле является то, что человек совершает более или менее регулярно и что признано как необходимое или полезное. Оно должно удовлетворять какие-то потребности людей.

Дело должно выполняться в соответствии со свойствами объектов, участвующих в нем, и в соответствии с правилами самого дела как особого объективного процесса. Для удовлетворительного исполнения дела нужны особые навыки. Исполнители дела должны быть адекватны требованиям дела. Затраты средств и усилий на дело должны

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

соответствовать ценности его результатов. Разумеется, эти требования постоянно нарушаются, следствием чего являются неуспех дела, плохое качество исполнения, наказания исполнителей.

Дело есть работа, причем — в большинстве случаев не очень-то приятная, утомительная, раздражительная. Не надо строить иллюзий о какой-то врожденной любви людей к труду, особенно — к таким видам труда, о которых они даже не помышляли еще не так давно. Предоставленные самим себе, люди в большей мере суть прирожденные лодыри и халтурщики, чем добросовестные трудолюбивые. Они чаще смотрят на работу как на потерю времени и сил, как на вынужденную необходимость. Еще не так давно массы людей заставляли работать силой и наказаниями. И теперь труд для большинства людей является так или иначе принудительным, поскольку они не имеют других путей приобретения средств существования. Лишь сравнительно небольшой части людей работа приносит удовольствие, да и то не столько сама по себе, сколько тем, как она вознаграждается и как выглядит в глазах других людей. Идея превратить труд для всех людей в удовольствие есть идея утопическая. Никакой прогресс науки и техники никогда не избавит человечество от принудительности труда для большинства людей и от ожесточенной борьбы за более легкие, выгодные и интересные виды деятельности, а также от борьбы за возможность принуждать других к труду и распоряжаться ими по своему усмотрению.

Изучением делового аспекта человеки занимают многочисленные науки. Логическая социология ограничивается тем, как этот аспект влияет на социальную организацию (СО) человеки. Отмечу основные пути этого влияния.

Профессия

По мере разрастания человеки, разделения труда и усложнения самих трудовых операций происходила диффе-

ренциация делового аспекта на аспект исполнения дела и аспект обучения делу (образования и обучения профессии). Современные человеичики превратились в объединения профессионалов, а аспект образования и профессионального обучения выделился в особое подразделение структуры человеичика.

В современных человеичиках число занятых делом людей исчисляется миллионами и десятками миллионов, а число профессий — десятками тысяч. И они далеко не одинаковы с точки зрения требуемых способностей и обучения, трудности и интересности дела, престижности, доступности, вознаграждения. В большинстве случаев работа по профессии есть тяжелый труд, рутина, скука, стресс. В меньшинстве случаев это — удовольствие, развлечение, творчество, слава, престиж, благополучие. За лучшие профессии идет борьба, в которой абстрактная справедливость реализуется лишь как случайность и как среднестатистическая величина в огромном числе случаев.

Профессия стала одним из факторов, определяющих социальный статус членов человеичиков. Сложились многоступенчатые оценочные иерархии профессий в различных измерениях. Выделяются элитарные профессии, а в каждой из них — элитарные уровни. И все это закрепляется в социальной структуре населения.

Происходит профессионализация целых человеческих объединений и даже отраслей человеичика. Как члены человеичика индивидуально, так и целые группы объединяются с целью отстаивания своих интересов. Происходит это по общим социальным законам, но свойства делового аспекта оставляют свою печать на образующихся объединениях.

В силу огромности величин и изменчивости ситуаций имеет место динамичное соотношение между спросом на профессиональные силы и предложением их. Постоянно возникает расхождение между ними в каких-то отношениях. Возникшее расхождение преодолевается. Возникает другое и т. д. Это происходит в определенных рамках. Важно то, что нормально существующий человеичик должен справ-

латься с возникающими тут проблемами. Он должен также своими силами обеспечивать расширяющийся спрос на профессионально подготовленные кадры. Для этого человек должен иметь достаточно большой и разнообразный человеческий материал, чтобы в нем можно было отбирать людей для высококвалифицированных профессий и дел. До недавнего времени современные человеки так или иначе решали эти проблемы и держались в допустимых рамках. Но во второй половине XX в. тут наметился перелом.

Этот перелом заключается в том, что вследствие революции в материальной культуре и в организации делового аспекта произошел разрыв между фактическим состоянием профессионализма человеческого материала и новыми потребностями в нем, причем — разрыв такого рода, какого никогда не было ранее. Чтобы сгладить его, потребовалось не только изменение пропорций и величин профессий, не только переобучение и обучение новым профессиям многих миллионов людей, но изменение самого человеческого материала и создание нового типа существ, каких не было ранее. Решение этой проблемы оказалось не под силу отдельно взятым странам. Потребовалось объединение усилий многих человек. Потребовались также новые средства обработки человеческого материала и новые формы организации жизни человек. Это стало одним из факторов эволюционного перелома, произошедшего во второй половине XX в.

Коммунальный аспект

Тот факт, что я сначала рассмотрел некоторые черты делового аспекта, а не коммунального и ментального, не означает, будто я его считаю главным из них. Тут понятие главенства лишено смысла. Просто это связано с удобствами изложения при первоначальном (предварительном) описании социальной организации человека.

Члены человека занимаются каким-то делом в рамках объединения множества себе подобных существ. Взаимоот-

ношения между членами человеиника и их поведение в зависимости от этих взаимоотношений образуют коммунальный аспект человеиника. Скажу в общих чертах о самых фундаментальных законах поведения людей в этом аспекте.

От биологической эволюции люди унаследовали законы экзистенциального эгоизма. Согласно этим законам, определяющими факторами поведения людей являются их личные интересы и интересы биологически близких сородичей. Человек стремится не действовать во вред себе, препятствовать действиям других во вред ему, избегать ухудшения условий своего существования, отдавать предпочтение лучшим условиям существования. В совместную жизнь в человеинике люди включаются с этим принципом. Будучи обращены на социальную среду и благодаря сознанию упомянутые законы принимают форму законов рационального расчета. Их суть, коротко говоря, такова. Нормальный член человеиника осознает свое положение в человеинике, свои интересы и ту или иную конкретную ситуацию с этой точки зрения и совершает сознательно-волевые поступки в соответствии с законами экзистенциального эгоизма. Эти поступки разнообразны. Их конкретный вид зависит от особенностей человека, особенностей его положения и данной ситуации. Но суть их всегда одна: осознанный эгоистический интерес человека. И от этого людей избавить невозможно. Заглушая это у одних людей, заглушающие сами с удвоенной силой отдаются во власть этих законов.

Возьмем для примера такую ситуацию. Все соблазнительные для данного индивида возможности удовлетворения его желаний (благ, карьеры, успеха) уже заняты другими. Очевидно, наш индивид может удовлетворить свои интересы лишь одним путем, а именно — за счет других индивидов. Врагом индивида в такой ситуации становится другой индивид, который препятствует реализации его желаний. Естественно, он должен стремиться ослабить врага. Его «другом» становится тот, кто помогает ему или кого он может использовать в своих интересах. Главный враг для индивида — другой индивид (коллега, человек той же про-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

фессии и т. п.), который способен лучше его выполнять ту же работу, умнее и способнее его, может добиться больших успехов. И если этот индивид имеет возможность как-то помешать такому потенциальному конкуренту, он это делает.

Другой пример — всеобщая скрытая и зачастую открытая вражда к людям с выдающимися способностями. Обычно окружающие сразу замечают потенции таких индивидов. Они воспринимают их как угрозу своему положению и принимают меры к тому, чтобы помешать им проявиться. Такие индивиды обычно пробиваются благодаря протекции посторонних. Если им это удастся, с ними мирятся как с людьми более высокого социального уровня. И все это происходит не из-за какой-то испорченности людей, а в силу вполне «здоровых» социальных законов.

Не стройте никаких иллюзий насчет своих собратьев. Причем, чем они образованнее и умнее, тем виртуознее они как социальные индивиды, действующие в силу законов рационального расчета. Если такой индивид ради своей значительной (с его точки зрения) выгоды может совершить преступление, будучи убежден в том, что останется неразоблаченным и ненаказанным за это, он это преступление совершит. Конечно, бывают исключения, — в семье, как говорится, не без урода.

Рациональный расчет

Законы рационального расчета реализуются в системе правил коммунального поведения. На овладение ими уходят годы. Причем, не все овладевают ими в одинаковой мере и полностью. И в поведении люди часто делают ошибки. Обычно правила коммунального поведения действуют в совокупности, трансформируя и маскируя друг друга. Этим правилам люди обучаются. Делают они это на собственном опыте, глядя на других, в процессе воспитания, благодаря образованию. Они (правила) напрашиваются сами собой. Даже у самых глупых людей хватает ума открывать их в какой-то части самим. А человек поставляет своим членам

неограниченные возможности для тренировок. Описанием и изображением поведения людей под воздействием этих законов полны литература, кино, газеты, телевидение. Даже критика такого поведения и проповедь отрицательного к нему отношения в основном обучают этому поведению. В большинстве случаев люди даже не отдают себе отчета в том, что они получают систематическую подготовку и проходят систематическую практику на роль социальных индивидов, живущих по законам рационального расчета.

Хотя правила коммунального поведения естественны, люди предпочитают их маскировать и скрывать, делать вид, что поступают совсем по другим мотивам. Люди совместно вырабатывают какие-то самозащитные средства против буйства коммунальности (религия, мораль, идеология, право), в свете которых правила коммунального поведения выглядят как нечто отвратительное и порицаемое обществом. Когда мы людей называем шкурниками, карьеристами, ловкачами, лицемерами, интриганами, завистниками, лжецами, подхалимами, властолюбями, хапугами, — мы лишь фиксируем факты поведения их в силу законов коммунальности, причем — в крайних формах. На самом деле именно эти качества лежат в основе коммунального поведения. Люди изобретают многочисленные способы скрывать их, которые точно так же становятся правилами коммунальности. Согласно этим последним, морально порицаемые явления коммунальности принимают форму морально поощряемых. Например, чтобы индивид смог больше урвать для себя жизненных благ и добиться большего успеха, он должен убедить окружающих в том, что он есть среднеподлое и среднебездарное существо. Но это он должен делать не открыто. Бездарность должна принять форму таланта, подлость — форму добродетели, трусость — форму смелости, клевета — форму истины. Все в принципе понимают суть дела, но поскольку соблюдаются некие формальные правила, все принимают за чистую монету именно видимость, а не суть.

Правила коммунального поведения индивидов суть самые простые и самые фундаментальные социальные законы,

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

на которых можно увидеть, каким образом объективность и субъективность этих законов прекрасно уживаются без всяких логических противоречий. Законы коммунальности, будучи изобретениями самих людей, являются вместе с тем неподвластными их воле по той простой причине, что люди просто не хотят их нарушать. Они и изобретаются для того, чтобы лучше устроиться в жизни, лучше приспособиться к социальной среде, организовать людей в группы, ограничить друг друга во избежание катастрофических последствий своего поведения. Эти правила находятся опытным путем в ряде поколений и затем навязываются каждому индивиду по отдельности как принудительные законы природы. Именно добровольность масс людей в следовании коммунальным правилам является самой глубокой основой того, что эти правила становятся господами их поведения.

Поведение людей по правилам коммунальности не есть поведение по правилам морали, если даже они совершают поступки, одобряемые морально. Тут имеет место совпадение различных способов оценки поступков. Правила морали были в свое время изобретены как одно из средств самозащиты людей от буйства коммунальности, т. е. от самих себя как существ коммунальных. Какие-то правила морали сохраняются и в условиях господства коммунальности. Но они тут играют роль второстепенную и сугубо формальную. Убежденно моральный (поступающий именно в силу принципов морали) человек тут становится редким исключением, отклонением от общей нормы. Люди здесь соблюдают какие-то правила морали потому, что это требуется правилами коммунальности. Люди тут не являются, а лишь выглядят моральными, и этого достаточно. Потому тут исчезает такое явление, как угрызения совести. Потому тут люди становятся чрезвычайно гибкими социальными хамелеонами. Человек, сделавший принципы морали основой своего поведения и неотъемлемым элементом своей натуры, тут обречен на душевные страдания и на конфликты со средой. Если человек хочет добиться успеха, первое, что он должен сделать, это полностью очиститься от внутренней

моральности и развить моральную мимирию, т. е. способность использовать внешние формы морального поведения как средство сокрытия своей неморальной сущности и как средство в поведении по законам коммунальности. Искусство лицемерия здесь становится настолько обычным делом, что одним из правил поведения становится запрет на разоблачения лицемерия.

Коммунальные правила не есть нечто только негативное. Они вообще не есть негативное. Они — объективное. Они порождают следствия, которые какие-то люди воспринимают как негативное. Но они же порождают и средства защиты от них. Поскольку людей много и каждый действует в силу правил коммунальности, люди так или иначе вынуждены ограничивать друг друга, создавать коллективные средства самозащиты.

Правила коммунальности кажутся малозначащими пустяками, если их взять по отдельности и если рассматривать отдельно взятые поступки людей. Чтобы понять, какую роль они на самом деле играют в обществе, надо их взять в совокупности и в массе, т. е. принять во внимание то, какое число поступков и какие поступки миллионы людей совершают в соответствии с ними ежесекундно. Именно эти ничтожества, а не всесильные тираны играют решающую роль в жизни общества, превращая в свои игрушки и инструменты самые значительные (с обывательской точки зрения) личности. Суть научных открытий в социологии состоит не в том, чтобы раскопать какой-то глубоко запрятанный грандиозный секрет жизни общества, а в том, чтобы увидеть, какую грандиозную роль играют очевидные всем пустяки.

Законы рационального расчета имеют силу и в отношении объединений людей, поскольку они функционируют как единое целое и поскольку их при этом представляют и олицетворяют (возглавляют) люди, причем — в ситуациях, когда им приходится иметь дело с другими объединениями того же рода. Эти законы имеют силу и в отношении целых человечников. Все они суть живые существа, состоящие из людей и групп людей и управляемые людьми и группами

людей. Есть социальные законы, согласно которым то, что свойственно отдельно взятым людям, становится свойствами групп, объединений групп и целых человекообразных. Целые страны ведут себя так, что их поведение может быть охарактеризовано теми же понятиями и критериями, какими оценивается поведение отдельных людей.

По мере увеличения и усложнения человекообразных, увеличения их числа и усложнения их отношений роль законов рационального расчета возрастает. Разнообразятся и становятся все более изощренными формы их проявления. Возникают особые специалисты и учреждения, занимающиеся их реализацией. Разрабатываются целые отрасли знания, посвященные поведению в их духе. В соответствии с этими законами ведутся войны, действуют политики и дипломаты, хозяева и управляющие деловых фирм и т. д. Все это происходит, разумеется, не открыто и откровенно, а под видом благородных, гуманных, полезных и необходимых дел. И это все — не просто обман, а закономерная форма проявления объективных законов социального бытия.

Хотя законы рационального расчета, повторяю, вполне естественны, люди предпочитают о них помалкивать и даже скрывают их. Людей веками приучали облекать свое поведение в формы, приемлемые с точки зрения моральных и других ограничителей, и скрывать законы его как нечто предвзятое и даже преступное. Так что нет ничего удивительного в том, что эти законы до сих пор не заняли подобающее им место в сочинениях социологов. В истории социальной мысли лишь изредка проскакивало признание этих законов как объективных факторов социального бытия. Как правило, их проявления рассматривались как нечто бесчеловечное. Но ничего бесчеловечного тут нет. Эти проявления ничуть не бесчеловечнее, чем явления дружбы, взаимопомощи, уважения и т. п. Последние вполне уживаются с первыми и объяснимы как нечто производное от первых. Читатель наверняка сталкивался со случаями, когда, например, одни люди оказывали пустяковую помощь другим (делали вроде бы доброе дело) и всячески рекламировали

это, приобретая репутацию добрых, отзывчивых и бескорыстных личностей, будучи совсем иными по существу и участвуя в каких-то скрытых интригах. А разве не такова во многих (если не во всех!) случаях «бескорыстная» помощь западных стран другим (бедным) странам и народам мира?! А как ее раздувают и приукрашивают в западных средствах массовой информации! И вряд ли можно измерить, что в мире приносит больше зла людям — то, что считается добром, или то, что откровенно выглядит как зло.

Возможно ли составить систематическое и полное описание законов социального расчета? Задача логически сложная, но не невыполнимая. Для этого надо суметь перечислить все логически мыслимые ситуации, в которых эти законы имеют силу. С логической точки зрения эти ситуации таковы. В них оказываются отдельно взятые люди и объединения людей, действующие как единое целое, — назовем их социальными субъектами. Они должны совершать поступки в среде из множества себе подобных. Каждый из субъектов множества имеет цели, достижение которых зависит от других членов множества. И для таких ситуаций мы должны выяснить все логически мыслимые варианты поведения социальных субъектов и выделить из них наиболее выгодные для этих субъектов с точки зрения их интересов.

Не все поступки по законам рационального расчета равнозначны. Многие из них имеют слабые последствия, многие вообще остаются без последствий. Но среди них бывают такие, которые играют существенную роль в судьбах людей. Они оказывают влияние порою на судьбы целых людейников и народов. Социальные субъекты часто имеют возможность выбора наиболее выгодного для них варианта поведения в той или иной ситуации. Выбор не всегда бывает удачен. И не менее часто выбор вообще бывает ошибочным с точки зрения интересов субъектов. Вариант, выгодный в одних условиях и в одних отношениях, может оказаться невыгодным в других. Одним словом, законы социального расчета действуют через массу отклонений, нарушений, случайностей, проб и ошибок, а не как детали неживой ма-

шины и не в каждом конкретном случае прямо и явно, слово по предписанию некоего начальства.

Социальные нормы

Кроме того, люди в интересах самозащиты от своих собратьев вынуждены создавать средства ослабления, ограничения и сокрытия рассматриваемых законов. Это — совокупности норм поведения людей и их групп в своих человеюниках и по отношению к другим человеюникам и их представителям (к чужим). Изобретается также определенная система обучения этим нормам и наказаний за их несоблюдение. Для этой цели изобретаются такие средства принуждения, как религия, мораль, право, суды, тюрьмы.

Нормы поведения социальных субъектов разделяются на запреты, разрешения, обязанности и права. Логическую основу их всех образуют запреты. Людям запрещено совершать некоторые действия (поступки) — это означает, что если они совершат эти действия, то будут как-то наказаны за это, или другие люди будут препятствовать им в этом. Поступки не являются запрещенными, если за совершение их люди не наказываются. Незапрещенные поступки относятся к категории разрешенных. Обязательными поступками являются такие, которые запрещено не совершать. Логически следует, что обязательные поступки разрешены, а неразрешенные запрещены. Если поступок не является обязательным, его разрешено не совершать.

Член человеюника имеет право на определенного рода поступки или на приобретение, обладание и распоряжение определенного рода объектами — это означает, что ему это разрешено, а другим запрещено препятствовать ему в этом. Слово «право» тут употреблено не в специально юридическом или социологическом смысле, а как слово общеразговорного языка. Люди не имеют такого (как сказано выше) права, если у них нет разрешения на это, а другим не запрещено препятствовать им в этом.

Совокупность норм поведения может быть обширной и разнообразной, порою разработанной настолько, что чуть

ли не каждый поступок членов человеиника оказывается нормированным. В литературе всякого рода в свое время много говорилось о том, каким кошмаром для людей было это засилье норм поведения и какую борьбу вели представители таких человеиников, чтобы как-то ослабить этот гнет. И в наше время можно видеть этот социальный нормативизм (так назову этот феномен) у бесчисленных народов. Причем, роль его нельзя считать чисто негативной. Он складывался как условие выживания народов. Разрушение его во многих случаях (если не как правило) вело к разрушению человеиников. Современные человеиники являются в высшей степени нормативными. Помимо общеизвестных моральных и юридических норм, можно назвать нормы этикета, служебного поведения, армейской дисциплины, поведения в средствах транспорта и т. п. Вся жизнь людей с рождения до смерти опутана всякого рода искусственно изобретенными нормами поведения. Человек буквально шагнуть не может, так или иначе не считаясь с какими-то нормами. Причем все нормы, как правило, принудительные. Нарушение их так или иначе замечается и наказывается. На овладение системой норм уходит значительная часть жизни и сил большинства людей.

Хотя система норм поведения имеет тенденцию к полному охвату поведения членов человеиника, практически это не достигается никогда. Остаются ненормированные поступки. В человеинике происходят изменения, в результате которых люди начинают совершать поступки, еще не охваченные нормами. Люди нарушают установленные нормы. Многие нормы таковы, что допускают диапазон, в рамках которого возможен выбор, допускают различные истолкования и исключения. Наконец, вводятся нормы, предоставляющие людям какую-то свободу поведения. Таким образом, в человеинике складывается какая-то часть ненормированного поведения его членов.

Между множествами нормированных и ненормированных поступков имеют место определенные соотношения. Если первое множество является малочисленным, из этого

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

не следует, что второе многочисленно. В примитивных человеенниках, например, норм было сравнительно мало, но это не означает, будто люди были свободны в поведении. В современных западных странах множество нормированных поступков огромно, но и множество ненормированных поступков тоже велико.

Степень нормированности человеенника (степень закрепощения) имеет тенденцию возрастать, а степень ненормированности (свободы) снижаться. Замечу, кстати, что гражданская демократия (демократические свободы) возникает не просто из чьих-то желаний облагодетельствовать людей, а как защитная реакция от нормативного тоталитаризма.

Менталитетный аспект

Третий аспект человеенника охватывает все то, что касается сознания (менталитета, психики) его членов. В него включаются формирование сознания у новых поколений людей, поддержание состояния сознания взрослых, какое требуется условиями и интересами самосохранения человеенника, снабжение людей «пищей» для сознания («духовной пищей»), выработка и поддержание правил поведения, необходимых для выполнения упомянутых задач, манипулирование людьми путем воздействия на их сознание.

Сознание людей есть результат коллективного творчества. Это — их искусственное изобретение, не передаваемое новым поколениям посредством биологической наследственности и не сохраняющееся само собой. Для этого нужны искусственные средства, и они вырабатываются в менталитетном аспекте. В нем люди сами воспроизводятся в качестве социальных объектов, т. е. обладающих сознанием искусственных существ.

Сознание людей как членов человеенника включает в себя определенное понимание окружающего мира, самих себя и вообще всего того, что важно для ориентации людей в мире. Оно включает в себя субъективное отношение людей к тому, что встречается в их жизненном опыте, — систему оценок и

ценностей. Оно стандартизируется определенным образом. Члены человеиника не только выглядят сходными телесно, но и являются сходными «духовно» (менталитетно). Причем, менталитетное сходство является гораздо большим, чем телесное, ибо тут сходство создается искусственно, преднамеренно и по определенным образцам. И в наше время кажущегося менталитетного разнообразия индивидов в основе их менталитета можно обнаружить поразительное однообразие.

В рамках менталитетного аспекта возникали и развивались верования, культы, религии, философия, наука, искусство. В современных человеиниках этот аспект достиг масштабов двух других основных аспектов.

Социальные группы

Объекты микроуровня человеиника суть отдельно взятые люди (как социальные атомы) и их объединения в группы, являющиеся частями человеиника (скажем, в частичные группы). Это суть привычные и общеизвестные фабрики, заводы, конторы, магазины, больницы, школы, банки, университеты, аэропорты, театры, фирмы, издательства, родственные группы, молодежные компании, спортивные команды, клубы, криминальные банды, религиозные общины, секты, воинские части и т. п. Жизни людей на микроуровне посвящены бесчисленные сочинения (научные, художественные, публицистические), фильмы, произведения изобразительного искусства. Одно время в XX в. проводились довольно обширные исследования малых социальных объединений (групп) методами «конкретной» (эмпирической) социологии. Однако научная теория, отвечающая критериям логики и методологии науки, в этой сфере социальных исследований до сих пор отсутствует.

Я предложил следующий метод обзора и описания социальных объектов на микроуровне. Эти объекты по определению суть социальные атомы и объединения их по законам социальной комбинаторики. Свойства и типы социаль-

ных объединений при этом предопределены и ограничены свойствами и потенциями социальных атомов. Их разнообразие есть результат развития (раскрытия, реализации) этих потенций. Поясню этот метод в общих чертах и в простейшем виде.

Минимальная социальная группа обладает такими признаками. Она состоит по крайней мере из двух человек. Эти люди более или менее регулярно (в течение длительного времени) делают какое-то дело как единое целое. Один из членов группы выполняет функции управляющего органа, — принимает решения, отдает приказание, управляет членами группы при выполнении дела. Руководитель группы выполняет свои функции исключительно путем непосредственных личных контактов. Он должен лично контролировать поведение членов группы при исполнении дела. Минимальное число членов группы определяется потребностями дела группы, максимальное — возможностью руководителя группы контролировать подчиненных лично.

Сложные группы образуются так. Простейший случай — разделение группы на две и подчинение одной из них другой, в результате чего сохраняется единство и возникает более сложная группа. Тот же эффект получается, когда две группы объединяются в одну путем подчинения одной из них другой. Более сложный случай — объединение людей, имеющее управляющий орган, внутренне дифференцируется на два или более объединения с сохранением исходного объединения и с образованием в каждой из частей управляющих органов. Тот же эффект получается, если два или более объединения сливаются в одно с сохранением своих руководящих органов и с образованием общего руководящего органа.

Всякое достаточно большое число людей, вынужденное жить как единое целое длительное время, разделяется на множество групп, между которыми устанавливаются отношения субординации (начальствования и подчинения), координации, соответствия и т. д. Эти отношения устанавливаются как отношения управляющих органов этих групп,

в конечном счете — людей. Складывается иерархия этих отношений.

В отношениях между людьми и их группами в самих основах структурирования имеют силу объективные социальные законы. Приведу некоторые из них для примера. Группа стремится сделать каждого своего члена (индивида) максимально зависимым от нее. И она имеет для этого средства. От нее зависят успех индивида по работе, жизненные блага, награды и наказания. Индивид же, со своей стороны, стремится по возможности стать независимым от группы, приобрести привилегии, поддержку и источники дохода вне группы, использовать группу в своих интересах. Положение начальника считается лучшим, чем положение подчиненных. Труд начальника имеет более высокий статус и оплачивается лучше, чем труд подчиненных. Начальник стремится к максимальному подчинению нижестоящих, а последние — к максимально возможной независимости от начальства. Начальство стремится свести к минимуму риск и ответственность.

Клеточки человеЙника

ЧеловеЙники в основе своей имеют клеточную структуру. Минимальный случай — одноклеточный человеЙник. Надо думать, что он был историческим предшественником многоклеточных человеЙников. Тут отношение подобно отношению между одноклеточными и многоклеточными организмами. Эволюция человеЙников по этой линии есть одно из измерений социальной эволюции.

Понятие клеточки является соотносительным с понятием целого.

Клеточка есть часть целого. Но не любая, а в каких-то определенных отношениях или с точки зрения определенных признаков целого. Она есть минимальная часть целого в этих и только в этих отношениях.

Клеточки достаточно больших и развитых человеЙников разделяются на такие, которые являются минимальными частями человеЙника в целом, обладающими основными

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

свойствами человека в целом, и такие, которые являются минимальными частями какого-то подразделения человека, обладающими основными свойствами этого подразделения. Например, к числу первых может принадлежать административный район, к числу вторых — промышленное предприятие. Первые будем называть коммунальными, вторые — деловыми.

К деловым относятся клеточки, благодаря которым и в которых большинство работоспособных членов человека добывает средства существования для себя и членов своих семей, добивается успеха, делает карьеру, приобретает и повышает квалификацию, удовлетворяет потребность в деятельности и в общении с другими людьми. Положение членов таких клеточек в человеке определяется прежде всего их положением в их клеточках. В современных человеках это — предприятия и учреждения, благодаря которым человек может существовать (заводы, учебные заведения, магазины, больницы, органы власти и т. д.).

Клеточки могут состоять из родственников, в частности — это может быть семья. Но тут клеточка образуется не потому, что есть семья, а, наоборот, семья в определенных условиях становится клеточкой. Такое встречается даже в современных странах, а не только было в феодальном прошлом. Клеточки могут быть образованы и из чужих друг другу людей, что есть обычное явление в современных человеках. Клеточки могут быть исключительно деловыми, как в западных странах. Но могут одновременно выполнять и другие функции, например, воспитания членов клеточек, организации их быта и отдыха, как это имело место в Советском Союзе.

Социальные типы людей

На микроуровне происходит образование социальных типов людей (типов социальных атомов). Это происходит по законам социальной комбинаторики — как обособление отдельных свойств социальных атомов в форме характерных качеств определенных членов микрообъединений. Слу-

жаки, доносчики, клеветники, подхалимы, интриганы, правдоразборцы, предатели, самоотверженные и т. п., — все это социальные типы людей. Конечно, они могут иметь какие-то предпосылки в биологической наследственности, но не сводятся к ним. Все упомянутые явления в той или иной мере свойственны всем социальным атомам в потенции. Но они реализуются в качестве социальных характеристик лишь в массе атомов в их объединениях. В советские годы мы шутили: порядочный человек, — говорили мы, — отличается от подлеца тем, что делает подлости не так явно и не испытывает от этого удовольствия. В художественной литературе все типы социальных атомов описаны детальнейшим образом. Но — просто как эмпирически данные факты, морально порицаемые или поощряемые, а не как явления глубоко социальные. Описание многих таких явлений именно как типов социальных атомов дано в моих многочисленных литературных произведениях, которые я называю социологическими романами.

Как и в случае с социальными объединениями, в отношении социальных типов людей имеет силу следующий принцип: для любого социального типа человека в социальных атомах найдется свойство или потенция, развитием, воплощением, реализацией которых являются такие типы.

Многоклеточные образования

Клеточки объединяются в многоклеточные образования. Простейший случай — сосуществование внутренне независимых друг от друга клеточек. Их совместность определяется внешними для них факторами. Более сложный случай — обмен и заимствования, сначала спорадически, затем — регулярно. По другой линии — совместная деятельность, разделение функций, постоянная потребность друг в друге. Сложные клеточки различаются по степени сложности. Усложнение идет по линии усложнения клеточек, образующих управляемое тело, и управляющего органа. Последний сам может быть клеточкой, причем — тоже

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

сложной. Усложнение идет во многих измерениях. Образуется иерархия клеточек в плане вхождения одних в структуру других, а также в плане их субординации как управляющих и управляемых. Все возможные тут варианты логически вычислимы. Все реализующиеся варианты суть члены множества этих логически вычислимых вариантов. Процесс структурирования человеиника на микроуровне не сводится к умножению числа клеточек (и других объединений) и к разнообразию их типов. Происходит образование связанных в единое целое тело огромного числа клеточек. А жизнь этого тела есть огромное число действий людей и их объединений. Оно должно быть как-то упорядочено, должен быть установлен и регулярно поддерживаться определенный порядок, чтобы человеиник мог жить как единое целое исторической жизнью (в множестве последовательных поколений).

Порядок

Порядок может создаваться и поддерживаться сам собой, если существа, образующие объединение, биологически обречены на строго определенную форму поведения, которую они не в силах нарушить. Но люди обладают широким диапазоном поведения от природы и возможностями свободного поведения. В их социальной жизни имеет место большое число ситуаций, биологически не предусмотренных. Так что проблема порядка человеиника оказывается проблемой первостепенной важности. Для выработки и сохранения порядка необходимо определенное постоянно действующее насилие, ибо сам собой порядок тут не может возникнуть и сохраняться. Эту функцию совместно выполняют управляющие органы, начиная от самых маленьких частиц человеиника и кончая человеиником в целом.

Управление

Управление есть деятельность управляющих органов. Тут имеются определенные правила, следование которым

приносит желаемый успех, а несоблюдение которых приносит нежелательную неудачу. Опять-таки целостной и детально разработанной теории таких правил не существует. В последнее время в связи с ростом роли управления в экономике тема управления стала предметом внимания специалистов. Но обсуждение этой темы проходит в основном в узких рамках экономики и политики. Кроме того, разработке общей теории управления мешает идеологическое лицемерие. Тут признание такого рода идей, какое можно видеть у Макиавелли, считается аморальным, а опыт гитлеровской Германии и коммунистической России считается преступным. А между тем правила управления не могут быть частью правил этики и права. Масса людей готовится специально для дела управления. Они изучают множество всяких наук. Но о правилах управления как таковых они узнают косвенно или как о чем-то весьма банальном (вроде улыбок, поклонов и галстуков), а главным образом познают их на опыте.

Управляющему органу принадлежат право и обязанность выработки и принятия решения относительно деятельности управляемого тела, приведения решения в исполнение, контроля за его исполнением, поддержания соответствующего порядка, необходимого для этой деятельности, поощрения одних граждан и наказания других. Эти право и обязанность могут быть захвачены или навязаны силой, получены по традиции, установлены путем соглашений или законодательным путем.

Управляющий должен иметь достаточные знания об управляемом объекте, информацию о его состоянии, об исполнении своих приказаний. Должен давать приказания, соответствующие объекту и его состоянию. Его приказания должны быть ясны управляемым, должны быть однозначны. Он должен настаивать на исполнении приказаний, наказывать управляемых за их плохое исполнение или неисполнение. Управляемые должны понимать, что от них требуется, признавать авторитет управляющего и т. д. Все это общеизвестно как азбука управления. Но в реальности эти азбучные правила постоянно нарушаются, что сказывается на состоянии управляемого объекта и дела.

Имеются определенные корреляции между управляющим органом и управляемым телом, нарушение которых делает социальную группу менее жизнеспособной. Тут опасно как чрезмерное разрастание управляющего органа, так и его недостаточность для управления чрезмерно разросшимся и усложнившимся управляемым телом. История животного мира и человечества дает бесчисленные примеры на этот счет.

Управляющий орган должен быть один. Он может быть сложным, расчлененным на части, но он сам должен быть единым объединением. Если в объединении появляются два или более таких органов, возникают конфликты, объединение распадается или образуется какой-то неявный орган единства, подчиняющий себе явные, претендующие на эту роль. Борьба за единовластие в объединении есть форма проявления рассматриваемого закона. Образно говоря, Наполеон в армии должен быть один. Если их два, в армии идет между ними борьба за первенство. Много Наполеонов делают армию небоеспособной. Это не дело характеров людей, а проявление объективных законов.

И управляемое тело тоже должно быть одно (едино) в том смысле, что в нем не должно быть части, которая не подлежит контролю управляющего органа. Если такая часть возникает, то подобное отклонение от закона сказывается на состоянии объединения и в конце концов как-то преодолевается (если, конечно, объединение не погибает). Бывают случаи, когда один и тот же управляющий орган управляет двумя и более объектами. Но это бывает в порядке исключения и временно. Или управляемые тела имеют какую-то компенсацию такого дефекта.

Надо различать управление делом, в которое вовлечено определенное множество людей, и управление людьми независимо от конкретного дела, раз эти люди по каким-то причинам собраны вместе. Управление конкретным делом всегда есть управление людьми, занятыми этим делом, а управление конкретным объединением людей есть так или иначе и управление делом, которое свело этих людей

вместе, хотя это дело и может заключаться лишь в том, чтобы жить вместе. Доминирование того или иного аспекта (дело или совместность) порождает различные типы управления — деловое и коммунальное (или порядковое). Первое подчиняется общим законам дела, второе — законам коммунальности. Но каждое содержит в себе в ослабленном виде свойства другого.

Надо, далее, различать два аспекта во взаимоотношениях управляющего органа и управляемого тела: 1) первый приспосабливается ко второму; 2) второе приспосабливается к первому. Постепенно устанавливается относительное их равновесие, но с доминированием одного из них в зависимости от характера общественного организма. Доминирование первого аспекта дает приспособленческий тип управления, а доминирование второго — волюнтаристский.

Надо, далее, различать взаимоотношения между различными управляющими органами в одном и том же социальном пространстве, например — взаимоотношения между внутриклеточным управлением и управлением всею совокупностью клеток. Тут опять-таки возможны различные варианты. Отмечу два из них как основные. Первый из них — управляющие органы и принципы управления однотипны, между ними доминирует отношение субординации. Назову этот тип гомогенным. Второй из них — управляющие органы и принципы их деятельности разнотипны, между ними доминирует отношение координации. Назову его гетерогенным. Возможны и другие варианты, включая комбинации этих двух, а также комбинации из трех и более слоев управления.

Различаются также непосредственное и опосредованное управление. Во втором между управляющим органом и управляемым объектом имеется посредник, не входящий в структуру управления. Имеется малоступенчатое (в частности — одноступенчатое) и многоступенчатое (иерархизированное) управление, централизованное и децентрализованное, единоначальное и коллегиальное.

Надо, наконец, различать командный и регулировочный аспекты управления. Доминирование одного из них дает

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

соответственно командный или регулировочный тип управления. В случае первого управление осуществляется путем приказов (указов, директив, инструкций), отдаваемых руководящим органом нижестоящим инстанциям руководства или управляемым объектам. В случае второго упор делается на систему правил, за соблюдением которых следит руководящий орган. В реальности управление большим человеком включает в себя огромное число актов, способов, учреждений и аспектов управления. Все они сплетаются в сложную и многостороннюю систему управления, которая характеризуется не одним каким-то бросающимся в глаза и раздутым в идеологии и пропаганде признаком, а многими признаками, которые не всегда гармонируют друг с другом, а порою даже вступают в конфликты и порождают противоположно направленные следствия. Тем не менее каждый тип человека создает свою систему управления, в которой доминируют вполне определенные явления, позволяющие говорить о типе этой системы. Так, для некоторых людей характерна порядковая, волюнтаристская, гомогенная, централизованная, командная, прямая, многоступенчатая система управления, а для других — деловая, приспособленческая, гетерогенная, опосредованная, регулировочная система.

Каждая система имеет свои принципы функционирования. Вот для примера некоторые принципы первого из упомянутых видов управления. Максимальный контроль за всеми аспектами жизни общества и отдельных граждан. По возможности не допускать то, что не может контролироваться. Если этого невозможно избежать, то допускать это в той мере, в какой это не угрожает общей установке на максимальное контролирование. По возможности ограничивать число управляемых объектов, сводить к минимуму число «точек» и акций управления. Не допускать конфликтов между частями целого. В случае возникновения таковых, отдавать предпочтение интересам управляемости. Не допускать непредвиденного.

А вот для примера некоторые принципы другого вида управления. Контролировать только такие «точки» управ-

ляемого тела, контроль над которыми дает возможность контролировать все тело. Сводить число таких точек к минимуму. Если контролируемое тело нормально выполняет свои жизненные функции, не надо мешать ему избыточным контролем. Не мешать неуправляемым явлениям, если они не вредят делу. При всех конфликтных ситуациях отдавать предпочтение интересам дела.

Полностью неуправляемых социальных объектов не существует согласно самому определению понятий. Есть лишь разные формы и степени управления и управляемости. Полностью неуправляемый социальный объект просто отмирает в качестве объекта социального. Когда говорят о каких-то социальных объектах как о неуправляемых, неявно предполагают их неуправляемость определенными органами и формами управления или низкую степень управляемости.

Всякое управление предполагает потоки информации. Естественно, прогресс информационной техники породил колоссальный энтузиазм в отношении прогресса всей системы управления. Считается, что новая информационная система, основанная на использовании современной информационной техники, доставляет информацию ответственным лицам (управляющим) полнее, точнее и быстрее, чем старая система личных докладов сотрудников своим начальникам. Кроме того, в старой системе один начальник может иметь не более шести подчиненных, которые докладывают ему. В новой же системе это число в принципе не ограничено, вернее — оно ограничено лишь качествами подчиненных, обязанных докладывать непосредственно одному начальнику.

Абстрактно рассуждая, все это так. Но в реальности вступают в силу факторы, несколько отрезвляющие энтузиастов управления без иерархической системы начальствования и подчинения. Прежде всего, возможности управляющего в смысле овладения получаемой информацией ограничены. Информацию-то ему может передавать любое число людей, да вот сколько информации может переварить он сам?! Способны ли информационные машины обрабатывать поток информации так, как это делают на различных уровнях

информационной иерархии люди, знающие положение дел и имеющие опыт отбора и оценки информации? Абстрактно такие машины можно вообразить, обучив их критериям отбора. Но такие критерии должны быть постоянными. А в изменчивой и разнообразной реальности все равно нужны люди, которые учитывают перемены и вводят новые критерии в машины. Так что на место людей без машин приходят лишь люди с машинами.

Относительны и прочие достоинства новой системы. Полнота и скорость движения информации являются тут избыточными, а точность ее несколько не увеличивается за счет машин. К тому же никакая техника не может заменить волевой и оценочный аспект целиком. Тут так или иначе решают люди.

Надо различать цели и интересы людей, вовлеченных в ситуацию управления (управляющих и управляемых), и средства управления. Основные средства суть физическое насилие, манипулирование сознанием людей и распоряжение жизненными благами.

Сферы человејника

На макроуровне различаются сферы, охватывающие человејник в целом. Они состоят из клеточек, но выполняют определенные функции в интересах человејника именно как целого. Основные сферы суть следующие: 1) власти и управления; 2) хозяйства; 3) менталитета. Они возникают в результате разрастания и дифференциации уже рассмотренных аспектов — коммунального, делового и менталитетного. Их возникновение и является структурным воплощением этой дифференциации: особой функцией какой-то части членов человејника становится деятельность в определенном аспекте. Условием образования человејника является возникновение управляющего органа, — власти и управления человејником как единым целым. Это означает, что постоянной функцией некоторой части членов человејника становится функция управляющего органа, — сознания

и воли человеконика. Сам факт образования такого органа означает, что прочие члены человеконика становятся частями его управляемого тела. Поскольку власть сама не производит ничего, то основной функцией подвластного тела человеконика становится обеспечение себя и людей, занятых во власти, средствами существования, — функция хозяйства. Одновременно с органом управления происходит формирование органов защиты от внешних нападений и органов внутреннего порядка человеконика. Они, в свою очередь, вносят свою долю в разделение членов человеконика по линии разделения функций. В другом разрезе происходит разделение власти над телами и над «душами» людей и образование органов второй. Происходит также разделение дела по добыванию и производству средств существования людей и дела по формированию самих людей и снабжению их «духовной» пищей. Как суммарный эффект и возникают рассматриваемые основные сферы.

Вместо слова «сферы» можно употреблять слово «органы» по аналогии с биологическими организмами. Но при этом надо помнить, что органы социального организма (человеконика) сами состоят из множества живых существ, перемещающихся в пространстве независимо друг от друга и образующих сложные структуры.

Важно также всегда иметь в виду, что функции органа (сферы) в целом не являются функциями каждой части органа по отдельности, в том числе — каждого человека по отдельности, входящего в этот орган. Люди, образующие тот или иной орган, живут и действуют лично для себя за счет той функции, которую выполняет орган в целом. Для них эта функция есть средство удовлетворения их эгоистических интересов, что бы они ни думали о себе и как бы ни облагораживали свое поведение.

Власть

СЛОВО «власть» многозначно. Говорят о власти людей над какими-то вещами и силами природы. Говорят о власти

вещей, сил природы и обстоятельств над людьми. Я буду говорить о власти исключительно как о социальном явлении. Поясню, что именно я имею в виду.

Буду называть социальными субъектами отдельно взятых людей как существа, обладающие волей и сознанием, и объединения людей, в которых какие-то их члены выполняют функции воли и сознания в отношении объединений в целом. Будем говорить, что один социальный субъект имеет власть над другим, если и только если первый может в каких-то отношениях распоряжаться вторым по своей воле. Первый будем называть носителем власти (властителем), второй — объектом власти (подвластным).

Власть может быть частичной и кратковременной. Но может быть и многосторонней и постоянной, пожизненной. В этих пределах колеблется степень власти и подвластности. Предел власти — когда властитель распоряжается всеми важнейшими аспектами жизни подвластного субъекта, включая его биологическую жизнь. В человекиках складываются сети и иерархии власти, так что одни и те же люди оказываются в положении властителей по отношению к одним и в положении подвластных по отношению к другим людям. Отношение власти и подвластности есть одно из самых фундаментальных социальных отношений.

Всякие властители стремятся к максимуму власти над подвластными и к максимально возможному расширению множества подвластных. В этом смысле они не имеют никаких ограничений в самих себе. Рассчитывать на какую-то их «совесть», «доброту», «человечность», «разумность» и т. п. в этом их стремлении нелепо, ибо это не соответствует природе феномена власти. Властители имеют ограничения своим стремлениям лишь вовне, а именно — в других властителях и в подвластных, в сопротивлении последних амбициям властителей. С разрастанием множества властителей в их среде происходят расколы, образуются враждующие и конкурирующие группировки. И функцию упомянутого сопротивления присваивают себе представители множества властителей, которые вовлекают подвластных в сопро-

тивление по мере надобности и возможности. Подвластные стремятся к минимуму подвластности. Иногда они восстают и выходят из-под контроля властителей. Добровольность подвластности имеет место лишь тогда, когда она в какой-то мере выгодна подвластным.

Люди и целые народы различаются по степени властности (по способности властвовать над другими). Встречаются выдающиеся индивиды и народы с этой точки зрения, как и во всякой другой способности. Но для удовлетворения потребностей человеколюбия и человечества во властителях средних способностей властвовать более чем достаточно. Как показывает опыт, из безвольных «тряпок» получаются порою более «железные» и «твердокаменные» властители, чем из волевых. И все же высокая степень властности повышает возможности ее обладателей в борьбе за существование.

В силу закона экзистенциального эгоизма, люди стремятся к власти прежде всего для самих себя и во вторую очередь для подвластных. Дело обстоит не так, будто некие благородные, бескорыстные и самоотверженные личности жертвуют собою для блага подвластных. Конечно, такие личности встречаются как исключение и отклонение от нормы. Множество нормально-средних властителей образуют люди, живущие за счет функции власти и использующие эту функцию в своих корыстных целях.

Отношения власти и подвластности охватывают всех членов человеколюбия во всех измерениях их жизни. Из этих отношений я выделяю особую макросферу человеколюбия, исполняющую функцию власти в отношении человеколюбия как целого. Иметь на этот счет ясность с самого начала очень важно, поскольку из-за отсутствия ее возникают весьма серьезные теоретические проблемы. Например, богатые люди в некотором человеческом объединении могут иметь власть в рассмотренном выше смысле над представителями государственной власти этого объединения, не будучи в числе этих представителей. Жена может иметь власть над мужем, который является президентом страны, но из этого не сле-

дует, будто она — высшая власть в стране. В дальнейшем я буду говорить о сфере власти человека.

Сфера власти

Власть есть многосторонний феномен. Она характеризуется наличием у социального субъекта как носителя (обладателя) власти таких признаков: 1) осознание своего положения в отношении подвластных субъектов; 2) осознание того, что он может и хочет требовать от подвластных, способность сформулировать свое желание в знаках (в языке); 3) сообщение своей воли подвластным (приказание); 4) способность и средства принудить подвластных к исполнению приказа; 5) контроль за исполнением приказа. В простейших случаях и в исторически исходных формах человеческих объединений все эти стороны слиты воедино. С увеличением и усложнением объединений происходит разделение сторон целого в виде функций различных людей и их объединений, совместно выполняющих функции власти. Все то, что мы можем наблюдать во власти современных людей, так или иначе может быть представлено как развитие, исходящее из рассмотренного зародыша. Это — не собирание каких-то разрозненных явлений в целое, а именно развитие путем дифференциации сторон целого и обособления их в виде функций частей. Конечно, при этом могут иметь место внешние влияния и объединения разных явлений. Но при всех обстоятельствах внешнее влияние должно ассимилироваться, а объединившиеся явления должны установить такие отношения, какие установились бы в случае дифференциации единого. Другими словами, упомянутые стороны власти не существуют изолированно друг от друга. И даже когда они разделяются и воплощаются в различных субъектах, они остаются сторонами (функциями, свойствами) целостного феномена власти.

С развитием человека сфера власти разрастается и превращается в систему определенного типа. Этот тип зависит от многих факторов, в их числе — от размеров чело-

вейника и от характера человеческого материала. Например, требуется некоторый минимальный размер чело­вейника (число людей), чтобы власть приобрела форму демократии. И выше некоторого максимума величины чело­вейника власть не может возникнуть или сохраниться достаточно долго как демократия. Аналогично есть зависимость типа власти от размеров территории, от климатических условий, от способности народа к самоорганизации, от окружения. Тип власти зависит, разумеется, и от степени сложности чело­вейника, от культуры и идеологии. Но свести тип власти к какому-то одному фактору ошибочно.

Функции власти

Сфера власти есть управляющий орган чело­вейника. Она включает в себя выработку приказа­ния (решения) по содержанию (т. е. по языковому выражению) и сам акт отдачи приказа­ния, выражение воли власти заметным для подвлас­тных способом и принуждение подвластных к исполнению этой воли, отдачу приказа­ния и контроль за его исполнени­ем. По мере усложнения человеческих объединений и самих органов власти происходит разделение функций власти во всех упомянутых измерениях. Приказание может быть та­ким, что для его исполнения требуется множество людей, множество действий, распределение обязанностей, порядок действий, качество исполнения. Все это становится функ­цией управления. Когда такое отношение между имеющими власть и подвластными становится регулярным, происходит разделение функции выработки и отдачи приказаний и фун­кции управления процессами исполнения приказаний. Вто­рая обособляется в качестве особого компонента сложного феномена власти — управления.

За приказывающей частью власти сохраняются какие-то функции управления, — она управляет управляющей час­тью. Управляющая часть наделяется некоторыми функция­ми приказаний, — она доводит приказания приказывающей части до исполнителей и вносит в них свою долю (детали­зация с учетом обстоятельств, свойств исполнителей и т. д.).

Это раздвоение власти — типичный пример диалектического раздвоения единого с сохранением его целостности. В реальности такое раздвоение происходит во многих измерениях и на разных уровнях. Складывается многомерная сеть и иерархия таких отношений. Лежащее в глубине процесса раздвоение скрывается, запутывается, измельчается. Одновременно происходит разделение функций власти и в других измерениях.

Хозяйство человеенника

Хозяйством человеенника я называю то, что члены человеенника специально создают искусственно (а не находят в готовом виде) и делают регулярно, чтобы добывать и производить средства существования. В хозяйство входит создание орудий труда и искусственных сооружений, разведение домашних животных и выращивание культурных растений, строительство жилищ, изготовление одежды и т. д., — создание материальной культуры, благодаря которой человеенник живет.

В силу определения, у животных нет хозяйства. У них есть зона, в которой они добывают средства существования. И у людей охота, собирательство и грабеж сами по себе еще не хозяйство. Для хозяйства, повторяю и подчеркиваю, нужно, чтобы люди создавали специально искусственные предметы и делали это регулярно.

На заре человечества почти все население человеенника занималось хозяйством. По мере увеличения человеенников и роста производительности труда стало расти число людей, которые сами непосредственно не занимались хозяйством, а жили за счет того, что делали другие. Эти люди появились прежде всего в сфере власти и в менталитетной сфере, а также как обслуживающие других членов человеенника, обладавших властью и богатством. С другой стороны, часть членов человеенника, способных содержать не только себя, но и других, относительно сокращалась. Их постоянной функцией в человееннике стало снабжение всего человеенника средствами существования. Они образовали особую

сферу — хозяйственную. Так что образование сфер власти и хозяйства суть результат единого процесса. (Власть смогла образовать особую сферу лишь при условии образования сферы хозяйства).

Производительность хозяйственной сферы долгое время оставалась такой, что основная масса членов даже сравнительно развитых человеиников была занята в сфере хозяйства. Казалось, будто это и есть основное дело человеиника. Положение коренным образом изменилось совсем недавно, главным образом — уже в прошлом веке, особенно заметно — во второй половине века. Число людей, занятых в хозяйственной сфере, сократилось относительно числа людей, занятых в других сферах (в системе власти и управления, в культуре, в науке, в сфере обслуживания и т. д.), настолько, что стало возможно рассматривать сферу хозяйства как одну из многих, причем — даже не как главную. В современных наиболее развитых человеиниках в хозяйственной сфере занято даже менее 20% работающих. Более того, теперь определяющую роль в жизни таких человеиников играет уже не хозяйственная сфера, а другие. Такую эволюцию человеиников не могли предвидеть во второй половине XIX в. и даже в начале XX в. Иначе марксистский «исторический материализм» вряд ли имел бы такой колоссальный успех.

Люди, занятые в сфере хозяйства, либо вынуждаются другими людьми или обстоятельствами личной жизни снабжать других членов человеиника средствами существования, либо делают это добровольно. В первом случае они должны сами иметь какие-то средства существования, чтобы делать то, что от них требуют другие. Им дают возможность жить, чтобы за их счет могли жить те, кто принуждает их к деятельности в сфере хозяйства. Во втором случае они делают свое дело не из любви к другим людям, а с целью иметь что-то для себя. Заботясь о себе, они заботятся о других. И таким путем хозяйство выполняет свою фундаментальную функцию в человеинике: обеспечение человеиника необходимыми для его существования материальными благами. Все последующее усложнение и прогресс хозяйства

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

есть развитие (развертывание, дробление, детализация и т. д.) этой основной функции.

Функции хозяйства

Развитие функций хозяйства происходит во многих измерениях. Назову некоторые из них. Можно различить первичный и вторичный уровни хозяйства. Первичный уровень образует все то, что члены человеческого общества добывают непосредственно из природы и других человеческих существ и приносят в свой человеческий мир. На этом уровне средства существования поступают в человеческий мир. Вторичный уровень образует то, что члены человеческого общества извлекают из продуктов первичного уровня. Со временем происходит дифференциация на обоих уровнях, так что образуется иерархия уровней.

По другой линии можно различить добывание и производство самого необходимого для жизни людей (для удовлетворения основных потребностей) и добывание и производство сверх этого необходимого (для удовлетворения производных потребностей). В других разрезах происходит дифференциация подразделений хозяйства в зависимости от разнообразия потребностей различных категорий членов человеческого общества, от разнообразия создаваемых предметов потребления и многих других факторов. Происходит также усложнение хозяйства по линии дифференциации этапов производства, производства различных компонентов продукции и т. д. Происходит, наконец, разделение людей на выполняющих хозяйственные функции и выполняющих функции власти и управления в сфере хозяйства, а также установление иерархии вторых.

«Базис»

Многие социальные мыслители (философы, социологи, историки) до сих пор считают сферу хозяйства базисом всякого человеческого общества. Крайний случай такого подхода к человеческому обществу — марксистская концепция. Да и западная идеология упорно навязывает такой взгляд всему челове-

честву, вовлекаемому в зону влияния Запада. Само собой разумеется, человек не может существовать без хозяйственной сферы. Но ошибочно утверждать, будто способ организации и степень развитости этой сферы определяют собою все прочие компоненты любых людей. Одно дело — роль хозяйства в существовании человека, и другое дело — его роль в организации того или иного человека в целом. В истории человечества возникали и возникают различные виды людей и различными путями. И далеко не всегда способ организации и состояние хозяйства определяли все прочие явления человека. Известны случаи в прошлом и в настоящем, когда формирование человека начиналось с образования системы власти, и последней приходилось создавать хозяйственный «базис». Причем, создавать не для того, чтобы стать «надстройкой» над ним, а чтобы использовать его в своих интересах. Так произошло, например, в России после революции 1917 года.

Менталитетная сфера

В примитивных людях менталитетный аспект был слит с другими. Делом формирования сознания людей занимались почти все взрослые члены человека. Причем, занимались они этим в рамках деловой и коммунальной жизнедеятельности. Думаю, что в простейшем (как логически, так и исторически) случае человек, воплощавший в себе управляющий орган человека, исполнял в недифференцированной форме функции власти и управления не только телами, но и «душами» людей. Социальное управление вообще есть управление путем воздействия на сознание людей, а сознание еще не отпочковалось от телесной деятельности в качестве деятельности особого рода. Лишь со временем произошло отпочкование функции «заведования» менталитетом людей в виде функции особых людей.

По мере эволюции людей происходило разрастание сознания людей, усиление его роли, увеличение числа действий, специфически связанных с сознанием, росла роль

познавательного аспекта сознания. Стали появляться люди и организации людей, особой функцией которых становилась деятельность в этом аспекте, изобретались особые средства для этого. Происходила дифференциация различных функций процесса обработки людей, складывались особые ритуалы, обряды. Поскольку это невозможно закрепить биологически, менталитетный аспект должен функционировать постоянно как своего рода замена механизма биологической наследственности, — как механизм социальной наследственности (преемственности). Для этой цели в человеичнике стала складываться особая менталитетная сфера.

Менталитетную сферу образует часть членов человеичника, специфической функцией которых является работа над менталитетом прочих членов человеичника. Делом, сходным со специфическим делом менталитетной сферы, занимаются и другие люди, группы, организации. Но они не входят в менталитетную сферу в качестве ее частей. Над человеческим менталитетом в конкретных человеичниках работают и другие сферы. Но это не есть их специфическое дело. Менталитетная сфера вмешивается в деятельность других сфер. Но это — не ее специфическое дело.

Менталитетная сфера человеичника есть постоянно действующий компонент социальной организации. Люди, занятые в ней, профессионально занимаются менталитетом членов человеичника и живут за счет этой деятельности. Они признаны в человеичнике в этой роли, не преследуются, а, наоборот, почитаются, имеют авторитет и влияние на людей. Люди и группы людей, занятые в менталитетной аспекте (в аспекте, а не сфере!) и живущие за счет своей деятельности в этом аспекте, но не признанные или даже преследуемые в этом их качестве, в менталитетную сферу не входят.

Задача менталитетной сферы

Задача менталитетной сферы заключается прежде всего в том, чтобы выработать сознание человеичника как целого, сохранять его, разрабатывать и приспособливать к меняю-

шимся условиям жизни людей. Сознание человејника как целого не есть сумма и обобщение сознаний отдельных его членов как по содержанию, так и с точки зрения формы (аппарата). Это — историческое изобретение человејника в множестве поколений. Задача менталитетной сферы, во-вторых, заключается в том, чтобы навязывать это сознание членам человејника, стандартизировать их сознание, сделать их индивидуальное сознание воплощением сознания человејника как целого. И третья основная задача менталитетной сферы — управлять поведением людей путем формирования в них стандартного сознания и воздействия на него. В целом задача менталитетной сферы — сделать людей способными жить в их человејнике и сохранять его своей жизнедеятельностью как единое целое, а также сделать людей лучше управляемыми и манипулируемыми.

Обработка человеческого сознания есть обучение людей способности оперировать знаками, заполнение памяти определенным образом изготовленными и отобранными знаками, тренировка мозга на определенные операции со знаками, стандартизация мозговой деятельности людей, снабжение людей стандартной «духовной» пищей, тренировка на стандартное знаковое (символическое) поведение, создание символического мира с помощью знаков реального мира, погружение людей в вымышленный символический мир, выпуская их из него в мир реальный лишь в той мере, в какой это требуется интересами самосохранения.

Специфическими средствами выполнения этой задачи являются совокупности идей, особого рода учения. Менталитетная сфера должна изобретать их, хранить, пополнять, исправлять и т. д. Но делать это не ради них самих, — сами по себе они ценности не имеют, — а чтобы вбивать их в головы прочих членов человејника. Идеи сами по себе в головы людей не поселяются и тем более не уживаются там долго. Для этого нужен определенный механизм, и он создается в менталитетной сфере. Это — особые люди и их объединения, заботящиеся о том, чтобы рассматриваемые идеи (учения) доводились до сознания всех членов человејника,

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

организующие особые ритуалы для этого, тренирующие людей на определенное поведение в соответствии с идеями.

Эволюция менталитетной сферы

Менталитетная сфера в своей эволюции прошла путь от одного или нескольких людей до грандиозных организаций из десятков и сотен тысяч человек, от примитивной совокупности знаков и знаковых операций до сложнейших знаковых систем и операций, требующих длительного профессионального обучения. В исходном пункте функции хранителя жизненного опыта и познания, воспитателя, учителя и контролера поведения членов человеческого сообщества образовывали единый, недифференцированный комплекс и были сосредоточены в ведении одного или нескольких членов человеческого сообщества, олицетворявших его интеллект. По мере разрастания, усложнения и обогащения менталитетного аспекта происходило отпочкование ряда функций менталитетной сферы в виде функций других сфер — науки, культуры, права, норм морали, этикета и т. п. В итоге за менталитетной сферой осталось то, что было главным в исходном пункте, а именно — обработка и стандартизация сознания членов человеческого сообщества и манипулирование ими путем воздействия на их сознание. Только теперь — на более высоком уровне развития сознания. В отношении менталитетного аспекта в целом эта сфера взяла на себя роль его организующего ядра и контролера.

Функции менталитетной сферы

Функции менталитетной сферы более конкретно можно классифицировать так:

- 1) разработка, хранение и вбивание в головы людей определенного мировоззрения и определенной системы ценностей (оценок);
- 2) вовлечение людей в определенные действия, касающиеся их сознания, принуждение к этим действиям;

3) контроль за мыслями и чувствами людей и организация их на такой контроль в отношении друг друга.

Мировоззрение человеиника образует совокупность взглядов (представлений) на все то, что так или иначе входит в круг интересов членов человеиника, — на окружающий мир, на свой человеиник, на человека и т. д. Система ценностей определяет эмоциональное отношение людей к окружающим явлениям и к поступкам людей. Действия, упомянутые в пункте 2, являются средством обработки сознания и поддержания его в должном состоянии. Таковы, например, религиозные обряды, ритуалы, собрания. Контроль за мыслями и чувствами людей не менее важен для человеиника, чем контроль за телесным поведением. Порою он достигает чудовищной силы. Он опирается на систему телесных наказаний. Он не есть всего лишь результат злого умысла плохих людей. Он есть необходимое средство самоорганизации и самосохранения человеиника. Он превращается в зло, когда превышает меру и становится неадекватным условиям и требованиям самосохранения человеиника.

Надо различать менталитет отдельно взятых людей (скажем, индивидуальное сознание) и менталитет человеиника как целого. Между ними нет полного совпадения. Второе, как уже было сказано, не есть сумма и обобщение первых. Не все, что можно обнаружить в сознании одного человека, можно обнаружить и в сознании другого. Не все, что верно в отношении менталитета человеиника, верно в отношении каждого члена человеиника. Менталитетная сфера концентрирует в себе «вещество» сознания и распределяет его по членам человеиника так, что каждому достается какой-то «кусочек» в зависимости от его положения в человеинике и индивидуальных обстоятельств. Тут, как и во всем прочем, нет абсолютного равенства.

Состояние менталитета

Состояние менталитета отдельно взятых людей и человеиника в целом складывается под воздействием многих

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

факторов, а не только менталитетной сферы. В число этих факторов входят личный жизненный опыт человека и мышления над ним, общение с другими людьми, обучение и образование, внешние влияния и т. п. Задача, менталитетной сферы — контролировать и регулировать эти прочие влияния, ограничивать или вообще исключать их. То, насколько это удастся практически, характеризует степень эффективности менталитетной сферы.

Суперуровень человека

К суперуровню человека относится все то, что возникает вне компонентов микроуровня и макроуровня, но на основе их и в зависимости от них. Микроуровень исторически был и остается всегда основой человеческого бытия. Люди живут именно на микроуровне, чем бы они ни занимались, какие бы позиции ни занимали в организации на макроуровне. Макроуровень возникает исторически и является постоянно средством организации разросшегося микроуровня. Укрепившись, его компоненты становятся доминирующими в социальной организации. Явления суперуровня возникают на их основе, но из материала микроуровня, как новая ступень в эволюции этого материала. Если в силу закона диалектики макроуровень есть в некотором роде отрицание микроуровня, то суперуровень есть диалектическое отрицание макроуровня и отрицание отрицания по отношению к микроуровню. Сказанное не есть всего лишь словесные спекуляции. Это — логически обобщенная характеристика реального эволюционного процесса.

Суперуровень, как и другие уровни, есть явление историческое в том смысле, что складывается при определенных условиях, изменяется со временем, разрастается и т.д. Высочайшего уровня он достиг в современных человекоустройствах. Тут он начал борьбу за доминирование над прочими уровнями в формировании и функционировании социальной организации человекоустройств. Остановлюсь на социальной структуре человеческого материала и на распределении жизненных благ.

Классы

Надо различать логическую и социальную классификацию объектов. Логическая классификация образуется так. Мысленно выделяются какие-то общие (сходные) признаки многих объектов и строятся языковые выражения типа «класс (множество) А», где слово «класс» (или «множество») играет роль особого логического оператора (классообразующего оператора), а «А» есть языковое выражение (термин), которое обозначает объекты, обладающие выделенными общими признаками. Например, «класс деревьев», «класс чисел», «класс рабочих», «класс пенсионеров», «класс безработных». В разговорном языке оператор «класс» обычно опускают или о нем вообще ничего не знают и употребляют общие слова во множественном числе, например — «столы», «деревья», «рабочие», «пенсионеры», «безработные». Свойства оператора «класс» определяются в логике (я построил для этого особую теорию). Важно иметь в виду, что при образовании логических классов оставляется без внимания все то, что касается отношений между объектами, включаемыми в класс (между элементами класса), и отношений между элементами различных классов. Повторяю и особо подчеркиваю, что здесь слово «класс» играет роль логического оператора, оно не обозначает никакие объекты, не является термином и понятием.

Социальный аспект классификации социальных объектов предполагает логический, но не сводится к нему. В этом аспекте слово «класс» употребляется не как логический оператор, а как особый термин (понятие), обозначающий какие-то социальные объекты. Какие именно, это должно быть определено в рамках социального исследования, а не в логике. Как делалось и делается это в фактических сочинениях, другое дело. Важно то, что обычно рассмотренные аспекты не различаются и смешиваются. Различные авторы дают различные определения социальных классов, обвиняя друг друга в неправильном понимании их, хотя дело тут всего лишь в различии словоупотребления.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

В современных человеюниках число возможных логических классов огромно. При этом логическая классификация может осуществляться по различным признакам и в различных измерениях, так что одни и те же объекты могут оказаться в различных логических классах. Сами объекты могут обладать признаками, позволяющими относить их к различным и даже взаимоисключающим логическим классам. Например, логические классы начальников и подчиненных вроде бы не пересекаются, а человек может быть начальником в одном отношении и подчиненным в другом. Чтобы избежать противоречия, нужно принимать во внимание случаи относительности признаков, по которым образуются логические классы.

В случае социальной классификации (т.е. при описании социальной структуры человеческого материала человеюника) надо принимать во внимание совокупность признаков. В один социальный класс должны включаться члены человеюника, занимающие сходное положение в социальной организации. Их должно быть достаточно много, чтобы они стали заметным явлением в жизни человеюника, они должны воспроизводиться (быть постоянным фактором социальной организации), их роль должна быть достаточно важной. Их социальная позиция должна быть осознана ими самими и как-то признана другими членами человеюника. Какие именно члены человеюника будут при этом включены в тот или иной социальный класс, зависит от социального типа человеюника.

Обычно (чаще неявно) предполагают, что между представителями социального класса имеют место более или менее устойчивые связи, например — совместное времяпрепровождение, родственные связи. Предполагают сходство в образе жизни, в уровне культуры и в других отношениях. Иногда предполагают организации, объединяющие какие-то части логических классов для каких-то совместных действий в защиту общих интересов, и наличие таких интересов, например, — партии, профсоюзы, стачечные комитеты и т.п., борьба против увольнений, за повышение заработ-

ной платы, за улучшение условий работы. Но это не должно входить в определение понятия соответствующего класса.

В реальности разделение членов человеческого общества на социальные классы происходит в соответствии с их социальным статусом. Последний определяется совокупностью признаков, в число которых включаются такие (в той или иной комбинации): величина дохода, имущественное положение, положение на иерархической лестнице социальных позиций, престижный уровень профессии, образование, уровень культуры, сферы общения, связи, перспективы роста, перспективы для детей и другие (опять-таки набор признаков зависит от типа человеческого общества).

В любом человеческом обществе устанавливается иерархия социальных классов. Переход людей из одного класса в другой более высокого или более низкого уровня иерархии образует вертикальную динамику населения человеческого общества. Она различна в различных человеческих обществах и меняется со временем в тех же человеческих обществах. Она, например, была очень высокой в коммунистических человеческих обществах в начальные годы их жизни, потом стала снижаться. Это — общий социальный закон: в сложившихся человеческих обществах вертикальная динамика населения имеет тенденцию к снижению. Происходит классовая консервация человеческого общества.

Распределение

Человеческое общество организуется так, что в нем с необходимостью возникает различие социальных положений для различных его членов. Каждый из них стремится использовать свое положение, чтобы иметь максимум благ. И возможности их в этом отношении не равны. Это образует самую глубокую основу неравенства в распределении жизненных благ. И никакое изобилие жизненных благ не может избавить от этого, ибо всякое изобилие относительно, и в нем неизбежна иерархия уровней.

Любой человеческий организм сохраняет и сам порождает иерархию в распределении жизненных благ, соответствующую соци-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

альной иерархии. Так что неравенство в обладании благами есть изначальный закон человеческого бытия. И это справедливо в социальном смысле: социально справедливо то, что соответствует социальным законам человекиника. Несправедливо то, что не соответствует этим законам, не вытекает из них, выходит за их рамки, противоречит им. На этот счет имеется своя мера, причем — как верхняя, так и нижняя. Стремление установить равенство в распределении, нарушающее нижнюю границу меры неравенства, столь же ненормально, как и превышение верхней границы.

Возникнув однажды, неравенство в распределении жизненных благ само становится опорой социальной организации, породившей его. Круг замыкается. Неравенство становится преемственным и устойчивым. Требуется длительное время (порою — века), чтобы накопились силы, способные разрушить сложившуюся систему неравенства. Разрушить, чтобы создать новую, более адекватную новой ситуации в человекинике.

Распределение жизненных благ никогда не было стихийным, хаотичным. То, что принято считать стихийным и хаотичным, есть явление сравнительно позднее, частичное и относительное. В основе же всегда лежала и лежит какая-то форма упорядоченности распределения. Это — одна из функций власти. Власть охраняет сложившиеся правила распределения и вырабатывает новые. В этом отношении распределение кусков туши убитого животного вождями племени и распределение бюджета страны, исчисляемого миллиардами долларов, суть явления однопорядковые. В человекинике складывается определенная устойчивая система распределения, являющаяся необходимым условием его самосохранения. Причем, та часть человекиника, которая имеет лучшее положение с точки зрения распределения жизненных благ, силой принуждает прочих членов сохранять эту систему. Эта сила состоит тоже из членов человекиника, получающих за свою службу долю благ.

Никакого единого для всех людей принципа распределения жизненных благ (вроде марксистских «по труду»

и «по потребностям») не существует. В реальности идет борьба за жизненные блага, в которой каждый стремится использовать свое социальное положение, свои силы и способности. Одни делают это, используя приобретенное или унаследованное имущество и капитал, другие — делая служебную карьеру, третьи — продавая свои способности, четвертые — добиваясь успеха в творчестве, пятые — улучшая квалификацию, шестые — грабя и воруя, седьмые — организуя дело, короче говоря — добиваясь благ теми путями, какие доступны для них.

Развивается система принципов распределения, вплетенная в общий процесс жизнедеятельности людей. Опытным путем и в результате борьбы интересов находятся какие-то нормы вознаграждения за конкретные виды деятельности. Тут имеются свои частные принципы, имеющие силу в узких пределах. Например, человек, занимающий более высокий пост, чем другой человек в рамках одной и той же сферы оплаты, должен получать больше, чем второй. И мало кто оспаривает этот принцип. Недовольство возникает тогда, когда нарушается некоторая норма в разнице оплаты. Точно так же считается само собой разумеющимся то, что предприниматель, лучше других организовавший бизнес или использовавший конъюнктуру, имеет и более высокий доход.

Обычно распределение благ рассматривается с точки зрения долей благ, достоящихся членам общества. Такой подход односторонен и далеко не всегда уместен. В рассмотренном случае с перераспределением благ мы должны из суммы благ, достоящихся отдельным лицам, вычесть часть, которую они должны отдать другим, чтобы воспользоваться какой-то частью своих владений. Огромное количество членов общества формально имеет сравнительно небольшие доходы, но фактически пользуется неизмеримо большими благами. Это, например, представители органов власти, использующие государственные средства в своих личных интересах. Так, в коммунистических странах работники аппарата партии и государства имели сравнительно небольшую заработную плату, а фактически распоряжались благами на уровне богатых, очень богатых и сверхбогатых людей за-

падных стран. Я предлагаю для такого рода случаев ввести другой критерий распределения благ, а именно — величину трат общества на того или иного конкретного человека. Этот критерий применим к значительной части членов западных обществ, а в коммунистических странах он являлся не менее важным и широко применимым, чем критерий величины благ, достающихся в личное владение.

Неравенство

В человекиках время от времени возникают силы, стремящиеся ограничить крайности неравенства и делающие в этом направлении что-то реальное. Но, как показывает опыт истории, успехами на этот счет человечество похвастаться не может и вряд ли когда-либо сможет. Самых больших успехов в этом отношении добились в коммунистических странах. Но и в них по мере улучшения общих условий жизни неравенство в распределении благ стало увеличиваться и достигло довольно значительного уровня.

Социальная структура создает возможность неравенства в распределении жизненных благ. Но возможность эта превращается в действительности в ожесточенной борьбе между людьми, группами людей, народами, странами. Если тут какая-то социальная справедливость достигается, то лишь на время, через кризисы, катастрофы, через бесчисленные жизненные драмы и трагедии. Люди, добившиеся в этой борьбе наивыгоднейшего положения, приобретают силы и умение удерживать сложившееся положение даже тогда, когда система распределения приходит в вопиющее несоответствие с реальной ситуацией в человекике. Именно это служит непосредственной основой для умонастроений масс, толкающих их на восстания, революции, войны и т.п.

Социальная борьба

Все социальные объекты суть люди и их объединения. А люди суть живые существа. Самым фундаментальным фактором, определяющим их поведение, является стремление

удовлетворить их жизненные потребности. Условия жизни людей, потребности и условия их удовлетворения различны, порою — противоположны. На пути у одних людей при этом стоят другие люди как препятствия, причем — препятствия активные, имеющие свои интересы и стремящиеся удовлетворить их. Так что реальная жизнь человечества была, есть и останется вечно борьбой между людьми, их объединениями, народами, странами, группами стран. Какой бы прогресс человечества ни происходил и какие бы меры люди ни изобретали, эта борьба не исчезает, она лишь принимает новые формы. От нее не могут избавить никакие строгости и никакое насилие, ибо сами эти строгости и насилие суть формы социальной борьбы. Дружественные объединения, забота о ближнем, взаимная выручка и помощь и т.п., являясь средствами ограничения всеобщей вражды и борьбы, в не меньшей мере являются средствами усилить свои позиции в социальной борьбе. Более того, социальная борьба между людьми, их различными категориями и объединениями в известных формах и масштабах есть условие существования и прогресса человеколюбивых.

Виды социальной борьбы разнообразны. Насилие, убийство, обман, клевета, интриги, конкуренция, препятствование, бойкот, демонстрация, забастовка, терроризм, диверсия, восстание, революция, война и т.д. — человечество в этом отношении так же далеко продвинулось вперед по сравнению с животным миром, как в отношении материальной культуры, познания, искусства и прочих явлений, считающихся позитивными продуктами прогресса. Описаниями фактов социальной борьбы переполнены произведения художественной литературы, кинофильмы, телевизионные передачи, исторические и политические сочинения, газеты. Но научные их исследования незначительны, фрагментарны, рассеяны и погружены в идеологические и пропагандистские контексты. Наиболее значительными, на мой взгляд, явились учения о классах и классовой борьбе. Они, сыграв свою историческую роль, выродились в идеологические явления, уже неадекватные современной социальной реальности.

Мир человеёников

Человеёники возникали, возникают, организуются и эволюционируют не изолированно друг от друга, а в более обширной социальной среде из скопления людей и их объединений. Буду употреблять для обозначения такой среды слово «мир».

На планете существовали и существуют различные миры. Например — арабский, африканский, средиземноморский, западноевропейский, евразийский и др. В мире могут иметь место какие-то элементы организации. Например, религия и религиозная организация может охватывать все человеёники данного мира, придавая ему некоторое единство. Но мир как целое не есть человеёник. В истории предпринимались и до сих пор предпринимаются попытки организации миров в единые человеёники. Иногда они удавались на какое-то время. Но в таких случаях возникали сложные человеёники, а миры прекращали существование в качестве социальных феноменов особого рода. Такая тенденция приобрела большую силу в наше время. Она стала одной из определяющих линий эволюции человечества.

Человечество в целом было и пока еще остается не просто совокупностью человеёников, но совокупностью миров, состоящих из человеёников. Прогресс человеёников был не просто прогрессом отдельно взятых человеёников, а прогрессом миров из человеёников, в которых рождались новые виды человеёников. В отдельно взятых человеёниках просто не было достаточно сил для этого прогресса. Именно в мирах, а не в отдельных человеёниках были изобретены языки, деньги, религии, государства и другие социальные феномены, без которых человечество теперь немислимо.

В мирах человеёников образуются сложные человеёники либо путем объединения двух или более человеёников в один, либо путем внутренней дифференциации человеёника на части, являющиеся потенциальными человеёниками, либо путем комбинации первых двух путей. Упомянутые части являются потенциальными человеёниками в том смысле,

что сохраняют основные черты человеёников в таком состоянии, что в случае распада сложного человеёника на части последние могут стать самостоятельными человеёниками. В случае слияния двух и более человеёников в один они сохраняются точно так же, как потенциальные человеёники.

В больших сложных человеёниках образуется иерархия частей, являющихся потенциальными человеёниками. Это можно видеть в территориальном делении, например, современных западных стран. Известны многочисленные случаи, когда при распаде сложных человеёников потенциальные человеёники становятся самостоятельными человеёниками. Так, например, произошло в случае распада Югославии и Советского Союза. Но в большинстве случаев образование таких частей диктуется другими обстоятельствами, — интересами управления, делением населения на этнические группы, природными условиями. Играет свою роль социальный закон однообразия структурирования: люди просто применяют имеющиеся навыки ко всем подходящим случаям. Так что законы образования сложных человеёников остаются скрытыми.

Мы живем в эпоху образования человеёников глобального масштаба, стремящихся к мировой гегемонии и к объединению всего человечества в единый глобальный сверхчелоёник. Если это случится, это будет завершением социальной эволюции человечества с точки зрения размеров объединений. Что будет потом — бессмысленно гадать. Эволюционный процесс на этом, конечно, не остановится. Он будет происходить внутри глобального человеёника, который будет восприниматься как нечто естественное.

Виды человеёников

В мирах человеёников возникали и возникают многочисленные экземпляры и виды человеёников. Они различаются по размерам, по продолжительности жизни, по степени сложности структуры, по человеческому материалу и многим другим признакам. Достаточно сравнить примитивные

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

человеиники из нескольких сот человек, еще уцелевшие каким-то чудом на планете, и современные западные страны, достигшие высочайшего уровня развития и состоящие из десятков миллионов человек, чтобы увидеть, какой грандиозный эволюционный процесс тут произошел и происходит на наших глазах.

Вместе с тем, различные человеиники обладают сходными чертами, выделение которых позволяет строить их обобщенные описания и классификации. Для известных мне классификаций характерны такие черты. Отдельные признаки человеиников вырываются из связи с другими и выдаются за такие, которые определяют характер человеиника в целом. Черты, характерные для человеиников определенного типа, абсолютизируются и выдаются за черты человеиников вообще. Человеиники располагаются в умозрительный ряд, который выдается за некий объективный закон эволюции человеиников, т.е. этот ряд онтологизируется. Характерным примером на этот счет может служить марксистская классификация.

Марксистское социальное учение создавалось на основе наблюдения западных стран XIX в. В них экономика доминировала над другими сферами общества, высокого уровня достигли капиталистические отношения и классовая поляризация населения. Маркс и его последователи абсолютизировали черты человеиников такого типа, превратив их в определяющие черты всякого человеиника. Согласно марксизму, существовали четыре типа общественно-экономических формаций (по их терминологии): первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная и капиталистическая. В будущем (для того времени) должна возникнуть пятая — коммунистическая. В их исторической последовательности усматривался некий закон перехода от низших форм к высшим.

Сама по себе идея выделить типы человеиников, ввести критерии их сравнения и расположить их в теории по этим критериям в упорядоченный ряд «от низшего к высшему» вполне правомерна. Но при этом можно удержаться в рамках науки лишь при том условии, что будут соблюдены правила

логики, а именно — если этот умозрительный ряд не рассматривается как последовательные этапы эволюции одних и тех же человеческих объединений и не выдается за некий объективный закон развития человечества. Но именно это требование в марксистской концепции было нарушено. Разбросанные в пространстве и времени куски человеческой истории были изображены как этапы развития чего-то одного. Упорядоченный умозрительный ряд различных явлений человеческой истории был представлен как последовательные этапы развития всякого человеичика. Логическое средство упорядочивания разрозненных явлений было представлено как объективный закон истории. Нечто подобное можно обнаружить и в других социологических концепциях.

Характерным для известных мне классификаций человеичиков является также смешение типов человеичиков в целом и типов социальной организации человеичиков. В истории человечества никогда не было, нет и не будет человеичиков, социальная организация которых совпадает с какими-то ее абстрактными типами. Конкретная история человечества есть история социальных уродов и помесей, лишь в той или иной мере приближающихся к абстрактным образцам социальной организации. Наследственная монархия, например, является признаком общества феодального, а ее между тем можно увидеть во многих демократических (капиталистических) странах в XX в. Товарно-денежные отношения характерны для общества капиталистического, но их можно видеть и в обществе феодальном. В западных странах сохранились владельцы наследственных поместий, что является пережитком феодализма. Но потомки феодалов вполне вписались в капиталистические привилегированные слои и многие сами стали предпринимателями и политиками.

Эволюция человеичиков

История человечества есть история возникновения, изменения, борьбы, гибели, распада, эволюции человеичиков. Нас здесь интересует только один аспект этого процесса, а именно — эволюционный.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Много миллионов лет назад в рамках животного мира появились люди и человеиники. Сначала это были одноклеточные человеиники. Они размножались, увеличивались в размерах, совершенствовались, распространялись по планете. Возникали многоклеточные и сложные человеиники. Одни распадались, другие появлялись. Вступали в контакты, враждовали, влияли друг на друга. Это происходило в рамках более или менее обширных миров. Прошли миллионы лет. Люди и человеиники достигли высокого уровня развития. Стали возникать новые виды человеиников, которые мы будем называть обществами. Общества оказались жизнеспособными, сравнительно быстро прогрессировали, успешно конкурировали с другими человеиниками. Постепенно человеиники типа обществ стали играть доминирующую роль в каких-то мирах и в массе человечества. История человечества стала по преимуществу историей возникновения, существования, эволюции, прогресса, борьбы, гибели обществ — эпохой обществ. Высшим достижением этой эпохи явились страны западного мира. Человеиники более низкого уровня организации, чем общества, я буду называть предобществами.

Исторически предобщества были предшественниками, материалом и условиями возникновения обществ. Это, например, большие семьи, роды, племена, союзы племен. Но сказанное не означает, будто какие-то отдельно взятые (изолированные) предобщества имманентно (без внешних воздействий) превращались в общества. Думаю, что в отдельно взятых предобществах было мало материала и разнообразия явлений, чтобы породить общества. Скорее всего, в каких-то достаточно обширных мирах предобществ возникали эволюционные линии, которые, переплетаясь и взаимодействуя, создавали условия и возможности для появления обществ.

Возникновение обществ не означало, что предобщества исчерпали себя и стали превращаться в общества. По всей вероятности, общества существовали совместно с предобществами. Их различия обнаружились не сразу. Предобщества могли эволюционировать своими путями. У них возникали признаки, подобные признакам обществ. Общества

долго существовали в формах явлений предобществ. Неудивительно, что историки, не имеющие критериев различения предобществ и обществ, имея дело с ситуациями, о которых я только что упомянул, обычно принимали и до сих пор принимают предобщества за общества.

Увеличение предобществ и образование их объединений (порою — гигантских) сами по себе еще не вели к качественному скачку в эволюции человеичиков — к образованию обществ. В этом не было предопределенности. Для нас важно то, что это фактически случилось. Тут мог сыграть роль случай. Возможно, что в результате покорения одним предобществом других возникла иерархическая структура, развившаяся в общество. Существенно здесь то, что общество возникло как человеичик более высокого уровня организации, чем предобщество.

То, чем общество в самой своей основе (при возникновении) отличается от предобщества, что делает его качественно новым образованием более высокого уровня социальной организации сравнительно с предобществом, образует его «нижнюю» эволюционную границу.

Эволюция человеичиков не закончилась уровнем обществ. В XX в. произошел великий эволюционный перелом в истории человечества. Самую глубокую социальную основу его образует то, что начался переход человечества от стадии обществ к стадии человеичиков более высокого уровня социальной организации — к стадии сверхобществ.

Я, таким образом, различаю три эволюционных уровня человеичиков — предобщества, общества и сверхобщества. Эти уровни различаются относительно общества. Это объясняется тем, что все привычные представления о человеичиках выработаны на материале наблюдения обществ, эпоха предобществ ушла в прошлое, а эпоха сверхобществ еще только наступает, факт их возникновения вообще еще не осознан, он зафиксирован впервые только в моих работах и еще не получил мало-мальски широкого признания.

Отношение между упомянутыми эволюционными уровнями человеичиков с логической точки зрения характеризу-

ется понятием диалектического отрицания или снятия: возникновение более высокого уровня социальной организации человежника означает, что некоторые признаки более низкого уровня организации исчезают («отрицаются»), а некоторые другие сохраняются в новом состоянии в «снятом» виде, т.е. в виде, «очищенном» от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и «подчиненном» признакам нового состояния. Общество появляется как диалектическое отрицание предобщества, сохраняя его в себе в снятом виде. Аналогично отношение сверхобщества и общества. Сверхобщество выступает по отношению к предобществу как отрицание отрицания или снятие снятия и по ряду признаков является «возвратом» к предобществу.

Слово «общество» многозначно, как вообще вся фундаментальная терминология сферы социальных явлений. Наша задача заключается не в том, чтобы из имеющихся словоупотреблений его выбрать наиболее подходящее (такового вообще нет, на мой взгляд), а в том, чтобы установить «нижнюю» эволюционную границу человежника интересующего настила. Другими словами, мы должны описать тип социальной организации человежника, который намерены называть обществом. При этом мы вправе в качестве конкретных образцов общества выбрать наиболее развитые его экземпляры, относительно которых нет сомнений в том, что они суть общества. До недавнего времени это были западноевропейские страны Англия, Франция, Германия.

Общество

В сочинениях на тему об обществе обычно смешиваются условия возникновения обществ и признаки, которые следует указывать в определении понятия общества. Тут имеют место частичные совпадения, но полного совпадения нет. Среди условий возникновения могут быть такие, которые, сыграв свою роль, исчезают, а в процессе эволюции возникших обществ могут обнаружиться такие явления, в которых не было необходимости при возникновении.

Общество образуется тогда, когда в каком-то ограниченном пространстве скапливается достаточно большое число людей и вынуждается на постоянную совместную жизнь в течение многих поколений не в силу родственных отношений (хотя они не исключаются), как это имеет место в предобществах, а по каким-то другим причинам. Например, это может быть скопление в одном регионе множества разноплеменных людей для защиты от врагов или в силу природных условий. Эти люди по крайней мере в значительной части являются чужими друг другу, а то и вообще враждебными, как это имеет место, например, при завоевании одних человеков другими. Среди людей в рассматриваемом скоплении могут быть и связанные родственными узами, что очевидно, поскольку тут имеются и образуются семьи. Но в данных условиях чуждость людей друг другу приобретает решающее значение. Для общества необходим некоторый минимум людей, не связанных родственными отношениями, хотя бы для того, чтобы родственные связи утратили прежнее значение.

Скопление людей, образующих общество, состоит не непосредственно из отдельных людей. Это — не толпа. Оно состоит из множества устойчивых групп. Эти группы сравнительно невелики по размерам. Если даже какие-то из них состоят из родственников (небольшая семья, например), основу их образуют не родственные связи, а интересы какого-то общего (совместного) дела. Они до известной степени автономны в своей жизнедеятельности. Каждая из них имеет свои частные интересы. Последние могут совпадать для некоторых из них, могут различаться для других и быть даже противоположными, могут совпадать в одних отношениях и различаться в других. Но всем им свойственно одно общее: эти частные интересы различных групп могут быть удовлетворены только в составе объединения этих групп в единое целое. Общество возникает как общее для разнородных людей и их групп с различными интересами условие удовлетворения их частных интересов.

Это условие выполняется путем создания специфически общественной социальной организации. В дальнейшем я

буду употреблять для обозначения ее основных компонентов выражения «сфера государственности» («государственность», «государство»), «сфера экономики» («экономика»), «идеологическая сфера» («идеосфера», «идеология»).

Социальная организация общества

Социальная организация общества является результатом сознательной деятельности людей. Не просто в том смысле, что она создается с участием сознания (таковы все социальные действия людей), а в том смысле, что роль ее осознается, и она преднамеренно создается для этой роли. Это, напоминая, происходит не как полный субъективный произвол (хотя в конкретной истории и произвол имеет место), а в соответствии с объективными законами организации человекообразных. Социальная организация общества есть организация рациональная. С этой точки зрения общества суть исключительные явления в истории человечества.

В какой последовательности рассматривать компоненты социальной организации общества? В реальности имеют место разнообразные варианты взаимоотношений между ними. Причем, эти отношения меняются со временем. Но независимо от того, как они складываются исторически и какой вид принимают в тех или иных конкретных обществах, имеются логические правила на этот счет. Если, например, в некотором виде обществ в социальной организации доминирует религия, из этого не следует, что научное описание этих обществ должно начинаться с религии. Логично начинать с такого компонента, благодаря которому прочие компоненты становятся специфическими компонентами социальной организации именно общества и могут быть определены в этом качестве со ссылкой на него, независимо от того, в каких отношениях эти находились с иной точки зрения.

Рассмотрев все логически возможные варианты, я пришел к выводу, что для описания социальной организации общества исходным должно быть признание четкой дифференциации основных сфер общества и оформление сферы

власти и управления в качестве особой сферы (сферы государственности), и описание надо начинать именно с нее. Определение прочих сфер как специфичных для общества предполагает государство и не может быть логически корректно определено без ссылки на них. При этом, повторяю, не следует смешивать логические отношения понятий с эмпирическими отношениями определяемых объектов.

Государство

Государство есть управляющий орган общества как единого целого. Причем, дело обстоит не так, будто сначала возникает общество, и затем в нем формируется государство. И не так, будто сначала возникает государство, и затем оно создает общество. Государство формируется как орган формирующегося общества, а общество формируется как человек с таким управляющим органом, каким является государство. Это — единый процесс.

С этой точки зрения марксистская концепция государства как надстройки над экономическим базисом есть чисто идеологическое (а не научное!) обобщение той роли, какую экономика приобрела в то время в западном мире. Если в каких-то обществах государственная власть находится в руках богатеев, военных или попов, и эти конкретные общества держатся на этом, из этого не следует, будто экономика, армия или церковь образуют основу общества как особого типа социальной организации человек с таким управляющим органом, каким является государство. Это — единый процесс. В чьих бы руках ни находилась государственная власть, какой бы вид она ни имела и в каком бы состоянии ни была, что бы ни служило основой сохранения того или иного конкретного общества, неизменным остается одно: если в человеке нет государственности, этот человек не есть общество, а если в человеке в каком-то виде возникла государственность, то тут можно констатировать зарождение общества. Наличие государственности в этом случае есть показатель (признак) того, что человек зародился именно как общество.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Основная функция государства — обеспечить жизнь и самосохранение общества как единого целого. Она детализируется в сложную систему функций — установление правового порядка и охрана его, защита от внешних нападений и т. д. В число этих функций попадает и забота о частных интересах каких-то категорий граждан, слоев, классов, а также примирение вражды между ними. Но ошибочно сводить к этому сущность государства и его основную функцию. Ошибочна как концепция, согласно которой государство есть орган господства каких-то классов, так и концепция, согласно которой государство есть орган примирения классов.

Власть является государственной лишь при том условии, что она легитимная, т. е. признана обществом как законная. Власть может обладать силой заставить население признать ее, покориться ей, примириться с ней. Но для государственности этого мало. Для нее требуется именно законность как в ее установлении, так и в воспроизводстве. Потребность власти в узаконивании возникает не всегда, а лишь в определенных условиях, а именно тогда, когда человек разрастается, усложняется и разбрасывается в пространстве настолько, что одними лишь средствами насилия удержать власть над ним и сохранить единство самой власти становится невозможным. Требуется изобрести и вбить в головы людей идею, будто власть исходит от неких сверхчеловеческих сил или по крайней мере от сил вне данного человека (бог, древние правители), а в случае выборной власти — исходит от некоего народа, будучи воплощением его свободной воли. Этим силам придавали роль учредителей некоего закона, а в случае выборной власти изображали народ, стоящий над каждым человеком в отдельности как высшая сила, творцом такого закона. Благодаря этому изобретению невыполнение распоряжений власти и всякие покушения на нее стали рассматриваться как выступления не против конкретных лиц во власти и конкретных проявлений власти, а против обезличенного и сверхчеловеческого закона. Замена идеи божественности власти на идею народа как на источник власти была лишь сменой формы легитимации

власти. В конкретной истории это был длительный процесс борьбы и социального творчества людей.

Государственность суверенна. Это значит, что она законно (формально!) не признает в рамках своего подвластного общества никакой другой власти над собой и не делит власть ни с кем, кто (и что) находится вне государственности. Опять-таки, это — лишь в идеале, лишь абстрактный социальный закон. В реальности этот закон постоянно нарушается. Я имею в виду борьбу за власть, интриги, расколы, посторонние влияния, околуправительственные круги, лобби, коррупцию, родственные связи и т. п. Все это имеет место и процветает. Но это происходит в рамках одной государственности, около нее, с ней, за ее счет. И все это не устраняет ее формальный суверенитет. Глава правительства может быть под каблуком жены или любовницы, но они от этого не становятся явлением, подчиняющим себе государственность страны.

Государственность возникает в такой тесной связи с правовым (юридическим) аспектом человекиа, что они образуют одно целое. Говоря о государстве, мы должны говорить о правовых (юридических) законах, а говоря о праве — должны говорить о государстве. Уже легитимация государственной власти в конце концов принимает форму правовой операции.

Государственность действует в рамках правовых норм и в соответствии с ними. Даже в случае абсолютистских и диктаторских систем государственности это так или иначе в той или иной мере имеет место. Бывают диктатуры как формы государственности и диктатуры как негосударственные формы власти. Так называемая абсолютная власть абсолютна не во всем, но лишь в некоторых отношениях, и это — выход за рамки государственности.

Задача государства—управление обществом как целым. Специфическими средствами этого являются законодательство и принудительный аппарат исполнения законов. Законодательство есть введение в жизнь общества правовых норм (юридических законов), регулирующих взаимоотношения между членами общества, между управляемыми членами

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

общества и управляющей властью, между членами самой системы государственности, а также контроль за соблюдением этих норм, принуждение граждан к их соблюдению и наказанию за их нарушения. Будучи узаконено (легитимировано), государство само становится органом легитимирования других феноменов общества.

Правовая сфера

С возникновением общества в нормативном аспекте возникает особый феномен — правовая или юридическая сфера. Эту сферу образует множество людей, групп, организаций, учреждений и т. п., специальным делом которых являются правовые нормы (юридические законы) и поступки членов общества, поскольку они подлежат оценке с точки зрения правовых норм. В связи с тем, что специфика этой сферы определяется правовыми нормами, я в дальнейшем буду для краткости употреблять слово «право», предполагая сказанное выше.

Право возникает прежде всего как совокупность норм (юридических законов), определяющих изначальные и фундаментальные атрибуты власти и подвластного человека, благодаря которым они приобретают социальное качество соответственно государства и общества.

Надо различать формальную функцию рассматриваемых норм и их содержание. Государственная власть может быть различного типа. Например — самодержавная и деспотическая в дореволюционной России и демократическая в США. И структура населения может быть определена законами различно, как это имело место, например, в тех же упомянутых странах. Всякое общество создает какую-то правовую систему, иначе оно не общество (по определению!). Но далеко не во всяком обществе люди свободны в том смысле, в каком они свободны в современных западных странах. Общество может иметь правовые нормы, лишаящие людей «прав человека» в западном смысле, закрепощающие людей, как это имело место в России до ликвидации крепостного права и в США до отмены рабства. Становление об-

шества есть процесс формирования какого-то государства и какого-то права, а не обязательно хорошего с чьей-то точки зрения государства и права. Для реальных людей человека, в котором это происходит, это может быть кошмаром, а не благом.

Рассматриваемая совокупность правовых норм обладает такими чертами. Во-первых, она устанавливает статус государства, его строение, права, обязанности и способ воспроизводства. Государственной власти придается монопольное право на нормативную (правовую в юридическом смысле, законодательную) деятельность, касающуюся общества в целом, а также право суда и право наказания за преступления против законов. Государственная власть, подчеркиваю, становится монопольным законодателем и судьей, отнимая эти функции у церкви и общин, у частных лиц и у негосударственных властителей.

Во-вторых, рассматриваемая совокупность норм устанавливает статус подвластных государству людей, их социальное положение (социальные категории), отношения между этими категориями людей, их права и обязанности по отношению к государству. Это и есть фактическое установление в данном скоплении людей основ общества.

Рассмотренная совокупность правовых норм образует фундаментальное (скажем так) право общества. Оно, с одной стороны, фиксирует реальные явления, уже сложившиеся в человеке исторически и, с другой стороны, становится условием дальнейшего нарастания, усиления и развития этих явлений рождающегося и родившегося общества.

Государство, став монополистом в сфере законодательства и профессионалом в этом деле, продолжило начатое фундаментальным правом дело, развивая часть права, которую я называю государственным правом. Эта деятельность идет по многим линиям, основные из которых суть следующие. Во-первых, законодательство, охватывающее общество в целом и формально, т. е. не персонифицировано (общегосударственные законы). Во-вторых, обеспечение правовой защиты членов общества и их объединений (гражданское право). И в-третьих, установление законов, в

рамках которых должны совершаться правовые соглашения частных лиц и их объединений. По этой линии развивается часть правовой сферы, выходящая за рамки государственно-го права, скажем — частное право.

Наличие законов не означает, что они выполняются автоматически. Нужны средства и усилия государства, чтобы они выполнялись. Нарушения законов — обычное дело в жизни общества. Надо различать то, что написано на бумаге и имеет претензию быть законом, и то, что в реальности функционирует в качестве закона.

Не выполняются автоматически и законы, определяющие права членов общества, причем — как в фундаментальном, так и в государственном и частном праве. Нужны усилия и траты со стороны граждан, чтобы добиться того, что им положено по праву. И это не всегда удается. Партнеры правового отношения стремятся избежать выполнения своих обязанностей и часто имеют для этого силу.

Правовые (юридические) нормы (законы) — не единственные правила, регулирующие поведение людей в обществе. Их сфера действия ограничена, во-первых, такими поступками людей, когда люди имеют свободу выбора поступков и свободу совершать их или не совершать, причем — поступками, которые затрагивают интересы других людей. Она ограничена, во-вторых, тем, что нормы для таких поступков устанавливаются государством или узакониваются им, если они возникли практически, и государство имеет силу принуждать людей к их исполнению и контролировать исполнение. Правовые нормы не требуются для поступков, которые социально безразличны. Они не требуются также в случаях, когда люди не имеют свободы выбора, когда люди вынуждаются на какие-то поступки без всякого юридического принуждения.

Правовые нормы теряют практический смысл, если государство не в состоянии принуждать людей к их соблюдению и контролировать поступки людей с этой точки зрения. Кроме того, правовые нормы теряют смысл, если они составлены так, что допускают взаимоисключающие истолкования и

применения, а также если в кодексе законов имеются взаимоисключающие нормы.

Правовая сфера общества есть живое явление. Она изменяется с изменением общества. Но это происходит как борьба общественных сил. Адекватность этой сферы потребностям общества никогда не бывает полной. Но есть некоторые пределы, в которых колеблется степень неадекватности, не угрожая тяжелыми последствиями.

В современных обществах системы правовых норм разрослись до колоссальных размеров, стали чрезмерными и дорогостоящими. Неимоверно разрослось число специалистов, занятых в правовой сфере, чрезмерно возросла их власть и злоупотребления ею, стали обычными ситуации в рамках правовых норм, неразрешимые правовыми нормами. В самой реальности возникает огромное число ситуаций, не поддающихся нормированию в рамках правовых норм. Все более обычными становятся поступки, не поддающиеся оценке юридическими критериями.

Микроуровень общества

Макроуровень общества формируется над микроуровнем в том смысле, что макрообъекты состоят из микрообъектов и организуют микрообъекты в масштабах общества. В предобществах, логически рассуждая, должен доминировать микроуровень, а макроуровень развиваться под его влиянием.

В обществах отношение уровней меняется на противоположное: макроуровень становится доминирующим, а микроуровень формируется и развивается под его влиянием.

В предшествующей части я говорил о клеточках человека. Клеточная структура человека зарождалась уже в предобществах. Но лишь в высокоразвитых обществах она становится всеобъемлющей структурой микроуровня. Здесь колоссально увеличивается число клеток, образуются их многочисленные различные виды. Государство вынуждается на то, чтобы их упорядочивать и стандартизировать,

создавать юридические нормы их образования, функционирования и взаимоотношений друг с другом, государством и прочим обществом. Собственно говоря, разрастание клеточной структуры становится возможным в значительной мере (если не главным образом) благодаря государству. Государство дает клеточкам защиту и стандартные (формальные) правила существования.

Как бы и кем бы клеточка ни создавалась в условиях общества, она должна быть признана обществом как таковая и узаконена. Она должна действовать в рамках правовых норм. В ней должен быть человек (или группа людей), ответственный перед соответствующими учреждениями государства за ее состояние и деятельность в целом, — юридический субъект. Ответственность юридического субъекта перед государством является непосредственной.

В современных обществах основные клеточки суть объединения людей, в которых люди работают, занимаются делом. В них люди принимаются на работу. В них есть люди, которые имеют право принимать других на работу, так что члены их разделяются на работодателей (нанимателей) и работников (нанимаемых). Те и другие суть юридически свободные граждане общества.

В зависимости от способа образования и характера юридических субъектов клеточки разделяются на две категории. К первой категории относятся такие клеточки, которые создаются решениями властей. Власти определяют их деловые функции и отношения с другими клеточками. Сотрудники их нанимаются на работу по профессии. Они не являются собственниками ресурсов, которыми они распоряжаются, и собственниками результатов их деятельности. Заработная плата устанавливается законом. Размер ее зависит от занимаемой должности, уровня квалификации и личных заслуг. Сотрудники получают зарплату независимо от реализации результатов деятельности клеточки. Юридические лица клеточек назначаются вышестоящими органами власти и управления с учетом профессиональных данных и опыта работы. Они суть государственные чиновники. Эти клеточ-

ки можно назвать государственными или общественными, поскольку государство представляет общество в целом.

Ко второй категории относятся клеточки, которые создаются по инициативе частных лиц и организаций, а не распоряжениями властей. Но и тут полного произвола нет. Эти клеточки должны получить на это разрешение властей, официально зарегистрировать характер своего дела. Они возникают и существуют в рамках законов. Точно так же законом должны быть определены их юридические субъекты, т. е. лица или организации, распоряжающиеся деятельностью клеточек и несущие за это ответственность перед государством и законом. Юридические субъекты свободны определять характер дела клеточек, их внутреннюю организацию и отношения с окружающей средой, но в рамках правовых норм. Такие клеточки принято называть частными. В их основе лежат отношения частной собственности.

Частная собственность

Идеологически-обывательские представления о частной собственности возникли много веков назад и в почти неизменном виде сохранились до сих пор. Одни в ней видели основу всех зол, другие — основу всех благ. Домарксовские социалисты и коммунисты разделяли первое убеждение и считали ликвидацию частной собственности необходимым и достаточным условием установления общественного порядка всеобщей справедливости и благополучия. Это представление перешло в марксистский коммунизм с тем коррективом, что основу всех зол ограничили частной собственностью на средства производства. Сложилась идеология, в соответствии с которой для создания общества всеобщей справедливости и изобилия надо ликвидировать частную собственность на средства производства, — передать землю крестьянам, а фабрики рабочим. Эта идеология более чем на целое столетие овладела умами и чувствами миллионов людей и до сих пор еще сохраняет силу, хотя ей во второй половине XX в. был нанесен сильнейший (если не смер-

тельный) удар со стороны Запада, выдвинувшего на первый план идеологию частной собственности как основы всех благ и прогресса человечества. Частная собственность была объявлена изначальным явлением человеческой истории, а стремление к ней — изначальным (и даже прирожденным!) свойством человека.

Что такое частная собственность? И почему она в фундаментальном праве западных стран объявлена священной и неприкосновенной? Почему право частной собственности включено в число основных прав человека?

Прежде всего надо различать владение (обладание) и собственность. Не всякое владение есть собственность. Владеть чем-то — это значит распоряжаться этим по своему усмотрению. Владеть чем-то можно благодаря физической силе, обману, находке, традиции и т. п. Владеть можно природными способностями и навыками. Я буду употреблять слово «собственность» для обозначения вида владения, который характеризуется такими признаками. Это, во-первых, владение чем-то таким, что отделимо от владельца (отчуждаемо от него), что может стать владением другого владельца. Собственность, во-вторых, есть владение узаконенное, владение по праву. Право (юридический закон) само по себе не приносит то, что становится собственностью. Владение чем-то должно быть приобретено какими-то путями. Но чтобы стать собственностью, оно должно быть узаконено, — должно быть объявлено законным или приобретенным в рамках юридических законов. Украденная вещь, например, становится владением вора, но не становится собственностью, если такое воровство запрещено законом. Так что заявление Прудона, что собственность есть кража, с точки зрения нашего определения ложно.

Таким образом, собственность, согласно нашему определению, есть явление общества, а не любого человека. Она предполагает наличие права и государства. И она никак не может быть базисом общества, а право и государство не могут быть надстройкой над ней.

Что считать частной собственностью? Обычно так называют лишь случаи, когда собственник персонифицирован,

т. е. имеется конкретный индивид или группа таких индивидов (семья, партнеры). Но как быть с объединениями многих лиц, каждый из которых обладает частичкой собственности, но не распоряжается собственностью в целом? Как быть со случаями, когда большими ценностями, принадлежащими многим лицам, распоряжаются и представляют собственность перед государством лица, собственниками не являющиеся? Не считать их частной собственностью? Но такие феномены ведут себя в обществе подобно персонифицированной собственности. Очевидно, тут требуется логическая обработка терминологии.

Я здесь ограничусь таким ориентировочным определением. Частной собственностью являются такие случаи: 1) когда собственник персонифицирован; 2) когда многие персонифицированные собственники предоставляют на законных основаниях какой-либо индивидуальной личности, группе таких личностей или конкретной организации право распоряжаться их суммарной собственностью.

Выражения «общественная собственность», «общенародная собственность» и «государственная собственность» обычно употребляются как плохо определенные и многозначные. Общество (страна) владеет какой-то территорией и ее ресурсами. Это — владение, а не собственность, если оно не узаконено. Если есть международное право, согласно которому это владение общества узаконивается, оно становится собственностью данной страны. Государство частично является собственником каких-то ценностей, частично владеет чем-то, частично распоряжается владениями общества. Не все, чем владеет общество, есть собственность государства. Выражение «государственная собственность» двусмысленно. Оно обозначает собственность государства как организации наряду с частной собственностью индивидуальных лиц и объединений, и тогда ее можно считать частной. Такими были, например, личные владения царей и королей. Но это выражение обозначает также общественное (всего общества) владение, в отношении которого государство выступает как юридическое лицо.

Частная собственность есть сложный и изменчивый феномен. В простейшей форме она заключается в следующем. Объект А есть частная собственность индивида (человека, семьи, группы) В, если В владеет объектом А, есть возможность как-то доказать это, и есть юридический закон, согласно которому то, чем владеют индивиды, есть их собственность, и они могут распоряжаться ею некоторым образом в своих интересах. Более сложная форма — есть закон, разрешающий передавать собственность другим, продавать, дарить. Еще более сложные формы — это законы, регламентирующие использование собственности, отношения между собственниками и их отношения с государством (налоги). В современных западных странах есть законы, в рамках которых собственность может приобретаться. Одним словом, частная собственность в развитой форме есть совокупность отношений между ценностями и их обладателями, между собственниками, между собственниками и государством и т. д., короче — совокупность социальных отношений в рамках правовых норм.

Частная собственность есть феномен исторический. Никакого врожденного чувства собственности и тем более врожденного права собственности нет. Она формировалась по многим линиям. У большинства народов она не развилась в полной мере или даже совсем не развилась. У народов западного мира она достигла высшего уровня развития, причем сравнительно недавно. Фактически таким рубежом ее исторического оформления явились параграфы буржуазных конституций «Частная собственность священна и неприкосновенна». Возникнув и став привычной, частная собственность оказала обратное влияние на породившие ее факторы, став одним из краеугольных камней западного общественного устройства. Круг истории замкнулся.

Экономика

Экономика современных высокоразвитых обществ есть сложный, многомерный, во многих отношениях диалекти-

чески противоречивый и изменчивый феномен, погруженный в более обширную социальную среду, что затрудняет ее определение. Возьмем, например, определение экономики как добычи, производства и распределения материальных благ, необходимых для существования людей. В этом смысле слово «экономика» будет относиться к любым человеческим, включая предобщества, причем — даже самые примитивные. Вместе с тем оно не будет охватывать производство культурных ценностей, сферу развлечения, обслуживания и связи и многое другое, что в современных обществах входит в сферу экономики. В наше время в западных странах в экономику включают всякие инвестиции капиталов с целью получения доходов и зачастую вообще все то, что связано с деньгами (налоги, распределение бюджета и т.п.). Но это, однако, нельзя отнести к любым обществам.

К сфере экономики я отношу сферу хозяйства в том ее виде, какой она принимает в условиях общества, т.е. при наличии государства и права. Экономика предполагает ряд предпосылок. Среди них следует назвать, во-первых, разделение членов человеческого на сравнительно большое число однородных деловых групп, способных действовать более или менее самостоятельно, автономно. Назову это атомарностью хозяйства. Во-вторых, следует назвать достаточно высокую производительность труда деловых групп, благодаря которой они могут регулярно отдавать часть своего труда и продуктов труда кому-то и после этого продолжать жить и осуществлять свою производительную деятельность. И, в-третьих, следует назвать наличие внешних этим деловым группам сил, которые более или менее регулярно отбирают у этих групп часть продуктов их труда (в виде дани, поборов, грабежей) и принуждают работать на них. Но это — именно предпосылки экономики, но еще не экономика. Хозяйство становится экономикой тогда, когда функцию охраны упомянутых групп и поборов с них (в качестве вознаграждения за охрану) берет на себя государство. Государство узаконивает эти группы и поборы с них (налоги), осуществляя при этом социальную стандартизацию хозяйства.

Именно государство организует хозяйство человеичка в особую стандартизированную сферу, которая «кормит» не только себя, но и весь прочий человеичник. Организует, узаконивая хозяйственные клеточки и вводя правовые нормы, в рамках которых должна протекать жизнь хозяйственной сферы. Благодаря государству образуется внутренне связанное в некоторое целое общечовеичническое хозяйство (с единой денежной системой, обменом, разделением функций).

Как бы хозяйственная сфера общества ни складывалась исторически и какой бы вид она ни принимала в конкретных случаях, мы в этом явлении абстрагируем то, что с ним происходит вследствие усилий государства, имеющих целью обеспечение общества средствами существования, и называем абстрагированное нами словом «экономика». В идеале экономика должна быть по крайней мере основным источником существования общества и удовлетворять его основные потребности. В идеале, так как в реальности этот абстрактный закон постоянно нарушается.

Таким образом, процесс осознания и признания экономики как фактора общества включал (и всегда включает) государственно-правовые мероприятия. Все последующее развитие экономики протекало и протекает в рамках правовой (законодательной) деятельности государства, классическим образцом которой является деятельность западнической государственности.

Если деятельность каких-то предприятий протекает вне рамок государственности (вне и вопреки юридическим законам и без контроля государства), то эти предприятия теряют (если имели) или не приобретают статус элементов экономики. С этой точки зрения преступный бизнес не есть явление в рамках экономики. Если по отношению к нему употребляют слово «экономика», то либо не заботятся о строгости терминологии, либо имеют в виду то, что этот бизнес в какой-то мере легализован и играет определенную роль в экономике. Тот факт, что в экономике постоянно нарушают юридические законы, не отменяет статуса права и статуса экономики как феномена в рамках права.

Государство и экономика

Государство поддерживает, охраняет, организует и даже в какой-то мере создает экономику не для экономики самой по себе, а для себя, как источник своего существования и как арену своей жизнедеятельности. Оно служит экономике, поскольку экономика служит ему самому. Государство не есть прислуга неких хозяев экономики. Люди, образующие государственность (работающие в ней), могут быть марионетками людей, образующих экономическую сферу, могут быть у них на содержании, могут быть их ставленниками. Но это не означает, будто государственность по своей социальной сущности есть слуга экономики как сферы производства и распределения жизненных благ общества.

Между государством и экономикой имеет место разделение функций в обществе. Это — различные сферы со своими закономерностями структурирования и функционирования. Но в реальности одна из них постоянно и в самых различных формах вмешивается в деятельность другой и стремится взять верх. Это — тоже нормальное явление в их жизни. Важна мера их автономии и мера взаимного вмешательства. Эта мера в реальности нарушается. В наше время все более усиливаются негосударственные элементы в государственности и неэкономические в экономике.

Деньги

Надо различать содержательный (вещественный) и формальный (денежный) аспекты экономики. С содержательной точки зрения, социальная функция экономики — обеспечить общество пищей, одеждой, жильем, средствами коммуникации, средствами обороны и вообще средствами потребления. Формальный, или денежный, аспект экономики во всех обществах, за исключением западнистских, играет роль именно средства (формы) функционирования содержательного аспекта. Рассмотрим его здесь лишь в этом качестве.

Проблема денег является, пожалуй, одной из самых запутанных и даже мистифицированных проблем в сфере соци-

альных исследований. Марксизм, который вроде бы больше других учений стремился преодолеть эту мистификацию, фактически внес в нее свою долю, сведя проблему денег к чисто экономическому аспекту и придав ей идеологическую ориентацию. Марксовское учение стало обоснованием идеи исчезновения денег в коммунистическом обществе, поскольку в нем будет ликвидирован капитализм и будет изобилие предметов потребления («каждому — по потребности»).

Проблема денег есть, на мой взгляд, проблема прежде всего методологическая (и даже логическая) и лишь затем социально-экономическая. Основная трудность в решении ее — отсутствие должного «поворота мозгов», т.е. в методологии подхода к ней, а не в недостатке информации на эту тему. Никакие особые исторические открытия и секретные данные тут не требуются. Весь необходимый эмпирический материал доступен наблюдению и даже очевиден. Так что тут дело именно за логической обработкой известного материала. Я не собираюсь здесь строить целую теорию денег, — это лишь одна из тем, причем — не главная. Я изложу лишь простейшие идеи логической социологии на этот счет.

Надо различать определение денег (понятия «деньги») и описание различных функций (использований) денег, их различных форм и эволюции. Не все, что известно о деньгах, надо вписывать в определение понятия. В определение понятия должны быть включены такие и только такие признаки денег, благодаря которым какие-то объекты становятся именно деньгами, которые сохраняются у них при любых их использованиях, вариациях и изменениях, которыми обладают деньги и только деньги, и никакие другие объекты во вселенной такой совокупностью признаков не обладают. Этих признаков должно быть достаточно для выделения денег. Но в число этих признаков не должны входить избыточные признаки, характеризующие какие-то употребления денег или какие-то их формы. Например, в определение денег не должно входить использование их как капитала. Не должно входить также указание на то, что в качестве материала для денег используется золото и серебро.

Изложенное логическое требование к определению понятия денег обычно игнорируется (а точнее говоря, остается неизвестным). И авторы, пишущие о деньгах, обычно уже в исходном пункте торопятся включить в определение понятия денег как можно больше известных им сведений о них.

Чтобы ввести логически корректное понятие денег, надо взять самый развитый уровень и очевидный случай денег, какой мы можем наблюдать в повседневной жизни современных человеичков. Тут определяющие признаки денег выражены наиболее отчетливо, можно сказать — в «чистом виде». Тут мы имеем пример того, что говорилось выше (в разделе об определениях): то, что в исторически исходных формах денег скрыто во множестве других явлений и для обнаружения чего нужна сила абстракции, в развитых формах приобретает почти самостоятельное существование, независимое от исторических оболочек.

Говоря о деньгах, обычно представляют их себе абстрактно, как некую единую и недискретную субстанцию (аналогично тому, как понимается сознание в виде некоей идеальной недискретной субстанции). В таком представлении деньги превращаются в нечто мистическое, что уму непостижимо, подобно тому как мистифицируется сознание. На самом деле деньги суть множество отдельных пространственно ограниченных, оформленных и сравнительно небольших предметов, — монет, банкнот. Надо начинать с рассмотрения этих элементов (своего рода «атомов») множества денег по отдельности, чтобы понять все множество. Ситуация тут подобна той, какая имеет место в отношении сознания: для научного понимания сознания надо начинать с его «атомов», т.е. с элементарных материальных частичек сознания — с отдельных знаков.

Деньги суть совокупности особого рода материальных предметов, изобретаемых и производимых людьми для каких-то практических целей. Чтобы понять, какими свойствами обладают эти предметы, как они используются людьми и как это сказывается на организации человеческих объединений, надо, повторяю, начать их рассмотрение с отдельных денежных «атомов». И на основе рассмотрения последних

ввести определение понятия «деньги», установив тем самым границы самого качества денег. При этом нижняя эволюционная граница денег позволит установить и их верхнюю эволюционную границу.

Как мы сейчас увидим, при условии изложенной выше методологии размышления проблема определения денег оказывается банально простой. Отдельно взятый денежный «атом» (скажем, деньга) есть знак. Между прочим, здравомыслящие люди, мозги которых не засорены словоблудием философов, социологов и экономистов, так и говорят обычно: денежные знаки. Вопрос теперь заключается в том, знаками чего именно являются денежные знаки.

Денежные знаки суть знаки величин ценности каких-то объектов для людей. Слово «ценность» здесь есть слово обычного разговорного языка. Не нужно его ассоциировать с экономическим понятием стоимости и цены товаров. Подчеркиваю, денежные знаки суть не просто знаки ценности (важности, значимости) объектов для людей, а именно величин ценности. Самые различные объекты (предметы, явления) имеют ценность для людей, причем — в различной степени (больше, меньше, вдвое важнее и т.п.). Вот этот признак — величины ценности объектов — обозначают денежные знаки. Обозначая величины ценности, они, естественно, обозначают и то, что объекты имеют какую-то ценность.

Будучи знаками величин ценности, деньги являются средством измерения этих величин. Они изобретаются как определенная система измерения величин, — с особыми единицами величин и их отношениями, как масштаб (шкала) измерения. Тут ситуация аналогична средствам измерения пространственных размеров предметов, расстояний, интервалов времени, температур и т.п.

Денежные знаки изобретаются с целью использования их людьми в их практической жизни. Как конкретно они используются, это в определение денег не входит. Для определения важно иметь в виду, что при всех видах использования они функционируют именно как знаки. Напоминаю, что

знаки используются как своего рода дубликаты или заместители того, что они обозначают. Деньги суть знаки величин ценностей, и как таковые они и фигурируют в действиях людей. Они должны быть удобными в обращении (например, малые размеры), одинаковыми для каждой категории знаков (стандартными), легко дублируемыми и неиндивидуализированными. Последнее означает, что они должны быть независимыми по своему назначению от конкретности использующих их личностей, т.е. то, что они обозначают, не зависит от того, кто ими пользуется, и в них никак не указано, кто ими пользуется, — они безразличны по отношению к их владельцам.

Деньги как знаки величин ценностей сами (в наличном виде) фигурируют в действиях людей, использующих деньги. Фигурируют именно как материальные вещи (как монеты и банкноты). Это важно иметь в виду. Игнорирование этого, казалось бы, очевидного явления делает проблему денег теоретически неразрешимой. Деньгами называют ценные бумаги, расписки, чеки и другие явления, играющие роль знаков ценностей, но не являющиеся деньгами в определяемом здесь смысле. К этой теме я вернусь ниже.

Чтобы денежные «атомы» стали знаками величин ценности и масштаб измерения, нужно, чтобы они были признаны в этом качестве всеми членами человечества. А это возможно только одним путем, а именно — путем определенного государственного законодательства. Денежная система вводится в употребление и узаконивается государственной властью, охраняется и сохраняется ею. Это — второй определяющий признак денег. Лишь благодаря этому узакониванию определенных предметов в их роли знаков величин ценности эти предметы приобретают социальное качество денег. И это качество возникает не в результате некоего имманентного развития знаков ценности самих по себе, а как результат сознательно-волевой деятельности государства.

Опять-таки подчеркиваю вроде бы второстепенную деталь, играющую важную роль для определения денег. Государство в этом случае узаконивает введение в употребление

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

самих денежных знаков определенного вида, а не просто принимает какие-то законы, в рамках которых должна протекать деятельность людей, использующих деньги, и законы, касающиеся документов, становящихся знаками ценностей.

Исторически деньги могли возникнуть в самой различной форме, могли использоваться для самых различных целей. Они стали средством распределения и накопления ценностей, господства одних людей над другими, управления, расчетов, планирования, организации людей. Роль их в жизни людей стала настолько огромной и многосторонней, что современные человеки без них так же немислимы, как и без языка. Деньги превратились в фактор экономики, когда производство товаров (т.е. вещей и услуг на продажу) стало играть важную роль в жизни обществ. Возникли и расширились возможности использования денег с целью дохода (прибыли) вне этой сферы, — в сфере культуры, права, услуг, почты и т.д. Экономика, обретая денежную форму, охватила в наиболее развитых странах сферу хозяйства и распространилась на все сферы общества, где можно было добывать жизненные блага путем создания деловых клеток, приносящих прибыль. В современных обществах, в которых сфера хозяйства приняла форму частного предпринимательства и оказалась в зоне действия законов капитала, в экономику стали включать инвестиции капитала с целью извлечения прибыли и операции с деньгами по законам капитала.

В развитых обществах стали функционировать огромные массы денег. Сложился денежный механизм, специально занимающийся тем, что связано с производством и функционированием этих денежных масс (банки и другие финансовые предприятия).

Сверхденьги

Возникли знаки самих денег, исполняющие функции знаков ценностей. Это — юридически оформленные докумен-

ты, удостоверяющие, что определенные люди являются обладателями определенных денежных сумм или предметов, оцениваемых в определенных денежных суммах: долговые обязательства; чеки; банковские счета. Все это обычно считают формами денег. Но с точки зрения введенного выше определения денег такие знаки ценностей деньгами не являются. Они являются знаками денег, т.е. знаками знаков.

Сравним эту ситуацию с ситуацией для знаков языка. Слово «стол», например, обозначает столы. Опираясь на него как на знак, мы произносим или пишем его. Именно его. Если мы возьмем выражение «слово «стол», то оно будет не знаком столов, а знаком, обозначающим произносимые или написанные (напечатанные) слова, обозначающие столы. Как говорят в логике, выражение «слово «стол» есть метазнак по отношению к знаку «стол», т.е. знак знака или знак второго уровня. Нечто подобное происходит с деньгами. Упомянутые выше знаки ценностей суть метазнаки по отношению к денежным знакам. Их можно, конечно, называть деньгами второго уровня или сверхденьгами. Тогда определение денег должно быть построено так, чтобы в число денег включались деньги первого уровня, или первичные деньги, и деньги второго уровня, или сверхденьги.

Сумма сверхденег, циркулирующих в современном мире, во много десятков раз превосходит сумму циркулирующих денег. Сложился механизм, обеспечивающий функционирование сверхденег. Он слился с денежным и поглотил его.

Деньгам приписывают мистическую власть над людьми. Это — все равно, как если бы мы приписали власть ружей, пушек, самолетов, танков и т.п. самим по себе над людьми. Власть денег есть власть людей, располагающих деньгами и распоряжающихся деньгами, а также условий жизни людей, в которых социальные отношения принимают форму денежных. А эта власть узаконена и поддерживается аппаратом государства, полицией, судами, армией. Денежный и сверхденежный механизм в единстве с системой собственности, поддерживаемые упомянутыми силами общества, приобретают, в свою очередь, власть над теми, кто их

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

поддерживает и охраняет. Образуется сложная сеть власти, опутывающая все общество и всех его членов. Денежный фетишизм образуется, когда деньги вырываются в сознании людей из этой сети и наделяются самостоятельным бытием. Это — идеологический феномен. Его до известной степени культивируют специально, ибо это — средство манипулирования людьми.

Идеосфера

Идеологическую сферу общества (сокращенно — идеосферу) образует множество людей и их объединений, в совокупности выполняющих функции по обработке сознания людей и управления ими путем воздействия на их сознание, делающих это профессионально и удовлетворяющих свои потребности за счет этой профессии. Этот их статус узаконен. Они действуют в рамках государственных (юридических) законов данного общества. Если какое-то явление менталитетного аспекта (обращаю внимание — аспекта, а не сферы!) выходит за рамки юридических законов общества или даже запрещено законом, но все-таки существует нелегально, оно не есть компонент социальной организации этого общества. К числу таких явлений относятся, например, запрещенные религиозные секты и революционные организации, стремящиеся к свержению существующей социальной организации.

В современных обществах идеосфера разделяется на религиозную и нерелигиозную (светскую гражданскую), причем — вторая доминирует. В дальнейшем мы будем иметь в виду вторую, говоря об идеосфере.

Людей, образующих идеосферу, будем именовать идеологами. Объектом деятельности идеологов являются люди. Причем, не люди вообще, а члены их общества, и не все в людях, а лишь их сознание. Задача идеологов — не изучение сознания таким, каким оно является само по себе, независимо от идеологов, а формирование сознания людей таким, как это требуется интересами самосохранения об-

щества. Идеологи призваны делать сознание таким, какое требуется заранее заданным образцом. Конечно, они в какой-то мере изучают сознание как материал своей работы, как-то опираются на то, что складывается в сознании людей стихийно, на основе их жизненного опыта и общения с окружающими людьми. Но они делают и нечто такое, что в сознании людей без них не существует. Они участвуют в производстве человеческого материала, адекватного условиям и потребностям общества, обслуживая один аспект этого производства — аспект менталитета.

На заре человечества функции идеологов выполняли знахари, колдуны, целители, шаманы и т. п., потом — жрецы, потом — служители религии. В наше время их дело продолжают философы, социологи, писатели, журналисты и прочие производители «духовной пищи» для многомиллиардного прожорливого и в этом отношении человечества. Конечно, за миллионы лет тут имел место прогресс. Но прогресс все в том же деле: в «пробуждении» сознания людей путем их идейного оболванивания.

Множество людей, образующих идеологическую сферу общества, не есть всего лишь скопление одиночек. Их объединяет в одну сферу, во-первых, общее дело, которым они заняты, — работа над менталитетом членов общества, профессиональная подготовка, употребляемые ими средства, допуск к этой работе, вознаграждение за нее. Во-вторых, какая-то их часть организована в группы и даже в сложные иерархизированные организации, учреждения, предприятия. А прочие из них рассеяны по другим клеточкам общества, в которых они выполняют функции, в совокупности образующие единый поток. Это единство достигается за счет профессиональной подготовки и дела, которое они должны выполнять в клеточках. Они просто не способны поступать по-другому. К тому же идеологическая сфера опирается на государственную организацию, поддерживается ею, служит ей и сама использует ее в своих интересах. Опорой ей являются и другие сферы — экономическая и культуры.

С точки зрения организации идеологическая сфера общества заключена в пределах от одной всеобъемлющей

организации до множества сравнительно автономных организаций и «неорганизованных» (в рассмотренном выше смысле) индивидов, т. е. в пределах между монизмом и плюрализмом. Пример первой крайности — общества с единственной государственной церковью или нерелигиозной идеологией (например, мусульманские и коммунистические страны). Вторую крайность можно наблюдать в западных странах. Плюрализм в идеосфере не означает наличие нескольких идеосфер, подобно тому как плюрализм в экономике не означает наличие нескольких экономических сфер. Это — плюрализм в рамках одной идеосферы.

Идеологическое поле

В результате деятельности идеосферы в обществе создается и постоянно поддерживается своего рода идеологическое поле, в сфере влияния которого вынуждены жить все члены общества на всех ступенях социальной иерархии и от рождения до смерти. Вместо слова «поле» можно употреблять более сильные слова «клетка» или «камера». В эти идеологические клетки загоняются не только те, кто подвергается идеологической обработке, но и те, кто их обрабатывает. Это осуществляется путем заполнения мозгов людей определенным идейным содержанием и обучения их определенному способу оперирования содержанием сознания, способу думания, «шевеления мозгами». Это происходит не как одноактная операция, а как процесс жизни в постоянно поддерживаемом и возобновляющемся идеологическом поле, — в постоянном потоке слов, образов, текстов и т. п., вливающимся в головы людей. Фундаментальная функция идеосферы — сделать основную массу членов общества (желательно — всех) неспособной к самостоятельному и объективному пониманию явлений реальности, позволяя им в этом отношении лишь то, что необходимо и достаточно для исполнения ими их социальных функций.

Идеосфера создает и сохраняет клетку для сознания людей не по злему умыслу, а по той причине, что без этого

вообще невозможно превращение больших масс людей в обладающие сознанием существа. Дело в том, что сознание людей не есть нечто биологически прирожденное. Оно явилось изобретением истории человечества. Оно «пробуждалось» исторически с нуля, если не считать биологические предпосылки. И в наше время оно у вновь рождающихся людей «пробуждается» с нуля и является искусственным продуктом их индивидуального формирования. Сам процесс «пробуждения» сознания есть процесс создания какой-то «клетки» для него, ибо эта «клетка» есть не что иное, как материя сознания. Оно просто не может существовать эмпирически без такой «клетки». Не загоня сознание в «клетку», его просто не «пробудишь» к жизни. А тут речь идет о сознании огромного числа людей, причем — в ряде поколений. А люди — отнюдь не социальные ангелы. Они должны быть организованы и соблюдать определенные нормы поведения, дабы их объединение могло сохраняться как целое. В самой природе сознания не заложено на этот счет никаких предписаний и ограничений. Это должно быть специально изобретено и привнесено в сознание каждого человека извне, причем — навязано ему в принудительном порядке. Сознание людей всегда «пробуждалось», «пробуждается» и будет всегда «пробуждаться» лишь настолько, насколько этого требуют интересы самосохранения их объединений, а не в соответствии с его абстрактно мыслимыми потенциями и не ради некоего прогресса человеческого интеллекта вообще. Подавляющее большинство членов общества обречено жить в идеологической клетке. Лишь немногим одиночкам удастся вырваться из нее в какой-то мере. Но они рассматриваются обычно как отклонения от нормы, каковыми они и являются на самом деле.

Благодаря деятельности идеосферы в обществе создается достаточно большое число людей с усредненным и стандартизированным сознанием. Эти люди образуют среду одинаково думающих, одинаково оценивающих явления жизни и одинаково поступающих в определенных ситуациях граждан. Они определяют суммарное состояние менталитета

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

общества. Они вовлекаются в определенные действия, организуемые представителями идеосферы, становятся частью ее механизма в овладении «душами» членов общества. Так что идеологическое поле (клетка), о котором я говорил выше, не есть нечто бестелесное. Это — вполне телесная организация и самоорганизация человеческой массы, создаваемая и постоянно поддерживаемая идеосферой. Сила идеосферы — это не только средства воздействия на сознание людей, которыми она располагает профессионально, и не только ее поддержка со стороны государства и других сфер общества, но и только что рассмотренная масса членов общества.

Идеи, говорил К. Маркс, становятся материальной силой, когда овладевают массами. Но идеи овладевают массами не сами по себе, не своим содержанием как таковым, а лишь постольку, поскольку существует материальный механизм, вырабатывающий эти идеи и вбивающий их в головы людей. Такой механизм и образует идеосфера и создает его в обществе своей жизнедеятельностью.

Функции идеосферы

Исторически чисто опытным путем (методом случайных проб и ошибок) были найдены средства исполнения специфической функции идеосферы. Никакого научного понимания сознания у идеологов никогда не было, как нет его до сих пор. Но оно и не требовалось. Задача стояла, стоит и будет вечно стоять одна: сделать сознание всех членов человечества более или менее одинаковым в некоторых отношениях, сделать людей способными жить в человечестве приемлемым образом, способными ориентироваться в окружающей среде и при этом не выходить за некоторые рамки, выход за которые угрожает самосохранению человечества. Поскольку сознание заключается в способности оперировать знаками, то и основным средством воздействия на него стали специально изобретенные знаки и определенные правила оперирования ими в отношении обрабатываемых

людей, — совокупность особого рода слов, фраз, текстов, учений. Даже тогда, когда используются другие изобразительные средства (иконы, портреты, статуи, зрелища, музыка), всегда предполагается их связь со знаками языка и истолкование в этих знаках. Будем такую совокупность знаков называть идеологической или идеологией в узком смысле слова.

Идеология

Идеология может быть зафиксирована в виде одного систематизированного учения, как это имеет место, например, в случае великих религий и марксизма-ленинизма, или может оставаться несистематизированной, рассеянной по многочисленным и разнородным текстам так, что изложить ее в виде единого систематизированного учения представляется весьма затруднительным делом, как это имеет место, например, в современных западных странах. Возможны смешанные варианты между этими крайностями.

Идеология проявляется в том, каким образом данные научного познания и творчества в сфере культуры преподносятся членам общества в книгах, газетах, журналах, театре, кино, телевидении и вообще во всем том, что люди видят, слышат, читают. Есть два пути абстрагировать ее в качестве особого социального феномена. Первый путь — попробовать выявить в океане информации и зрелищ какие-то общие ее черты и зафиксировать их в виде систематизированного учения. Но какими при этом критериями выделения идеологических явлений руководствоваться? Я думаю, что для этого есть второй путь, который я здесь предпочитаю, а именно — указать метод (совокупность критериев), с помощью которого можно в каждой частичке упомянутого океана информации и творчества отличить то, что относится к идеологии, — указать критерии отличения явлений идеологии от других. Первый из упомянутых путей зависит от этого второго.

Идеология создается по определенным правилам, которые в совокупности образуют идеологический способ мышления (или аппарат идеологизированного сознания). Этот способ прививается всем идеологически обрабатываемым людям (в той или иной мере, конечно). Благодаря этому способу люди и без идеологов делают то же самое в отношении явлений бытия, которые они наблюдают, в которых они участвуют и о которых узнают от других людей и из средств информации, что делают или делали бы профессиональные идеологи. Они учатся сами идеологически «переваривать духовную пищу», как-то получаемую для своего сознания, — учатся сами сохранять идеологическую клетку для своего сознания. Люди не могут вечно находиться под контролем идеологов. Идеологи не могут уследить за всем и за всеми. Так что значительная часть идеологической работы передается самим обрабатываемым. Идеи овладевают массами тогда глубоко и устойчиво, когда их «переваривание» в нужном духе становится привычным делом для представителей масс.

Идеологическое мышление

Рассмотрим самые фундаментальные черты идеологического мышления (идеологизированного сознания), знание которых позволит читателю получить достаточно определенное представление об этом феномене.

Задача идеологов состоит в том, чтобы научить и приучить людей видеть и понимать окружающий мир и самих себя не такими, какими они являются сами по себе (объективно, в силу законов бытия), а так, как это требуется согласно априорным учениям самих идеологов, — учить людей не самостоятельному познанию бытия, а тому, как люди должны видеть бытие, что пропускать в свое сознание из того, с чем им приходится сталкиваться, и в каком виде. Иначе говоря, идеологи изобретают определенное видение (понимание) бытия, и оно становится априорным по отношению к формируемому сознанию членов общества. Идеологи

навязывают это видение всем членам общества, включая и самих себя, поскольку и в их сфере происходит воспроизводство человеческого материала, выполняющего функции идеосферы, поскольку они сами обучаются тому же.

Надо различать то, как исторически формируется идеология, и то, как она функционирует, сформировавшись в основных чертах. На первом пути она исходит из каких-то результатов познания и постоянно подпитывается ими, использует какие-то средства познания (об этом — ниже). Но она делает это не с целью познания, а с целью создания средств исполнения своей функции в обществе, — с целью создания аппарата априорного видения мира и переработки сведений об этом мире в духе этого аппарата.

Идеологи изобретают определенного рода интеллектуальные (языковые) схемы, штампы, клише, этикетки, ярлыки, образы, обобщающие примеры и образцы, притчи, крылатые фразы, лозунги и т. п., причем — не в качестве подсобных средств на пути к познанию бытия таким, каково оно есть, а в качестве конечного и высшего результата познания. Они сами претендуют на роль высшей истины, истины в последней инстанции. Люди должны усвоить эти продукты идеологов и лишь через них смотреть на явления бытия.

Эти идеологические продукты производятся и воспроизводятся для разных кругов потребителей идейной пищи, одни — для всех (как религиозные учения), другие — для избранных (как философские концепции). Но качественно они суть явления одной природы. Их социальная функция — дать людям априорный интеллектуальный аппарат восприятия окружающего их мира и интеллектуальной ориентации в нем. Будучи необходимым и полезным на начальных этапах формирования сознания людей и их объединений, этот аппарат со временем разрастается и приобретает мощь клетки для сознания людей. Будучи вынужден в какой-то мере и на какое-то время уступить научному познанию и поделив с ним власть над душами людей, он в конце концов вновь возвращается к своему изначальному всев-

ластия на новой ступени, как мы это увидим ниже. А пока классическими образцами отношений между идеологией и научным познанием могут служить костры инквизиции прошлого, а в наше время — идеологические оргии в недавние годы в коммунистических странах и антикоммунистические оргии в западных странах в период холодной войны и особенно после разгрома коммунистического социального строя в странах советского блока.

Другая черта, отличающая идеологическое мышление от научного, — пристрастность. Задача идеологической сферы — самосохранение общества, защита его социальной организации и сложившегося образа жизни населения, а также защита от врагов. Естественно, в содержание идеологии должна входить апологетика существующего социального строя, создание образов врагов как носителей зл, выработка у людей определенного субъективного отношения к явлениям бытия (определенной системы их оценки), а также определенной системы ценностей, которая призвана придать априорный смысл жизни людей и влиять на поведение их как членов общества. Проведите хотя бы самое примитивное исследование идейного состояния населения западных стран, и вы установите факт (впрочем, очевидный и без исследования), что сознание западных людей битком набито не только априорными штампами в отношении всех важнейших явлений бытия, но и априорными оценками этих явлений.

Идеологические учения создаются для широких слоев населения, а не для профессиональных исследователей. Они неоднородны, различаются по степени трудности, вернее — по степени запутанности, словесных ухищрений, суемудрия.

Тем не менее все они сочиняются с расчетом на то, чтобы у них были потребители и чтобы потребители соответствующих уровней смогли что-то «проглотить» и «переварить». На низшем, а значит на самом широком уровне, они должны легко запоминаться, быть образными и общедоступными, производить впечатление на чувства, должны отвечать каким-то желаниям людей, сулить исполнение желаний,

создавать иллюзию понимания и приобщенности к высочайшей мудрости, интриговать, мистифицировать. Даже тогда, когда они сочиняются мыслящей элитой и вроде бы предназначаются для избранных (вроде гегельянства, марксизма, всякого рода модных философских концепций XIX и XX вв.), они исполняют идеологическую функцию, поскольку из них извлекаются отдельные слова, изречения и сравнительно простые для запоминания тексты, которые пускаются в идеологический оборот. Тучи интерпретаторов работают над этим. Их продукция тоже кажется для довольно широких кругов понятной и дающей успокоительные объяснения. Успокоительные в том смысле, что люди, воспринявшие их, считают, что теперь им «все понятно». Идеологические учения, на каких бы высотах словоблудия они ни возникали, должны быть так или иначе «заземлены», т. е. должны опуститься на уровень обывательского мышления или, что то же самое, поднять обывательское мышление на уровень воображаемых высот мышления идеологического. Классический пример на этот счет — вульгаризация марксизма в Советском Союзе.

Ясность и понятность идеологических феноменов является, однако, иллюзорной, что тоже входит в число черт идеологии. Идеология возникает на сравнительно высоком уровне менталитета, о чем говорит состав языковых выражений, которыми она оперирует: «вселенная», «вечность», «разум», «бог», «движение», «дух», «человек», «власть», «добро», «зло», «судьба» и т. п. Все эти выражения изобретались и до сих пор циркулируют на дологическом и внелогическом уровне. Все они нуждаются в особых истолкованиях (в интерпретации), чтобы создавать иллюзию осмысленности и понятности. И эту функцию выполняют профессиональные идеологи всех сортов, начиная от самых примитивных попов и кончая рафинированными геологами и философами, засоряющими мозги людей заумной и, как правило, логически бессмысленной фразеологией.

Идеология претендует на статус истины, причем — истины наивысшей. И когда-то она имела на то основания, когда люди еще не очень далеко ушли от животного состояния,

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

когда не было еще науки и идеологи возвышались над прочими братьями именно в отношении познания реальности и развитости интеллекта. Но эти времена прошли, по крайней мере — в развитых обществах современности. Фактически же идеология заключена в пределы от очевидных истин до тотальной фальсификации всего, что касается познания явлений бытия. То, на что мы привыкли смотреть свысока в бормотаниях и жестах мудрецов примитивных народов, в современных обществах развилось в космически огромный мир идеологического оболванивания сотен миллионов людей.

В идеологии есть отдельные элементы, которые имитируют истину, создают впечатление истины. Есть даже отдельные истинные утверждения. Но в целом и в основном в ней доминирует то, что уводит от реальности и создает картину нереального, вымышленного мира. Эта картина не есть ложь, к ней просто неприменимы понятия истинности и ложности. Это — явление качественно иного рода. Идеологическая картина не мешает людям в их повседневной жизнедеятельности. В большинстве случаев люди даже не отдают себе отчета в том, что они находятся в поле ее влияния (заключены в идеологическую клетку). Идеологическое мышление дает о себе знать не в каждом слове и не в каждой фразе. Зачастую люди живут так, как будто никакой идеологии вообще нет. Им не приходится предпринимать попытки преодолевать поле идеологии, подобно тому как они живут в поле физического тяготения и выполняют свои жизненные функции привычным образом. Но идеологическое поле может обнаружить себя именно в одном слове и в одной фразе, — все зависит от того, что это за слово и что за фраза и в какой ситуации они высказываются. Сколько людей было убито, сожжено и посажено в тюрьмы за такие слова!

Вымышленный мир, изобретаемый идеологами, создается так, чтобы он походил на настоящий, включал в себя элементы реальности, не мешал людям исполнять их житейские функции. Более того, он создается так, чтобы в какой-то мере облегчать людям жизнь, избавляя от необходимости

размышлений, колебаний, трудных решений, излишних тревог. Для подавляющего большинства людей это — благо. Без этого людям не просто было бы хуже жить, без этого общество вообще не смогло бы долго существовать.

Идеологическое учение есть не просто сказка о бытии, а руководство к поведению людей. Оно в этой роли по самой своей сути должно быть догматичным и априорным, установочным независимо от изменений и вариаций реальных ситуаций. Оно дает правила поведения людей в определенных ситуациях без научного понимания этих ситуаций, можно сказать — вслепую (без раздумий). Потому идеология не терпит критики в свой адрес и реформ. После того, как она сложилась на основе какого-то познания и жизненного опыта, она должна функционировать в неизменном виде как вневременная истина, имеющая априорную силу. Классическим примером на этот счет могут служить великие религии. Отказ от привычной идеологии повергает людей в состояние идейного хаоса и растерянности. Они сами не в состоянии выработать объективное понимание ситуации и соответствующие правила поведения. Грандиозный пример этого дает идейный крах советского населения после отмены марксизма-ленинизма в качестве государственной идеологии (в годы «перестройки» и контрреволюции после 1985 г.).

Идеологическое мышление является нелогическим сточки зрения формального аппарата—дологическим, антилогическим и псевдологическим.

Со времени Наполеона, который с презрением относился к идеологии и идеологам, возникла традиция смотреть на идеологию как на ложное, извращенное отражение реальности. В справочниках и словарях часто идеология так и определяется как ложное учение. Я такой взгляд на идеологию отвергаю. Но я тем самым не хочу сказать, будто идеология дает истинное отражение реальности. Такое утверждение тоже было бы ложно. Тут есть третья возможность, а именно — что идеология ни истинна, ни ложна. Ее вообще нельзя рассматривать с точки зрения истинности

и ложности. Отдельные фрагменты, будучи взяты сами по себе, т. е. вне их идеологической среды и исключительно с точки зрения их отношения к реальности, могут оказаться истинными или ложными. Подходить же к идеологии в целом с критериями истинности и ложности — это все равно, как рассматривать картины Пикассо, Кандинского и ряда других художников XX в. того же рода с точки зрения их адекватности какой-то якобы изображаемой реальности.

В отношении идеологии и ее частей уместна оценка в соответствии с критериями эффективности воздействия их на умонастроения и поведение людей. При этом утверждения идеологии не непосредственно соотносятся с реальностью, а опосредованно, т. е. в качестве факторов поведения людей и их объединений вплоть до целых стран и народов.

Идеология извращает реальность. Но она это делает в основе своей не в силу дурных намерений и глупости, а в силу своей роли и средств исполнения роли, т. е. изобразительных средств. Лишь на этой морально безупречной основе развивается практика сознательного извращения реальности и система приемов для этого. При этом идеология переходит в пропаганду. В сфере идеологии начинают доминировать специалисты, готовые проводить любую пропагандистскую линию за те блага, какие дают им их профессия и положение в обществе, и из корыстных и карьеристских соображений. Как в случае с коммунистической идеологией продолжателями дела ее основателей стала огромная армия беспринципных прохвостов, так и законными наследниками великих основателей идеологии западнизма стали интеллектуальные пигмеи, безнравственные шкурники и карьеристы, не уступающие в этих качествах наследникам Маркса. И это не есть некое перерождение. Это — результат нормального естественноисторического развития самой идеологической сферы в силу ее объективных законов.

Цивилизация

Общества возникают, организуются и эволюционируют не изолированно друг от друга, а в более обширной среде

миров, которую я называю цивилизацией. Возникновение цивилизаций связано с возникновением обществ. Становясь доминирующим фактором в тех или иных мирах человеческих, общества преобразовывали эти миры в цивилизации. А цивилизации, со своей стороны, становились колыбелью и средой жизни обществ, тут зависимость взаимная.

Из обществ, входящих в одну цивилизацию, одни существуют одновременно, другие — в разное время. Но время жизни каждого из них по крайней мере частично совпадает с временем жизни одного-другого члена множества, так что суммарное время жизни множества в целом (цивилизации) есть непрерывный исторический интервал, имеющий начало, продолжительность и конец. Без этого невозможна совместная жизнь обществ, образующих цивилизацию. Продолжительность интервала — века, если не тысячелетия.

Аналогично общества, входящие в цивилизацию, должны иметь пространственные связи. Каждое из них должно иметь пространственные контакты (соприкасаться, регулярно общаться) по крайней мере с одним другим, так что образуется жизненное пространство цивилизации в целом. В исходном пункте пространство должно быть единым. Если цивилизация сложилась, возможны разрывы пространства. Но так или иначе должны сохраняться возможности для регулярных коммуникаций по крайней мере для определяющей части членов цивилизации (так составляли часть западноевропейской цивилизации США, Канада, Австралия).

Между входящими в цивилизацию обществами имеют место различного рода контакты, взаимодействия, связи. Какая-то часть из них живет совместной исторической жизнью. Эта часть меняется — одни объединения исчезают, другие появляются, между какими-то обрываются связи и т.п. Но во все периоды имеет место какая-то совместность и преемственность — историческая совместность. Взаимоотношения в этой совместности разнообразны: союзы, слияния, разделения, войны, покорение одних другими, поглощение, разрушение, короче говоря — все то, что образует их конкретную историю. В результате совместной жизни они

оказывают влияние друг на друга, одни что-то заимствуют у других или навязывают им что-то свое. Таким путем они совместными усилиями создают нечто общее, что в тех или иных формах и размерах развивается у них по отдельности, делает их сходными в этих отношениях — социально родственными. Эти сходные черты суть именно результат совместной жизни, они не могли бы у них появиться, если бы они жили изолированно друг от друга. Эти сходные черты охватывают все основные аспекты объединений — власть, хозяйство, идеологию, культуру.

Результаты совместных усилий обществ закрепляются в какой-то части из них, в каждом по отдельности, вынуждая их уподобляться друг другу и обогащая каждое из них этими социальными изобретениями, а не откладываясь где-то вне их. Подчеркиваю, результатом совместных усилий обществ рассматриваемого множества является определенный эволюционный процесс человеческих объединений — социальный прогресс. Достигнув достаточно высокого уровня, достижения этого прогресса становятся фактором, определяющим характер обществ. Они складываются в социальную систему, которая становится основой социальной системы обществ по отдельности. Эти общества становятся социально однотипными и воспроизводятся в этом качестве. Но цивилизация в целом не имеет устойчивой социальной структуры, аналогичной структуре образующих ее обществ.

Самой развитой в истории человечества была западноевропейская (западная) цивилизация. Но и она как целое не имела строгой и явной социальной структуры, в том числе — не имела единой системы власти и управления, какая была свойственна входившим в нее обществам. Христианская церковь, отдельные экономические связи, соглашения на уровне государственной власти и даже империи не превращали ее в структурно организованное социальное целое. Эти явления не могли помешать процессам дезорганизации и бесчисленным войнам в рамках самой западной цивилизации, включая самые значительные — Первую и

Вторую мировые войны. И это не было нарушением каких-то норм. Наоборот, всякого рода конфликты между обществами, распад одних и образование других и т.д. суть закономерные явления в рамках социального феномена такого типа, каким (согласно нашему определению!) является цивилизация. Попытки строгого социального структурирования цивилизации означали попытки образования социальных феноменов, отличных от цивилизации, — гигантских сложных обществ, союзов обществ, империй.

Цивилизация есть явление историческое, она возникает, живет, совершенствуется, изменяется и погибает. Она возникает и живет при определенных условиях, в число которых включаются размеры объединений, степень их сложности, состояние материальной культуры, характер человеческого материала, возможности автономного существования сравнительно больших регионов длительное время и многое другое. Тут есть свои границы. Эти условия выполнялись далеко не всегда и не везде. Так что возникновение цивилизаций в прошлом не было абсолютной необходимостью. Далеко не любые скопления людей были способны создать или сохранять цивилизацию. Цивилизации возникали и жили в более обширной социальной среде. В этой среде люди создавали и другие формы социального бытия, отличные от цивилизации, — союзы племен, государственно организованные общества, империи с иерархией народов и др. Такого рода явления и тенденции захватывали и регионы цивилизаций. Так что абсолютно «чистых» форм цивилизаций никогда не было. Все конкретные цивилизации возникали и жили как смешения черт различных форм человеческих объединений. Различные признаки цивилизаций «растворялись» в массе других социальных явлений, модифицировались под их воздействием, принимали чуждые их природе формы и порождали имитации. Так что выделение цивилизаций в «чистом» виде есть довольно сложная абстракция, требующая профессиональных усилий и умения исследователей.

Условия возникновения и существования цивилизации суть точно так же явления исторические. С изменением

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

условий происходит приспособление стран и народов, образующих данную цивилизацию, к новым условиям с целью выживания. По мере роста числа людей в обществах, усложнения их хозяйства, системы управления, культуры и т.д., усиления угрозы извне, усовершенствования системы коммуникации и изменения других факторов исчезали условия для возникновения новых цивилизаций. И в наше время они, на мой взгляд, исчезли полностью. Сохранившиеся в какой-то мере цивилизации, включая западноевропейскую, обречены на исчезновение. На их место приходят социальные образования иного рода, более адекватные современным условиям на планете. В наше время во всех аспектах человеческой жизни уже не осталось никаких возможностей для автономной эволюции множеств обществ в форме особой цивилизации. Цивилизация есть часть человечества, а не все человечество. А в наше время возникновение таких достаточно больших регионов и их самосохранение в течение исторического времени исключено. В наше время возникли социальные гиганты более высокого уровня социальной организации, чем цивилизации, которые стали играть доминирующую роль в эволюции человечества. Они достаточно сильны, чтобы разрушать сохранившиеся цивилизации и не допускать появления новых.

Западная цивилизация

Величайшей в истории человечества является западноевропейская, или западная, цивилизация. Не берусь судить о ее начале — я не историк. Во всяком случае, в эпоху Ренессанса можно констатировать ее существование. С социологической точки зрения ее началом явилось возникновение обществ особого типа, размножение этих обществ и завоевание ими доминирующего положения в западном мире. Она достигла расцвета в XIX—XX вв. Вершиной ее развития явилось возникновение «национальных государств» в Западной Европе (Англии, Франции, Италии, Германии и др), а также в бывших колониях западных стран (США, Ка-

нада, Австралия). Нет надобности описывать ее достоинства и недостатки и говорить о том, какой вклад она внесла в прогресс человечества, это общеизвестно.

Но, как говорят философы, все течет, все изменяется. В начале XX столетия на самом Западе возникло убеждение, будто западная цивилизация исчерпала себя и дни ее сочтены. В этом убеждении была доля истины. Западная цивилизация действительно заканчивает свое бытие в качестве социального феномена такого типа, как мы определили выше. Но происходит это не на пути деградации западных обществ и не на пути распада западного мира на независимые части, а наоборот, на пути социального прогресса. Западная цивилизация сходит с исторической сцены, порождая феномен более высокого уровня социальной организации.

В истории западной цивилизации имели место самые разнообразные виды обществ как с точки зрения различных компонентов социальной организации, так и с точки зрения их комплексов. Тут имели место также самые разнообразные формы взаимоотношений обществ, начиная от дружеских связей и кончая кровопролитными войнами, кончавшимися уничтожением одних обществ и образованием других. Тут возникали сложнейшие общества и колониальные империи глобального масштаба.

Западнизм и коммунизм

В рамках западноевропейской цивилизации зародились и развились две тенденции, сыгравшие определяющую роль в социальной эволюции человечества. Одна из них достигла наивысшего уровня в США. Буду называть эту тенденцию и линию эволюции западнистской (или американистской). Она оказала затем сильное влияние на Западную Европу, а после Второй мировой войны фактически овладела всем западным миром. Вторая реализовалась впервые в истории человечества в России. Она реализовалась в виде образования объединения коммунистического типа — Советского Союза. Последний оказал огромное влияние на весь ход ми-

ровой истории, стал образцом для значительной части человечества. Назову эту линию эволюции коммунистической (или советской, или русской).

Западнизм и коммунизм возникли как антиподы и вместе с тем как конкурирующие варианты эволюции человечества. Они оба шли в одном и том же направлении эволюции, во многом уподобляясь друг другу настолько, что ряд западных теоретиков выдвинул концепцию их сближения. Каждый из них содержал в себе какие-то элементы и потенции другого. Но в силу их противостояния в них получили преимущественное развитие противоположные черты.

После Второй мировой войны на планете сложились два лагеря или мира — коммунистический и западнистский (западный). Они стали «точками роста» в эволюции человечества. Между ними шла непримиримая борьба за роль лидеров мирового эволюционного процесса и за мировую гегемонию. Эта борьба образовала основное содержание социальной жизни человечества в XX веке, особенно во второй его половине, где не так давно на роль лидера мировой истории претендовал коммунистический мир, возглавлявшийся Советским Союзом. И не без оснований. Лозунг «Да здравствует коммунизм — светлое будущее человечества» выглядел совсем не утопически. Огромная часть человечества верила в то, что дни западнизма (капитализма) сочтены и что будущее принадлежит коммунизму.

Коммунистическая тенденция на короткое время (с исторической точки зрения) опередила западнистскую, породив в реальности человеичники более высокого уровня социальной организации, чем общества, — породив сверхобщества коммунистического типа. На этом пути предпринята была также попытка создания сверхцивилизации и построения глобального человеичника, объединяющего все человечество в единое целое на коммунистической основе.

После победы Запада в холодной войне против советского блока положение в мире коренным образом изменилось. Историческую инициативу и лидерство в эволюционном процессе на планете захватил западный мир, возглавляемый

США. Западнистский вариант эволюции человечества стал выглядеть как более перспективный, чем коммунистический. Убеждение, что будущее человечества — не коммунизм, а западнизм (причем в американском варианте, как американизм), стало центральной идеей западнистской идеологии. Победоносное (для Запада) окончание холодной войны, распад советского коммунистического блока и Советского Союза, крах советского коммунизма и превращение США в единственную сверхдержаву планеты, безраздельно доминирующую над западным миром и, опираясь на его мощь, определяющую характер социальной эволюции всего человечества, можно считать решающими пунктами эволюционного перелома.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕЛОМ

Этот перелом идет по трем линиям (в трех аспектах и на трех уровнях) одновременно: 1) образования человеческих более высокого уровня социальной организации, чем западнистские общества, — сверхобществ западнистского типа; 2) интеграции западных сверхобществ в единое целое, которое по отношению к западной цивилизации выступает как западнистская сверхцивилизация; 3) установления мирового порядка под эгидой западного мира и объединения человечества в единый глобальный человек на основе западнизма.

Упомянутые линии суть стороны единого мирового процесса. Эволюция западной цивилизации, порождая сверхобщества, вынуждает их на объединение в сверхцивилизацию. Последняя со своей стороны способствует образованию и развитию сверхобществ и даже вынуждает западные страны становиться на этот путь в интересах их выживания на достигнутом ими жизненном уровне. И та же необходимость вынуждает западный мир на борьбу за господство над прочим человечеством. Запад стремится к объединению человечества в единый глобальный человек не ради каких-то абстрактных идеалов, а для формирования и выживания за-

падной сверхцивилизации. Для выживания на достигнутом уровне ей необходима вся планета как среда существования, необходимы все ресурсы человечества.

Сверхообщество

Самую глубокую основу эволюционного перелома образует возникновение сверхообществ и завоевание ими доминирующей роли в эволюции человечества.

Существует не только нижняя эволюционная граница общества, не достигнув которой человек не приобретает качества общества, но и верхняя граница, перейдя которую человек утрачивает это качество. Развитие общества, как и любого эмпирического объекта, не безгранично. Не все, что возникает в процессе эволюции человечества, может быть ассимилировано обществом в качестве его органического элемента. Не все, что порождается самим обществом, может быть удержано в его рамках. В процессе эволюции человечества в эпоху обществ развиваются, накапливаются и набирают силу явления, которые не укладываются в рамки социального качества, называемого обществом. Само общество порождает отрицающие его явления.

Верхняя эволюционная граница всякого социального объекта есть предел развития явлений, образующих его нижнюю границу, т.е. предел развития того, что изначально образует качество объекта. Этот эволюционный закон имеет полную силу в отношении общества. Верхнюю границу общества образует предельное развитие потенций человека на основе его социальной организации в качестве общества. Человеческие далеко не всегда достигают этой границы (потолка развития). Как правило, они ее не достигают, подобно тому, как ничтожная часть людей доживает до предела биологических возможностей. Жизнь общества может быть оборвана искусственно, какими-то внешними факторами, например в результате поражения в войне. Лишь в идеале можно сказать, что общество достигло верхней границы (потолка), когда все основные компоненты его социальной организации полностью исчерпали свои потенции.

Наличие верхней границы общества не означает, будто невозможна социальная организация иного типа, на основе которой может происходить дальнейшая эволюция людей. Наоборот, я утверждаю, что возможен качественно новый, более высокий уровень социальной организации людей сравнительно с обществом, — уровень сверхобщества. Более того, он не просто возможен, он является реальностью.

Социальный объект А я называю сверхобъектом по отношению к социальному объекту В и употребляю при этом выражение «сверх В», если и только если объект А содержит в себе в «снятом» виде основные признаки объекта В и сверх того обладает признаками, выходящими за рамки В. В сверхобъекте А можно, таким образом, различить две части: 1) базисную, в которую входят свойства объекта В, содержащиеся в А в «снятом» виде; 2) надстроечную, в которую входит то, что не входит в базисную часть, но вырастает на ее основе. Эта надстроечная часть образует новый эволюционный уровень, новое качество, отличающее А от В именно в эволюционном плане.

Данное общее определение сверхобъекта в применении к обществу и сверхобществу выглядит так. В компонентах социальной организации общества вырастают надстроечные части, так что образуются сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология, сверхправо, сверхкультура, сверхклеточные структуры и т.д. Эти образования образуют единое целое, которое выступает как сверхобщественная социальная организация по отношению к социальной организации общества. И человек с такой социальной организацией становится сверхобществом по отношению к человеку уровня (и типа) общества. Определяющими здесь становятся компоненты суперуровня.

Сверхобщество по определению есть человек, который является диалектическим отрицанием общества, содержит в себе общество в снятом виде, является человеком более высокого уровня организации, чем общество. Отношение сверхобщества к предобществу, таким образом,

характеризуется как отрицание отрицания. Неизбежным следствием отрицания общества является утрата ряда достижений эпохи обществ — никакой прогресс в одних отношениях не происходит без регресса в других. А неизбежным следствием отрицания является «возврат» человеичников по ряду признаков к предобществу, причем по признакам, определяющим нижнюю границу сверхобщества.

Сверхобщества возникают в среде из обществ, на их основе, с использованием их материала и опыта. Тут возможны различные варианты. В Советском Союзе сверхобщество формировалось в условиях военной, предвоенной и послевоенной разрухи, нищеты, голода, хаоса, безграмотности населения, дефицита культуры — одним словом, в условиях, образно говоря, социальной пустыни. Коммунистическое сверхобщество складывалось сверху, по инициативе высшей революционной власти и благодаря ее усилиям.

Власть мобилизовала и организовала на это массы населения, заручившись их поддержкой. Сверхобщество тут складывалось в постоянной борьбе с внешними и внутренними врагами, как средство физического выживания народа. Оно тут возникало в условиях ослабленной и даже разрушенной социальной организации общества. Последняя создавалась заново усилиями высшей власти, которая, создавая государственность, сама превращалась в надстроечную часть сверхгосударственности. Власть создавала сверхэкономику, сверхидеологию, сверхкультуру.

Западнистский путь к сверхобществу является прямой противоположностью советско-коммунистического. Он является другой крайностью эволюционного процесса. Он имеет место в условиях баснословного богатства и изобилия, процветания всех сфер общества, сказочного прогресса материальной культуры, благоприятных природных условий, высокой концентрации населения, всесторонних связей различных регионов, богатейшего опыта гражданской демократии — одним словом, в условиях «социальных джунглей». Сверхобщество вырастает тут не по инициативе сверху, а снизу, из всех основ жизни общества, во всех сферах его социальной организации. Общество тут не было

ослаблено и разрушено, а наоборот, достигло всестороннего развития и высочайшего уровня. Сверхобщество тут формируется в условиях триумфальных побед западного мира над своим эпохальным противником (над советским коммунизмом) и побед в борьбе за мировое господство. Тут нет насилия и жестокости, какие имели место в случае советского варианта. Тут функции этих мер выполняют меры западной демократии и экономического принуждения, не уступающие по социальной эффективности мерам коммунистическим и более адекватные условиям западного мира и его человеческому материалу. Потому тут процесс формирования сверхобщества остается неявным, скрытым, трансформированным массой обстоятельств конкретной истории. Таковыми являются и черты самого строящегося человека нового типа.

В связи с формированием сверхобществ разрастается и приобретает все большее влияние на жизнь людей явление, которое я называю свиптальностью.

ЧАСТЬ 3 ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Западнизм

В этой части книги я намерен рассмотреть наиболее значительные социальные объекты современности. Рассматриваю в том виде, в каком в мире уже возник американизм, но еще не стал в полную силу, покоряющую планету и преобразующую ее по своим образцам.

Словом «западнизм» я называю социальный строй современных стран западного мира. Я не называю социальный строй этих стран словами «капитализм» и «демократия» потому, что эти слова стали многосмысленными идеологическими выражениями, а не научными терминами.

Общества западнистского типа сложились и завоевали лидирующее положение в человечестве благодаря усилиям народов западноевропейских. При этом более или менее одновременно сформировались французы, немцы, англичане, итальянцы и другие народы. Они сформировались в составе единой западноевропейской цивилизации. У них выработались сходные черты, позволяющие говорить о народах и о людях западнистского типа. Назовем их западоидами.

Все авторы единодушно отмечают такие черты западных народов (народов из западоидов). Повышенная склонность к индивидуализму. Высокий интеллектуальный и творческий уровень. Изобретательность. Практицизм. Деловитость. Расчетливость. Конкурентоспособность. Авантюристичность.

Любознательность. Эмоциональная черствость. Тщеславие. Повышенное чувство собственного достоинства. Чувство превосходства над другими народами. Высокая степень самодисциплины и самоорганизации. Стремление управлять другими и способность к этому. Способность скрывать чувства. Склонность к театральности. Почти все они в той или иной мере побывали в роли завоевателей и колонизаторов.

Упомянутые качества западоидов не присущи каждому из них по отдельности. Они «растворены» в массе их. Люди западоидного типа и качества западоидности встречаются у всех достаточно больших и сравнительно развитых народов. Но у западных народов процент людей с качествами западоидов и концентрация «раствора» западоидности выше, чем у других народов, причем величина этого «выше» оказалась достаточной, чтобы образовать качественное отличие.

Упомянутые свойства существовали у предков западоидов в виде каких-то природных задатков. Люди с такими задатками оказались жизнеспособными. Со временем число их росло. Они становились примером для других, культивировали эти свойства у своих детей. Эти свойства доказывали свою полезность и выгодность для отдельных людей и их объединений в целом. Происходил процесс, подобный выведению культурных растений и животных. Только тут активными деятелями процесса были сами выводимые существа. Потом вступили в дело средства воспитания, образования, обучения, идеологии, пропаганды, культуры. Они сделали селекционный стихийный процесс сознательным и целенаправленным. В результате сформировался человеческий материал, благодаря которому западная цивилизация стала самой значительной в истории человечества, породила самые высокоразвитые общества и заняла лидирующее положение в современном эволюционном процессе человечества.

Западнистская государственность

Сфера государственности западных стран огромна по числу занятых в ней людей (нанимается от 15 до 20 и даже более процентов работающих граждан), по затратам на нее

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

общества и по месту, которое она занимает в жизни членов общества. О ней существует необъятная литература. Суждениями о ней переполнены сообщения средств массовой информации. Западная идеология и пропаганда буквально буйствует, прославляя ее. Описания ее можно найти в бесчисленных справочниках, учебниках и специальных монографиях. И в этом океане слов процентов девяносто (если не больше) занимает то, что посвящено демократии. Если западнистскую экономику определяют одним словом «капитализм», то западнистскую государственность определяют одним словом «демократия». Во время холодной войны и особенно после краха советского коммунизма это слово фактически приобрело статус святости.

Надо различать демократию как элемент государственности (государственную демократию) и демократию как совокупность правовых норм (правовую или гражданскую демократию). В рамках же государственной демократии надо, в свою очередь, различать способ формирования власти, ее структуру и функционирование, т.е. выборность органов власти, разделение властей, публичность работы власти (гласность), официальную оппозицию, многопартийность и другие явления западной государственности, в той или иной форме и комбинации фигурирующие в различных определениях демократии. Гражданская демократия включает в себя правовые нормы, декларирующие общеизвестные права человека и демократические свободы, разработанную на этой основе систему правовых норм, обеспечивающих правовую защиту граждан общества и их объединений, и совокупность учреждений, обеспечивающих соблюдение этих норм на деле.

Демократия не исчерпывает западнистскую государственность. Она есть лишь часть последней. Она на виду, бросается в глаза, выгодно отличает западнистскую государственность от других ее видов. Потому западная идеология и пропаганда раздувает ее так, что создается впечатление, будто ничего другого нет или по крайней мере все прочее играет второстепенную роль. А между тем в запад-

ных странах имеется мощная и довольно стабильная часть государственности, которая находится вне демократической части. Она состоит из административно-бюрократического аппарата, полиции, судов, тюрем, армии, секретных служб и многочисленных учреждений и организаций, так или иначе связанных с государством и работающих на него.

Демократическая часть государственности западнизма не есть нечто такое, что вырастает независимо от недемократической части, как полагают некоторые ее апологеты — прямо из капитализма. Она возникает и существует в неразрывной связи с недемократической частью и в принципе невозможна без нее. Она ничто без недемократической части (без государственной администрации, без полиции, без судов, без тюрем, без армии и т.д.), которая строится и функционирует совсем не по демократическим принципам, а именно по принципам отбора и назначения людей на посты сверху, начальствования и подчинения (командования, приказов), негласности, беспартийности.

Реальные выборы имеют мало общего с их идеологически-пропагандистскими восхвалениями. Большое число граждан, имеющих право голоса, игнорирует выборы, мотивируя это тем, что от их участия или неучастия ничто не изменится, что результаты выборов не меняют ничего в их положении, что большинство кандидатов им неизвестно лично, что кандидатов где-то выбирают в узком кругу и потом навязывают избирателям. Но несоответствие реальных выборов их пропагандистскому образу не означает, что они суть нарушения неких разумных норм. Обывательские представления о неких абсолютно справедливых и честных выборах в принципе неосуществимы.

Суть западной системы выборов заключается не в том, чтобы осуществлять абстрактную идею демократии, а в том, чтобы дать возможность практически отобрать каких-то лиц в органы власти и узаконить их в качестве таковых. Выборы есть характерная для западнизма форма легитимации власти. Никакой другой основы легитимации тут нет. Рассматривать в качестве основы легитимности власти за-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

конодательство (конституцию) ошибочно чисто логически. Законы устанавливают лишь процедуры легитимации власти. Но легитимацию как таковую, т.е. общественное признание конкретных личностей в качестве носителей власти, осуществляют лишь выборы.

Западная система выборов демонстрирует максимум того, что вообще возможно с точки зрения некоей честности по чисто «техническим» причинам. Но если даже допустить, что реализовалась бы абсолютная справедливость, в кандидаты выдвигались бы умнейшие и честнейшие граждане, все кандидаты имели бы одинаковые условия и т.д., положение во власти не улучшилось бы. Скорее всего, оно ухудшилось бы, ибо были бы выбраны не профессионалы управления, а устраивающие большинство безликие дилетанты, и вели бы они себя не по правилам поведения во власти, а как примитивные новички.

Западная система выборов при всех ее недостатках (с точки зрения критиков) позволяет решить одну важнейшую проблему власти: она позволяет осуществлять сменяемость формально высшей власти, сохраняя при этом стабильность, преемственность системы государственности. Тем самым общество ограждается от излишних и опасных радикальных перемен. Несмотря на деловую динамичность, западное общество в своей социально-политической части является консервативным.

Высший (или центральный) орган государства западной страны образует законодательное представительное собрание и исполнительная власть. Первое избирается населением страны и представляет его. Это — парламент, конгресс, национальное собрание, бундестаг. Основная задача его — законодательство, представительство интересов населения как целого и его различных подразделений, общий контроль за положением в стране и деятельностью всей системы государственности. Оно имеет свою структуру. Имеются двухпалатные и однопалатные собрания. В том и другом случае имеет место система должностных лиц, система комитетов и экспертов, подсобных служащих, «техни-

ческий» аппарат, без которого не может работать никакая большая организация людей.

Функции исполнительной власти — руководство повседневной деятельностью государства. Тут тоже есть свои варианты. Основные формы их — президентская и парламентарная системы. Образец первой — США, образец второй — Англия. В случае первой системы глава исполнительной власти (президент) избирается прямо всеобщими выборами, в значительной мере независим от законодательной власти, имеет контроль над назначением членов правительства (кабинета), может апеллировать прямо к народу (референдум, плебисцит). В случае парламентарной системы имеются варианты. Один из них — глава исполнительной власти избирается законодательным собранием, которое доминирует. Другой вариант (английский) — законодательная и исполнительная власть сосредоточены в кабинете, правящая партия решает, кто будет главой исполнительной власти. Французский вариант — смешанный. Его иногда называют квазипрезидентским. Исполнительная власть тоже имеет свой «технический» аппарат с распределением и иерархией функций и должностей.

В американской центральной власти помимо законодательной и исполнительной власти имеется еще третий ингредиент — судебная власть (Верховный суд), функция которой — контроль за соблюдением государственных законов.

Описанная структура власти считается реализацией идеи разделения властей: каждая из этих частей власти должна делить некоторую долю власти с другими, снижая возможность для каждой по отдельности стать чрезмерной в исполнении ее функции. Тем самым предполагалось избежать абсолютной деспотической (тиранической) власти. Это было субъективное намерение тех, кто создавал западную государственность. Но поставим вопрос так: а почему создатели государственности решили именно так разделить власть? Ответ очевиден: в любой достаточно развитой государственности можно усмотреть функции, которые в ре-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

зультате ее развития так или иначе должны дифференцироваться и до известной степени обособиться в виде особых функций различных подразделений единой власти. Влюбой! Это — универсальный социальный закон. Но он реализуется в различной форме в различных видах и индивидах обществ. В одной форме он проявляется в обществе западнистского типа, в другой — в обществе коммунистического типа. Да и в рамках одного типа можно видеть различные варианты.

То разделение властей, которое считается признаком западной демократии, есть, на мой взгляд, второе великое разделение властей в истории общества. Первым было разделение, в результате которого политическая (гражданская) власть отделилась в качестве государственной. Как увидим дальше, второе разделение не является последним: третьим является разделение на государство и сверхгосударство.

По мнению ряда авторов, идея разделения властей фактически не воплотилась в жизнь или это разделение утратило ту роль, какую играло ранее. Это проявляется, например, в том, что законодательные органы занимаются не столько разработкой и одобрением общего кодекса поведения, сколько решениями, направляющими конкретные действия исполнительной власти. Исчезла разница между законодательством и текущими распоряжениями властей, между общими и частными задачами власти. Главной задачей представительной власти стало не законодательство, а управление. Все то, что теперь штампует законодательный орган, стало называться законом. Правительство получило возможность издавать для самого себя удобные ему законы. Правительство вышло из-под контроля закона. Сама концепция закона потеряла значение. Правление стало главной задачей законодательного органа, а законодательство — его побочной функцией. Элементом государственной демократии является многопартийная система. Этот элемент считается настолько важным, что в идеологии и пропаганде часто его используют как определяющий признак западной государственности вообще. Это стало обычным во второй

половине XX века, когда западнистская государственность противопоставлялась коммунистической как многопартийная однопартийной.

Уточним само понятие многопартийной государственности. Если в стране разрешено много партий, это еще не означает, что государственность многопартийная. Для этого необходимы еще два условия. Первое — государственность заметным образом зависит от партий. Последнее как-то участвуют во власти. Второе условие — участвующие во власти партии не стремятся к изменению социального типа государственности и к ее разрушению или ослаблению. Третье — участвующие во власти партии не превращаются в узаконенные органы власти. Характерными образцами таких партий являются общеизвестные партии западных стран, которые в одиночку или в коалиции становятся «правлящими» — добиваются выбора своих кандидатов в органы власти, существенным образом влияют на политику власти. Они не имеют никаких намерений перестраивать социальный строй своего общества и его государственность. Они стремятся к сохранению западнизма. Они существуют и действуют в рамках законности, а не вопреки ей и не против нее. Назову их западнистскими.

В западных странах возникали и возникают партии, имеющие целью радикальное изменение социального строя и даже уничтожение западнизма. Но они не являются западнистскими, т.е. не являются элементом западной государственной демократии.

Западнистские партии состоят из сравнительно небольшого числа профессиональных политиков, которые избираются в органы власти или как-то иначе оказываются в государственном аппарате, и прочей массы членов, остающихся вне власти. Если иметь в виду первую часть, то западнистские партии суть элемент государственности. Если же иметь в виду вторую часть, то эти партии суть околоправительственные организации. Партия состоит из множества людей (а это — десятки и сотни тысяч человек) и как таковая имеет определенную структуру. В одних случаях структура выра-

жена слабо (как в партиях США), в других — сравнительно сильно (как в партиях Англии, Германии и Франции). Но при всех вариантах в них так или иначе можно выделить три элемента: рядовых членов партии, служащих бюрократического аппарата для повседневной работы и политиков, руководящих партией и участвующих в правительстве. Кроме того, имеет место несколько организационных уровней между рядовыми членами партии и ее высшими органами.

Функции партии западнизма фактически не сводятся к выборам должностных лиц в правительство. Они довольно многообразны. Это, например, рекрутирование новых членов, политическое образование и воспитание населения, информация, воздействие на общественное мнение, выдвижение политических идей и программ, стимулирование дискуссий и участие в них, суммирование и урегулирование интересов, стимулирование политической активности граждан.

Современные западнистские партии не являются выразителями и защитниками интересов каких-то определенных групп населения. Они ориентируются на все категории населения, претендуют на то, чтобы считаться партиями общенародными. Это явление бесклассовости или надклассовости партий в идею показатель социального примирения — будто социальная борьба в старом смысле исчезла, уступив место мирным парламентским дебатам.

Возникнув в определенных исторических условиях, западнистские партии воспроизводятся и существуют как особые объединения людей прежде всего для самих себя — они борются за самосохранение. Чтобы добиться своих целей (занять посты, фигурировать на сцене истории, делать карьеру, ощущать себя причастными к исторической деятельности), партии должны что-то делать для «народа». Это — их способ добывать хлеб насущный. Это — бизнес в политической сфере.

Одни и те же партии фигурируют на арене истории в течение многих десятилетий. Новые партии пробиваются к жизни с большим трудом. Это удастся лишь в порядке ис-

ключения. Им не дают ходу не ради каких-то высших идеалов, а просто из опасения, что они могут завоевать на свою сторону избирателей и испортить признанным партиям их политическую ситуацию. Политический рынок всячески препятствует появлению потенциальных конкурентов. Заодно укрепившиеся партии выполняют функцию, за которую их поддерживают, — создать видимость классового примирения, помешать возникновению или усилению классовых партий, которые могли бы объединить недовольных и направить их активность на изменение существующего общественного устройства. В этом смысле они суть партии господствующих сил общества.

Западнистские партии не имеют четкой и систематизированной идеологии, т.е. определенной концепции человеческого общества, истории и человека, совокупности ценностей и моральных принципов, принципов деятельности властей, проектов будущего состояния общества. Партии не имеют далеко идущих целей и программ их достижения. Они действуют, руководствуясь ближайшими практическими целями. Они стремятся завоевать популярность в массах и получить как можно больше голосов на выборах, выдвигая для этого лозунги и программы применительно к конкретным условиям. Всем известно, что к этим лозунгам и программам не следует относиться серьезно. Те, кто избирается в органы власти, хотят быть переизбранными. Поэтому они избегают далеко идущих заявлений. Их принцип — обещать немного всем, не угрожать серьезно никаким значительным силам общества.

Если партия побеждает на выборах, она организует повседневные операции представительных органов (в частности — парламента). Побежденная партия не сходит со сцены. Она остается в качестве лояльной оппозиции, рассчитывая на следующий раз выиграть матч. Во всяком случае, она не остается обездоленной. На всех уровнях социальной иерархии, начиная от местных общин и кончая уровнем страны в целом, происходит превращение партийных активистов (политиков вообще) в часть правящего

слоя, — происходит сращивание политики и управления. А с другой стороны, партии «врастают» в хозяйственную жизнь общества и в другие его сферы. Политики становятся сотрудниками концернов, занимают совсем не политические посты. Образуются своего рода картели больших партий и клики профессиональных политиков. Они решают, кто и какие посты будет занимать в учреждениях, в которые власти имеют доступ. Они распределяют в своих кругах возможности иметь жизненные блага и привилегии. Образуются клики по принципам личных связей. Через них происходит допуск к власти. Партии и клики превращают государство в источник карьеры и жизненных благ.

Правовая сфера

На основе фундаментального права западнизма развились и достигли колоссального размера государственное и частное право. Разумеется, между этими частями нет полной гармонии. Тем не менее государственное право в принципе не должно выходить за рамки фундаментального, а частное — за рамки государственного. Специальные лица и учреждения следят за тем, чтобы этот принцип выполнялся. Это не во всем удается, но в реальности устанавливается более или менее терпимое соответствие.

Западнистское государство поработало основательно над разработкой правового кодекса общества — государственного права. Если, например, на заре американской государственности налоговые законы были записаны на нескольких страницах, то теперь для записи их потребовалось более десяти объемистых томов, — увеличение в тысячи раз! И так во всем. К тому же в десятки раз возросло число сфер, потребовавших правового регламентирования. И еще более грандиозных размеров достигла сфера частного права.

Западное общество превратилось в общество правового тоталитаризма. Тут сложилась такая густая и запутанная сеть правовых норм и отношений, в которой рядовой гражданин самостоятельно не способен поступать без ущерба

для себя. Потребовалось огромное число специалистов в этой сфере. И они появились, образовав особый социальный слой с высоким уровнем доходов и большим влиянием в обществе. Мало кто из граждан общества обходится без их услуг. А для значительной части граждан они суть неотъемлемый элемент их жизни. Такие граждане не могут сделать серьезный шаг без их советов и делового посредничества. Все мало-мальски значительные организации и предприятия имеют их в качестве постоянных сотрудников или партнеров. Этот слой разнообразен по составу. Его представители отчасти суть служащие государства, отчасти служащие частных фирм, отчасти сами частные предприниматели. Но все они выполняют функции в сфере государственности. По делам своих клиентов они имеют постоянные контакты с судебными органами и государственными учреждениями.

Западнистские клеточки

Западнистское общество содержит клеточки обоих упомянутых в предшествующей части типов. Частные клеточки образуют тут пока подавляющее большинство и задают тон. Их роль настолько велика, что западнистское общество вообще рассматривается как частнопредпринимательское.

Частные клеточки повлияли на характер прочих клеточек, так что можно выделить их общие черты. В западнистских клеточках наемные лица принимаются на работу по профессии. Профессиональная пригодность должна быть как-то подтверждена, а в случае достаточно высоких требований к профессионализму подтверждение должно быть, как правило, документальным (дипломы, свидетельства об обучении). Они принимаются на определенный срок. При этом между работодателем и нанимаемым заключается юридический контракт. Существует педантично разработанное законодательство на этот счет. При этом устанавливается заработная плата или ее рамки. Наемные лица получают зарплату независимо от реализации результатов их труда и труда клеточки в целом. От реализации результатов труда клеточки

зависит ее судьба, если она частная, и судьба наемных работников в смысле сохранения рабочего места (клеточка может обанкротиться, и работники могут потерять работу). Работодатель не может безнаказанно по своему произволу обращаться с оплатой наемных работников, если это выходит за рамки юридических законов и конкретных договоров. Возможности увольнения работников ограничены законами и профсоюзами, если таковые имеются и если имеются соответствующие договора профсоюзов с предпринимателями. К этой теме мы еще вернемся.

Западнистские клеточки существуют не сами по себе, а в среде себе подобных, частного предпринимательства, конкуренции, борьбы за существование и за успех, одержимости частной собственностью. В силу условий существования они создаются и существуют исключительно для определенного дела и ни для чего иного. Их структура и функционирование определяются исключительно условиями и интересами дела. Поэтому они максимально упрощены с точки зрения социальной структуры. В них нет никаких лиц, групп и организаций, не нужных с точки зрения интересов дела. Никакая партийная, профсоюзная, молодежная или какая-то иная организация не является здесь элементом социальной структуры множества людей, занятых в клеточке. Сотрудники клеточки могут быть членами такого рода организаций, групп и движений, но не в рамках клеточки, а вне ее и независимо от нее. Этот аспект их жизни не влияет на функционирование их в рамках клеточки и клеточки в целом. Партии, профсоюзы и другие общественные группы и движения оказывают давление на хозяев клеточек и их администрацию, но это — внеклеточное, а не внутриклеточное отношение.

Западнистская клеточка не есть коллектив в строгом смысле. В ней люди работают, и все. Социальная и интимная жизнь людей западного общества происходит вне деловых клеточек, а не в них. Внутри их люди выполняют свои деловые обязанности, продвигаются по службе или повышают квалификацию. У них могут быть свои взаимные симпатии

и антипатии. Могут устанавливаться какие-то неделовые отношения, например любовные или криминальные. Но все это не становится общепризнанной нормой и важным фактором их официальной жизни.

В деловых клеточках западнизма нет никакой внутриклеточной демократии. Внутри клеточек царит трудовая дисциплина, можно сказать, деловая диктатура. Западное общество, будучи демократическим в целом, т.е. политически, является диктаторским социально, т.е. в деловых клеточках. Фундаментальные принципы работы западнистских клеточек таковы: делать дело как можно лучше; добиваться максимального результата с минимальными затратами; максимально использовать силы сотрудников; исключить праздное времяпровождение во время работы; исключить использование сотрудниками рабочего времени и средств клеточки для личных целей, не имеющих отношения к целям клеточки; свести к минимуму число работников; оценивать их прежде всего по деловым качествам.

Такая предельная деловая рационализация западнистских клеточек не означает, что все неделовое, изъятое из нее, вообще изъято из общества в целом. Все то, что имеет какую-то ценность для общества и может стать источником дохода или предметом социальной жизнедеятельности, тут становится либо делом особого рода клеточек, либо функцией особого рода общественных организаций (партий, профсоюзов и т.п.). В обществе в целом происходит максимально возможное разделение дел, способностей, функций людей. Отдельные свойства людей и их объединений обособляются от них в виде дел особых клеточек.

Мелкие и даже средние предприятия западных стран ни в каком особом органе управления не нуждаются. Функции управляющего органа в них выполняет сам предприниматель, нанимающий в случае надобности одного или нескольких помощников. Самый простой случай — секретарша. Лишь начиная с некоторого достаточно высокого уровня сложности дела возникает потребность в определенном ко-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

личестве наемных работников, профессионально занятых делом управления, — особый управляющий орган.

Управляющий орган предприятия состоит из наемного управляющего и наемных служащих, в задачу которых входят проблемы организации дела, человеческих ресурсов, финансов, обеспечения, торговли, рекламы, планирования, public relations. Если предприятие является акционерным обществом, оно выбирает совет директоров, который нанимает служащих для управления предприятием. Если предприятие является частным, все равно функция управления есть профессия, для овладения и исполнения которой собственность как таковая ничего не значит. Так что главой предприятия при всех вариантах фактически становится не владелец, а профессиональный управляющий.

Система принятия решений является централизованной. Управляющий орган имеет иерархическую структуру, т.е. лестницу из отношений начальствования и подчинения. Служащим не только предоставляется работа, но и возможность подниматься по ступеням служебной иерархии, т.е. делать карьеру.

Западное предприятие работает в соответствии с кратковременным (годовым) и долговременным планом. План — необходимое условие работы всякого более или менее сложного предприятия в современном сложном общественном организме. Задача плана западного предприятия — сделать предприятие капиталистически рентабельным и конкурентоспособным на рынке сбыта своей продукции и услуг. План преследует прежде всего интересы предприятия, удовлетворяя какие-то потребности общества в качестве условия и следствия его реализации. Государство не командует предприятием, не предписывает ему ничего. Оно лишь регулирует выполнение плана, заставляя предприятие считаться с законами общества. Планы западного предприятия суть своего рода стратегия (долговременный план) и тактика (годовой план) поведения предприятия на рынке продукции или услуг. Они здесь не являются инструментом управления клеточкой.

Частная собственность

Как я уже сказал выше, западнистское общество считает-ся частнособственническим и частнопредпринимательским. К тому, что говорилось о частной собственности, добавим еще следующее.

Частная собственность прошла длительный, сложный и полный драматизма путь, прежде чем достигла состояния, какое можно наблюдать в современных западных странах. На этом пути на нее обрушивали свой гнев лучшие представители рода человеческого, видя в ней источник зол. Против нее устраивались восстания и революции. В борьбе против нее приносились бесчисленные жертвы. Она не оставалась в долгу, сама наступала, сама обрекала на жертвы других, порождала неисчислимые страдания. И несмотря ни на что, она сохранила обаяние и проявила удивительную живучесть.

Логический класс (множества) частных собственников в западных обществах стал настолько многочисленным, что эти общества можно считать (по крайней мере в тенденции) тотально частнособственническими. Теперь нужно выяснить, из кого состоит множество частных собственников, на какие подмножества (логические подклассы) оно разделяется. А с этой точки зрения западное общество выглядит так. Помимо традиционных категорий (логических классов) собственников и представителей знатных и богатых родов прошлого, уцелевших несмотря ни на какие исторические потрясения, частными собственниками считаются, например, такие. Городские владельцы частных домов, квартир, земельных участков, более или менее дорогого имущества, автомашин. Владельцы акций различных компаний. Наемные работники, являющиеся совладельцами своих предприятий. Рентнеры. Лица, держащие свои сбережения в банке (в том числе — сбережения от зарплаты). Пенсионеры. Владельцы страховых полисов. И это — лишь малая частица видов собственников.

Многие граждане западных обществ становятся частными собственниками не в силу мифического врожденного

чувства, а вынужденно. Например, это имеет место в случае покупки жилья. Многие становятся собственниками, не ведая того. Это, например, все те, кто боится жизни и имущества, держит свои деньги в банке, выплачивает из зарплаты на пенсию. Многочисленная категория высокооплачиваемых наемных лиц становится состоятельными частными собственниками, накапливая большие суммы денег и приобретая недвижимое имущество.

Современное западное общество открыло практически неограниченные возможности для большого числа людей наживать значительные и порою гигантские состояния, не занимаясь предпринимательской деятельностью в традиционном смысле. Это — актеры, танцоры, певцы, музыканты, писатели, боксеры, теннисисты, модельеры, гонимые, игроки, изобретатели и т.п. Целый ряд профессий позволяет подниматься в слой богатейших людей — врачи, юристы, тренеры, дирижеры и т.п. Одним словом, в современном западном обществе сложилась мощнейшая ткань (слова «слой» тут мало) частных собственников, которая воспроизводится на основе современных условий. Имеет силу заметная тенденция превратить большинство граждан в частных собственников в той или иной мере, начиная с грошовой и кончая такой, когда отдельный человек оказывается владельцем сумм денег, превосходящих порою годовой бюджет сравнительно большой западной страны из многих миллионов человек. А когда почти все в обществе суть частные собственники, то выражение «частная собственность» теряет социальный смысл. Оно ничего не говорит о реальной структуре населения страны.

Множество частных собственников разделяется на подмножества, различия между которыми гораздо важнее с социологической точки зрения, чем общий признак быть частным собственником. Для понимания социальной структуры западного общества важнее не то, что владелец грошовой акции и владелец акций на миллионы долларов суть оба частных собственники, а то, что принадлежат к различным социальным слоям и социальным классам общества.

Кроме того, отношения собственности настолько усложнились, что сами собственники зачастую уже не в состоянии разобраться в правовом аспекте своей собственности и принимать решения по своему усмотрению. Они нуждаются в особых специалистах и в особых государственных учреждениях для этого. Они выглядят в системе отношений собственности подобно мухам в паутине.

Основная часть частной собственности приобрела символический и опосредованный характер. Символический — значит выраженный и зафиксированный в денежных знаках и документах, так или иначе выразимых в деньгах. Опосредованный — это значит, что использование каких-то объектов в качестве собственности осуществляется не самим собственником непосредственно, а посредниками.

Основной функцией частной собственности для большинства граждан западного общества стада функция, подобная социальным гарантиям, какие имели место в коммунистических странах. Это своего рода эрзац таких гарантий. Люди, обладающие частной собственностью, легче переживают трудные периоды (например, безработицу, инфляцию). Они свободнее и увереннее в выборе жизненного пути. Их дети имеют лучшие условия для жизненного старта, выбора профессии, образования, карьеры. Собственность дает лучшие условия для общения и доступ к жизненным благам, уверенность в обеспеченной старости.

Частная собственность охватила все сферы жизни западных людей, стала всеобъемлющим стимулом их жизнедеятельности, завладела их умами и чувствами. Приобретение и увеличение ее стало основным содержанием всех видов деятельности, включая политику, науку, искусство, спорт, преступный бизнес. Основная масса западоидов с рождения до смерти живет в атмосфере одержимости частной собственностью, стремления иметь ее любой ценой, накапливать, охранять. И нет ничего удивительного в том, что апологеты западнизма считают стремление людей к частной собственности врожденным. Желание освободить людей от проклятия частной собственности, идущее со времен Хрис-

та и достигшее апогея в марксизме, завершилось ее тотальным триумфом.

Частное предпринимательство

Частное предпринимательство заключается в следующем. Частные лица, являющиеся юридически свободными гражданами общества, на свои средства (деньги), которые суть их частная собственность, создают деловые клеточки — предприятия. Они суть частные предприниматели. Для этого они приобретают предметы, необходимые для деятельности клеточек, — средства труда. Клеточку могут образовать члены семьи или группа людей, договаривающихся о совместной деятельности. Более сложный случай — создатели клеточек нанимают людей, способных к деятельности, для которой создается клеточка. При всех обстоятельствах организаторы клеточек становятся их юридическими субъектами. Юридически устанавливаются отношения между юридическими субъектами клеточек и прочими членами (сотрудниками, работниками) клеточек. В случае наемных работников происходит разделение на работодателей и работников (наемных работников). Их отношения точно также упорядочиваются соответствующими законами.

Частный предприниматель сам волен решать, чем должна заниматься клеточка, как устроена, как сбывать продукцию и т.д. Частные предприниматели имеют право распоряжаться деятельностью клеточки и ее продуктами по своему усмотрению — продавать или передавать другим, закрывать, реорганизовывать. Продукция клеточек предназначена не самим участникам их, а каким-то другим лицам, т.е. предназначена для сбыта за деньги (для продажи). Цель таких клеточек — использовать частную собственность и свой труд или также труд наемных лиц, чтобы оправдать затраты и получить прибыль, которую можно использовать в качестве средств существования членов клеточек, для продолжения деятельности клеточек, для выплаты налогов и,

возможно, увеличения клеточек. Частные предприниматели и их предприятия должны это делать в течение длительного времени и регулярно. И лишь постольку, поскольку для достижения этой цели необходимо давать другим людям возможность зарабатывать на жизнь и добиваться каких-то успехов, эти клеточки играют общественно полезную роль.

Не всякий частный предприниматель есть капиталист. Капиталистом я буду называть частного предпринимателя, который за деньги приобретает средства труда, нанимает работников для их использования, организует производство вещей или услуг, сбывает их за деньги. Он это делает с таким расчетом, чтобы после покрытия всех расходов иметь прирост денег — прибыль. Причем он должен это делать в течение длительного времени и регулярно, — это должно стать его постоянной работой. Короче говоря, капиталист есть человек (объединение людей), который живет за счет прибыли от организации какого-то дела путем покупки средств труда и найма рабочей силы. Источником его дохода является эксплуатация наемного труда. И делает он это на свой страх и риск. Капиталом я буду называть сумму денег, используемую для приобретения прибыли. Капитализмом я буду называть, совокупность явлений данного общества, которые касаются деятельности капиталистов и функционирования капиталов. Общество является капиталистическим, если в его экономике доминирует капитализм.

Капитализм не есть нечто раз и навсегда данное. В западном обществе произошли изменения, причем противоречивые с точки зрения судьбы капитализма. Различают период «старого» и «нового» капитализма. Я их различие вижу в следующем.

«Старый» капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество некапиталистическое по общему типу. Хотя капиталисты хозяйничали в обществе, последнее еще не было тотально капиталистическим, поскольку степень вовлеченности населения в денежные отношения по законам капитала еще не была всеобъемлющей.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Лишь в XX веке западное общество стало превращаться в тотально капиталистическое, т.е. в западнистское. После Второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территорий и целых стран в объединения, функционирующие как огромные денежные системы и капиталы. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это имело место, а в организации жизни большинства населения этих объединений таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала.

Новое качество в эволюции капитализма возникло по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения множества таких операций и усиления их роли в жизни людей. Этот процесс был связан с усилением роли государства в денежных операциях, с разрастанием денежного законодательства, с упорядочиванием и регламентированием отношений между работодателями и наемными лицами, со структурированием предпринимательства, с ограничением конкуренции и свободы ценообразования, короче говоря — с социальной организацией и регулированием всей системы жизни общества по законам функционирования денег в качестве капитала.

В результате этого процесса подавляющее большинство членов западного общества, имеющих какие-то источники дохода, оказалось соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, т.е. осуществляя основную часть денежных дел через банки.

Сделав всех людей, получающих или имеющих какие-то деньги, в той или иной мере частичными капиталистами, не говоря уж об акционерах, западное общество стало почти что абсолютно капиталистическим. Капитализм стал тотальным.

Но это был лишь один аспект эволюции капитализма. По другой линии происходил процесс в некотором роде (с точки зрения нашей проблемы) противоположный.

В XX веке, особенно после Второй мировой войны, произошли радикальные перемены в сфере частного предпринимательства. Назову основные из них. Подавляющее

большинство частных предпринимателей начинает теперь дело не на свои деньги, а на деньги, взятые в банке в кредит, разумеется — под проценты. Тем не менее, взяв деньги в кредит и начав дело, человек становится частным собственником. Становится формально, юридически. Фактическим собственником данного в кредит начального капитала является банк, причем тоже юридически. Взявший в кредит деньги предприниматель фактически выступает тут в роли служащего банка, который сам является частным предпринимателем. Таким образом, тут происходит разделение частных предпринимателей на две группы — кредиторов и должников. Они совместно затевают дело, деля прибыль между собою.

Большинство мелких и даже средних предпринимателей становится таковыми не из врожденного стремления к наживе (такое не существует), а просто будучи вынужденными на это обстоятельствами. Для них это — способ заработать на жизнь, зачастую — соответствующий их навыкам и профессиональной подготовке, но не менее часто — не требующий особого обучения. Обычно они еле сводят концы с концами. Главная их цель — выплатить проценты за кредит и сам кредит в банк, оставить себе и своей семье что-то на жизнь и поддерживать ход дела. Так что они в большинстве вынуждены довольствоваться минимальной (а не максимальной, как считали марксисты) прибылью. Да и то это далеко не всегда удается. Большой процент их разоряется довольно скоро. Разорение одних и появление других — это нормальное явление в обществе частного предпринимательства. Некоторая часть добивается средней прибыли, позволяющей расширять дело, на что уходят годы каторжного труда, ничтожное меньшинство ухитряется преуспеть.

Частное предпринимательство в рассматриваемом случае есть форма принуждения людей к труду, и к труду не такому уж легкому. Даже в тех случаях, когда дело процветает, частные предприниматели на этом уровне посвящают жизнь в основном работе. Обычно они работают больше своих наемных работников. Этот вид труда связан с нервотрепкой и

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

с постоянной тревогой за будущее. Условия труда лиц соответствующих категорий в коммунистическом обществе (заведующих, директоров предприятий) неизмеримо легче.

Вернемся к банку, у которого наш предприниматель берет деньги в кредит. Юридическим субъектом его может быть группа лиц (директоров, членов совета) во главе с избираемым ими президентом. Они все являются наемными работниками. Ни один из них не является собственником капитала банка. Собственником или собственниками являются другие лица. Так что юридический субъект предприятия, не являющийся собственником его капитала, распоряжается чужой собственностью и при этом считается частным предпринимателем. И одновременно он является кредитором (т.е. собственником!) по отношению к предпринимателю-должнику. Имеют место и другие варианты.

Важнейшим следствием усложнения и укрупнения предприятий, концентрации капиталов и усложнения ситуации рынка явилось развитие класса управляющих и дифференциация функций предпринимателей на функции собственников и функции управляющих делом. В результате собственники утратили часть своей власти над делом, разделили ее с несобственниками, а порою уступили ее последним полностью.

Большинство крупных фирм управляется не теми, кто ими владеет, а профессиональными менеджерами. Однако многие менеджеры являются собственниками значительной части своих фирм и имеют долю в других. Значительная доля в больших фирмах принадлежит другим крупным корпорациям, обычно банкам, страховым обществам и другим финансовым организациям. Они контролируют соответствующие фирмы и их менеджеров. Образуется сеть руководства бизнесом, которая принимает решения не только внутри отдельных фирм, но и вне их — в других фирмах, поскольку корпорация владеет в них определенной долей. Лидеры различных корпораций сотрудничают друг с другом. Таким путем владельцы долей капиталов фирм контролируют менеджеров внутри фирм. Одним словом, складывается слож-

ная, многомерная и многоступенчатая сеть отношений собственности и управления предприятиями.

Частное предпринимательство фактически перестало быть неразрывно связанным с отношением частной собственности и с персональными собственниками. Капиталист либо рассеялся в массе людей, каждый из которых по отдельности не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Понятия «капиталист» и «капитализм» потеряли социологический смысл. С ними уже нельзя адекватно описать специфику и сущность западного общества. Мелкий акционер, предприниматель, имеющий кредит в банке и ведущий дела через банк, пенсионер, рентнер, владелец большой суммы денег, президент банка, менеджер с огромным окладом, рабочий, совершающий денежные операции через банк, и т.д. — все это суть представители различных социальных категории, хотя все они суть соучастники в деятельности одного огромного безликого капитала.

Рынок

Установился идеологический штамп в изображении рынка, который с незначительными вариациями кочует из книги в книгу. Согласно этому штампу, предприниматель на свою личную ответственность принимает решение, какие ценности производить, какие услуги предлагать и как именно все это делать. Он юридически свободен в своей предпринимательской деятельности. Потребитель, в свою очередь, свободен относительно своих доходов и выбора ценностей и услуг, предлагаемых предпринимателем. Предприниматель осуществляет свои планы в рамках свободной конкуренции, договоров, инвестиций и цен в соответствии со своими ожиданиями прибыли. Рынок поставляет предпринимателю информацию о спросе и предложении и координирует их. Производители узнают от потребителей, что им производить и за какие цены продавать. Производители не зависят друг от друга. Они стремятся делать вещи и выполнять услуги как можно лучше и продавать как можно дешевле, дабы

привлечь потребителей. По выражению А. Смита, рыночные операции протекают так, как будто ими манипулирует «невидимая рука». Последняя есть сам рыночный механизм, а не государство. Задача государства — обеспечить рынку возможность выполнять его функции, не мешать ему работать, защищать от постороннего вмешательства.

Надо различать идеологический образ рыночной экономики и ее реальность. Идеологический образ создается так. Из сложной среды реальной экономической жизни общества абстрагируются ее отдельные черты. Они идеализируются и объединяются в некоторое целое. Затем дело представляется так, будто эти черты исчерпывают всю экономическую систему или по крайней мере являются главными в ней. Делается это для одурачивания простаков из незападных стран с целью внушить им, будто достаточно ликвидировать их «отсталую» экономическую систему и ввести на ее место «передовую» рыночную экономику в том виде, как ее изображают идеология и пропаганда, как в стране начнется экономическое процветание.

Что такое рынок в реальности? Западная экономика производит товары (вещи и услуги) для продажи за деньги. Совокупность продаж и покупок товаров и образует рынок. Не существует некий абстрактный рынок вообще. Существуют различные регионы, сферы, уровни, стадии развития рынка. Существуют и различные категории участников рынка и различные категории товаров. Одно дело — продажа предметов быта в мелких магазинах. И другое дело — продажа самолетов, кораблей, домов, земельных участков, больших партий оружия. Одно дело — мелкие предприниматели. И другое дело — промышленные империи с десятками и сотнями тысяч сотрудников. Рынок — сложнейшая машина, и функционирует она не сама по себе, а как часть экономики общества и общества в целом. Функционирует изо дня в день, из года в год в океане разнообразных и взаимосвязанных отношений людей, событий и информации.

В реальной жизни рынка можно заметить самые различные и даже взаимоисключающие явления, — свободную конкуренцию и препятствование (я употребляю слово «пре-

вентация»), определение предложения товаров спросом и определение спроса предложением, снижение и повышение цен, точный расчет и авантюристический риск, взлеты и банкротства, прибыли и убыток, свободное (стихийное) ценообразование и заранее рассчитанное намерение.

Реальная рыночная экономика западных стран — это сложнейшее переплетение всевозможных средств организации грандиозного процесса и всевозможных способов управления им. Только наивные люди могут верить, будто эта важнейшая сфера жизни западного общества пущена на самотек, предоставлена самой себе и какой-то мифической «невидимой руке». Я думаю, что если бы можно было измерить всю ту интеллектуальную, волевую, расчетную, планирующую и командную работу, которая делается в сфере рыночной экономики Запада, и сравнить ее с соответствующей работой коммунистической командно-плановой системы, то мы были бы потрясены убожеством второй в сравнении с первой.

Государство вмешивается в функционирование рынка в самых различных формах и по бесчисленным каналам — налоги, полиция, суды, законы, министерства, комиссии, советы, кредиты, субсидии и т.п. И все это воспринимается как нечто само собой разумеющееся, не заслуживающее внимания апологетов рынка. Достаточно проследить за средствами массовой информации хотя бы одну неделю, чтобы заметить то, что государство, партии, общественные организации и всякого рода комиссии занимаются систематическим вмешательством в работу рынка. Рынок постоянно находится под неусыпным оком общества и власти. И если он время от времени выходит из-под контроля и причиняет неприятности, то причины этого надо искать не в нем самом, а в обществе и во всех тех, кто его пытается контролировать.

Деньги

Испокон веков деньги выполняли функции знака и меры ценностей. Затем к этим функциям присоединилась функ-

ция капитала. В современном западном обществе, особенно после Второй мировой войны в полную силу развилась еще одна их функция, деньги стали универсальным и всеобъемлющим средством измерения.

Деньги стали (подчеркиваю, стали теперь, а не были такими изначально!) главным регулятором всей основной жизнедеятельности людей западного общества, основным побудительным мотивом, целью, страстью, заботой, контролером, надсмотрщиком, короче говоря — их идолом и богом. Западные люди одержимы деньгами вовсе не потому, что они морально испорчены (в моральном отношении они не хуже людей обществ иного типа), а потому, что деньги стали абсолютно необходимым условием, средством и формой их жизнедеятельности. В деньгах концентрируется и символизируется вся суть жизни людей в этом обществе. Это есть та реальная социальная атмосфера, которой они дышат, социальная пища, которой они питаются, социальная среда, в которой они движутся в поисках средств существования. Деньги для западного человека — это возможность иметь все то, что необходимо для жизни, и иметь то, что сверх необходимого. Это — возможность иметь комфорт, образование, культуру, здоровье, удовольствия. Это — уверенность в завтрашнем дне, уверенность в будущем детей. Кто бы ни был западный человек, он так или иначе, прямо или косвенно, сам или через других людей вынужден быть участником, объектом и субъектом денежного тоталитаризма.

По вещной форме деньги обычно разделяют на такие категории:

- 1) товарные деньги, имеющие ценность как вещи, т.е. сами по себе;
- 2) бумажные денежные знаки и монеты;
- 3) ценные бумаги, чеки, кредитные карты, юридические денежные документы.

Я называю собственно деньгами только указанные во втором пункте денежные знаки, выпускаемые специальными банками и охраняемые государством, — государственные денежные знаки. Так называемые товарные деньги начина-

ют играть роль денег в экстремальных ситуациях. В нормальных условиях они суть вещные ценности, оцениваемые в государственных деньгах и в принципе обмениваемые на них. Указанные в третьем пункте бумаги суть, по моей терминологии, знаки денег или метаденьги. Они предполагают в основе государственные деньги и возможность иметь с их помощью денежные знаки. Так что деньги, без которых немислим капитал и капитализм, суть фактор государственности, т.е. суть явление не только в деловом аспекте общества, но и в коммунальном.

Лишь государственные деньги являются тем универсальным и всеобъемлющим инструментом общества, о котором говорилось выше. В этой форме они становятся основой для высшей стадии эволюции денежной системы, — для системы условных денег, т.е. для учета, расчета и регулирования деятельности и отношений людей в числах, обозначающих величины денег, но без участия реальных денежных знаков. Люди получают заработную плату, осуществляют покупки, оплачивают бытовые услуги, платят налоги, получают кредиты, короче говоря — осуществляют бесчисленные денежные операции, не прикасаясь руками к деньгам. И все те, кто вовлечен в эти дела, по большей части тоже не прикасаются к этим деньгам. Производятся банковские расчеты в неких потенциальных деньгах, происходит передвижение воображаемых денег путем манипуляций с числами на бумагах, относящихся к определенным людям, учреждениям, организациям и предприятиям.

Как рядовые граждане, так и предприятия во многих случаях должны расплачиваться наличными. Но это в основном мелкие операции. Операции с участием значительных сумм денег и в этих случаях совершаются посредством чеков и кредитных карточек (пластиковых денег), которые делают эти операции безналичными. Огромные денежные суммы циркулируют в сфере преступности и в незаконных операциях в общем и целом неупростых граждан. Но это не умаляет доминирующую роль условных денег.

Условные деньги не сводятся к реальным. Они суть новое качество в социальных отношениях людей. Величина услов-

ных денег, циркулирующих в обществе, во много десятков раз превосходит величину реальных денег; которых было бы достаточно для нормальной жизни общества, если бы условных денег не было. Но общество уже не может жить без последних.

Уровень условных денег как всеобъемлющий и доминирующий стал возможен благодаря развитию определенной тонкой технологии и компьютерам. Практические его удобства несомненны. Но власть денег над людьми от этого не ослабла, а усилилась. Она приняла еще более принудительные формы, неимоверно расширив при этом круг подвластных. Практически почти все занятые (имеющие работу) люди оказались подданными тоталитарного денежного режима. Ослабить власть этого режима можно только одним путем, а именно усилением своей деловой активности, стремлением любыми средствами увеличить свой счет в банке или хотя бы свести концы с концами.

Банк, хотя в нем и работают люди, имеет дело с обезличенными числами. Он беспощаден. Власть денежного тоталитаризма вынуждает людей на более интенсивную жизнедеятельность, а все общество — на более интенсивный обмен веществ, какого не знали и не знают общества иного типа. Уйти полностью из-под власти этого режима можно только такими путями: быть от рождения или стать очень богатым человеком, самому войти в касту диктаторов, удовольствоваться каким-то постоянным источником дохода, уйти в сферу преступности или опуститься на уровень полной нищеты.

Суперуровень западнизма

Суперуровень общества является наиболее развитым в обществах западного (западнистского) типа. Его образует, напоминая, структурирование и функционирование членов общества вне объектов микроуровня и макроуровня, но на их основе и в зависимости от них. Это — бесчисленные объединения и контакты людей в самых различных измерениях

и подразделениях общества. В это множество включаются партии, профсоюзы, классы, слои, клики, движения, союзы, элиты, секты и т.д. Достаточно полистать всякого рода справочники (например, телефонные книги), чтобы заметить, какое это грандиозное и разнообразное социальное месиво. Достаточно полная и логически корректная классификация объектов этого уровня общества мне не встречалась. Отдельные виды этих объектов в социологии исследуются (партии, элиты, слои, околоправительственные объединения, общественные движения и т.д.). Но целостная картина суперуровня именно как компонента социальной организации общества не получается.

Суперуровень западнистского общества складывается во многих измерениях, по многочисленным каналам, которые переплетаются, смешиваются, комбинируются, взаимодействуют. В одном измерении эти каналы разделяются на такие, которые остаются в рамках общества, и такие, которые выходят за эти рамки, причем — преодолевая как нижнюю границу общества, так и верхнюю. Первые каналы разделяются на такие, по которым суперобъекты включаются в социальную организацию общества, и такие, по которым они остаются вне социальной организации. К числу первых относятся, например, околоправительственные организации, политические партии, некоммерческие объединения предпринимателей, профсоюзы и т.д. К числу вторых относятся бесчисленные добровольные объединения граждан общества, выражающие и защищающие их частные интересы. Одни из них нейтральны по отношению к социальной организации, другие находятся в оппозиции к ней, третьи отвергают ее. Суперобъекты, преодолевающие верхнюю границу общества, становятся факторами сверхобщества. Мы здесь ограничимся рассмотрением лишь социальных классов, слоев и добровольных объединений западного общества.

Социальные классы

Анализ деловых клеточек западного общества обнаруживает сложную социальную структуру занятых в ней людей с

иерархией социальных позиций и с отношениями начальствования и подчинения. А если принять во внимание разнообразие и иерархию клеточек, а также систему коммунальных клеточек, включая систему государственной власти, то обнаружим социальную структуру членов общества в десятки раз более сложную, чем на уровне отдельных клеточек.

В реальной структуре западных стран нет такой поляризации классов, на какой базировалась марксистская идеология. Вместо абстрактного капиталиста марксовской схемы можно увидеть множество людей различных социальных категорий: занятого тяжким трудом мелкого или среднего предпринимателя, находящегося в вечном долгу у банка; наемных лиц, выполняющих функции управляющих и надсмотрщиков; менеджера, распоряжающегося акционерным или частным капиталом; директора банка; президента банковского совета или еще какой-то вариант. И лишь в порядке исключения тут увидишь марксовского капиталиста, да и то в частичном виде.

Точно так же обстоит дело с другим элементом схемы — с наемными лицами. В их числе окажутся директора банков, получающие больше денег, чем миллионеры-предприниматели; менеджеры; государственные чиновники вплоть до президентов, министров, генералов; инженеры; профессора; артисты; спортсмены и прочие лица, ничего общего не имеющие с пролетариатом. В промышленности западных стран занято меньше трети работающих людей, по крайней мере половина которых не являются рабочими по профессии. Рабочие в сельском хозяйстве суть ничтожная часть населения. Много людей в сфере обслуживания заняты физическим трудом. Но они не образуют никакой социальной класс. Рабочий класс в том виде, в каком он послужил основой для марксистских идей классовой борьбы и диктатуры пролетариата, вообще больше не существует в западных странах.

Выше я уже говорил о таком явлении в структуре населения, как превращение многих миллионов рядовых граждан в собственников каких-то денежных сумм, которые в совокупности образуют огромные капиталы. Хотя эти люди не

становятся капиталистами, они в этой их роли становятся участниками жизни капиталов отнюдь не в качестве наемных рабочих, а мелких собственников и участников капиталов. Наемные рабочие, попадающие в это множество, теряют свою «классовую чистоту», если так можно выразиться.

Означает ли это, однако, что общество уже не распадается на классы с различными интересами, что наступила эпоха единства всех слоев населения и классового примирения? Ни в коем случае! Изменилась структура расслоения членов общества на различные категории, слои, классы и т.п., так что старые представления утратили реальный смысл, что было воспринято как исчезновение социального расслоения вообще.

Очевидно разделение людей на класс работодателей (или нанимателей) и класс работников (или нанимаемых). Элементами первого класса являются не только отдельные предприниматели, но и группы людей, совместно распоряжающихся ресурсами дела и организующих дело. В наше время такие группы играют решающую роль. Они имеют различные размеры — от нескольких человек до многих тысяч, как это можно видеть в больших компаниях. В эти группы входят как собственник средств деятельности, так и наемные лица — менеджеры, работники контор и канцелярий, короче говоря — все те, кто представляет и отстаивает интересы группы-работодателя, будучи членами этой группы. Работодателем может быть не только группа, владеющая и распоряжающаяся средствами частной компании, но и общественное и государственное учреждение. Определяющим признаком работодателя является то, что он распоряжается средствами деятельности и может нанимать других людей, т.е. функция в отношении «наниматель — нанимаемый».

Вне этого отношения работодатели и члены групп работодателей обладают другими признаками, в том числе сходными с представителями класса нанимаемых. Классовое расчленение общества есть лишь одна из частичек его структуры, а не вся структура.

В класс нанимаемых входят не только рабочие, но и служащие всякого рода, включая государственных служащих.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Важно отметить одну особенность членов класса нанимаемых: это — отдельные люди, а не группы людей, не организации, не учреждения. Если работодатель имеет дело с группой, учреждением или организацией, он имеет с ней дело не как работодатель и не как с нанимаемым, а как предприниматель с другим предприятием. Это — отношение иного рода, не отношение классовое.

В класс наемных работников входят и лица, сами являющиеся собственниками денежных сумм, акций, имущества (домов, земельных участков, вещей). В подавляющем большинстве это не пролетарии в том смысле, как их описывали Маркс и Энгельс. Тем не менее это не устраняет того, что они занимают определенное положение в отношении «наниматель — нанимаемый», а именно — являются в этом отношении нанимаемыми. Этим классовым отношением не исчерпывается их социальный статус. Их интересы как нанимаемых не совпадают полностью с интересами нанимателей. А иногда они вступают в конфликт.

Члены логического класса нанимателей образуют различного рода объединения, разумеется, в своих интересах. Тем самым они организуются в класс нанимателей в социальном смысле. Именно организуются. Эта их классовая организация есть существенная часть структуры общества. Объединяются в социальный класс и нанимаемые. Происходит это благодаря профсоюзам, партиям, демонстрациям, забастовкам.

Класс нанимаемых не есть нечто однородное. Он разделяется на множество различных категорий по различным признакам. Важное значение, например, имеет разделение на работающих по контракту на определенное время и постоянно. Порою контракт оказывается формальностью, и работа превращается в постоянную. Превращение нанимающих в постоянных служащих деловых клеточек есть тенденция, имеющая основания в условиях деятельности и организации клеточек.

Хорошо оплачиваемая постоянная работа по профессии имеет много преимуществ в глазах членов общества,

особенно — высокообразованных, высококвалифицированных. Тут сама работа представляет интерес, имеются возможности для успеха, удовлетворения честолюбия, для общения. Тут отсутствует тревога за судьбу дела, отсутствуют неприятные отношения с банком и государством. Для значительной части граждан работа по профессии является гарантированной. У наемных лиц есть организации, защищающие их интересы (профсоюзы), и правовая защита.

Сложился особый подкласс класса наемных работников. Он характеризуется такими чертами. Большинство из них имеет хорошее образование — окончили колледжи или университеты. Многие имеют ученые степени. Они имеют дело с теми или иными жизненными проблемами не непосредственно, а путем манипулирования с символами — со знаковыми данными о реальных явлениях, операциях, процессах. Их орудия — математические алгоритмы, научные теории, кодексы законов, финансовые операции, психологические средства, логические рассуждения. Они отражают реальность в абстрактных образах, перерабатывают последние и экспериментируют с ними, передают другим специалистам и в конце концов воплощают результаты своей деятельности в реальность. К этой категории относятся, например, ученые, инженеры-дизайнеры, юристы, финансовые советники, советники по налогам, издатели, журналисты, работники телевидения, создатели фильмов, работники рекламы, деятели искусства, проектировщики и т.д. Представители этой категории работают в одиночку или небольшими группами. Они редко вступают в непосредственные контакты с теми, кто использует их труд. Они чаще имеют партнеров или помощников, чем начальников или надзирателей.

Сохранились ли антагонистические классы и классовая борьба в современных обществах? Чтобы ответить на этот вопрос, надо изучить всесторонне состояние этих обществ и их положение в современном мире. По моим наблюдениям, они изменили формы, как бы «растворились» в мешанине других явлений, но все же время от времени дают о себе знать, например, в открытых выступлениях наемных

работников против ухудшения условий их труда и в образовании организаций, выражающих классовые интересы. Но борьба при этом обычно идет за перераспределение в пользу нанимаемых долей доходов и средств, которыми располагают предприятия и учреждения и которыми распоряжаются работодатели, а также за незначительные (с социологической точки зрения) изменения в условиях труда. Социальные отношения вообще не подвергаются критике и не ставятся под сомнение. Они устраивают обе стороны. Борьба идет в этих рамках. В этом смысле классовые конфликты уже не являются антикапиталистическими, какими они были в XIX столетии и в начале XX. В связи с теми изменениями, какие произошли в структуре собственности, вопрос о собственности вообще потерял смысл как вопрос классовой борьбы. Доля нанимаемых в распределении благ зависит не столько от того, сколько капиталисты оставляют себе, эксплуатируя наемных лиц, сколько от общей экономической конъюнктуры и от положения предприятий и учреждений в этой конъюнктуре, а также от общей экономической политики государства. Сокращение личной доли работодателей в распределении благ не удовлетворило бы претензий нанимаемых даже в ничтожной мере. По этой причине классовые конфликты такого рода разрешаются путем переговоров враждующих сторон и экономических расчетов, составляющих часть экономических расчетов в обществе в целом. Классовая борьба в старом смысле перестала существовать. Ее роль борьбы социального масштаба перешла к массовым движениям иного рода и к борьбе между различными феноменами внутри системы западнизма.

Уровни и слои западнистского общества

В западной социологической и экономической литературе принято делить население на три уровня — на высший, средний и низший. Основанием для деления служит размер собственности и дохода. Каждый такой уровень разделяется, в свою очередь, на подуровни, обычно — на три. Например,

по одной из таких классификаций средний уровень подразделяется на такие:

- 1) собственники мелких предприятий, местных магазинов, небольших ферм;
- 2) управляющие фирмами и представители профессий высокого уровня;
- 3) служащие контор, учителя, низший медицинский персонал и т.д.

Низший уровень делят на квалифицированных рабочих, неквалифицированных рабочих, работающие этнические меньшинства.

По другим классификациям, в низший класс попадают безработные и вообще лица, имеющие доход ниже минимального.

Такого рода классификации очевидным образом искусственны. Почему три уровня, а не четыре или пять? В реальности имеет место непрерывная линия уровней собственности и доходов. В ней просто нетестественных точек разграничения. Фактическая роль таких классификаций — идеологическая: признав очевидный факт социальных и материальных контрастов, направить внимание людей на удобную для апологетики статистическую середину. Когда сообщают, что высший уровень составляет пять процентов населения, низший — десять, а средний — восемьдесят пять, то всякая социальная критика общества должна умолкнуть. В средний уровень при этом попадают мелкие и средние предприниматели, государственные служащие, профессора, артисты, квалифицированные специалисты, адвокаты, врачи и т.д. О какой тут классовой борьбе может идти речь?!

Разделение населения на высший, средний и низший уровни и установление их численности не есть конец анализа социальной структуры населения. Это — только начало анализа. Средний уровень не есть всего лишь один из уровней наряду с другими. Он есть основное население страны, социальную структуру которого надо еще исследовать.

Я думаю, что в социальной структуре западного общества следует выделить богатство не просто как обладание

ценностями, но как особую социальную категорию того же типа, как капитал, наемный труд, бюрократия и т.д. И прежде всего для этого надо выяснить отношения богатства и капитала. Не всякое богатство наживается и функционирует как капитал. Не всякий богатый человек есть капиталист. Не всякий капиталист богат. Капитал вообще не есть богатство. Он может служить лишь средством приобретения богатства, причем — далеко не единственным. И в западном обществе существуют многочисленные способы обогащения, отличные от капиталистического, — наследование имущества и денег, высокая плата за занимаемую должность, махинации с имуществом и финансами, игра, грабеж, организованная преступность, плата за открытия и изобретения, огромные гонорары, мошенничество и т.п.

Богатство есть какая-то сумма ценностей. Эти ценности суть земли, дома, драгоценности, ценные вещи (мебель, посуда, одежда, ковры, картины, коллекции всякого рода). И, само собой разумеющееся, деньги и ценные бумаги. Но не любая такая сумма ценностей считается богатством, а такая, которая превышает некоторую общественно значимую величину. Последняя определяется условиями данного общества. То, что является богатством в одном человеческом объединении и в одних условиях, может не быть таковым в других.

Но богатство — не просто сумма ценностей, подобно тому, как капитал не есть всего лишь деньги, приносящие прибыль. Богатство существует не само по себе, а как собственность особого рода людей, живущих среди других людей и вступающих с ними в определенные социальные отношения. Обладающие богатством люди образуют особый социальный слой. Это — феномен социальной структуры человеческих объединений. Какими бы разнообразными путями богатые люди ни приобретали свои богатства и какой бы разнообразный образ жизни они ни вели, они образуют группы на основе личных контактов, а эти группы сплетаются в единые слои в масштабах районов, стран и континентов.

Слой богатых возникает во всяком обществе, в котором возможно накопление богатств. Возникает как нечто про-

изводное от фундаментальных социальных отношений. Но, возникнув и укрепившись, он становится хозяином общества, точнее говоря — становится организатором господствующих слоев общества в единое целое частичное общество богатых. Он сравнительно немногочислен. Но он овладевает львиной долей богатств общества, основными и самыми щедрыми источниками доходов, наилучшими каналами карьеры и вообще средствами жизненного успеха.

Слой богатых сохраняет и увеличивает свои богатства самыми различными путями, причем как некапиталистическими (я о них уже упоминал выше), так и капиталистическими. Хочу особое внимание обратить на то, что в высших этажах денежной системы оперирование огромными денежными суммами и приобретение их в личное владение в значительной мере выходит за рамки капиталистического бизнеса в собственном смысле слова. Это — игра на бирже, грандиозные банковские махинации, валютные операции высших финансовых учреждений, государственные денежные операции больших масштабов, операции на уровне символической экономики вообще, взаимоотношения бизнеса и представителей власти. В средствах массовой информации время от времени предаются гласности случаи, из которых можно видеть, как огромные суммы денег некапиталистическими методами перекачиваются в карманы представителей слоя богатых.

Важным условием социального расслоения членов общества является наследование. Различаются две формы наследования. Первая из них — наследование материальных ценностей (имущества, земли, денег и ценных бумаг) и дела родителей или других лиц в соответствии с правовыми нормами. Исторически оно было необходимым условием возникновения и укрепления капитализма. Со временем тут произошли изменения, но сущность этого наследования сохранилась.

В мелком и среднем (в какой-то мере и в крупном) бизнесе большое число наследников продолжает дело предшественников, чаще — в силу необходимости зарабатывать на

жизнь. Но в той сфере бизнеса, которая задает тон в экономике, наследование занятий происходит редко и не по правовым нормам. Многие дети бизнесменов предпочитают профессии иного рода.

Наследование материальных ценностей остается неизблемой основой общества. Тут имеют место юридические ограничения (налоги), но они не меняют сути дела. К тому же находятся способы их обойти. Далеко не все наследуемые ценности используются как капитал. Многие просто проживаются. Но значительная часть используется как средство наживы и накопления богатства.

Вторая форма наследования заключается в том, что наследуется социальный статус. Происходит это не в силу правовых норм, а благодаря тем возможностям, какие родители и родственники предоставляют наследникам, чтобы они смогли удержаться на том же социальном уровне и даже повысили его. Наследники начинают жизненный путь не с нуля, а уже с более или менее высокого уровня, будучи подготовленными к выполнению определенных функций и к борьбе за успех.

Эта форма наследования играет роль не только заботы родителей о потомстве. Она есть явление социально значимое и целесообразное. В огромном обществе с колоссальным разнообразием выполняемых людьми функций и иерархией степеней их сложности и важности невозможно, чтобы все дети начинали жизненный путь с нуля и проходили одинаковую подготовку. Они должны стартовать с разных уровней и с разными возможностями. Изображение западного общества как общества равных возможностей есть идеологический миф, в который никто не верит.

Сказанное выше далеко не исчерпывает различные категории населения западных стран. Упомяну еще некоторые.

Современное западное общество уже немыслимо без иностранных рабочих. В Западной Европе их десятки миллионов. Они образуют особый слой, сопоставимый с рабами Римской империи. Они бесправны, как и рабы. Во всяком случае, права их ограничены сравнительно с коренным за-

падным населением. Условия их жизни тоже сопоставимы с рабскими. Конечно, с ними обращаются лучше, чем с рабами в Риме или в США в прошлом веке. Тем не менее они попадают в западные страны извне в качестве дешевой рабочей силы и для видов труда, какими граждане западных стран считают недостойным себя заниматься.

Постоянным фактором жизни западных стран является безработица. Наличие безработных вызывает недоумение по целому ряду причин. В стране миллионы безработных граждан, а одновременно тут занято в два раза больше иностранных рабочих. С другой стороны, предприниматели данной страны инвестируют свои капиталы и создают предприятия в других странах, давая там работу большому числу людей. Почему эта «нелепость» имеет место? То, что предпринимателям это выгодно, очевидно и общеизвестно. Иностранным рабочим меньше платят, чем своим. Они не имеют профсоюзов. Не надо тратить на их социальное обеспечение. В других странах рабочая сила дешевле. Не надо думать о социальных проблемах чужого населения. Но дело не только в этом. Безработица, возникнув как постоянно действующий фактор, воспроизводится уже с необходимостью и выполняет разнообразные функции, не заложенные в ней как таковой. Она играет роль фактора трудовой дисциплины, сдерживает претензии работающих, заставляет благополучных ценить то, что они имеют. Многие граждане страны не хотят работать на тех же условиях, на каких работают иностранцы, и заниматься тем же униженным трудом. А другие хотели бы, да не могут, так как места уже заняты и требуется профессиональная подготовка, какой у них нет. Многих устраивает пособие по безработице.

Добровольные объединения

Добровольные социальные объединения разделяются на две группы — на гражданские и личные. Гражданские объединения добровольны в юридическом смысле, т.е. нет юридических законов, принуждающих людей создавать

такие объединения и вступать в них. Конечно, могут быть обстоятельства, принуждающие к этому, но не юридические. Они не приносят никакого дохода. Те средства, которые какими-то путями оказываются в их распоряжении, только тратятся. Люди вступают в них не ради того, чтобы иметь в них какие-то источники дохода. Конечно, некоторые члены их, выполняющие какие-то деловые функции, могут получать за это вознаграждение. Но число таких невелико. Эти объединения узаконены в том смысле, что должны получить разрешение властей на их образование, должны сообщить властям цели объединения и основные его характеристики. В них должны быть лица, ответственные за их деятельность перед властями, — юридические лица. Эти же лица обычно осуществляют и руководство деятельностью объединения. Объединения, не удовлетворяющие этим требованиям, в эту категорию объединений не входят и не являются компонентами социальной организации общества на суперуровне.

Гражданские объединения создаются гражданами общества для защиты сходных интересов, для удовлетворения сходных потребностей, для участия в общем деле. Примеры таких организаций — партии, профсоюзы, союзы представителей одной профессии, союзы работодателей, союзы инвалидов, союзы съемщиков квартир, союзы сдающих квартиры, союзы налогоплательщиков, женские организации, организации защиты природы и животных, союзы молодежи и т.д. В современных развитых обществах число их огромно (многие десятки тысяч). Они различаются по размерам, по степени организованности, по времени существования, по источникам финансирования, по влиянию в обществе и многим другим признакам. Социологи называют их совокупность гражданским обществом.

Объединения членов общества, которые я называю личными, отличаются от гражданских объединений тем, что они не узаконены юридически. Они молчаливо допускаются или признаются в какой-то негосударственной форме (например, паблисити). Примеры таких объединений: школы и направления в науке; течения в искусстве; связанные личными от-

ношениями группы в прессе, кино, телевидении; «команды» политических деятелей; группы с целью личного общения. Эти объединения образуются в личных интересах участников, для укрепления их личного положения, для их успеха и вообще какой-то личной выгоды. Они сами по себе не являются источниками дохода. Но принадлежность к ним позволяет приобретать лучшие позиции в профессиональной сфере, добиваться улучшений. Зачастую судьба человека вообще зависит главным образом от принадлежности или непринадлежности к таким объединениям. Сила их в политике, науке, культуре, идеологии и других сферах общеизвестна. К числу таких объединений относятся объединения людей в зависимости от их социального статуса с целью личного общения, для поддержания статуса и передачи его наследникам, для установления полезных связей, для обмена важной информацией. При этом в одну группу попадают люди различных социальных категорий. Например, в одну группу могут собраться политики, банкиры, танцоры, кинозвезды, ученые и писатели, не связанные коммерческими и государственными отношениями. Различный же социальный статус разбрасывает по разным группам коллег по работе, соседей и даже родственников. В обществе образуется огромное число таких групп на разных уровнях и в разных районах страны. Между ними устанавливаются разнообразные отношения и связи, так что некоторая часть общества оказывается совокупностью лично (непосредственно и опосредованно) связанных людей. Эта своего рода социальная ткань или среда приобретает большую силу в обществе, тут формируется общественное мнение.

В достаточно большом и развитом обществе возникает множество «точек», вокруг которых группируются люди самых различных социальных категорий с целью карьеры, источников дохода, паблисити, полезных связей. Эта группировка происходит на основе личных отношений. Образуются всякого рода клики, мафиозного типа группы, сговоры. Их участники делят между собой возможности, предоставляемые такими «точками», оказывают взаимные услуги, от-

талкивают посторонних. Они через эти «точки» сосут соки общества. Многие из них являются паразитами. Такие «точки» образуются во всех сферах общества.

Упомяну еще образование своего рода «дворов» или «свит» при личностях, обладающих способностью и средствами содержать штаты обслуживающих их людей (прислуга, деловые помощники, охрана, любовницы или любовники, адвокаты, детективы и т.п.). Многие из таких «феодов» (назовем их так) достигают больших размеров, являются долговременными. Они не создают никаких ценностей, с социальной точки зрения являются паразитарными. Но и они имеют силу в обществе.

Рассматриваемые феоды разделяются на две группы. Они различаются характером «феодала», т.е. личности, за счет которой и для которой они создаются. В одной из этих групп «феодалом» является более или менее значительная личность в системе власти и управления, оплачивающая услуги своих «вассалов» путем устройства на соответствующие посты и других подачек за счет власти, а не из своего кармана. В другой группе «феодалом» является частное лицо, оплачивающее своих «вассалов» из своих средств. Эти «феоды» являются добровольными образованиями, но отнюдь не бескорыстными. Все более или менее значительные (по положению и по средствам) личности обрастают такими «феодами» начиная от нескольких человек и кончая сотнями.

Негласными сговорами я называю такие объединения людей, в которых отсутствует формальная организация, отсутствуют официальные лидеры и не обязательны личные контакты, но поступают члены таких объединений так, как будто такая организация существует, как будто она имеет руководителей, как будто в ней имеет место разделение функций.

Примером таких негласных сговоров являются случаи, когда одним и тем же видом деятельности занимается сравнительно большое число людей. При этом они могут не иметь личных контактов и даже не знать о существовании друг друга. Вполне достаточно того, что они имеют представление о том, что делают другие, и положение каждого из

них в какой-то мере потенциально или актуально зависит от деятельности других. Благодаря современным условиям (образование, средства коммуникации и информации) у них вырабатывается сходное понимание многих явлений действительности и сходная реакция на них. Хотя они лично могут быть не связаны друг с другом, они в некоторых ситуациях поступают сходным образом, так, как будто сговорились или получили указание из какого-то единого управляющего ими центра.

Хотя формально тут никакой организации не существует, но фактически такие негласные сговоры обладают порою чудовищной силой. То, что называют общественным мнением, есть совокупность такого рода незримых объединений людей. Помимо однородных объединений тут возникают и смешанные, из множеств людей различных профессий и социальных категорий.

К числу таких объединений относятся так называемые элитарные образования. Обычным является понимание их как совокупности лучших представителей того или иного логического класса. Так, правящая (политическая) элита оценивается именно как совокупность самых умных, талантливых и т.п. представителей рода человеческого, которым в силу их превосходства над прочим человечеством положено быть его правителями. Это понимание — не просто вздор, это — циничная идеологическая апологетика существующего социального строя. В реальности же отбор в любые элиты, а в правящие — в особенности, происходит по социальным законам рационального расчета, делания карьеры, бизнеса, а отнюдь не по критериям отбора лучших. Впрочем, кого считать лучшим?

Идеосфера западнизма

На Западе до недавнего времени было широко распространено убеждение, будто в западных странах наступила эпоха затухания социальных конфликтов и общенационального согласия интересов. Идеологии, выражавшие частные

интересы групп, слоев и классов, потеряли значение. Их место стала занимать наука. Эпоха идеологий прошла, и наступила эпоха деидеологизации общества или постидеологическая эпоха.

В этом убеждении следует обратить внимание на следующее. Имеются в виду частные идеологии, выражающие интересы отдельных групп, слоев и классов. Идеологии связываются с социальными конфликтами. Эти конфликты считаются исчезающими. Считается, что эпоха идеологий вообще прошла. Частные идеологии отождествляются с идеологией вообще.

На все это можно возразить, имея достаточные и очевидные основания. Затухание социальных конфликтов есть явление временное. Одни затухают, другие вспыхивают. Группы, слои и классы с различными интересами не исчезают полностью, одни исчезают, другие появляются. Крах и исчезновение одних частных идеологий не есть исчезновение таких идеологий вообще. На месте одних появляются новые. Нацистская, фашистская и марксистская идеологии потерпели крах. Но появились новые, например, пацифистская, феминистская, гомосексуалистская и другие. Да и старые еще не добиты совсем.

Но главное даже не в этом. Надо различать менталитетный аспект общества и особую сферу, функцией которой является формирование сознания людей и манипулирование ими путем воздействия на их сознание. Я эту сферу общества называю идеологической сферой или, короче, идеосферой. В менталитетном аспекте можно наблюдать самые различные частные идеологии. Но далеко не все они попадают в идеосферу. Последняя есть компонент социальной организации общества наряду с государством и экономикой. Никакое общество не может существовать без идеосферы. В западных странах она тоже существует, причем более мощная, чем в коммунистических странах.

Во всех встречавшихся мне работах, в которых в какой-то мере речь шла об идеологии, под идеологией имелись в виду лишь какие-то идеи и учения. Но это — лишь часть слож-

ного комплекса явлений, который я называю идеологической сферой или идеосферой общества. Эта сфера состоит из следующих двух основных компонентов. Первый из них образует определенная совокупность представлений, понятий, суждений, идей, учений, концепций, убеждений, мнений и т.п. людей обо всем том, что в данных условиях и в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения. Я называю этот элемент идеологической сферы идеологией.

Второй элемент идеологической сферы образует совокупность людей, организаций, учреждений, предприятий и используемых ими средств, так или иначе связанных с разработкой идеологии (можно сказать — с производством идеологических товаров и услуг), с ее распространением и доведением ее до потребителя, т.е. до отдельных членов общества и их объединений. Я называю его идеологическим механизмом.

Идеология западнизма, или западная (западнистская) идеология, есть идеология общества западного типа как целого. Назову ее некоторые важные черты.

Идеология западнизма (западная идеология) складывалась веками, естественно-историческим путем, в общем процессе духовного и культурного развития народов Запада, а не навязана кем-то сверху как нечто готовое. Будучи сама естественным элементом западнизма, она сложилась по общим законам западнизма и как адекватное ему социальное образование. Адекватное не в том смысле, в каком научные знания считаются адекватными изучаемым объектам (истинными), а в том смысле, что она отвечала условиям своего общества, его культуре, его человеческому материалу, его потребностям.

Идеология западнизма создавалась усилиями огромного числа философов, экономистов, социологов, политологов, писателей, политических и общественных деятелей, ученых. Среди создателей ее были такие выдающиеся личности, как Бэкон, Локк, Гоббс, Смит, Милль, Монтескье, Руссо, Гельве-

ции, Дидро, Вольтер, Гольбах, Кант, Гегель и многие другие, имена которых навечно остались в памяти человечества.

На Западе нет единой государственной (официально признанной) идеологии в форме целостного учения, как это было в Советском Союзе до недавнего времени. Тут нет книги, о которой можно было бы сказать, что в ней изложены по крайней мере основы идеологии западнизма. Последняя настолько разбросана, можно сказать — растворена в неидеологических явлениях, что ее как будто бы нет совсем. Можно заметить ее отдельные проявления и кусочки, а не нечто более или менее систематизированное и локализованное в откровенно идеологических текстах.

Идеология западнизма изложена в бесчисленных монографиях солидных ученых, в учебных пособиях для школьников и студентов, в популярных книгах и статьях для широкого круга читателей, в лекциях по телевидению, в газетных и журнальных статьях. Все то, что называют общественными науками, так или иначе содержит идеологию в больших дозах.

Идеология западнизма является плюралистической в том смысле, что состоит из множества различных идей, учений, концепций, направлений мысли. Ее части невозможно механически объединить в единое логическое целое. Эти части зачастую противоречат друг другу, враждуют между собою. Тем не менее этот плюрализм можно рассматривать как разделение труда в рамках некоторого единства и как выражение индивидуальных различий авторов текстов. Во всяком случае, мы говорим об экономике Запада как о чем-то едином, хотя прекрасно знаем об ожесточенной борьбе между ее частями. Мы говорим о политической системе западных стран, зная о борьбе партий и фракций внутри партий. Так почему нельзя в том же смысле говорить о западной идеологии, если даже она кишит внутренней враждой?!

Идеологический плюрализм создает иллюзию идеологической свободы и свободы от идеологии вообще. Но в реальности это есть лишь свобода выбора идеологической клетки из многих таких клеток, заполняющих все социальное пространство общества, и свобода переходить из одной клетки в другую.

Идеологический плюрализм соответствует обществу демократическому. Он есть тут элемент гражданской демократии. Для общества недемократического характерен идеологический монизм и идеологическая нетерпимость.

Идеология западнизма для всех одна. Если бы можно было извлечь ее из связи с другими явлениями, в которые она погружена, обнаружилось бы, что она с интеллектуальной точки зрения примитивна на всех уровнях. Различаются, строго говоря, не уровни в ней как таковой, а уровни общих контекстов, в которых она вырабатывается, сохраняется и распределяется. Непримитивны и даже нарочито усложнены эти их контексты. Пилюли идеологии сами по себе не настолько приятны, чтобы люди стали их глотать добровольно и с удовольствием. Они подслащиваются более приятными «веществами» и растворяются в них, чтобы люди могли поглощать их, даже не замечая того. Идеологическая обработка населения западных стран вообще построена не как принудительная обязанность и дополнительная нагрузка, а как развлечение и полезная для потребителей идеологии деятельность.

Идеология западнизма не является идеологией какой-либо социальной группы, партии, слоя или класса. Она есть идеология внегрупповая, внеклассовая, всеобщая. Это не значит, что ее принимают все граждане, все группы, все классы. Это не значит, будто она объединяет все категории и группы граждан, будто она выражает их общие интересы, будто она является идеологией «классового примирения». Это не значит, что она входит во все идеологические концепции и частные идеологические феномены, существующие на Западе. Это означает, что ни один класс, ни один слой, ни одна партия и ни одна социальная группа не заявляет о ней как о своей идеологии. Она возникает, сохраняется и распространяется как особый и самостоятельный элемент общественного устройства.

Ее положение в этом отношении сходно с положением государства. Она сохраняет этот статус, если даже отвергается какими-то людьми или группами людей, подвергается

критике в каких-то ее проявлениях. Она живет, поскольку она есть сфера жизнедеятельности большого числа людей, занимающих стабильные позиции в обществе, имеющих влияние и сбыт своей продукции, способных отстоять свое положение.

В поле влияния идеологии находятся так или иначе все граждане общества, включая и враждебно настроенных. Раз люди читают книги, газеты и журналы, раз они обучаются в школах и университетах, раз они смотрят фильмы, телевидение и рекламу, раз они слушают своих политиков и общественных деятелей, раз они участвуют в каких-то общественных действиях, они вольно или невольно впитывают в себя идеологию западнизма, подвергаются идеологической обработке («оболваниванию»). И тем самым они поддерживают идеологию. Потребляя продукцию идеологии, они дают ей возможность существовать, — они тем самым питают идеологию. Они просто не могут от нее избавиться, если бы даже захотели. Идеология западнизма в этом смысле есть дело всего общества, всех групп, слоев, классов.

Неклассовая идеология западнизма, как я уже заметил, не предполагает, что с ней все согласны и все принимают ее. Она имеет противников. Многие безразличны к ней и вообще понятия не имеют о том, что таковая существует. Тем не менее она по бесчисленным каналам господствует над сознанием людей. Ею пропитана вся атмосфера, которую дышит сознание людей. Избежать ее власти просто невозможно, живя в западном обществе. Оказывая влияние и на враждебные ей умонастроения, она борется против них не менее ожесточенно, чем религиозные учения прошлого с ересями.

Функции идеологов в западных странах выполняют философы, социологи, психологи, историки, политологи, журналисты, писатели, политики, советники в учреждениях власти и в партиях, сотрудники секретных служб и органов пропаганды. Имеются особые исследовательские учреждения, агентства и центры, так или иначе занятые проблемами идеологии. По крайней мере во многих газетах, журналах, издательствах, учебных заведениях и т.д. есть люди, выпол-

няющие функции идеологического контроля. Они решают, что писать и как писать, что говорить и как говорить, что печатать и что нет. Они решают, какие делать фильмы, какие составлять программы для телевидения, что и как пропагандировать, какие устраивать зрелища и массовые действия с идеологической подоплекой, какие проводить кампании, как отбирать и препарировать информацию.

Эти люди придают единство и преемственность идеологическому плюрализму, образуют связную идеологическую среду. Они изучают сделанное в прошлом, осуществляют отбор, обработку и систематизацию идей и учений, издают и переиздают сочинения отобранных авторов, готовят справочники и учебники, короче говоря — осуществляют своего рода канонизацию имен, идей, учений. Эти специалисты изучают современную им общественную жизнь, данные науки и техники, вообще все то, что считают важным и интересным для масс населения. Они осмысливают изучаемое в рамках привычной для них традиции и с принятыми в их среде критериями, производят дальнейший отбор материала в идеологическую сферу. Это — организованная работа, осуществляемая из поколения в поколение. Лица, вновь вступающие в эту сферу, получают определенную подготовку, продолжают дело предшественников по тем же правилам. Если они не будут это делать, они не попадут в эту сферу, а попав в нее, не будут иметь успеха и не удержатся в ней. Они обязаны следовать определенным правилам профессиональной идеологической среды, чтобы заработать на жизнь, делать карьеру, приобретать известность.

Тут складываются свои группы, школы, течения. Они конфликтуют друг с другом. Но при этом они проявляют терпимость и взаимное внимание. Они сосуществуют и совместно делают одно общее дело. Они суть члены одной корпорации. Они легко опознают друг друга, совместно охраняют свою сферу от посторонних вторжений, угрожающих им как корпорации. Ведь и в рамках единой христианской религии были внутренние враждующие части, не говоря уж о коммунистической идеологии.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Положение в идеологической сфере с рассматриваемой точки зрения подобно положению в экономике. Тут тоже можно говорить о некоем рынке идей, который функционирует так, как будто им управляет «невидимая рука». Тут есть те, кто производит и сохраняет идеологию, т.е. предлагает идеологические товары и услуги. Они доступными им средствами доводят свою продукцию до потребителей, т.е. до идеологически обрабатываемых сограждан. Тут имеет место самое настоящее, а не метафорическое потребление идеологической продукции — слушание, чтение, видение. И на этом рынке играет свою роль спрос, с которым считается предложение и который сам формируется предложением. И на этом рынке «невидимая рука» не есть нечто лишь воображаемое. Это — определенная система лиц, учреждений и организаций, вступающих в определенные контакты, достаточно хорошо подготовленных, чтобы оценить положение на идеологическом рынке, и извлекающих для себя определенную выгоду.

Такой идеологический механизм не вызывает негативную реакцию у идеологически обрабатываемых людей, как в коммунистических странах, ибо его как будто бы нет совсем. Если что-то вызывает недовольство, то это — характер фильмов или телевизионных передач, обилие детективной и порнографической литературы, освещение событий в газете, реклама, школьные и университетские программы и многое другое, но вовсе не идеология и не идеологическое насилие. Ты свободен! Хочешь — покупай, не хочешь — не покупай! Хочешь — смотри, не хочешь — не смотри! Хочешь — слушай, не хочешь — не слушай! Хочешь — участвуй в каких-то мероприятиях (собрания, манифестации, лекции и т.п.), не хочешь — не участвуй! Ты вроде бы свободен. Тот факт, что ты просто не в состоянии вырваться из поля идеологии, остается скрытым от тех, кто так или иначе испытывает его влияние.

В западной системе идеологической обработки людей нет надобности специально, явно и принудительно вдалбливать в головы людей идеологию. Такой метод лишь

временно имеет успех и ненадежен. Гораздо эффективнее действует другой метод, а именно — дать людям идеологическую свободу, создать иллюзию отсутствия идеологического поля вообще и даже идеологического хаоса, растворяя в жизненном пространстве людей идеологические капли, на заглатывание которых не требуются никакие усилия и способности. Важно лишь не давать при этом другим вносить в идеологический хаос какую-то явную и организованную идеологию — деидеологизировать людей в этом смысле. Но при этом неустанно вносить в этот идеологический хаос свои банальные идеи, отвечающие потребностям «деидеологизированных» сограждан. Идеологическая свобода в условиях западного идеологического поля есть гораздо более сильное средство идеологического оболванивания масс, чем идеологическое принуждение.

Коммунизм

Надо различать коммунизм как идеологию (коммунистическую идеологию) и коммунизм как реальный тип человека. Коммунистическая идеология зародилась несколько столетий назад (Т. Мор, Т. Кампанелла), но превратилась в величайшую в истории человечества светскую (нерелигиозную) идеологию в XIX веке (К. Маркс, Ф. Энгельс). Реальный коммунистический человек впервые в истории появился лишь после Октябрьской революции 1917 года в России. На его формирование ушло несколько десятилетий.

Фундаментальная идея коммунистической идеологии заключается в следующем: частная собственность на средства производства и частное предпринимательство суть основной источник всех социальных зол, и если их ликвидировать, то можно построить человек всеобщего благоденствия. Коммунистическая идеология в ее марксистской форме сыграла огромную роль в возникновении и выживании советского (русского) коммунистического человека. Именно как идеология, а не как некий научно обоснованный проект нового человека. Марксизм был и остается идеологией, а не наукой. Он не мог быть наукой хотя бы уже потому, что

не было самого реального коммунизма, на роль науки о котором он претендовал. Опыт реального коммунизма показал, что ни одно важное специфически марксистское предсказание насчет его не осуществилось (исчезновение денег и государства, материальное изобилие, ликвидация социального и материального неравенства и т.д.). А то, что осуществилось, не является специфически марксистским (ликвидация частной собственности на средства производства и классов частных собственников). Реальный коммунизм создавался при участии марксистской идеологии, но в силу исторически сложившихся обстоятельств и объективных социальных законов, о которых марксисты не имели ни малейшего понятия.

Нужно различать субъективные и объективные факторы, сыгравшие роль в русской революции и в возникновении русского коммунизма. Первые из них — это то, что люди делают сознательно, преднамеренно, планируя заранее. Вторые — то, что происходит в силу объективно данных условий и объективных социальных закономерностей, неподвластных воле людей. Реальный коммунизм зародился в России под лозунгами идеологического коммунизма (марксизма). Инициаторы, организаторы и вожди революции вдохновлялись идеями коммунистической идеологии. Можно с полным правом признать, что не будь марксизма, не будь Ленина и его соратников, русского коммунизма не было бы. Но вместе с тем русский коммунизм, зародившись, начал складываться во многом совсем не так, на что рассчитывали революционеры и идеологи. Он возник в результате исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще понятия не имели о марксизме, либо знали о нем весьма смутно и истолковывали на свой лад. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский «проект». Например, были ликвидированы классы частных собственников, широкие слои населения получили образование и были вовлечены в систему власти и управления, со временем были удовлетворены на каком-то уровне (пусть примитивном) основные жизненные пот-

ребности и т.п. Но во многом другом реальный коммунизм резко отличался от этого «проекта». Например, государство не отмерло, как обещали марксисты, а наоборот, усилилось сравнительно с государством царской России. Не исчезли деньги. Не исчезло социальное и материальное неравенство. Ленину пришлось столкнуться с реальностью коммунизма в незначительной мере, и то он впал в состояние, близкое к панике, настолько эта реальность оказалась непохожей на идеологический «проект». И надо отдать должное Сталину: его реальность коммунизма не испугала и не разочаровала, он начал руководить построением реального коммунизма в реальных условиях России, с реальным человеческим материалом, в окружении реальных врагов. Идеологический коммунизм он использовал как орудие, приспособив его к потребностям реального.

Сказанное выше не следует истолковывать так, будто советский коммунизм сложился стихийно, будто строители его не ведали, что творили. Возглавляемые сталинской властью, строители коммунизма сознательно, планомерно и целеустремленно создавали новый тип человека. Они создавали его, не имея научной теории реального коммунизма. Но это не исключает планомерности, целенаправленности и управляемости этого исторического процесса.

Говоря о реальном коммунизме, я имею в виду не некий воображаемый человек, а вполне реальные страны, каких было довольно много на планете еще не так давно и какие еще сохранились в каком-то виде. Наиболее развитым экземпляром таких человек был Советский Союз в лучшие годы его жизни. Эти человек обладали такими чертами. Ликвидированы классы частных собственников. Ликвидирована частная собственность на землю и природные ресурсы. Обобществлены все средства производства. Все взрослое и трудоспособное население организовано в стандартные деловые коллективы. Трудоспособные граждане отдают свои способности и силы обществу через деловые коллективы, получая за свой труд вознаграждение, необходимое для их существования и существования их семей. Все они суть на-

емные работники государства. Создана единая, централизованная и иерархизированная система власти и управления. Создана единая плановая экономика, контролируемая и управляемая государством. Централизована и унифицирована система воспитания и образования молодежи. Создана единая государственная идеология и централизованный аппарат идеологической обработки населения. Гражданам гарантирована работа, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, пенсия по старости и инвалидности и другие минимальные социальные блага. Созданы мощные карательные органы и органы общественного порядка, а также вооруженные силы, чтобы защищать страну от внешних нападений. Это, конечно, лишь ориентировочное поверхностное описание объекта, который подлежит исследованию с тем поворотом мозгов, о котором говорилось ранее.

Советский коммунизм сложился не сразу. И он изменялся со временем. Можно констатировать такие периоды в его истории: зарождения, юности, зрелости, кризиса и краха. Первый период охватывает годы от Октябрьской революции 1917 года до избрания Сталина Генеральным секретарем партии в 1922 году или до смерти Ленина в 1924 году. Этот период я называю ленинским по той роли, какую в нем сыграл Ленин. Второй период охватывает годы после первого периода до смерти Сталина в 1953 году или до 20 съезда КПСС в 1956 году. Это — сталинский период. Третий период начался с приходом к высшей власти Хрущева. При Брежневе русский коммунизм достиг состояния зрелости и добился наивысших успехов планетарного и эпохального значения. Я этот период называю хрущевско-брежневским. Четвертый период начался в 1985 году с приходом к высшей власти Горбачева и был завершен в результате переворота 1991 года, возглавленного Ельциным. Я его называю горбачевско-ельцинским. Многие считают его периодом старения и естественной смерти русского коммунизма. Это грубая ошибка или, скорее, умышленная фальсификация истории. Русский коммунизм был молодым социальным явлением. Он еще только вступил в период зрелости, еще не проявил все заложенные в нем потенции.

Его жизнь была искусственно прервана усилиями внешних врагов и внутренних предателей и коллаборационистов. Он был убит в самом начале зрелой жизни.

Советский коммунизм формировался одновременно как сверхобщество и как общество, ибо (по определению!) сверхобщество возможно лишь как своего рода «надстройка» над обществом, включающая в себя общество и подчиняющая его себе. Поэтому не случайно то, что определяющими компонентами его социальной организации стали явления суперуровня человеческого, а по закону отрицания отрицания — микроуровня, а не макроуровня. На микроуровне это — специфически коммунистические деловые ячейки, на суперуровне — сверхгосударственность, сверхэкономика и сверхидеология.

Микроуровень коммунизма

Чтобы понять секреты коммунизма, надо от его поверхностных проявлений спуститься в его недра, т.е. туда, где протекает повседневная жизнедеятельность людей. Однажды возникнув, коммунистическое общество воспроизводится естественным образом как результат этой обычной, рутинной, «пустяковой» жизни миллионов людей. Все внешне великие явления коммунизма имеют самую глубокую основу именно в этих житейских «пустяках».

Основу коммунистического человеческого на микроуровне образуют такие деловые ячейки (первичные деловые коллективы), которые являются самыми маленькими, стандартными и относительно автономными в своей жизнедеятельности частичками общества, обладающими основными чертами общества в целом, представляющие собою общество в миниатюре. Такие ячейки я назвал коммунальными. Это суть предприятия и учреждения, созданные для выполнения некоторых деловых функций и относительно автономные в этом своем деле. Ячейка имеет свою дирекцию (орган управления), бухгалтерию, отдел кадров, партийную организацию, профсоюзную организацию, комсомольскую организацию и прочие элементы стандартного первичного коллектива.

ва. Это хорошо всем известные заводы, фабрики, институты, фермы, конторы, магазины, совхозы, колхозы, школы и другие предприятия и учреждения, в которых взрослые и работоспособные члены общества принимаются на работу, получают вознаграждение за труд, добиваются успехов, делают карьеру, получают награды и различного рода жизненные блага. Если такая клеточка есть общество в миниатюре, то общество в целом — многократно расчлененная и разросшаяся до гигантских размеров клеточка.

Клеточка есть организация людей в некоторое первичное объединение путем определенного дела, через дело. Здесь дело, выполняя свои функции именно дела, является одновременно объединением людей в коммунальном аспекте, в коммуну. Все трудоспособное население коммунистического общества должно быть организовано в клеточки. Все трудоспособные граждане обязаны быть членами каких-то первичных деловых коллективов — трудиться в клеточках. Эта необходимость и обязанность обусловлена тем, что, по идее, люди не имеют иных источников существования и путей жизненного успеха, кроме тех, какие им предоставляются в первичных коллективах (в клеточках). Тут работа не просто гарантируется, она является обязательной. Тут взрослые трудоспособные люди должны быть прикреплены к какому-то трудовому коллективу и вынуждены на это.

Коммунистические клеточки создаются решениями властей и юридически узакониваются. Власти определяют деловой статус клеточек, назначают руководство и юридических лиц, несущих ответственность за их деятельность перед государством.

Коммунистическая клеточка имеет сложную структуру. В ней можно выделить три аспекта. Первый аспект — деловой. В нем сотрудники клеточки выполняют деловые (рабочие) обязанности и структурируются в зависимости от интересов и организации дела. Второй аспект — коммунальный. В нем имеют место неделовые организации — партийная, профсоюзная, молодежная, контрольная и многие другие. В этом аспекте структурирование людей происходит независимо от

делового. Точно так же и их коммунальные функции отличаются от деловых. И третий аспект — бытовой. Что это такое, поясню ниже. Единство упомянутых аспектов делает деловую клеточку коммунистическим коллективом.

В деловом отношении клеточка имеет свой деловой орган управления (дирекцию, отдел кадров, бухгалтерию и различного рода деловые учреждения). Достаточно большие клеточки разделяются на более мелкие части вплоть до минимальных. Клеточка для исполнения своих функций получает во владение от общества (от представляющего его государства) необходимые средства деятельности. Коллектив владеет этими средствами и использует их, но они не являются его собственностью. Коллектив не может распорядиться ими по своему произволу, уничтожить, передать другим без ведома государства, продать и т.д., т.е. обращаться с ними так, как обращаются частные собственники с их собственностью в западных странах. Напоминаю, что в коммунистическом обществе отсутствует частная собственность на средства деятельности общественного значения. Все члены коллектива клеточки не различаются по отношению к средствам деятельности, которыми владеет клеточка. В этом — одно из фундаментальных отличий коммунистических клеточек от западных частных предприятий. Члены клеточки различаются лишь в системе организации деятельности клеточки и в коммунальном аспекте. Директор фабрики или заведующий учреждением находятся в таком же социальном отношении к средствам деятельности клеточки, как подчиненные им рабочие и служащие. С этой точки зрения коммунизм есть общество, в котором все граждане суть служащие государства.

Результаты деятельности клеточек вливаются в общий «общественный котел». Клеточка получает из этого «котла» определенную долю средств для вознаграждения ее членов за труд. Это — денежные суммы для выплаты заработной платы, премий, ссуд, а также жилищный фонд, дома отдыха и санатории, средства транспорта и многое другое. Члены коллектива получают свою долю жизненных благ по установленным нормам, причем независимо от реализации ре-

зультатов деятельности клеточка. Важно, чтобы продукция клеточки удовлетворяла установленным требованиям к ней и чтобы соответствующие органы власти и управления признавали это.

Членам коллектива гарантирован законами и фактически оплачиваемый отпуск, бесплатное медицинское обслуживание, оплата времени болезни, пенсия по старости и инвалидности, жилье, детские сады, бесплатное и даже оплачиваемое образование и обучение профессии и многое другое. Основные жизненно важные потребности граждан так или иначе удовлетворяются по крайней мере на некотором минимальном уровне.

В коммунальном аспекте в клеточках имеются организации, не связанные с ее деловыми функциями, — партийная, профсоюзная и комсомольская. Кроме того, имеются всякого рода другие деловые организации (спортивные секции, творческая самодеятельность, кассы взаимопомощи и т.п.). И в этом аспекте образуются свои социальные структуры.

Руководитель первичного делового коллектива назначается вышестоящими органами управления. Но санкцию на его назначение дает соответствующая партийная инстанция. Должностные лица внутри клеточки на более низкие должности частично тоже назначаются высшими инстанциями, частично же назначаются руководством клеточек. Отбор людей на руководящие посты на этом уровне происходит как будничным деловым процессом по мере надобности. Отбор и назначение производятся по определенным правилам. Принимаются во внимание различные качества кандидатов, в том числе моральные, идеологические, деловые.

Тут имеет место своя форма демократии. Заключается она в том, что многие должности являются выборными. Хотя кандидаты намечаются заранее, сам факт их предварительного отбора есть своеобразная форма выборов. В этом принимают участие многие люди и органы власти, обсуждаются различные кандидатуры. Кроме того, при коммунизме большое значение приобретают всякого рода собрания, совещания, заседания, съезды, конференции и прочие сбо-

рища, призванные, по идее, коллективно решать какие-то проблемы. И далеко не всегда они формальны. На уровне первичных коллективов они играют существенную роль. Партийная, комсомольская и профсоюзная организации вмешиваются во все аспекты жизнедеятельности коллектива.

Основное содержание жизни работающих советских людей образует (теперь приходится говорить — образовывало) то, что они делают в первичном коллективе и через него. Жизнь в коллективе есть их подлинная жизнь, а жизнь вне его лишь условие для нее. Здесь люди не только трудятся, но проводят время в обществе знакомых, обмениваются информацией, развлекаются, делают нужные контакты, добиваются успехов, делают карьеру, посещают собрания, получают жилье, повышают квалификацию, занимаются спортом, участвуют в разных кружках и т.д. Тут происходит жизнь в самом точном смысле слова со всеми ее радостями и горестями, удачами и неудачами.

Жизнь коллектива включает в себя также личные взаимоотношения, сплетни, гостевание, любовные связи, дружбу, совместную выпивку, локальные группки, мафии, круговую поруку, взаимные услуги. Все это сплачивает коллектив в своего рода единую суперличность. Здесь носителем личностного начала становится не отдельный человек, а целое учреждение. Потому здесь лозунг «Интересы коллектива выше интересов индивида» есть практически действующий принцип.

Анализ самых глубоких основ коммунистического образа жизни обнаруживает, что добродетели и дефекты коммунизма имеют один и тот же источник. Более того, здесь дефекты являются неизбежными следствиями того, что на первый взгляд выглядит и большинством граждан воспринимается как достоинство. Гарантии основных жизненных потребностей, являющиеся высшим социальным достижением коммунизма, имеют неизбежным следствием сравнительно низкий уровень удовлетворения этих потребностей, подчинение индивида коллективу, неравенство в распределении благ, принудительный труд, низкий уровень деловой

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

активности и другие дефекты коммунизма, ставшие теперь всем очевидными.

Создание максимально естественных взаимоотношений индивида и коллектива в условиях современного общества есть самый фундаментальный результат коммунистической социальной организации. Основное преимущество нормального советского коллектива перед всеми прочими видами объединений состоит в максимальной адекватности интересов индивида и коллектива. Отклонения от этого, конечно, бывают. Но для подавляющего большинства людей и подавляющего большинства ситуаций принцип адекватности коллектива и индивида в коммунистическом обществе есть бесспорный факт.

Нормальный советский коллектив поощряет и развивает естественные отношения между людьми в коллективах, но заключает их в такие рамки и придает им такие формы, что они кажутся само собой разумеющимися и единственно возможными. Он не унижает личное достоинство человека. Люди друг по отношению к другу выступают прежде всего как исполняющие определенные частичные функции в одном общем деле. Есть общественно признанные нормы взаимоотношений между членами коллектива, которые делают эти отношения вполне терпимыми. Отклонения от этих норм порицаются и наказуются. Насилие коллектива над индивидом лишь в исключительных случаях воспринимается именно как насилие. Как правило, оно выглядит как справедливое.

Макроуровень коммунизма

Макроуровень социальной организации коммунизма образуют общеизвестные сферы, являющиеся определяющими для социальной организации общества, — государство, право, армия, культура, идеология, образование и другие. Они, конечно, чем-то отличаются от таковых в обществах западного типа, поскольку являются компонентами сверхобщества коммунистического типа. Я здесь на этом останавливаться не буду. Замечу лишь, что в отношении их всех име-

ют силу универсальные социальные законы, и это роднит коммунистические человеиники с западнистскими. Вопрос о том, возможны ли коммунистические человеиники, являющиеся обществами, но не являющиеся сверхобществами, я оставляю открытым. История примеров таких человеиников не дала. А опыт постсоветской России еще слишком незначителен для обобщений.

Замечу также то, что необычайное разрастание и усложнение западнистских человеиников на макроуровне стало одним из условий для возникновения сверхобществ в западном мире, а аналогичное разрастание и усложнение советского человеиника на макроуровне стало одним из факторов кризиса советского коммунизма. К этой теме я вернусь в дальнейшем.

Суперуровень коммунизма

К суперуровню коммунизма относятся «надстроечные» части компонентов социальной организации уровня общества и общественные организации, а также социальное расслоение населения в зависимости от социальной организации на микро- и макроуровне. Это — «партийный» аппарат, профсоюзный и комсомольский аппарат, бесчисленные организации вроде культурных, спортивных и т.п., различного рода объединения людей одного социального слоя, клики, кланы, касты. На суперуровне оформляется система распределения жизненных благ и распределения людей по местам в структуре социальной организации человеиника. Рассмотреть все это в одной книге невозможно. Нам придется ограничиться основными сферами социальной организации.

Сверхидеология коммунизма

Менталитетная сфера отчетливо дифференцировалась на множество частичных сфер. Основные из них — наука, воспитание и образование молодежи, литература, музыка, изобразительное искусство, театр, кино, телевидение. И само собой разумеется — идеологическая сфера. Каждая из

них представляла собою единое целое, управляемое системой особых учреждений системы власти и управления. Они объединялись в тех или иных комбинациях в более сложные сферы и в конце концов в единую менталитетную сферу, обеспечивавшую потребности советского человека в плане формирования менталитета людей и снабжения их «духовной пищей». Главенствующая роль в объединении их в единое целое и в управлении их деятельностью играла идеологическая сфера. Все прочие сферы в той или иной мере и форме выполняли идеологические функции. Через них идеологическая сфера запускала свои щупальца во все места человека вплоть до сознания каждого члена человека. Она составляла часть партийной сферы, а управляющая ею система учреждений и лиц составляла часть партийного аппарата. В этом смысле она была не просто идеологической, а сверхидеологической сферой советского человека.

Надо различать идеологию как совокупность идей, текстов, учений и идеологический механизм. Советская идеология, лишь формально кажущаяся идеологией партии, сложилась как идеология, в принципе, всего советского народа. Это не значит, что народ жаждал иметь такую идеологию и сам вырабатывал ее. С этой точки зрения, большинство членов партии так же мало хотело иметь такую идеологию и так же мало участвовало в ее создании. Это значит, что она есть результат коллективных усилий, продукт массового творчества, навязываемый каждому по отдельности как нечто внешнее ему и даже чуждое. Она есть идеология для всего советского народа, а не для каких-то его избранных представителей и отдельных его групп.

Советская идеология была государственной, обязательной для всех советских граждан. Отступления от нее и тем более борьба против нее считались преступлением и карались.

Официально считалось, что советская идеология была марксизмом-ленинизмом. Это верно в том смысле, что марксизм и ленинизм послужили основой и исторически исходным материалом для нее, а также образцом для подражания. Но неверно сводить ее к марксизму-ленинизму. Она сложилась

лась после революции 1917 года. В разработке ее приняли участие тысячи советских людей, включая Сталина и его соратников. В нее вошла лишь часть идей и текстов марксизма XIX века, причем в основательно переработанном виде. Даже из сочинений Ленина в нее вошло не все буквально в том виде, как они возникли в свое время. Ленинизм вообще вошел в нее в значительной мере в сталинском изложении. Отражение жизни человечества и интеллектуального материала XX века заняло основное место в советской идеологии. Естественно, она сложилась как отражение и осмысление опыта реального коммунизма в Советском Союзе и других странах планеты, как феномен общества коммунистического.

Советская государственная идеология имела сложную структуру. В ней было устойчивое ядро. Нужны были чрезвычайные обстоятельства, чтобы изменить его границы и что-то в его содержании. Ядро идеологии было погружено в идеологическую среду, которую можно назвать актуальной идеологией. Границы последней не столь определены, как границы ядра, и содержание ее более подвержено изменениям. Актуальная идеология, в свою очередь, погружена в более обширную идеологическую сферу, которую можно назвать потенциальной идеологией. Границы ее еще менее определены, чем границы актуальной идеологии, а содержание еще более изменчиво. Эти три сферы идеологии можно проиллюстрировать таким примером. В ядре идеологии есть принцип познаваемости мира и объективности истины. Он не подлежит сомнению. В актуальной идеологии он обрастает комментариями и пояснениями, сложившимися под влиянием науки XX века, некоторыми сведениями из логики, психологии и других наук. В потенциальной же сфере допускается говорить о принципиально неразрешимых проблемах.

Сочинения Маркса, Энгельса и их последователей, признаваемых в советской идеологии, входили в потенциальную идеологию целиком и полностью. Но далеко не все из них входило в актуальную часть. То, что было извлечено в актуальную часть и переработано в ней, функционировало

уже само по себе, без содержательной связи с контекстом исторического марксизма. Ссылки на Маркса и Энгельса делались, но они носили уже сугубо формальный и даже ритуальный характер. В большинстве случаев они имели целью поднять престиж изрекаемых банальностей или освятить авторитетом «величайших мыслителей» очевидную чепуху или бессмыслицу. Сочинения классического марксизма лежали на складах потенциальной идеологии. Их использовали лишь специалисты. Но даже многое из того, что из марксизма вошло в актуальную идеологию и в ее ядро, уже не могло на все сто процентов удовлетворить советскую идеологию.

Идеология имеет два аспекта — мировоззренческий (учение о мире, о человеке, об обществе, о познании и т.д.) и практический (правила идеологического мышления и поведения). Практическая идеология есть совокупность некоторых образцов понимания явлений действительности, отобранных для тренировок людей в способе понимания, для натаскивания на некоторый стандартный способ понимания. В результате прохождения этого курса упражнений все люди в случае надобности понять новые (для них) явления действительности поступают сходным образом — у них вырабатывается сходная интеллектуальная реакция на окружение. Поэтому советские люди, не сговариваясь и без подсказки со стороны высшего начальства, одинаково реагировали на события, происходившие в стране и за границей, на научные открытия, на явления культуры и даже на явления природы. Идеология не просто формирует и организует сознание людей, она создает специальный коллективный интеллект и интеллектуальные стереотипы мышления.

Практическая идеология создает совокупность правил и навыков поведения людей в социально важных ситуациях. Зная ее, можно заранее предсказать, как будет себя вести средне-нормальный идеологически обработанный гражданин коммунистической страны в ситуациях такого рода. Это суть априорные правила в отношении конкретных индивидов в конкретных ситуациях, своего рода алгоритмы мышления и поведения.

Особо важное значение практическая идеология имела для деятельности руководящих (управляющих) органов коммунистической страны, ибо она содержала целый ряд инструкций для их поведения. В сталинские годы идеология имела явно нормативный характер. В послесталинские годы эта роль идеологии внешне вроде бы ослабла. Но по сути дела, она лишь изменила форму и ушла вглубь. Идеология ставила перед руководителями страны общую цель, которая, независимо от ее достижимости или недостижимости, играла организующую роль и определяла направление стратегической деятельности руководства. Идеология давала общую ориентацию жизни коммунистического человека и устанавливала рамки и принципы деятельности его власти. Она являлась основой и стержнем всей системы установок.

Марксистская философия не стала наукой о мире, о познании мира и о мышлении по причинам как идеологического, так и внеидеологического характера. Однако это нисколько не умаляет ту роль, какую она фактически сыграла в советском обществе. Она возглавила колоссальную просветительскую работу, какую до того не знала история. Через нее и благодаря ей достижения науки прошлого и настоящего стали достоянием широких слоев населения. В антисоветской критике обратили внимание на отдельные случаи, когда советская философия играла консервативную роль (отношение к теории относительности, генетике, кибернетике и др.), и раздули эти случаи так, что они заслонили собою все остальное. Но они на самом деле затронули незначительную часть прозападно настроенной интеллигенции, которая мало что понимала в этом. Причем они привнесли с собою новые виды идеологической фальсификации достижений науки.

Идеи, овладевая массами, становятся материальной силой, гласит одно из положений марксизма-ленинизма. Но что это означает на самом деле? Означает ли это, что достаточно людей ознакомить с некоторыми идеями, и они, поняв их справедливость, начинают поступать так, как это предписывается познанными ими идеями? Идеи овладевают массами лишь при том условии, если какая-то категория лю-

дей сумеет овладеть массами, используя для этой цели идеи, удобные для овладения массами, а отнюдь не для удовлетворения практических потребностей масс. Проблема состоит не в том, чтобы породить умные идеи и дать их массам. Проблема состоит в том, чтобы овладеть массами, используя идеи лишь как лозунг, знамя, приманку, организующую форму. Советское общество создало для этого грандиозный идеологический механизм овладения массами.

В задачу этого механизма входило, во-первых, сохранение идеологического учения в том виде, в каком оно было канонизировано в то время. Охранять его от ересей, расколов, ревизий, чуждых влияний. Содержать учение в состоянии актуальности, «подновлять», осуществлять истолкование всего происходящего в мире в духе идеологического учения и в его интересах. Во-вторых, осуществлять тотальный идеологический контроль за всей «духовной» сферой жизни общества. В-третьих, осуществлять идеологическую обработку населения, создавать в обществе требующееся идеологическое состояние, пресекать всякие отклонения от идеологических установок.

С самого начала возникновения на исторической арене коммунисты рассчитывали на некие добрые прирожденные качества в людях. И даже марксисты, объявившие материальное производство базисом общества, рассчитывали на высокий уровень сознания и нравственности людей при коммунизме, считали это неременным условием реализации принципа «по потребности» и установления идеальных отношений между людьми. После революции 1917 года в России проблема воспитания нового человека, необходимого для реального коммунизма, и воспроизводства такого человеческого материала в массовых масштабах встала перед творцами нового общества как проблема первостепенной важности. Они в беспрецедентных масштабах развернули работу по воспитанию, образованию, просвещению и идеологической обработке широких слоев населения всех возрастов и сословий, и молодых поколений — в первую очередь. Для руководства этим грандиозным процессом и

для его организации с поразительной быстротой сложилась «религия» и «церковь» коммунизма — единая государственная идеология и единый механизм идеологической обработки населения.

Не следует думать, будто советская идеология стремилась прививать людям отрицательные качества — эгоизм, карьеризм, двуличность, ненадежность, продажность, подхалимство, лень, склонность к халтуре и обману и т.п. Как раз наоборот, эти качества порицались, сдерживались и ограничивались. Поощрялись самые лучшие качества — честность, отзывчивость, скромность, правдивость, трудолюбие, самоотверженность, преданность родине, стремление к образованию, к овладению культурой, к развитию способностей, к достойному поведению в коллективе и т.д. То же самое делалось для воспитания идеальных отношений между людьми и народами — дружбы, взаимного уважения, взаимопомощи, братства, равенства и т.п. И это не было лицемерие. Органы власти, деловые коллективы, школа, общественные организации и идеологические учреждения прилагали титанические усилия к тому, чтобы сделать людей и целые народы именно такими, сделать их своего рода коммунистическими ангелами. Если бы это не делалось, то жизнь в стране превратилась бы в кошмар. Советский Союз не выжил бы в труднейших условиях и десятка лет, не победил бы в войне 1941-1945 годов Германию, не стал бы второй сверхдержавой планеты.

Социальная структура населения

Реальный коммунизм появился и сформировался во многих отношениях совсем не по марксизму. Он возник не в центре западной цивилизации с многочисленным рабочим классом и с развитым капитализмом, а на ее периферии, в стране со слабо развитым капитализмом, с малочисленным рабочим классом, с преобладающим крестьянским хозяйством. Даже сам Ленин не верил в возможность социалистической революции в России вплоть до возвращения в Россию

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

после февральской революции 1917 года. Советская власть складывалась вовсе не как некая диктатура пролетариата. Это выражение употреблялось, но не в буквальном смысле. Хотя классы помещиков, капиталистов и «кулаков» были ликвидированы, социальное и материальное неравенство не исчезло, и население стало расслаиваться на различные социальные слои в других разрезах бытия. Стали меняться пропорции людей, занятых в промышленности, сельском хозяйстве, системе власти и управления, культуре, армии и т.д. Стал меняться состав различных подразделений населения. Например, в сельском хозяйстве появились ранее неслыханные профессии (механизаторы, агрономы, учетчики и т.д.), представители которых стали играть решающую роль. В промышленности выросла целая иерархия профессий, должностей, уровней квалификации. Это структурирование совершенно не учитывалось в сочинениях марксистов. И уж совсем игнорировалось образование привилегированных и правящих слоев, становившихся подлинными хозяевами нового типа человеки. Интеллигенция, которую считали прослойкой (между кем?!), разрасталась с поразительной быстротой. Росло число людей в сфере обслуживания, не говоря уж о чиновничестве. Так что к моменту антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы страна имела структуру населения качественно отличную от той, с которой начинал жить реальный коммунизм. Это стало одним из условий успеха переворота.

Принципы распределения

Общеизвестные коммунистические принципы распределения (по труду и по потребностям) включались даже в определение коммунизма и его различных стадий. Одно это достаточно красноречиво говорит о ненаучности марксистской концепции коммунизма. Принцип распределения по труду имеет очень узкую сферу применения — лишь тогда, когда возможно сравнение работ различных индивидов. И в этом смысле он не есть нечто специфическое для коммунизма. Но

как сравнивать труд начальников разных уровней и подчиненных, а также практически несравнимых видов и условий труда? Для принципа «по потребности» возникает вопрос: любые потребности или только общественно признанные? И кто определяет конкретные потребности различных людей? Если не любые, а лишь общественно признанные, и потребности людей определены законом или коллективом, то этот принцип тоже теряет специфику коммунистического. Фактически в коммунистическом человеичке главными принципами распределения материальных благ являются такие:

- 1) по социальной позиции;
- 2) способность безнаказанно использовать свою социальную позицию;
- 3) узаконенные способы оплаты труда, включая узаконенные привилегии;
- 4) узаконенные пенсии и пособия.

При такой системе распределения возникало материальное неравенство. Но оно не было таким значительным, как в странах западнизма и как это стало в постсоветской России. Главным богатством граждан коммунистической страны было не накопление собственности, а социальное положение, квалификация, личный труд, личные способности. Жизненные линии были для большинства устойчивыми. Работавшие в большинстве повышали свой социальный статус. Была уверенность в надежности вознаграждения и в его повышении. Из всех существовавших систем распределения материальных благ коммунистическая представляется мне самой справедливой. Разумеется, ее законы постоянно нарушались. Но с нарушениями велась борьба. Кроме того, коммунизм существовал не в идеальном («чистом») виде, а в конкретных исторических условиях, в которых абстрактные социальные законы проявлялись через массу отклонений, лишь как тенденции.

Несмотря на тяжелейшие исторические условия, жизненный уровень в советском человеичке был довольно высоким. Если в критерии оценки включить все аспекты жизни людей, а не только непосредственный денежный доход, то можно без

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

особого труда показать, что жизненный уровень советских граждан в целом не уступал таковому на Западе, а по ряду пунктов даже превосходил его. И это служило заразительным образцом для многих народов планеты. Начиная холодную войну против Советского Союза, Запад вначале ставил задачу лишить Советский Союз этой роли соблазнительного образца.

Западнистское сверхобщество

Надстроечная часть социальной организации коммунистического сверхобщества обнаруживается сравнительно просто, если, конечно, вы располагаете социологической теорией, удовлетворяющей критериям логики и методологии науки. Гораздо сложнее обстоит дело с социальной организацией западнистского сверхобщества. Я не могу в этой книге изложить достаточно аргументированную теорию этого феномена. Ограничусь лишь тем, что назову в качестве примера некоторые источники формирования его.

Сверхгосударство

Государственность западнистского общества состоит из демократической и недемократической частей. Для первой характерны выборность представительной власти, разделение властей, гласность, наличие официальной позиции, многопартийность. Во вторую часть входят административно-бюрократический аппарат, полиция, суды, тюрьмы, армия, секретные службы и т.д. Первая составляет лишь ничтожную часть государственности и ничто без второй.

Западнистское сверхгосударство вырастает отчасти на основе демократии и как ее развитие, отчасти на основе недемократической части государственности как отрицание демократии, отчасти из негосударственных источников и как явление негосударственное. Это прежде всего разрастание самого государства сверх всякой меры. В сфере государственности занято от 15 до 20 процентов работающих членов западного общества. Это больше, чем общее число людей, за-

нятых физическим трудом в сельском хозяйстве и в промышленности. Представительная часть власти обросла огромным числом «подсобных» учреждений, комитетов, комиссий, министерств, департаментов и т.п. Они не являются узаконенными на уровне фундаментального права. Они введены, можно сказать, явочным или «рабочим» порядком. Во всех них занято огромное число профессиональных и высокопрофессиональных работников. Они не избираются снизу, а отбираются сверху. Они работают и делают карьеру по тем же принципам, что и в административно-бюрократическом аппарате государства. И кто бы ни избирался на выборные должности, какая бы политическая линия ни проводилась, эти упомянутые выше явления уже играют более важную роль во власти, чем преходящие фигуры «избранников народа».

Военная сфера, секретные службы, внешнеполитическая сфера приобрели такие размеры и влияние, что сами конкурируют с центральной властью в борьбе за реальную власть. Все эти мощные и в значительной мере автономные сферы нуждаются в координации. Непомерно разросшаяся государственность сама нуждается в управлении, можно сказать — в своей внутренней власти. Последняя не конституируется формально, т.е. как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из людей самого различного рода — представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти, советников и т.п. Сюда входит совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. Каковы масштабы этого аспекта и какими средствами он оперирует, невозможно узнать. Публичная власть не делает важных шагов без его ведома. Сюда входит также множество людей, состоящее из представителей частных интересов, лоббистов, мафиозных групп, личных друзей. Это — «кухня власти». Она является постоянно действующим элементом власти, стоящим над государством и отнимающим у него часть суверенитета. Наряду с «кухней власти» сложилась

среда из активных и влиятельных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице социальных позиций. Она получила название правящей элиты.

Вопреки официальному статусу, государство само становится явлением в сфере экономики. Это выражается в том, что государство удерживает за собою эмиссию денег и вообще контроль за денежной системой, которая сама по себе есть важнейший фактор экономики. Государство может предоставить это право какому-либо банку, но все равно при этом оно сохраняет контроль за ним. Огромные суммы денег, поступающие государству в виде налогов, суть капитал со всеми атрибутами капитала, а не просто пачки ассигнаций. Государство является крупнейшим банкиром страны. В отличие от обычных банкиров оно использует деньги не столько как капитал, сколько тратит их. Причем тратит, как правило, больше, чем получает дохода, — отсюда рост государственного долга. Тем не менее оно в качестве банкира предоставляет кредиты частным фирмам.

Второе обстоятельство, вынуждающее государство на экономическую роль, образует набор общественных нужд, которые не в состоянии удовлетворить частный сектор (рынок). Для этого складывается так называемый общественный сектор, в который попадают предприятия, отрасли промышленности и мероприятия, которые имеют значение для страны, но не по силам отдельным частным фирмам. Это — энергетика, транспорт, связь, защита от эпидемий и стихийных бедствий, дороги, почта, образование, информационная служба, безопасность, социальное страхование, забота о стариках и инвалидах и многое другое.

Достаточно перечислить явления огромного масштаба, ставшие обычными в современном западном мире и в мире вообще вследствие активности Запада, чтобы отбросить всякие сомнения насчет ограниченности традиционных средств власти. Махинации гигантских предприятий в сфере экономики, укрывательство от налогов, порча природной среды и продуктов питания, организованная преступность, научно-технические проекты неслыханных ранее масштабов,

грандиозные стройки, военные операции, международные финансовые проблемы, демографические проблемы, миграция миллионов людей, безработица и т.д. и т.п. Список таких явлений, требующих усилий власти в больших масштабах и постоянно, можно продолжать и продолжать. Теперь очевидно для всех, что власти западных стран уже занимаются всем этим как своим повседневным делом.

Вследствие разрастания и усложнения челоуейников, усложнения их взаимоотношений, усложнения задач, которые должна решать власть, разрастания и усложнения самой сферы власти и других перемен произошло разделение задач и деятельности власти на обычные и стратегические. Возник стратегический уровень, — уровень задач, ресурсов и действий власти, превосходящий обычные по масштабам, значимости и продолжительности. Возникли задачи и операции власти, рассчитанные на многие годы, стоящие колоссальных затрат средств, вовлекающие огромные массы людей, использующие новейшие научные открытия и технические изобретения, использующие всю интеллектуальную мощь общества и блоков обществ. Такими были, например, пятилетние планы в Советском Союзе, мероприятия гитлеровской Германии в подготовке к войне и ее проведении, операции антигитлеровской западной коалиции во Второй мировой войне, план Маршалла, холодная война со стороны Запада. Такими являются действия западных властей в манипулировании огромными суммами денег, космические программы, война США против Ирака, операция по дезинтеграции Югославии и Советского Союза.

Короче говоря, возникли задачи и операции властей, качественно, а не только количественно отличные от традиционных задач и операций власти государственной. Причем это стало регулярным и повседневным в жизнедеятельности власти, а не редким исключением, как это бывало в прошлом (например, большие войны). Сейчас перед западными странами встали проблемы, на решение которых нужны десятки лет (если не века), ресурсы астрономических масштабов, высочайший интеллектуальный потенциал многих тысяч

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

специальных учреждений и миллионов квалифицированных сотрудников. Уже сейчас эта сфера в значительной мере обособилась от привычной сферы государственности и становится доминирующей над ней.

Выработалась и тактика решения стратегических задач. Сложился особый аппарат для этого. Тут мы видим совсем иное измерение власти сравнительно с тем, в котором произошло разделение функций законодательной и исполнительной власти. Пока аспект стратегической власти еще спутан с аспектом обычной государственности. Но уже сейчас можно заметить в правительствах и в политике западных стран две тенденции. Стратегическая постепенно берет верх. Наиболее сильные фигуры во власти (в США и Франции — президент, в Англии — премьер-министр, в Германии — канцлер), как правило, выражают стратегическую тенденцию власти, а парламенты — традиционную.

Другим источником западнистского сверхгосударства является сверхвласть, вырастающая в сфере экономики. Она не афиширует себя. Но дает о себе знать настолько ощутимо, что некоторые теоретики считают ее главной властью западного общества, а государство ее марионеткой. Но суть дела тут серьезнее: в западных странах складывается новый уровень власти, который уже не есть ни государство, ни экономика, а качественно новое явление, поглощающее то и другое.

Следующая линия формирования сверхгосударства связана с взаимоотношениями западных стран между собою, с взаимоотношениями западного мира с другими частями человечества, с проблемами мирового масштаба. По этой линии в период холодной войны (а она длилась почти полвека!) сложились бесчисленные учреждения и организации, которые даже формально возвышаются над государствами отдельных стран. Сферой их деятельности являются блоки и союзы западных стран, весь западный мир и даже вся планета. В их деятельность вовлечены сотни тысяч людей. Они распоряжаются колоссальными материальными, интеллектуальными, идеологическими, пропагандистскими, культурными, психологическими и военными ресурсами.

Сфера сверхгосударственности не содержит в себе ни крупницы демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных контактов и сговоров. Тут вырабатывается особая «культура управления», которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества. По объективным законам управления огромными человеческими объединениями и даже всем человечеством, на что претендует западный мир во главе с США, демократия в том виде, как ее изображает западная идеология и пропаганда, абсолютно непригодна.

Надстроечные явления сверхгосударственности не обладают законодательными функциями. Последние были и остаются функциями государственности. Если надстроечной части требуется что-то в отношении законодательства, она для этой цели имеет в своем распоряжении государственность, которая при этом фактически утрачивает статус суверенности. Надстроечная часть обладает негосударственными средствами принуждать государственность поступать так, как это требуется сверхгосударственности. Эти средства, например, суть личные связи, проведение своих людей на ответственные должности, лобби, манипулирование финансами и средствами массовой информации, манипулирование партиями и массами, подкуп и т.п. Они все хорошо известны из скандальной информации, литературы, кино.

Сверхэкономика

Экономика западных стран считается капиталистической. Так это или нет? Ответ на вопрос зависит от определения понятий. А их десятки. С точки зрения одних определений западное общество будет оцениваться как капиталистическое, с точки зрения других — как некапиталистическое.

В современном западном обществе за частными предпринимателями сохраняются лишь два признака, определяющие их как особую социальную категорию: они суть юридичес-

кие субъекты дела и ведут дело на свой страх и риск, не подчиняются в этой функции государству.

С точки зрения характера юридических субъектов предприятия экономики западнизма разделяются на две группы. К одной группе относятся предприятия, юридические субъекты которых суть индивидуальные лица, а ко второй — такие, юридические субъекты которых суть организации из многих лиц. В обоих случаях юридические субъекты предприятий не являются капиталистами в смысле XIX и первой половины XX века.

Экономика функционирует по своим специфическим законам, но в рамках государственных законов. Ее «нижняя» граница фиксируется законодательством, устанавливающим статус хозяйственных единиц с точки зрения уплаты налогов и их права и обязанности по отношению к государству и друг к другу. Верхнюю границу («потолок») экономики характеризует такое состояние, которое исчерпывает возможности правовых отношений участников экономической сферы, а также возможности решения важнейших экономических проблем специфически экономическими средствами. Общеизвестно, что в западной экономике крупные предприятия содержат целые штаты юристов для решения своих проблем, причем их цель состоит не столько в том, чтобы следить за юридическими границами деятельности подопечных, сколько в том, чтобы лавировать на грани законности и даже за ее пределами, избегая наказания. А судьба многих крупных предприятий и подразделений экономики зависит в большой степени (а порою решающим образом) от неэкономических действий властей.

Укрывательство от уплаты налогов и обман финансовых органов стал всеобщим явлением. Это произошло не из-за особой склонности к преступлениям и корысти (хотя и это не исключено), а главным образом из-за правовых норм. Если педантично им следовать, то большинство предприятий просто обанкротится. Я уж не говорю о том, каких масштабов достиг преступный бизнес. Одним словом, западное хозяйство уже не укладывается в юридические рамки экономики.

Точно так же обстоит дело с социальными законами экономики как делового аспекта человекиника. Определяющую роль в экономике стали играть предприятия и целые отрасли с наивысшим технологическим уровнем, с максимальным использованием результатов научно-технического прогресса. Они имеют более высокую сравнительно с другими предприятиями прибыль за этот счет, а не за счет эксплуатации наемных работников по законам экономики. С другой стороны, многие крупные предприятия работают в убыток и спасаются за счет всякого рода неэкономических махинаций. Другие требуют таких затрат, которые окупаются в течение времени, выходящего за пределы долговременных инвестиций по законам экономики, или не окупаются совсем. Такие предприятия существуют лишь постольку, поскольку жизненно необходимы или поскольку выгодны каким-то людям, наживающимся именно на убытках и банкротствах предприятий. У этих предприятий нет хозяев, для которых убытки предприятий суть их личные потери.

Если бы можно было получить точные данные о том, какими путями в наше время наживаются состояния на самом деле, я думаю, что доля таких, которые делают это по законам экономики («честный труд» и «честный бизнес»), оказалась бы поразительно низкой (это — мое предположение). Во всяком случае, она имеет тенденцию к снижению.

Фундаментальная функция экономики — снабжать общество средствами существования — отошла на задний план или перешла в значительной мере к явлениям неэкономическим. Тон в экономике задают не фундаментальные уровни, а вторые и более высокие — производство сверх необходимого, инвестиции с целью извлечения доходов из экономики низших уровней, паразитарные предприятия, предприятия, обслуживающие сверхпотребности высших слоев общества, символическая экономика и т.п. Экономика в гораздо большей мере обслуживает самое себя, чем общество вне ее. Глобализация экономики позволяет западному миру эксплуатировать всю планету методами, которые по форме выглядят как экономические (эквивалентный обмен, свобода предпри-

нимательства, свободный рынок и т.п.), а по сути дела не являются таковыми. Например, вынос предприятий в страну, где сырье и рабочая сила в десятки раз дешевле, чем дома, не есть операция чисто экономическая. Она невозможна без политической, идеологической и военной защиты. Здесь политика, армия, полиция, специальные службы, средства массовой информации являются не обычными средствами защиты экономики, а завоевательными средствами насилия в чужой стране. Ограбление европейскими завоевателями аборигенов Америки не было экономической операцией. Так и теперь. В основе западнистской экономики лежат принципы эквивалентного обмена. Использование преимуществ положения и конкретной ситуации с целью приобретения прибыли есть нарушение этих принципов. Это — не эквивалентный обмен, подобно тому, как таковым не является «обмен» сена на молоко в отношениях с коровами, «обмен» виски на Манхеттен в отношениях с индейцами, «обмен» финансовых подачек в отношениях с Россией. Не являются экономическими и операции, называемые словами «экономическая помощь» в отношениях стран Запада с незападными народами, находящимися в тяжелом положении.

Экономические гиганты внутри западных стран организуются как своего рода автономные объединения со своей социальной структурой, подобной структуре коммунистической страны. А выйдя за пределы «национальных государств» на мировую арену, они стали вести себя во многом не как подвластные своего государства, а как равные ему партнеры. Еще дальше в этом направлении пошли наднациональные экономические гиганты. Они вообще ведут себя как суверенные человеичники. Если они кому-то и в какой-то мере подчиняются, так это — глобальный денежный механизм. Наднациональные и глобальные экономические империи и организации приобрели такую силу, что теперь от них решающим образом зависит судьба экономики национальных государств Запада, не говоря уж о прочем мире. Они властвуют над экономикой в ее традиционном смысле. В их деятельности все большую роль играют политическое давление и вооруженные силы стран Запада.

Одним словом, в хозяйственном аспекте западных стран произошли такие грандиозные перемены, что прежние представления об экономике утратили смысл. Требуется научный (а не идеологический!) анализ реальности, чтобы прийти к какой-то ясности в ее понимании.

В системе власти западных стран фактически происходит разделение функций в вертикальном аспекте: часть государственности, возглавляемая обычно главой исполнительной власти (президентом, канцлером, премьер-министром), выполняет функции участников и представителей денежного механизма. Фактическая система власти и хозяйства западного мира таковы, что государственность и экономика отдельно взятых стран все более превращаются в их частицы, причем в «снятом» виде.

Считается, будто некая «невидимая рука» рынка управляет западной экономикой. Фактически и рынком, и экономикой, и государством, и обществом в целом уже управляет вполне видимая, хотя и прячущаяся рука сверхэкономики-сверхгосударства, исполнительным органом которого является денежный механизм.

Денежный тоталитаризм

Механизм денежного тоталитаризма образует гигантская финансовая система общества, которая теперь обусловлена прежде всего необъятным числом денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей и общества в целом, в том числе и все то, что связано с капитализмом. Этот механизм есть механизм особого подразделения делового аспекта общества — денежного дела. Но в силу особой роли этого подразделения общества он превратился в механизм общества в целом. Он включает в себя два рода учреждений и предприятий:

1) банки и другие финансовые предприятия, которые называются другими словами, но выполняют ту же роль или разделяют с банками отдельные функции денежного дела (сберегательные кассы, страховые компании, кредитные учреждения и т.д.), а также крупные фирмы и концерны, об-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ладающие большими суммами денег и выполняющие функции, аналогичные отдельным функциям банков;

2) государственные финансовые учреждения.

Число денежных предприятий огромно. Имеет место сложнейшее разделение их функций (специализация), а также разделение ими территорий действия и сфер общества. Есть банки частные и общественные, отдельные и объединенные в группы, личные и акционерные, универсальные и отраслевые, кредитные, ипотечные, коммерческие, национальные, международные. Сами они имеют сложную структуру — иерархию подразделений, начинающуюся центральным отделением и доходящую до местных отделений, непосредственно имеющих дело с клиентами. В их деятельности заняты миллионы людей. Используется самая современная технология, без которой вообще уже невозможно функционирование денежного механизма.

Денежный механизм почти полностью укомплектован наемными работниками, каждый из которых по отдельности есть лишь его слуга. Внутри его господствуют отношения начальствования и подчинения, сговоры, согласования, принуждение и прочие явления, не имеющие ничего общего с отношениями чисто экономическими. Он антидемократичен. В каждом его подразделении господствует беспощадная, роботообразная дисциплина. Он деспотичен по отношению к прочему обществу. Никакая диктаторская власть в мире не может сравниться с ним в этом качестве. В современном западном мире денежный механизм из средства экономики (из ее слуги) превратился в ее доминирующий фактор (в господина над ней). Благодаря этому в сферу экономики включились сферы культуры, образования, развлечения, спорта и все другие, ранее таковыми не являвшиеся. Изменилось само понятие экономики.

Произошло «вертикальное» структурирование экономики: над экономикой, создающей ценности, выросла экономика, использующая упомянутую (скажем, экономику первого уровня) в качестве источника доходов для занятых в ней (в экономике второго уровня) лиц. Она разрослась и

усилилась настолько, что стала играть не менее важную роль в обществе, чем экономика первого уровня. И над всем этим выросла сфера экономики на уровне механизма условных или символических денег — символическая экономика, т.е. экономика огромных символических капитанов.

В настоящее время реальная и символическая экономики существуют в значительной мере независимо друг от друга. Сумма условных (символических) денег, циркулирующих на уровне символической экономики, во много десятков раз превосходит ту, которая достаточна для экономики реальной.

Наконец, денежный механизм вышел в своей власти над обществом за пределы экономики, став частью механизма сверхгосударственности. Тут неверно утверждать, будто экономика стала властителем общества. Тут произошло нечто более значительное, а именно — сложился уровень сверхэкономики и сверхгосударственности, подчинивший себе и государственность, и экономику. Возник качественно новый социальный феномен в структуре человеческого, выходящий за рамки социальной организации общества «сверху».

Обычно акцентируют внимание на денежной форме и специфических правилах функционирования денежного механизма, а не на его социальном содержании. А последнее состоит в том, что в обществе сложился новый феномен, овладевший денежным механизмом и использующий его в качестве средства власти над обществом, а не только и не столько в качестве капитала. Лишь отчасти этот механизм функционирует как капитал. В большей мере и в основном он превратился в сверхкапитал. Функция капитала стала одной из его функций, подчиненных функции власти. Он руководствуется прежде всего не экономическими, а иными расчетами, а именно расчетами организации и удержания своей сверхобщественной власти над обществом.

Денежный механизм имеет доходы не за счет эксплуатации наемных работников — вовлеченные в его работу люди получают заработную плату, не производя никакой прибыли. Они суть служащие аппарата власти, подобного государственному. Этот аппарат берет дань с подвластного челове-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ника в виде платы за услуги и процентов за кредиты. Это похоже на извлечение прибыли путем инвестиции денег. Но только похоже, поскольку этот аппарат оперирует деньгами, и это путает. На самом же деле он имеет доходы подобно тому, как их имеет государство, не производящее ничего. Он берет дань с тех, кого он обслуживает, т.е. эксплуатирует.

Государство оперирует огромными суммами денег. Но оно делает это не по законам экономики. Оно не инвестирует их с целью получения прибыли (нечто подобное бывает лишь в порядке исключения). Оно их тратит на свои нужды, распределяет по различным подразделениям общества, тратит как средство своих политических целей. То же самое делает денежный механизм. В нем есть части, функционирующие по законам экономики, т.е. как капиталы. И это затемняет те его части, которые стали феноменами сверхэкономики и сверхгосударства. Не все банки и не все функции банков одинаково входят в эту сферу. Тут переплетаются феномены экономики и власти. И это переплетение вполне нормально, так как власть такого рода вырастает из экономики и над ней.

Денежный механизм в его высшей функции — власти над экономикой и над человеком вообще определяет судьбы социальных феноменов огромного масштаба — экономических империй, отраслей экономики, слоев населения, народов и даже целых регионов планеты. Он определяет социальную стратегию большого исторического масштаба. Очевидно, например, что планирование и руководство крупнейшей в истории операцией Запада, именуемой холодной война, и финансирование ее (т.е. траты на нее) было делом рук денежного механизма Запада. Теперь он стал явлением глобального масштаба.

«Ватикан» западнизма

Выражением «масс-медиа» или просто «медиа» принято обозначать совокупность таких явлений современного западного мира, как радио, телевидение, газеты, журналы, различные периодические, спорадические и одноразовые

издания типа газет и журналов, а также другие средства, выполняющие аналогичные функции.

После Второй мировой войны в эволюции западной медиа произошел грандиозный качественный «скачок» — она оформилась в одну из важнейших сфер общества. Так что ее теперь следует рассматривать не просто как множество разрозненных явлений со сходными свойствами, а как единое целое со сложной структурой, с разнообразными частями и функциями. Исторические условия этого «скачка» суть следующие:

- 1) колоссальный количественный рост составных элементов медиа;
- 2) их техническое усовершенствование;
- 3) изобретение новых средств;
- 4) усовершенствование их работы;
- 5) возникновение разнообразных связей между ними;
- 6) расширение сферы их деятельности и усиление их роли в общественной жизни.

Конечно, медиа есть одна из сфер приложения и активности капиталов и интересов государства. Но сводить ее к этому ошибочно. Она есть нечто большее, выходящее за рамки бизнеса и политики. Это, можно сказать, есть «третья сила» западнизма. Это — и информация, и дезинформация, и апологетика, и критика, и услуги властям и бизнесу, и оппозиция к власти и к бизнесу, и проповедь морали, и проповедь разврата, и просвещение, и оглупление, и борьба идей и интересов, и отражение жизни, и искажение реальности, и делание жизни, короче говоря — квинтэссенция общественной жизни во всех проявлениях ее субъективного фактора. Медиа есть арена общественной жизни, ставшая сама одним из важнейших факторов этой жизни. Она состоит из десятков тысяч учреждений, организаций, предприятий. В ее работу вовлечены в качестве сотрудников сотни тысяч людей. Она привлекает для участия в своей работе миллионы людей всех социальных категорий. Медиа — это могущественный инструмент формирования сознания, чувств и вкусов огромных масс людей и инструмент воздействия на них в желае-

мом для кого-то духе. Но это — такой инструмент, который сам осознает себя в качестве силы, использующей всех прочих и все остальное в качестве инструмента своей власти над обществом.

Формально не существует единый центр управления медиа. Но фактически она функционирует так, как будто получает инструкции из некоего руководящего центра наподобие ЦК КПСС. Тут есть своя «невидимая рука». Она почти совсем не изучена научно. Данные о ней редко попадают в печать. Ее образует сравнительно небольшое число лиц, которые санкционируют рекомендации, выработанные более широким кругом политиков, бизнесменов, политологов, журналистов, советников и т.д., и подают сигнал к согласованной деятельности медиа по определенным проблемам. Имеется большое число опытных сотрудников учреждений медиа, которые сразу угадывают новую установку и даже опережают «высшую инстанцию». И в дело немедленно вступает огромная армия исполнителей, подготовленных выполнить любые задания в духе новой установки. Между людьми, образующими этот механизм, имеют место бесчисленные личные контакты.

Медиа стала не орудием сбора и распространения информации, производимой кем-то другим, а производителем, контролером и властителем информации. Она имеет свои мощные и профессионально обученные кадры для этого. В ее распоряжении фактически все силы общества, как-то связанные с информацией. Она формирует информацию по своим правилам, придает информации вид, отвечающий ее интересам. Информационный поток, минующий ее, ничтожен сравнительно с тем, какой проходит через нее, а роль его еще ничтожнее. Она сконцентрировала в себе основные и наиболее влиятельные информационные потоки и силы общества.

Медиа вторгается во все сферы общества — в политику, экономику, культуру, науку, спорт, бытовую жизнь. Ей до всего есть дело. Она не просто влияет на умы и чувства людей. Она проявляет власть над ними, причем власть диктаторс-

кую. Эта власть осуществляется по многим каналам. Назову основные из них.

Медиа буквально приковывает к себе внимание подавляющего большинства населения западных стран, снабжая людей в изобилии практически любой нужной им информацией, сплетнями, развлечениями, сенсациями. Она обладает для этого неограниченными средствами, самой совершенной технологией и отработанными приемами. Невозможно подсчитать, сколько времени и сил тратят люди, просиживая перед телевизорами, читая газеты и журналы, слушая радио. Никакая церковь не может с этой точки зрения сравниться с «церковью» западнизма. Она удобна и с точки зрения способа вовлечения людей в ее деятельность. Человек может потреблять продукцию медиа в одиночку, сидя дома, находясь в транспорте, даже во время работы.

Вторым важнейшим каналом всевластия медиа является то, что она контролирует и направляет всю интеллектуальную и творческую деятельность общества, создавая публицити творцам произведений культуры, давая им оценку, отбирая их, показывая их. Медиа присвоила себе функции публичного судьи того, что производит культура, предопределяя само это производство с точки зрения тематики, идейной ориентации и эстетических вкусов. Она определяет то, какой круг людей выпускается на арену культуры, какие произведения, какие идеи, какие моды. Не гений и ум творцов произведений культуры определяет их судьбу, а отношение к ним масс-медиа. Она в состоянии возвеличить ничтожное и бездарное, если оно соответствует ее интересам и конъюнктуре, и не допустить к жизни великое и талантливое, если такого соответствия нет.

Третьим важнейшим каналом всевластия медиа является то, что она дает трибуну политикам и арену для политических спектаклей. Она раздувает и использует непомерное тщеславие политиков. Она влияет на их успехи и неудачи, порою — роковым образом. Без нее немислимы никакие выборные кампании, парламентские баталии, встречи, визиты, выступления, демонстрации, массовые движения, партий-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ные мероприятия и вообще все важнейшие явления общественно-политической жизни западных стран.

Наконец, медиа сконцентрировала в себе общественное мнение и гражданское общество, став их рупором и одновременно лишив их самостоятельности. Они нашли в медиа свою организующую силу, отчуждая ей свою собственную независимость и власть. Медиа стала чем-то вроде «государства» для внегосударственной жизни общества.

Средства медиа могут принадлежать частным лицам, государству, общественным организациям, корпорациям, банкам. Ее может использовать крупный капитал, правительство, какие-то клики и группы. Но все это не лишает ее той роли, какую она играет в обществе, и ее положения в системе прочих социальных феноменов. Она занимает такое положение и играет такую роль в обществе, которые позволяют ей со своей стороны диктовать свою волю всем тем, кто в какой-то мере манипулирует им, и своим формальным хозяевам. Все те, кто считается ее хозяевами и манипуляторами, вынуждены подчиняться сами тем условиям, благодаря которым они хозяйничают и манипулируют медиа. Тут скорее имеет место сговор и дележ власти между более или менее равными по силе сообщниками, чем отношение господства и подчинения. Хозяин газеты, например, влияет на политическую линию газеты. Но одновременно он сам подвластен своей газете как феномену, играющему особую роль в обществе.

Медиа есть безликое божество западного общества, которому поклоняются и все те, кто считается или воображает себя ее хозяевами и начальниками. Самое большее, что на самом деле эти люди делают, это — прислуживание своему божеству в качестве его жрецов, разумеется, за хорошую плату и за прибыли. Медиа есть социальный феномен, концентрирующий и фокусирующий в себе силу безликих единичек общественного целого — зрителей, читателей, ученых, артистов, идеологов, политиков, спортсменов и прочих граждан. Это их коллективная власть, выступающая по отношению к каждому из них по отдельности как власть

абсолютная. Это есть превосходно организованный и функционирующий механизм сверхидеологии западнизма.

Социальная организация в целом

Как я уже отметил, социальная организация западнистского сверхобщества как целое разделяется на надстроечную и базисную части. Чтобы описать ее строение и свойства, мы должны, естественно, обратиться именно к ее надстроечной части, уделяя внимание базисной в том свете, какой на нее бросает надстроечная часть.

Надстроечная часть, о которой идет речь, не есть всего лишь сумма надстроечных явлений сверхгосударства, сверхэкономики, сверхидеологии и других компонентов западнистского человеиника. Ошибочно также представлять себе положение так, будто надстроечные части компонентов социальной организации общества превращаются в соответствующие компоненты социальной организации сверхобщества. Упомянутые надстроечные явления общества суть лишь отдельные потоки эволюционного процесса, которые сливаются в нечто единое и перемешиваются в этом единстве. Тут происходит взаимное проникновение надстроечных явлений, взаимное влияние, обмен свойствами и функциями, возникновение новых явлений как средства единства и как следствия его. Сюда включаются результаты изменения ориентации эволюционного потока. Вносят свою долю новые органы, возникающие в силу закона порождения особых органов для исполнения постоянных функций. В результате на этом уровне теряет смысл разделение частей и функций, имеющее место на уровне общества и в снятом виде в базисной части. Надстроечная часть социальной организации сверхобщества как целое выступает как сверхгосударственность по отношению к государственности, как сверхэкономика по отношению к экономике, как сверхидеология по отношению к идеологии и т.д., а не отдельными ее подразделениями с упомянутым разделением функций. Она образует высшее подразделение системы власти и управления сверхобщества. Потому для краткости будем называть ее сверхвластью.

Сверхвласть не является не только выборной, но и вообще узаконенной. Чтобы она сложилась, необходимо достаточное большое число людей, обладающих следующими признаками. Эти люди имеют настолько высокий социальный статус, что являются фактически независимыми от государственной власти, а также от политической и экономической конъюнктуры. Они регулярно воспроизводятся в этом состоянии, в значительной мере наследуют свой статус. Они имеют влияние на правящие круги человеческого общества и на привилегированные слои, являются известными личностями в человеческом обществе, связаны личными знакомствами и в значительной мере родственными отношениями. Они образуют иерархию позиций как с точки зрения их социального статуса, так и с точки зрения ролей в рамках сверхвласти. Они образуют основной компонент человеческого материала сверхвласти. Кроме них в рассматриваемое множество входят обслуживающие их лица, исполнители их решений и другие категории.

Рассматриваемое множество людей группируется в множество разнообразных объединений в различных измерениях. Эти объединения образуют сложную и иерархизированную сеть, так что образуется плотная, связанная среда. Положение людей в этих объединениях зависит от их положения в базисной части сверхобщества. Но и последнее зависит от первого. Эти объединения не узаконены юридически. Они складываются по социальным законам объединения людей, а также в силу условий их функционирования в системе власти и управления, личных и деловых отношений, взаимных услуг и т.д. Они разнообразны по степени организованности, начиная от случайных и аморфных и кончая постоянными с установленной структурой, правилами, разделением функций и т.д. Они формально добровольны, но фактически обладают достаточно прочными нитями, связывающими их в целое. Тут связи аналогичны связям в объединениях на общественном уровне, только тут это имеет место на сверхобщественном уровне. Члены таких объединений обладают способностью опознавать «своих» и «чужих», идентифицировать себя в качестве членов тех или иных объединений.

Объединения, из которых состоит сверхвласть, возникают и действуют в рамках юридических законов, но они не являются юридически узаконенными в качестве органов власти. Они присваивают себе функции власти, используя средства и возможности, выходящие за рамки государственности и подчиняющие ее себе. Они позволяют надстроечной части социальной организации управлять самой системой власти и выполнять функции стратегического управления, непосильные для государственности. Эти функции охватывают многолетние планы и особо важные проблемы, для выполнения которых и решения которых требуются усилия всей страны, положение страны в окружающем мире, направление эволюции страны вообще.

Сверхвласть сверхобщества состоит из двух частей. В первую из них входит все то (люди, объединения, учреждения, предприятия), что занято выработкой и принятием решений, — скажем, решающая часть. Она есть аналог законодательной части власти общества. Вторая часть включает в себя то, что осуществляет исполнение решений первой части. Это — исполнительная часть.

Хотя решения первой части не являются юридически законными, они имеют принудительную силу для тех, кто их исполняет. Им подчиняются те, кого они касаются. Исполнители подчиняются, поскольку от этого зависит их вознаграждение и вообще положение в человеичке (успех, карьера, общение, судьба детей). Прочие люди подчиняются, поскольку в распоряжении сверхвласти находятся все средства принуждения базисной части сверхобщества — администрация, суды, полиция, денежный механизм, средства массовой информации.

Исполнительная часть сверхвласти образуется из надстроечных элементов социальной организации общества. Он включает в себя также государственную бюрократию, армейское командование, органы государственной безопасности, аппараты партий и т.д. Тут имеет место, можно сказать аппаратный плюрализм. Чтобы представить себе, что это такое, надо выделить различные подразделения аппарата

коммунистической сверхвласти и представить их себе как различные аппараты, объединяющиеся в единое целое благодаря упомянутым выше объединениям «правлящей элиты». Роль, аналогичную партийному аппарату в коммунистической системе власти, здесь выполняет совокупность людей и организаций, которые держат в своих руках денежный механизм человека.

Постсоветизм

Постсоветизмом (или посткоммунизмом) я называю ту социальную организацию, которая в основных чертах сложилась в России в результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы. Это — явление исторически новое, не имеющее аналогичных прецедентов в прошлом и складывающееся буквально на наших глазах, причем — с поразительной (с исторической точки зрения) скоростью. Детальное социологическое исследование его есть дело будущего. Тем не менее, основные черты можно наблюдать уже сейчас, причем в почти лабораторно явном виде.

Постсоветизм начал формироваться в России не в результате естественноисторического и имманентного для России процесса, а как нечто чужеродное российскому населению и его историческим, природным и геополитическим условиям, насильственно навязанное россиянам сверху (кучкой людей, ставшей «пятой колонной» Запада и захватившей высшую власть) и извне (под давлением со стороны сил Запада и по их указке). Это произошло после антикоммунистического переворота в годы горбачевско-ельцинского правления. В результате этого переворота была разрушена советская (коммунистическая) социальная организация. Хотя последняя и переживала состояние кризиса, обусловленное стечением ряда исторических факторов, тем не менее, она была вполне жизнеспособна. Она блестяще доказала свою эффективность в труднейших для страны условиях. Она еще только вступила в стадию эволюционной зрелости и еще не успела раскрыть все свои созидательные возможности. С точки зре-

ния эволюционного уровня она превосходила все те формы социальной организации, какие знала история человечества, включая страны Запада. Запад в этом отношении отставал от Советского Союза, по крайней мере, на 50 лет,

В результате горбачевской «перестройки» Советский Союз был ввергнут в состояние всестороннего кризиса. А предательская капитуляция перед Западом в холодной войне привела к распаду советского коммунистического блока и самого Советского Союза и к упомянутому антикоммунистическому перевороту, ставшему началом разгрома советской социальной организации (советизма). Россия была направлена на путь всесторонней деградации и превращения в зону колонизации для Запада. Немедленно стала складываться новая социальная организация, предназначенная реформаторами и их западными манипуляторами для закрепления сложившегося состояния России, — постсоветизм. Он создавался как гибрид советизма (коммунизма), западнизма и национально-русского (дореволюционного) фундаментализма.

Чтобы охарактеризовать это «чудо» социального творчества, нужно хотя бы в какой-то мере иметь представление об упомянутых трех его ингредиентах. Я думаю, что никакие особые пояснения тут не требуются. Еще живо большое число россиян, которые на личном опыте познали советизм (коммунизм). В российских СМИ его поносят с неослабевающим остервенением, так что и молодежь достаточно получает информации о нем. Западнизм становится обычным явлением постсоветского образа жизни. Россияне успели познаться с ним на практике. А что касается российского фундаментализма (феодализма), его превозносят в СМИ и навязывают россиянам с все возрастающим ажиотажем, так что кажется, будто мы живем в дремучем средневековье. Поэтому я ограничусь лишь кратким пояснением упомянутых ингредиентов постсоветизма.

Советизм

С советизмом Россия прожила более семидесяти лет. С ним она добилась выдающихся, эпохальных успехов, на

несколько десятилетий стала лидером социальной эволюции человечества. Советский период был и, по всей вероятности, останется навсегда вершиной российской истории. И как бы к нему ни относились строители новой социальной организации России, советизм стал и будет в дальнейшем одним из решающих факторов в определении типа создаваемой ими социальной организации. Происходит это не в силу каких-то субъективных пристрастий. Таких пристрастий нет. Более того, имели и имеют место сильнейшие антипатии, так как советизм несет с собой для них потерю или ущемление их привилегированного положения. Происходит это в силу объективного социального закона социальной регенерации. Сила этого закона такова, что строителей постсоветизма даже обвиняют в преднамеренной реставрации советизма, хотя они из кожи лезут, чтобы истребить всякие его следы. Ирония истории состоит тут в том, что в условиях России советизм можно выкорчевать только методами... советизма. Принимая меры против него, антисоветчики и антикоммунисты, вышедшие из среды коммунистов и воспитанные под их влиянием, невольно сохраняют и подпитывают его. Черты советизма в постсоветском социальном гибриде заметны даже без специальных социологических исследований для тех, кто в какой-то мере знаком с советизмом. Президентская власть копирует власть советского «Кремля», причем даже сталинского периода. Президент имеет тенденцию превратиться в вождя, заботящегося о нуждах всего «трудового» народа. Он опирается на силовые структуры, назначает удобное ему и подконтрольное ему правительство, стремится к контролю над прочими сферами общества, стремится апеллировать к массам (к «народу») непосредственно, минуя якобы враждебных «народу» и коррумпированных чиновников-бюрократов (телевидение на этот счет — дар истории).

Значительная часть граждан живет и добывает средства существования фактически по-советски. Это «бюджетники». Большинство живет хуже, многие — так же, немногие — лучше. Но по социальному типу — сходно с советскими временами. В советские годы эти категории

граждан составляли основную часть работающего населения. Они были оплотом советского строя. Их роль в постсоветской России изменилась, их социальная значимость резко снизилась, но все же она остается ощутимой. Постоянно возникают чрезвычайные ситуации, преодоление которых требует коммунистических методов решения социальных проблем. Между прочим, это имеет место и в странах Запада. Имеют место проблемы, требующие не просто сильной государственной власти, но власти, действующей методами, подобными тем, какие были характерны для власти советской. Это проблемы борьбы с преступностью, с нищетой и с детской беспризорностью, организации образования, вооруженных сил, ВПК, разведки, международных операций и т.д. Все эти аспекты жизни современного большого и развитого общества с необходимостью порождают тенденции коммунистической социальной организации в любой стране, а в бывшей коммунистической стране это не только выглядит как реставрация советизма, но и в значительной мере происходит на самом деле. Я уж не говорю о том, какое важное место в постсоветской России занимает культура, накопленная за советские годы. Это культура высочайшего мирового уровня. Она пронизана советизмом, составляет его неотъемлемую часть. И полностью очистить ее от советизма не удастся никогда.

Западнизм

Западнизмом я называю социальную организацию, которую можно наблюдать в западных странах. В отношении нее употребляют слова «капитализм», «демократия», «частная собственность», «частное предпринимательство», «рынок», «многопартийность», «гражданское общество» и т.д. Важно иметь в виду то, что в советской России, в каком бы она состоянии ни находилась, никаких серьезных предпосылок для западнизма не было. Он стал насаждаться в России искусственно, насильственно, усилиями высшей власти. Стал насаждаться после антикоммунистического переворота теми

россиянами, которые захватили в стране политическую власть. Захватили в результате грандиозной диверсионной операции, подготовленной силами Запада в ходе «холодной» и «теплой» войн (мировой войны нового типа) и осуществленной «пятой колонной» Запада в России. Западнизм стал насаждаться по западным образцам и под давлением (под руководством) со стороны сил Запада. Причем стал насаждаться в том виде, какой был желателен в интересах Запада, а отнюдь не России. При этом умышленно игнорировались конкретные условия России, ибо целью сил Запада было и остается ослабление России и превращение ее в зону для своей колонизации.

Если ингредиент советизма появился в постсоветизме в силу объективного социального закона вопреки воле и желаниям творцов постсоветизма, то ингредиент западнизма, наоборот, появился тут в соответствии с волей и желаниями борцов постсоветизма, но в нарушение объективного социального закона адекватности социальной организации человеческого материалу, материальной культуре, природным условиям и историческим традициям страны. Западнизация России в том виде, как ее стали осуществлять творцы постсоветизма, очевидным образом не соответствовала упомянутым факторам. В результате ее получилась не западнистская социальная организация, а лишь нечто похожее на нее по некоторым чертам (приватизация, многопартийность, подобие рынка и т.п.), т.е. лишь имитационная форма.

Феодализм

В третьем ингредиенте гибрида постсоветизма сочетается действие объективного социального закона, который я называю законом социальной деградации, и стремления части реформаторов во главе с президентом реанимировать некоторые явления дореволюционной России (в основном — российского феодализма), причем, игнорируя при этом социальный закон адекватности, о котором я упомянул выше.

Закон социальной деградации в постсоветской России проявляется как реанимация православия, дореволюционных названий, обычаев, явлений культуры, идей монархизма и великодержавности и т.д. В значительной мере (если не главным образом) это делается искусственно, сверху. Сами по себе явления дореволюционной России не возродились бы. Они не столько возрождаются, сколько изобретаются вновь. Изобретаются как идеализация (т.е. фальсификация) прошлого в качестве средства против советизма (коммунизма), как отрицание того эволюционного прогресса, какой имел место в советское время. Тут происходит беспрецедентная историческая деградация, буквально падение с вершины прогресса в пропасть прошлого.

Гибридизация

Социальный гибрид не есть просто смешение элементов различных социальных организаций. Это именно гибрид. Как гибрид деревьев различных видов не есть дерево, на котором растут листья и плоды различных видов, а есть дерево, на котором растут листья и плоды, сходные по некоторым признакам с листьями и плодами этих разных видов, а по другим признакам отличные от тех и других, так и тут гибрид разных социальных организаций суть новая социальная организация с компонентами, отличными от таковых у источников гибридизации. Например, постсоветский «Кремль» имеет некоторые черты советского «Кремля» и черты президентской власти США. Но он отличается от того и другого. В частности, президент России приходит к власти не так, как советский генсек, и не так, как американский президент. Он не располагает практически такой властью и такими средствами, как они, не имеет в своем распоряжении такие материальные средства, у него другие отношения с «парламентом» и т.д. Аналогично в сфере экономики: на самом деле нет реальной многоукладности, а есть гибриды, напоминающие явления разных укладов. Частные предприятия порой ведут себя так, будто они государственные, а государственные — как будто они частные.

Постсоветизм есть гибрид как в целом, т.е. с точки зрения комбинации ингредиентов, так и в каждом из ингредиентов, по отдельности. В сфере власти доминирует тенденция к советизму, что выражается в усилении роли президентской власти («Кремля»), уподобляющейся советской (об этом я уже говорил выше). Но при этом имеет место и западннистская тенденция, проявляющаяся в парламентаризме, многопартийности, гласности и т.д. В названиях отражается и дореволюционная государственность (Дума, Государственный совет). Ощущается тяготение к монархии, которая прославляется сверх меры. В сфере экономики доминирует тенденция к западнизму (приватизация, банки, частный бизнес, рынок). Но сохраняются элементы государственной плановой и командной экономики. «Кремль» стремится взять под свой контроль важнейшие отрасли экономики. В идеологической сфере россиянам всеми средствами обработки их сознания неумоимо навязывается западная идеология в ее худших проявлениях (проповедь насилия, разврата, корыстолюбия, карьеризма, потребительства и т.д.), православие под маркой национального возрождения и обломки советской идеологизированной культуры (кино, театр, литература, эстрада). И по всем трем линиям имеет место лишь имитация пропагандируемых явлений. Обломки советской идеологии порождают лишь мазохистскую тоску по безвозвратно утраченным завоеваниям советской эпохи. Поддерживаемое высшей властью православие фактически не имеет той власти над душами россиян, на какую претендует. Оно не предохраняет от нравственного разложения населения и от преступности, не несет с собой никакого подлинного духовного возрождения и национального единения, создавая лишь имитацию их. Помои западной идеологии несколько не западнизируют менталитет россиян по существу, способствуя лишь имитации внешних форм поведения на самом примитивном уровне.

Какой тип гибрида складывается в целом, т.е. с точки зрения отношения между компонентами социальной организации? Поскольку третий ингредиент гибрида не имеет шансов

стать доминирующим самостоятельно, то можно достаточно уверенно установить границы, в которых будет эволюционировать постсоветизм, — это советизированный западнизм и западнизированный советизм. К какой из этих границ будет ближе реальный постсоветизм, зависит от целого ряда факторов как внутреннего, так и внешнего характера. С точки зрения внутренних факторов, преимущества имеет система власти и управления, тяготеющая к советизму. И опыт последних лет показывает, что эта тенденция усиливается, и будет усиливаться. Третий ингредиент, поддерживаемый «Кремлем», явным образом уступает ему доминирующую роль. Да и второй ингредиент, пожалуй, в большей степени зависит от «Кремля», чем «Кремль» от него. Во всяком случае, он пока не готов взять в свои руки управление страной.

Отношения России с Западом складываются таким образом, что инициатива принадлежит в большей мере «Кремлю», чем хозяевам российской экономики. По моим наблюдениям, Запад склоняется не столько к усилению российского парламентаризма, сколько к усилению «Кремля», но такого, который послушен требованиям сил Запада. А возглавляемый Путиным «Кремль» этому условию удовлетворяет. Тем более на самом Западе наступила постдемократическая эпоха. Так что есть основания считать наиболее вероятной эволюцию постсоветизма в направлении западнизированного советизма. И как это ни парадоксально, главным препятствием на этом пути является позиция «Кремля»: он в силу необходимости и социальных законов вынужден делать нечто такое, что выглядит как восстановление советизма, но делает это, сохраняя и укрепляя результаты антикоммунистического переворота и придавая своим действиям подчеркнуто антикоммунистический характер. Как я уже говорил, при создании постсоветизма его творцы игнорировали (нарушили) закон соответствия социальной организации человеческого материалу страны, ее историческому наследию, ее природным и геополитическим условиям. Они стали насильственно навязывать стране чуждую ей западнистскую организацию. Последняя не является при-

годной для любых народов и любых условий их существования. Опыт истории показал, что для большинства незападных народов она несет закабаление и гибель. Силы Запада навязывали ее России не с целью облагодетельствовать ее народы, а с целью разрушить могучего конкурента в борьбе за мировое господство. И они этого добились.

Творцы постсоветизма нарушили закон однокачественности компонентов социальной организации, пытаясь соединить взаимоисключающие черты коммунистической власти, капиталистической экономики и феодальной идеологии, слепив на скорую руку социального монстра («рогатого зайца»), годного для музея социальных уродов, а не для жизни большого народа. Неизбежным следствием этого явилась дезинтеграция органической целостности страны на множество разрозненных структур: аппарат центральной власти («Кремль»), представительную власть (Дума), чиновничий аппарат, экономические структуры, СМИ, религиозные структуры, криминальные структуры и т.д. Следствием этого также явилось взаимное ослабление позитивных и взаимное усиление негативных качеств скрещиваемых социальных организаций. Не случайно поэтому при конвергенции коммунизма и капитализма, о которой в свое время говорили западные социологи, в России реализовался не позитивный, а негативный вариант. Российский социальный гибрид уступает как западнистскому, так и коммунистическому источникам. Возникнет ли какое-то новое качество, не предусмотренное в источниках (в ингредиентах гибрида), теоретически предсказать невозможно, а практика гибридизации еще слишком коротка для категорических выводов. Но одно бесспорно априори: в сложившихся условиях для России эволюционное чудо исключено. Возможна лишь его имитация.

Имитация

Слово «имитация» многозначно. Я употребляю его здесь как социологический термин в следующем смысле. Имитировать некоторый объект (действие, событие, явление) «А» — значит создать объект (осуществить действие, сово-

купность действий) «В», похожий на «А» воспринимаемый как «А». При имитации предполагается то, что имитируется (скажем, подлинник), и то, что его имитирует (скажем, имитант). Возможно, что подлинник существует эмпирически, и возможно, что он существует лишь в воображении, на словах. И даже тогда, когда подлинник существует эмпирически, он имитируется в том виде, в каком воображается (понимается, описывается в словах) имитатором. Имитация есть сознательное действие людей по созданию объектов-имитантов, которые по замыслу этих людей должны восприниматься какими-то людьми как объекты-подлинники. Это делается как подражание, как подделка, для обмана, для показухи, для создания видимости и т.п. В человеческой истории это широко распространенное, привычное, обычное явление. Оно есть неотъемлемый элемент театрального аспекта человеческой жизни. Можно говорить о степени имитационности того или иного человеческого объединения в целом, его отдельных событий, действий властей, партий и т.д.

Советизм обладал очень высокой степенью имитационности. Россияне, прожившие какую-то часть сознательной жизни в советские годы, должны помнить, какую огромную роль тогда играла показуха, создание видимости успехов, всякого рода торжественные спектакли, долженствующие демонстрировать единство, преданность, готовность и т.п., воображаемые явления советского образа жизни. Имитационный аспект советской жизни достигал таких масштабов, что даже в официальной советской идеологии и культуре позволялось критиковать его самым беспощадным образом, Постсоветизм стал закономерным преемником советизма с этой точки зрения, несколько снизив его в поверхностных проявлениях, но зато углубив его до самих основ социальной организации постсоветского общества. В силу законов социальной гибридации, о которых упоминалось выше, имитационность становится не просто второстепенным свойством новой социальной организации России, но таким свойством, которое определяет ее глубинную сущность как в целом, так и каждого ее компонента в отдельности.

В стране вроде бы необычайно много делается для того, чтобы навести порядок, долженствующий обеспечить ее возрождение, подъем и процветание. Но в основном — по видимости. В реальности происходит, с одной стороны, неуклонная деградация во всех основных аспектах жизни общества. А с другой — разрастается и процветает показной, театральный, виртуальный аспект жизни, имитирующий подъем, освобождение, возрождение России. Чем глубже деградирует страна, тем помпезнее и ярче становится имитационная маскировка деградации. Падение в бездну имитируется как взлет в небеса.

С чисто социологической точки зрения, будущее России уже предопределено не на одно десятилетие, а на многие десятки лет, если не на все столетие. Оно предопределено тем антикоммунистическим переворотом, который произошел в горбачевско-ельцинские годы, и вследствие которого Россия была сброшена с вершины эволюционного прогресса на уровень страны третьестепенной важности, обреченной плестись в хвосте торжествующего глобального западнизма или американизма. Никаких шансов стать лидером мировых сил, противостоящих западнистской глобализации, и даже вырваться из тенет этой глобализации в обозримом будущем у нее нет.

Что касается внутренней социальной эволюции России, то эмбрион ее будущего уже родился — это социальный гибрид из обломков советизма, из подражания западнизму и из реанимации загримированных призраков дореволюционной России. Насколько этот гибрид жизнеспособен? С точки зрения самовывживания и продолжительности существования он может жить долго. А с точки зрения возрождения и процветания России? На этот счет строить какие-то иллюзии было бы, по меньшей мере, наивно. Этот социальный гибрид и был сляпан на скорую руку специально с таким расчетом, чтобы не допустить возвышения России на уровень державы, играющей первостепенную роль в дальнейшей эволюции человечества.

Постсоветская власть

Постсоветская власть создавалась из остатков (материала и опыта) советской, но по западным образцам. Из западнистской власти было заимствовано, разумеется, не все, а только та ее частичка, которую в западной идеологии и пропаганде раздували и прославляли как признаки демократии именно западнистского образца. Это многопартийность, тип выборности, гласность, президентская система и т.д. Что получилось на деле? Даже сами западнизаторы российской власти жалуются на то, что подлинная западная демократия в России никак не получается. Получается лишь нечто похожее на нее.

Возьмем такую черту демократичности западнистской системы власти, как разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. И эту идею российские реформаторы собезьянничали на Западе, вернее, взяли из западной идеологии и пропаганды, предназначенной для стран и народов, приобщаемых к западному образу жизни. Формально законодательную власть образует Федеральное Собрание, включая Думу. Исполнительную власть образует «Кремль», т.е. президент с тем аппаратом (множеством людей и учреждений), который подчиняется ему и может увеличиваться, организовываться и набирать силу по его инициативе. Президент избирается, но весь аппарат управления является полностью невыборным, назначаемым президентом и другими чиновниками невыборного аппарата. Президент распоряжается правительством и «силовыми рычагами». Он обладает фактически полномочиями, которые позволяют усматривать явную аналогию постсоветского «Кремля» советскому. Основная законодательная инициатива исходит из «Кремля». Законодательная же власть (Дума) фактически играет роль совещательного органа при президенте и роль государственного учреждения, придающего легитимность некоторым распоряжениям президента. Что касается демократизации судебной власти, это для самого Запада слишком дорогое и далеко не всегда эффективное явление. А в

условиях России, если принять во внимание число, характер и разнообразие преступлений и качества человеческого материала, вовлеченного в систему правосудия, по крайней мере, два государственных бюджета пришлось бы потратить на содержание и деятельность органов правосудия, разделить все преступно способное население на преступников и судей, заставив их периодически меняться местами, и все силы страны бросить на демократическое судопроизводство. Не случайно поэтому реформа системы судопроизводства встречает такие протесты со стороны здравомыслящих россиян. Правда, их осталось не так уж много.

Но одновременно есть признаки, ограничивающие эту аналогию и делающие нынешний «Кремль» похожим на «Вашингтон», т.е. на демократическую президентскую власть. Нет гарантии, что президент будет избран на новый срок. «Парламент» (Дума) не контролируется президентской партией. Такой партии вообще нет. Для усиления схожести с американским образцом такая партия нужна. И попытки создать ее предпринимаются.

Признаком западнизации российской власти считается многопартийность. Россия в этом отношении превзошла западные страны не в два-три раза, а в сотни раз! Такая сверхмногопартийность Западу даже не снилась. И теперь приходится думать о том, как загнать ее в приличные западные нормы — сократить число партий до нескольких. Принимаются соответствующие меры. В результате число организаций, признаваемых партиями, сократится. Еще более будет сокращено число партий, которые смогут преодолеть установленный барьер на выборах в Думу.

Но этот процесс замены многопартийной распушенности на некую «подлинную западную многопартийность» еще не означает, будто российская власть превращается в западную демократию. Она становится похожей на последнюю, имитирует ее. Но для подлинности этого мало.

Требуется множество других факторов, каких в России пока еще нет, и какие вряд ли когда-либо появятся в полной мере. В частности, партии, преодолевшие выборный барьер

и получающие право ввести своих представителей в Думу, не становятся правящими в западном смысле. Президент избирается не как представитель какой-то партии, а вообще независимо от партий. И правительство формируется президентом независимо от партий.

Этот процесс «нормализации» многопартийности имеет следствием результат, вообще превращающий многопартийность в явление показное, лишенное серьезного политического смысла, — в явление виртуальное, чисто имитационное. Все партии по условиям признания в качестве таковых (по условиям регистрации) становятся социально одинаковыми, законопослушными, жаждущими быть полезными «Кремлю» и иметь за это должное вознаграждение.

Президентская партия (партия власти) мыслится в России, пережившей семьдесят лет коммунистической власти, не как возможная правящая партия в западном смысле — для этого надо менять конституционный статус президента, — а как послушное орудие президентской власти, как средство полного подчинения Думы и как гарантия переизбрания президента на новый срок. Конечно, Дума и без этого, в конце концов, подчиняется воле президента. Но иногда она может взбрыкнуть, что вредит репутации президента. И с выборами всякое может случиться. Разочарование массы населения может накопиться. Одним словом, демократия демократией, а «Кремль» должен быть реальной высшей властью. А это пахнет советским «Кремлем», сталинизмом, диктатурой. Плюс к тому, для фактического (а не показного, как сейчас говорят, виртуального) управления страной в российских условиях нужна действительно сильная власть, подобная советскому «Кремлю», а это невозможно без партии, подобной по реальной силе КПСС.

Надо различать два аспекта в положении «Кремля»: 1) стремление и способность «Кремля» занять доминирующее положение в рамках самой системы власти, внести свой вклад в ее организацию, по идее управлять ею; 2) способность системы власти как целого управлять страной, способность «Кремля» управлять страной, способность его использовать

прочие части системы власти для управления страной. Появившись на свет как элемент западнизации российской власти, как явление западной демократии, в условиях России, «Кремль» оказался в положении, в котором он вынужден уподобляться советскому «Кремлю», к тому же в сталинском варианте, когда еще не сложился всесильный «партийный» аппарат. Но только уподобляться, не более того.

«Кремль» стремится стать доминирующим компонентом в самой сфере власти. Партии, так или иначе, стараются приспособиться к нему, а то и вообще готовы прислуживать ему, рассчитывая за это на соучастие в органах власти и поддержку с его стороны. Дума фактически превращается в орган, формально узаконивающий решения «Кремля». Но с точки зрения управления страной, постсоветская система власти в целом располагает ничтожными возможностями для решения проблем, касающихся состояния страны в целом и ее положения в мире. Ее функции на этот счет крайне минимизированы, а зачастую вообще сводятся к банальным призывам бороться с явными недостатками, причем без выяснения социальных причин возникновения этих недостатков. Зато способности изображать бурную руководящую деятельность (имитировать сильную власть) у этой власти оказались огромными, так что она оказалась властью по преимуществу виртуальной.

Поговаривают об изменении статуса президента — чтобы он избирался как глава партии, становящейся в случае победы на выборах правящей партией (как в США). Но весьма сомнительно, что такое случится. Скорее всего, закрепится существующий способ воспроизводства и сохранения власти «Кремля». В чем он заключается? Ельцин искал и намечал себе преемника, причем такого, который продолжил бы его начинания и гарантировал бы положение его «семьи». Путин стал исполняющим обязанности президента еще до истечения срока президентства Ельцина — обстоятельства сложились так, что ради самосохранения сложившейся власти Ельцин был вынужден уступить свое место намеченному преемнику. Официальные выборы Путина президентом ста-

ли чистой формальностью. Их исход был predetermined заранее. Этот прецедент говорит о том, что сложились механизм и технология отбора кандидата в президенты и его избрания, независимые от конституционной процедуры и случайностей демократии. Этот механизм, надо полагать, будет иметь силу и в дальнейшем.

Политическая стратегия Путина характеризуется такими принципами: 1) делать хоть что-то для улучшения жизни в стране в условиях сложившейся социальной организации (т.е. постсоветизма, ельцинизма); 2) интегрироваться в западное сверхобщество, возглавляемое США, на любых устраивающих Запад (США) и мало-мальски терпимых для России условиях. Такая стратегия максимально выгодна для «Кремля». По всей вероятности, она утвердится надолго.

Экономический переворот

Переход от коммунистической социальной организации в России к нынешней (постсоветской) произошел не по марксистской схеме. До переворота в России не было никаких предпосылок для него в экономике. Сначала произошел политический переворот. Затем захватившие власть реформаторы начали осуществлять преобразование экономики.

О советской экономике я уже говорил выше. К сказанному добавлю следующее. Российские реформаторы, захватив политическую власть в стране, решили превратить российскую коммунистическую экономику в экономику западнистского типа. Они не понимали на научном уровне ни ту и ни другую. Они имели о них лишь идеологически примитивное и извращенное представление, навязанное им в годы «холодной» войны западными идеологами и российскими критиками советской экономики. Но российской экономикой они могли распоряжаться по своему произволу, ограниченному лишь наставлениями (фактически — приказами) западных наставников. А последние подсказывали им такие идеи, реализация которых была в интересах Запада, победившего в холодной войне, а именно разрушение суверенности россий-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ской экономики и превращение России в придаток западной экономики. Совокупность этих идей и мер по их реализации характеризуется одним словом: приватизация.

Что такое приватизация? Это — превращение вещей (материальных предметов), прав заниматься какой-то деятельностью и доходов от нее, бывших собственностью и правами государства, в собственность и права частных лиц. Приватизация не есть возникновение частной собственности и частного предпринимательства, а именно превращение государственной (общественной) собственности и государственного (общественного) предпринимательства в частные. Если, например, в постсоветской России стали возникать новые предприятия, каких не было в советское время, это не приватизация. Приватизация — это если заводы, учебные заведения, больницы, квартиры и т.п., созданные в советские годы как государственные, превращаются в собственность частных лиц.

Есть приватизация и приватизация. Приватизация имеет место и в западных странах. Например, во Франции приватизировали некоторые автомобильные заводы, в Германии — почту, а в США — даже отдельные тюрьмы. Важно иметь в виду, что в западных странах подавляющее большинство предприятий являются частными. А те немногие, которые являются государственными, создавались и функционировали, так или иначе, по социальным (подчеркиваю: социальным!) законам экономики с доминированием частного предпринимательства. Приватизация государственных предприятий не меняет типа экономики и общей ситуации в ней. Как правило, ее даже не замечают рядовые граждане. Ее замечают те, кого она непосредственно касается. И то она не проходит безболезненно. Например, увольняется и остается без работы некоторое число людей, повышаются цены на некоторые товары и услуги.

Иначе обстояло дело с приватизацией в России после антикоммунистического переворота. Она коснулась экономики коммунистической, в которой почти все предприятия были государственными (общественными). О том, что это значит,

говорилось выше. Приватизировались предприятия и целые сферы хозяйства, совершенно не приспособленные к условиям частнособственнической и частнопредпринимательской экономики, — к условиям бизнесной экономики. Волевым решением власти стали создавать экономику частного бизнеса не путем инвестиций капиталов в создание новых предприятий — ничего подобного не было, — а путем захвата готовых коммунистических предприятий хозяйства страны частными лицами. Захвату придали экономическую видимость. На самом деле это была неэкономическая операция. Это был грабительский захват богатств страны, разгромленной в войне нового типа. Это было мародерство, воровство, использование положения, награда за предательство и т.д., но только не экономические мероприятия. Разговоры о некоем первоначальном накоплении капитала были вопиющим невежеством и жульническим прикрытием и оправданием военного грабежа. В результате этой так называемой приватизации были уничтожены советские трудовые коллективы, бывшие основой социальной организации населения и ячейками его жизнедеятельности. Были уничтожены невыгодные с точки зрения бизнеса предприятия и предприятия, нежелательные с точки зрения интересов западных стран. Возникла безработица. Началось идейное и моральное разложение широких слоев населения. Началось состояние, названное словом «беспредел», т.е. социально-экономическая катастрофа страны.

Невозможно поверить, будто российские реформаторы искренне верили в то, что эта приватизация приведет к подъему российской экономики на уровень западных стран. Их западные советники (вернее, хозяева) знали, что приватизация советской экономики неизбежно приведет к краху, чего и хотели на Западе. Приватизация была осуществлена как грандиозная диверсионная операция Запада. Осуществлена руками российских реформаторов, сыгравших роль «пятой колонны» Запада в России. Впечатление такое, будто армия завоевателей захватила страну и преобразовала ее применительно к своим интересам. Население России разделилось

на грабителей и ограбленных. Грабители — внутренние завоеватели, поддерживаемые и руководимые внешними.

Новая постсоветская экономика стала создаваться в России не путем превращения коммунистической экономики в западнистскую, что было исключено в принципе, а путем преднамеренного разрушения первой и создания из ее материала некоего подобия второй. О каком-то превращении здесь говорить в такой же мере правомерно, в какой построение нового дома на месте и из материала разрушенного дома есть превращение одного и того же дома из одного состояния в другое.

Российская экономика утратила экономический суверенитет. На уровне крупных предприятий она превратилась в придаток западной экономики. На уровне средних и мелких предприятий доминирующими являются предприятия сферы обслуживания — мелкая торговля, рестораны, посреднические конторы, агентства, исследовательские центры, учебные заведения и т.п., одним словом — непроизводительные предприятия. На вершине экономической пирамиды хозяйничают «олигархи», сросшиеся с государственным аппаратом, — гибриды сверхгосударственной и сверхэкономической власти.

Постсоветская идеология

В результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы в России была разгромлена советская социальная организация. При этом наиболее жестоко обошлись с советской идеологической сферой. На место обещанного реформаторами освобождения от тирании марксизма-ленинизма в Россию устремились потоки западной идеологии, началась поощряемая властями реанимация православия, стали расцветать всякого рода секты и шарлатанские учения, была отброшена и дезорганизована немарксистская часть советской идеологии, включая философию, социальные учения, этику, эстетику. Наступило состояние, в отношении к которому слово «беспредел» уместно с не меньшими основаниями, чем в отношении к прочим аспектам социальной организации страны.

Если принять во внимание все важнейшие аспекты жизни страны и если фиксировать изменения в достаточно большой период времени (за последние пятнадцать лет), а не за последний год-два, то не останется никаких сомнений относительно того, что тенденция к упадку является устойчивой и долговременной. Для такого утверждения имеются достаточно серьезные основания. Назову некоторые из них. Упадок идет по многим линиям. Если каждую линию взять по отдельности, то кажется, что упадок по ней можно остановить и сделать так, чтобы начался подъем. Такое можно сделать по нескольким линиям. Но когда одновременно упадок идет по десяткам и даже по сотням линий, то в стране просто не найдется сил не то чтобы охватить их все, а даже для того, чтобы как-то замедлить и ослабить суммарный упадок. Далее, в современных условиях на планете для эволюционного подъема требуется все больше материальных и интеллектуальных средств и усилий. Но именно в этом отношении в России идет процесс противоположный. Имеющиеся потенции и богатства либо остаются неиспользуемыми, либо используются именно как факторы упадка. Например, Россия является самой богатой обладательницей природных богатств. А как они используются?! Россия все более превращается в сырьевую базу для Запада. А как используются интеллектуальные и творческие ресурсы России?! Я не знаю другого большого народа в мире, который так холуйствовал бы перед всем западным и был бы так враждебен к своим гениям, которые могли бы стать национальной гордостью и точками роста именно социального прогресса. И даже вспышка русского национализма в последнее десятилетие имеет результатом ориентацию России не в будущее, а в прошлое.

Но мало сказать, что в России имеет место упадок. Тут имеет место нечто более серьезное, а именно — нисходящая ветвь социальной эволюции. А в этом случае имеет силу социальный закон, который я называю законом зеркальности. Суть его, коротко говоря, состоит в следующем. Когда говорят об отражении явлений реальности в сознании, то обычно

прибегают к сравнению с отражением предметов в зеркале. При этом игнорируют то, что отражение предметов в зеркале, будучи похоже на отражаемое, является вместе с тем искаженным, зеркально «перевернутым». На нисходящей ветви эволюции действуют те же общие социальные законы, что и на восходящей ветви, но действуют именно как зеркальное отражение их действия на восходящей ветви, то есть одновременно похоже, но и наоборот. Российские власти и реформаторы стремятся действовать так, как положено действовать для успеха, но их усилия, которые могли бы принести успех в восходящей ветви эволюции, теперь, в ситуации эволюционного упадка, дают результаты противоположные. Получается на деле лишь имитация подъема, успеха. Например, действия, которые по замыслу должны были бы привести к подъему экономики, создают видимость подъема, а по сути ведут к упадку и разрушению страны. Действия по укреплению власти ведут к ее ослаблению в качестве органа целостности и сохранности страны как единого целого. На деле получается, что чем больше успехов на поверхности эволюционного потока, тем дальше страна от реального возрождения и ближе к исторической гибели. Такой эффект неизбежен, поскольку для страны было выбрано губительное направление социальной эволюции, а именно — ее направили по нисходящей ветви эволюционного процесса.

Западнистская сверхцивилизация

Эволюционный перелом идет на трех уровнях организации человеиников:

- 1) на уровне образования сверхобществ;
- 2) на уровне объединения западных сверхобществ в единый человеиник, являющийся сверхцивилизацией по отношению к западной цивилизации;
- 3) на уровне образования глобального человеиника вследствие усилий западной сверхцивилизации и под ее господством.

Мы рассмотрели первый уровень. Рассмотрим кратко второй.

Тенденция к интеграции западной цивилизации в единый человек имела место всегда. Она принимала различные формы, — взаимное проникновение, культурное влияние, экономические связи, кровопролитные войны. Не была на этот счет исключением и Вторая мировая война. Она была многосторонним явлением. В составе ее шла война западного мира против мира коммунистического, война внутри самого западного мира за доминирование в нем и за ослабление и даже уничтожение конкурентов и война за создание насильственным путем хотя бы частичной западной сверхцивилизации, то есть за объединение западноевропейских стран в единое целое под эгидой гитлеровской Германии.

Обращаю внимание читателя на то, что объединение нескольких обществ в единый человек в этом случае предполагало следующие условия. Во-первых, человек, осуществляющий объединение и находящийся на пути к сверхобществу, каким была гитлеровская Германия. Таким был и Советский Союз в коммунистическом мире. Во-вторых, вертикальное структурирование объединяемых стран. На высшем уровне предполагалась Германия, уровнем ниже — Италия, еще ниже — прочие европейские страны. Нечто подобное имело место и в отношениях Советского Союза с другими коммунистическими странами Европы после войны. И в-третьих, навязывание объединяющим человеком прочим странам социального строя, аналогичного своему. Это же делал Советский Союз после победы над Германией в отношении ряда других завоеванных стран. Так что тут имела место общая социальная закономерность.

После Второй мировой войны тенденция к интеграции западного мира не оборвалась, а усилилась. Она лишь приняла другую форму. Историческую инициативу в этом процессе захватили США. Они вступили в войну в Европе в качестве спасителей западноевропейских стран от гитлеризма и от угрозы советского коммунизма. Нисколько не пострадав в этой войне, США без особых усилий стали лидерами западного

мира. Сразу же по окончании войны началась «холодная война» Запада, возглавленного США, против коммунистического мира, возглавлявшегося Советским Союзом. Она в сильнейшей степени способствовала интеграции западных стран. Это была первая в истории операция глобального масштаба Запада как единого целого. Возвышение США над странами Западной Европы и американизация ее явились одним из аспектов этого процесса. В какие бы идеологические одежды ни рядилась эта историческая роль США, это было фактически покорением Западной Европы внешней для нее силой. США делали то, что пыталась сделать гитлеровская Германия. Но другими средствами — гуманными, демократическими, экономическими, политическими, идеологическими, культурными. И не как блицкриг, а как длительный и терпеливый исторический период.

Но не следует при этом забывать о том, что все эти средства опирались на военную мощь США, которая неуклонно наращивалась. Холодная война США против Советского Союза была одновременно «холодной колонизацией» американцами стран самого западного мира. Напоминаю, что после распада советского блока и Варшавского Договора сохранилось НАТО и фактическое подчинение его США, а вооруженные силы США стали принимать непосредственное участие в европейских делах (агрессия в Сербию). Факт военного доминирования США над Западной Европой не подлежит сомнению. И доминирование это нарастает, приближая лидерство США в западном мире к наполеоновско-гитлеровскому образцу, — общие социальные законы человеческих объединений действуют и тут с неумолимой силой.

Второй аспект рассматриваемого процесса — образование объединения европейских стран, близкого по структуре к единому человечеству. Конечно, оно еще не завершилось. В нем есть нечто антиамериканское, во всяком случае — стремление к независимости от США и к образованию сообщества, сопоставимого по мощи с США. Но остановить этот процесс европейской интеграции уже вряд

ли возможно. Факт образования сверхцивилизации, поглощающей западноевропейскую цивилизацию, несомненен и в этом аспекте.

И третий аспект интеграции западного мира заключается в образовании бесчисленных и разнообразных организаций, учреждений и предприятий общезападного (наднационального) характера. Их уже сейчас насчитываются десятки (если не сотни) тысяч. Они не принадлежат ни к какой отдельной стране. Они возвышаются над ними. В их деятельность уже сейчас вовлечены многие миллионы людей. Они организуются и функционируют по социальным законам (правилам), отличным от тех, по каким организуются и функционируют компоненты привычных (традиционных) «национальных государств» Запада. Они образуют своего рода надстройку над странами западного мира («общество второго уровня»), придающую всей западной цивилизации характер гигантского сверхобщества. По моим подсчетам, эта надстройка уже включает в себя десятки миллионов людей, причем самой активной части населения западных стран. Она фактически контролирует более половины всех мировых ресурсов. Она фактически подчиняет себе «базисную» часть западного мира как единого человека.

Сейчас трудно сказать, насколько жизнеспособен этот социальный монстр. Не исключено, что он со временем расколется на два — на американский и европейский. Но пока в перспективе необходимость борьбы с азиатским коммунизмом, арабским миром и другими частями человечества, пока есть угроза бунтов в покоренной части и в своих странах, объединяющая тенденция остается доминирующей. Тем более она еще не сработала до определенного предела, после которого, как говорится, можно было бы почить на лаврах.

Ареной деятельности рассмотренной надстроечной части западной сверхцивилизации является весь западный мир, включая и США. Верхушка ее находится в США. Последние суть главная резиденция ее, но подразделения ее имеются во всех странах западного мира. Эта верхушка есть фактическая сверхвласть западной сверхцивилизации.

Глобальный человек

Выражение «глобальное общество» стало привычным в сочинениях и речах на социальные темы. При этом «глобальное общество» понимается как объединение всего человечества в единое целое, подобное привычным обществам (их часто называют «национальными государствами»), с единым мировым правительством и прочими учреждениями современных стран, только большего размера. Обоснование такого мирового социального монстра (около шести миллиардов человек, а футурологи обещают в будущем десять миллиардов и более!) идет по многим линиям. Перечисляются проблемы, которые якобы можно решить лишь совместными усилиями всех стран и народов планеты (демографические, экологические, голода, преступности, болезней и т. п.). Ссылаются на то, что складывается мировая экономика, ломающая границы «национальных государств» и решительным образом влияющая на их экономику. Ссылаются, наконец, на то, что мир уже пронизан сетью международных объединений, учреждений и организаций, сплотивших человечество в единое целое. В мире не осталось ни одного уголка, где какая-либо более или менее значительная человеческая группа вела изолированную жизнь. Жизнь людей все более и более находится под влиянием событий, происходящих далеко от тех мест, где они живут. Осуществилась глобализация средств массовой информации. Сложилась международная система производства, распределения и потребления информации. Благодаря ей разбросанное по всей планете человечество ощущает себя живущим в одном мировом объединении. Складывается единая мировая культура.

Тут все вроде бы верно. Но при этом все, говорящие и пишущие на эту тему, за редким исключением, отодвигают на задний план или совсем игнорируют тот факт, что сама идея «глобального общества» есть идея западная, а не всеобщемировая. Инициатива и усилия движения к такому объединению человечества исходят от Запада. В основе его лежит не стремление различных стран и народов планеты

к объединению — такое стремление появляется чрезвычайно редко, — а стремление определенных сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих конкретных интересах, а отнюдь не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика есть прежде всего завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причем в интересах этих компаний, а не в интересах прочих народов планеты. Некоммерческие международные организации в подавляющем большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе поддерживаемые и используемые ими. Мировой информационный порядок есть порядок, устанавливаемый странами Запада, и прежде всего — США. Фирмы и правительство США осуществляют контроль глобальной коммуникации. Западные медиа господствуют в мире. Мировая культура есть прежде всего американизация культуры народов планеты. Одним словом, идея «глобального общества» есть лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством.

Идея «глобального общества» есть идея прежде всего американская. После краха советского блока и самого Советского Союза США остались единственной сверхдержавой с претензией диктовать свой порядок всей планете. Однако она есть идея не только американская, а общезападная. Чтобы установить желаемый мировой порядок, США должны мобилизовать усилия всего западного мира. В одиночку им эту задачу не решить. С другой стороны, западные страны по отдельности не в состоянии сохранить свое положение в мире. Они могут удержаться на достигнутом ими уровне лишь совместными усилиями. А США уже заняли место лидера в их совместном движении к мировой гегемонии.

Единое человечество возможно, но не как мирное сосуществование равноправных стран и народов, а как структурированное социальное целое с иерархией стран и народов. В этой иерархии неизбежны отношения господства и подчи-

нения, лидерства, руководства, то есть отношения социального, экономического и культурного неравенства. Дело тут не в каких-то биологических причинах и не в плохих расистских идеях, а в объективных социальных законах организации больших масс людей.

Я говорю именно о вертикальном структурировании, а не просто о разделении человечества на регионы. Причем я это представляю себе не как одну иерархическую линию, а как переплетение многих линий, в котором единая мировая иерархия проступает лишь как тенденция. И среди этих линий следует в первую очередь назвать разделение человечества на западную и прочую (незападную) части. Отношения между ними являются совсем не братскими. Ни о каком их равенстве и равноправии и речи быть не может. Западная часть возвышается над незападной. В значительной мере первая уже господствует над второй и имеет тенденцию к полному мировому господству. Каждая из упомянутых частей имеет иерархическую структуру в самых различных измерениях. Об организации западной части мы уже говорили. Скажем коротко о том, что она намерена делать и делает в отношении прочего человечества.

Во второй половине XX века произошел перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такого уровня, что стихийный эволюционный процесс уступил место проектируемой и управляемой эволюции. Это, напомним, не означает, будто все в эволюции человечества стало планироваться и ход эволюции стал управляться в соответствии с планами. Это означает, что целенаправленный, планируемый и управляемый компонент эволюционного процесса стал играть определяющую роль в конкретной истории человечества. Цели при этом не обязательно благородные, они могут быть (и являются таковыми на самом деле) эгоистичными, гнусными, коварными и т. д. Планы не обязательно целесообразные и разумные, они могут быть нелепыми и даже безумными. Управление не обязательно по правилам разумного управления и не обязательно эффективно, оно может быть

дилетантским, неэффективным. Но это не влияет на сам тип эволюции, подобно тому, как плохая государственность не меняет тип власти как государственной, плохая экономика не меняет тип хозяйства как экономический.

Принципиально важно здесь то, что в западном мире сложилась социальная структура, в которой имеются компоненты, ставящие цели эволюционного характера и глобального масштаба, вырабатывающие планы достижения этих целей, обладающие способностью и средствами управлять огромными массами людей, принуждая их к деятельности по реализации этих планов, распоряжающиеся колоссальными материальными ресурсами, достаточными для того, чтобы исторические процессы, ранее бывшие стихийными, сделать сознательными.

Инициатива эволюции нового типа исходит из той надстроечной части западной сверхцивилизации, о которой говорилось выше. Она является и высшим органом управления эволюционным процессом, а также сверхвластью над образующимся глобальным человеком. Именно она правит человечеством в наше время, а не какая-то небольшая кучка богачей. Она включает в себя, конечно, денежный механизм западного мира и использует его как средство управления Западом и прочим человечеством. Но для управления одним Западом, в котором живет до миллиарда человек, этого мало. А для удержания под своим контролем около пяти миллиардов прочего человечества — тем более. Нужны мощные вооруженные силы, политический аппарат, секретные службы, средства массовой информации. Нужно иметь возможность распоряжаться ресурсами «национальных государств» Запада, принуждая к этому систему власти и управления их.

В этом аспекте все западные страны, включая США, являются аренной деятельностью этого глобального монстра. Верхушка его находится в США.

Последние суть главная резиденция этого «мирового правительства», поставщик мировых вооруженных полицейских сил, место расположения «штабов» для управления различными рычагами мировой власти, кузница командных,

карательных и идеологических кадров и исполнителей воли хозяев планеты. Но подразделения его имеются во всех частях западного мира и других частях человечества, уже находящегося в зоне его влияния и контроля.

Западные страны сформировались исторически в «национальные государства» как социальные объединения более высокого уровня социальной организации сравнительно с другими странами, как своего рода надстройка над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества в своих интересах. Воздействие этого явления на судьбы человечества было и остается противоречивым. Оно было могучим источником прогресса. И оно же было не менее могучим источником несчастий. Оно явилось причиной бесчисленных кровопролитных войн, включая две мировые, а также причиной гибели многих народов и целых цивилизаций. Оно не только не исчезло со временем, но усилилось. Оно лишь приняло новые формы и масштабы. Теперь западные страны покоряют планету не поодиночке, а совместно. Теперь они стремятся покорить все человечество и организовать его так, чтобы они могли удержать свою мировую гегемонию за собой навечно и чтобы могли эксплуатировать всю планету в своих интересах наивыгоднейшим для себя образом.

Стремление западных стран к овладению окружающим миром не есть всего лишь злой умысел каких-то кругов этих стран — «империалистов». Оно обусловлено объективными законами социального бытия. Всем ходом исторического развития Запад вынуждается на то, чтобы установить мировой порядок, отвечающий его интересам. Он не просто имеет возможности и силы для этого, он уже не может уклониться от этой эпохальной задачи.

В ходе холодной войны была выработана стратегия установления нового мирового порядка — стратегия создания реального «глобального общества». Я называю ее словом «западнизация».

Западнизация

Сущность западнизации состоит в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни, подобных таковым (или имитирующих таковые), что существуют в западных странах. Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, который при этом изображается средоточием всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, — так или иначе внушает западная идеология и пропаганда западнизируемым народам, — и мы хотим помочь вам стать такими же свободными, богатыми и счастливыми, как мы. Но для этого вы должны сделать у себя, в своих странах, то, что мы вам посоветуем.

Это — на словах. А на деле западнизация (в рассматриваемом здесь смысле!) имеет реальной целью довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному существованию и развилию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить их к западному миру не в роли равноправных и равномогущих партнеров, а в роли зоны колонизации.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизируемой страны и даже страстное желание пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть да еще при этом испытывала бы благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнов и идеологическая обработка. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключаящая и насилие. Добровольность со стороны западнизируемой страны еще не означает, что все население ее единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации.

Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую пред-

стоит западнить. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать ее, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для них в кратчайшие сроки, если их страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики, порождает паразитизм в стране и создает Западу репутацию бескорыстного спасителя западнизируемой страны от язв ее прежнего образа жизни. Одной из черт западнизации является мирное решение проблем. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, идеологической и политической мощью, достаточной, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Но мирные средства ничто, если они не базируются на мощи военной. И в случае надобности Запад, как показывает опыт, не остановится перед применением оружия, будучи уверен в своем подавляющем превосходстве.

Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии. По ряду признаков это есть продолжение прежней колониальной стратегии западноевропейских стран. Но в целом это есть новое явление. Назову характерные признаки его.

Колониальная демократия

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции данной страны в силу ее внутренних условий и

закономерностей ее исторически сложившегося социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся возможностям и тенденциям эволюции. Она поддерживается мерами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией. Иногда это делается как освобождение данного народа от гнета со стороны других народов. Но чаще и главным образом идея освобождения и национальной независимости есть идеологическое средство манипулирования людьми.

Глобализация

После Второй мировой войны начался стремительный (с точки зрения исторических временных масштабов) процесс интеграции западного мира, — процесс превращения западной цивилизации в сверхцивилизацию западнистского типа. К концу холодной войны социальная структура западного мира (интегрирующегося в единое целое Запада, западнистской сверхцивилизации) приняла такой вид.

В рамках западных стран («национальных государств») сформировались своего рода «надстройки» над компонентами их социальной организации — сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология и т. д. Из их взаимодействия образовались «надстроечные» объединения наднационального и межнационального масштаба, а также объединения, охватывающие весь западный мир, скажем, — глобальное сверхобщество. Поскольку основной территорией расположения его подразделений стали США и поскольку оно тесно переплелось с «надстроечной» частью сверхобщества самих США, то выражения «США», «Америка» и «Вашингтон» стали двусмысленными: стали обозначать то, что касается США как одной из западных стран, и то, что касается обще-западного и глобального сверхобщества.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Эволюционный процесс человечества принял такой вид, который характеризуется в целом понятиями «западнизация», «американизация» и «глобализация». Все эти понятия обозначают один и тот же процесс, лишь рассматриваемый с различных точек зрения. Этот процесс является в реальности покорением всего человечества западным миром как единым целым. С этой точки зрения он может быть назван процессом западнизации человечества. Поскольку в западном мире доминируют США, поскольку они распоряжаются большинством ресурсов Запада и планеты, этот процесс может быть назван американизацией человечества. Поскольку над США и над всеми западными странами господствуют сверхобщественные явления, объединяющиеся в той или иной мере в общезападном сверхобществе, зоной активности которого становится вся планета, этот процесс может быть назван как глобализация человечества.

Бесспорно, глобализация есть не воображаемый, а объективный процесс. Он имеет объективные основания и закономерности. Но это процесс жизнедеятельности людей, обладающих волей и сознанием. В нем решаются судьбы людей, стран, народов, поколений. Откуда-то исходит инициатива этого процесса. Ведь не обстоит же дело так, что все шесть миллиардов людей собрались и решили: давайте-ка объединимся в единое глобальное целое ко всеобщей взаимной выгоде! Инициатором глобализации является западный мир. Основания глобализации исходят с Запада. Осуществляется она силами Запада и в интересах Запада прежде всего.

Социальная сущность глобализации состоит в том, что это — самая грандиозная спланированная и постоянно планируемая в деталях и управляемая в основных аспектах война западного мира не просто за мировое господство, а за овладение эволюционным процессом человечества и управление им в своих интересах. Поясню это утверждение.

Социология и войнология

Науку, в которой профессионально изучаются войны как особые объекты, я называю войнологией. Я не специалист в

войнологии. Но войны суть явления в жизнедеятельности социальных объектов, профессионально изучаемых в социологии. И социологи (и философы, занимавшиеся социальными проблемами), естественно, всегда посягали на осмысление войн. А в наше время войны приобрели такой вид и такое социальное значение, что провести четкую границу между социологическим и войнологическим подходом к войнам практически вряд ли возможно. И войнологи все чаще и основательнее обращаются к социологическому аспекту войн при рассмотрении профессионально войнологических проблем. Так что я как социолог чувствую себя вправе высказаться на тему о войне.

Войны тоже суть явления исторические, подверженные законам эволюции. Сопоставим в этом плане три мировые войны XX столетия и начала XXI. Первая мировая война шла внутри западного мира (западной цивилизации) между его частями. Считается, что она шла за передел сфер влияния и эксплуатации. Конечно, это имело место. Но имело место и нечто другое, более глубокое, а именно — борьба за доминирование в западном мире и в истории человечества вообще. Западный мир был социально однороден и не имел эволюционных конкурентов. В результате этой войны такой конкурент у Запада появился: русский (советский) коммунизм.

Вторая мировая война была смешанной. В одном аспекте она была внутри западного мира между его частями за доминирование того же рода, как в Первой мировой войне. В другом аспекте это была война всего западного мира против советского коммунизма как эволюционного конкурента западнизму. В результате войны коммунизм окреп, стал распространяться по планете и заявил претензию на мировое господство.

Холодная война

Сразу после Второй мировой войны началась интеграция западного мира и борьба его против мирового коммунизма. Началась холодная война Запада, возглавляемого Соеди-

ными Штатами Америки, против Советского Союза и советского блока. Она переросла в новую мировую войну, причем в войну нового типа.

Общепринято понимание войны как борьбы враждующих сил, в которой используются специальные средства уничтожения живой силы противника (людей) и разрушения сооружений — мечи, стрелы, пушки, пулеметы, танки самолеты и т. д. Но опыт второй половины XX века внес в понимание войны новые коррективы. В течение более полувека шла борьба стран западного мира, возглавлявшегося США, против стран коммунистического блока, возглавлявшегося Советским Союзом. Она получила название холодной войны. В этой борьбе армии Запада не вступали на территорию Советского Союза. Не стреляли пушки, не взрывались бомбы и вообще не использовались средства войны в привычном смысле. Для решения военно-политических целей использовались, причем очень эффективно, так называемые невоенные средства и, прежде всего, политическое давление, информационная диверсия, спекуляция на гуманитарной проблематике, работа спецслужб, несправедливая и хитроумная дипломатия. Советскому Союзу был нанесен ущерб гораздо больший, чем самая страшная в истории человечества война — война с Германией 1941-1945 годов. Нет надобности говорить о потерях нашей страны, они общеизвестны. Кроме того, вооруженные силы сыграли в этой борьбе роль огромную, но особую — как потенциальное орудие борьбы. Без них эта борьба была бы вообще немыслима. Так что употребление слова «война» в отношении этой борьбы, которое прочно вошло в речи и публикации об этом периоде истории, можно считать вполне оправданным.

К сказанному следует добавить еще и то, что с окончанием холодной войны борьба Запада против нашей страны не прекратилась. Она продолжается. Она перешла в новую стадию, которую я называю «теплой» войной. В ней к средствам холодной войны добавились средства войны в привычном смысле — «горячей» войны, а также новые средства, например, диверсионные операции огромного масштаба в

политической и экономической сферах. «Теплая» война распространилась и на другие регионы планеты — Ирак, Балканы. Есть достаточно серьезные основания утверждать, что человечество уже вступило в эпоху новой глобальной войны, причем войны нового типа.

Война нового типа

Что это за война? Чтобы достаточно точно и полно охарактеризовать ее, нужны фундаментальные исследования. Я сейчас назову лишь такие ее черты, которые наметились в период холодной войны и стали отчетливо оформляться теперь, в наступившую эпоху «теплой» войны. Думаю, что они получат всестороннее развитие в наступившем XXI веке. И весьма вероятно, что компоненты «горячей» войны будут усиливаться, как это уже имело место со стороны НАТО и США против Сербии.

При оценке всякой войны нужно установить, кто участвует в войне (кто ее ведет), каковы цели участников ее, какие средства используются, как протекает сама война (стратегия и тактика). А чтобы охарактеризовать с этой точки зрения уже начавшуюся войну нового типа, необходим научный анализ эволюционного перелома, который произошел во второй половине XX века. Социальная сущность этого перелома заключается, во-первых, в переходе человечества от эпохи обществ к эпохе сверхобществ и, во-вторых, в превращении исторического процесса из стихийного и неуправляемого в проектируемый и управляемый.

Сверхобщество, коротко говоря, есть человеческое объединение с более высоким уровнем социальной организации, чем привычные общества. Этот более высокий уровень определяется тем, что над государственностью вырастает сверхгосударственность, над экономикой — сверхэкономика, над идеологией — сверхидеология, и эти «надстройки» образуют новый компонент в социальной структуре, т. е. компоненты социальной организации общества (государство, право, экономику, идеологию), но трансформирует их применительно к новым условиям и доминирует над ними.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Исторически первым образцом сверхобщества огромного масштаба с претензией на мировой лидерство был Советский Союз. Он остался непонятым в этом социальном качестве. После Второй мировой войны западный мир стал эволюционировать также в направлении к сверхобществу. К сверхобществу другого типа. Я его называю западнистским. Началась интеграция стран западного мира в глобальное западнистское сверхобщество. Последнее уже взяло твердый курс на установление своего мирового господства. И оно успешно идет этим путем, — осуществляет глобализацию человечества, используя в качестве своего главного оружия насильственную западнизацию прочих народов планеты. Основные учреждения этого глобального западнистского сверхобщества базируются в США. Они срослись с соответствующими учреждениями США, так что выражение «США» («Вашингтон») стало двусмысленным: оно обозначает США как одно из «национальных государств» Запада, так и глобальное сверхобщество, о котором я сказал выше. В это сверхобщество уже вовлечено до ста миллионов человек. Оно распоряжается почти семьдесятю процентами мировых ресурсов. Оно манипулирует правящими силами стран Запада, включая высших лиц их системы власти. Оно уже запустило свои щупальца во все уголки планеты.

Холодную войну против нашей страны вели не просто Соединенные Штаты как национальное государство, а то сверхобщество, о котором я говорю. Сейчас продолжается период «теплой» войны. И возглавляет его именно то сверхобщество, о котором идет речь в данном случае.

Другой аспект эволюционного перелома второй половины XX века заключается в том, что исторический процесс из стихийного и неподконтрольного людям превратился в проектируемый и управляемый. Сказать только то, что он планируется и управляется людьми, значит сказать нечто бессмысленное. Надо точно указать, какими именно силами и как именно планируется и управляется. Субъектом, который проектирует ход исторического процесса и управляет им, является огромное множество людей западного мира,

объединяющихся в глобальное западнистское сверхобщество, о котором я говорил. Это сверхобщество организует весь западный мир в единое целое, нацеливает и организует его на покорение всей планеты. Огромное число специалистов, центров, организаций, учреждений и т. п. занято в деле планирования и управления ходом исторического процесса. Та история, с которой имел дело К. Маркс, когда писал о неких законах стихийной эволюции, осталась в прошлом. Ресурсы, контролируемые сверхбогатством, настолько огромны, что позволяют даже эволюционные процессы осуществлять так, как раньше осуществлялись частичные операции вроде строительства аэропортов, кораблей, каналов и т. п.

Самым грандиозным примером такого рода может служить антикоммунистический переворот в нашей стране, готовившийся в течение всей холодной войны и осуществленный в горбачевско-ельцинские годы. Жертвой этой планируемой и управляемой истории становятся целые страны и народы. Первые решающие операции западнистского сверхобщества в отношении нашей страны успешно (с точки зрения наших врагов) осуществились. Но оно не успокоилось на этом.

Эволюционная война

В применении к войне этот перелом означает, что война нового типа, о которой идет речь, есть не просто война за захваты, за передел мира, за рынки сбыта и т. д.

Это война гораздо более глубокая и масштабная — это война эволюционная, война за всю последующую эволюцию человечества. У нее были предшественники. Вспомните намерение гитлеровской Германии создать мировую империю по заранее задуманному проекту. Вспомните намерение марксистов построить мировой коммунизм. Это были попытки, можно сказать, с негодными средствами, непосильные для исполнителей эволюционных проектов. Теперь положение на планете изменилось. Условия и мощь новых инициаторов организации человечества по заданному образцу стали такими, что намерения подчинить себе сам эволюционный

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

процесс выглядят вполне реалистично. Осуществимы или нет эти намерения, это другой вопрос. Сейчас важно то, что это определяет характер уже начавшейся мировой войны нового типа.

Повторяю и подчеркиваю, происходящая война есть война эволюционная. Поэтому не случайно главным противником западнистского сверхобщества стал Советский Союз, опередивший западный мир в эволюционном отношении более чем на полвека. Для Запада проблема разгрома Советского Союза была не просто проблемой ослабления военного, политического, идеологического и экономического конкурента. Это была проблема уничтожения эволюционного конкурента, угрожавшего устроить мировой порядок по своему плану и имевшего на это реальные шансы. Вспомните, давно ли было время, когда политическая карта мира в ее большей части была выкрашена в красный цвет! Советский Союз открыл линию социальной эволюции, качественно отличную от той, по которой шел западный мир, с которой Запад не мог и не может свернуть, которая является необходимым условием исторического выживания Запада. Советский Союз стал образцом для подражания для сотен миллионов людей незападных народов. Поражение Советского Союза в холодной и «теплой» войнах нанесло сильнейший удар по коммунистической линии социальной эволюции, но не убило ее окончательно. Живет и крепнет Китай. А с точки зрения западных стратегов происходящей войны, еще не добит окончательно советский коммунизм, еще есть опасность его возрождения, Россия еще не добита до конца, она еще вызывает страхи в западном мире. И война нового типа как эволюционная война не окончена. Завершающие ее битвы еще впереди.

Сверхобщество использует разнообразные средства покорения и эксплуатации планеты, которые, с точки зрения устаревших понятий о войне, выглядят самыми что ни на есть мирными, но на самом деле превосходят многие средства «горячих» войн именно как средства завоевания и разгрома противников. Исчезновение четких разграничений между специфически военными и мирными средствами стало од-

ним из устойчивых признаков войны нового типа. Исчезло также четкое разделение на профессионально военных и гражданских лиц, фронта и тыла, военных и мирных операций, состояния войны и мира. Налицо ситуация, когда мы уже живем в состоянии перманентной войны нового типа, а людям в головы вбивают и вбивают идеологию «лишь бы избежать войны». Идеологию, выгодную агрессорам, завоевателям и погромщикам других народов. И те теоретики, которые настаивают на привычном (устаревшем!) понятии войны, предлагая называть состояние холодной и «теплой» войн другими нейтральными и умиротворяющими словами, действуют вольно или невольно в пользу нового глобального агрессора, одним из средств которого является идеологическое оболванивание человечества.

Эффективность средств войны нового типа («мирной» войны) достаточно убедительно обнаружилась в войне западного мира против нашей страны. Советский Союз потерпел поражение в ней. Советский блок распался. Распался и сам Советский Союз. Разгромлена советская (коммунистическая) социальная организация в странах бывшего Советского Союза. Почему и как это произошло и к каким последствиям привело нашу страну, на эту тему я многократно высказывался в моих публикациях и публичных выступлениях. Не буду повторяться. Остановлюсь лишь на одном явлении. Я имею в виду разгром Советского Союза руками самих советских людей и насильственное навязывание странам бывшего Советского Союза социальной организации, исключающей возможность возрождения бывшего советского региона в качестве эволюционного конкурента для Запада.

Чтобы осуществить то, о чем я только что сказал, Запад должен был обладать достаточно мощными средствами оказывать давление на Советский Союз. Но этого мало. Запад должен был проделать огромную работу по идеологической обработке советского населения и создать в Советском Союзе свою «пятую колонну», способную склонить советское население к массовому предательству и капитуляции перед Западом. Фактор предательства и капитулянтства имел место

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

и во время войны с Германией. Но лишь в холодную войну он перерос в социально значимый. В войну 1941-1945 годов высшее советское руководство сохранило преданность стране и идеалам коммунизма, проводя беспощадную борьбу против предательства и капитулянства.

Войну советский народ закончил более сплоченным, чем был до нее. В холодную войну на путь предательства и капитулянства встали представители высшей власти и идеологической элиты, часть интеллигенции (художественной и научной), предательство поощрялось с высот власти. В него оказалось вовлеченным все активное население страны. Сложилась настолько мощная «пятая колонна» Запада, что иностранная интервенция и оккупация оказались излишними. Большинство населения оказалось пассивным и не оказало почти никакого сопротивления контрреволюционному (антикоммунистическому) перевороту. Метод раскалывания населения покоряемой страны на враждующие части, создания своей послушной «пятой колонны», склонение одной части (бунтующей) к предательству и захват власти прозападными активистами был недавно применен силами Запада и Югославии. А перед этим Сербия подверглась нападению со стороны НАТО и США с использованием новейшего оружия «горячей» войны.

Коварство войны нового типа состоит в том, что она не воспринимается как война. Более того, она преподносится в пропаганде и воспринимается массами людей как стремление избежать войны. Суть дела понимают немногие. И возможности для них сделать свое понимание широко известным ничтожны. Огромному числу людей на планете состояние перманентной войны такого типа выгодно и удобно во многих отношениях. И даже в стане жертв такой войны значительная часть людей выгадывает от нее и предпочитает ее активному сопротивлению агрессору.

Бесчисленные «мелкие» уступки завоевателям со стороны покоряемых жертв не воспринимаются каждая по отдельности как поражение. Из множества таких уступок складывается стратегия, идеология и психология исторической

капитуляции. Ее последствия даже ее жертвами не переживаются как личные жертвы. Так что не исключено, что эта война растянется еще на множество десятилетий и превратиться в норму последующего бытия человечества. С войнами будет покончено путем превращения мира в состояние непреходящей войны.

На основе сказанного становится очевидной следующая черта войны нового типа: она является единственной, уникальной. Раньше, когда создавалась теория войн, имелось в виду множество войн. Находились их общие черты, определялись причины, их порождающие, строились классификации, выяснялись отличия и особенности различных ее видов и т. п. Сейчас речь идет не о множестве однотипных войн, а об одной единственной войне, которая назревала несколько десятилетий, уже охватила эволюционно активное ядро всего человечества (стала глобальной) и угрожает стать стержнем исторической жизни наступившего XXI столетия. Уже «холодная» война была единственной войной, имевшей сложную структуру в пространстве и времени. Все прочие войны были ее эпизодами, частями, проявлениями. Во всяком случае, она составляла основу для огромного числа на первый взгляд разрозненных конфликтов. И тем более это качество характерно для «теплой» войны, очевидным образом чреватой многочисленными очагами войны «горячей». Интеграция западного мира в глобальное западнистское сверхобщество с необходимостью ведет и к интеграции военных конфликтов в своего рода сверхвойну.

ЧАСТЬ 4

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Временной аспект

Социальные объекты суть объекты эмпирические. На них распространяется все то, что говорилось выше об эмпирических объектах вообще: они возникают в какое-то время, существуют в определенном временном интервале, в этом интервале изменяются, обладают пространственными размерами, в определенное время уничтожаются и т.д. Напомню читателю также о том, что они многомерны. Это означает не просто то, что они многосторонни, это утверждение диалектики банально, а то, что они возникают, живут и разрушаются одновременно в различных аспектах бытия. Выше я рассказывал об аспектах материальной культуры и человеческого материала, но большую часть изложения посвятил аспекту социальной организации человеков. Естественно, мне приходилось затрагивать и временной аспект. Однако все, что я говорил на эту тему, носило подсобный и фрагментарный характер. В этом разделе я намерен рассмотреть ряд фундаментальных проблем, специфически связанных с временным аспектом социального бытия людей.

Две сферы интеллектуальной деятельности людей специально ориентированы на временной аспект. Предмет одной из них — прошлое человечества, предмет другой — будущее. Первую я буду называть ретрологией, вторую — футурологией. Я буду употреблять также слово «история». Слово это много-

значно. Им называют вообще последовательность событий во времени, события прошлого и интеллектуальную сферу, изучающую и описывающую прошлое каких-то объектов. Ретрология в моем понимании входит в эту сферу. Я слово «история» буду употреблять как слово общеразговорного языка. Из контекста каждый раз будет ясно, о чем именно идет речь.

Физическое и социальное время

Ни в одном сочинении на тему о прошлом и о будущем я не встречал определения самих понятий прошлого и будущего и описания свойств суждений (высказываний) о прошлом и о будущем, которые я называю соответственно ретросказаниями (ретрогнозами) и предсказаниями (прогнозами). Что такое прошлое, это считается чем-то очевидным и само собой разумеющимся: это то, что существовало и происходило до того времени, в которое заходит речь о прошлом и которое считается настоящим. Аналогично будущим считается то, что будет существовать и происходить после того времени, в которое заходит речь о будущем и которое считается настоящим. Но ясность тут кажущаяся. Можно ли отнести к прошлому прошедший час, вчерашний день, прошедший месяц или год? Можно ли отнести к будущему предстоящий час, завтрашний день, предстоящий месяц или год? Смотря для кого и смотря, с какой точки зрения. Тут примитивной очевидностью не всегда можно удовольствоваться. Тут требуется уточнение понятий.

Аналогично обстоит дело с ретросказаниями и предсказаниями (с ретрогнозами и прогнозами). Можно ли считать ретросказанием утверждение главы государства, что в прошедшие два года благосостояние граждан улучшилось вдвое благодаря его усилиям? Можно ли считать предсказанием его обещание, что в будущем году благодаря его политике безработица уменьшится вдвое? Можно ли считать ретросказанием утверждение мудреца, что наша планета возникла много миллиардов лет назад, и считать предсказанием его утверждение, что планета рано или поздно разрушится?

Ранее мне уже приходилось высказываться на темы, относящиеся к временному аспекту бытия. Напомню читателю основные мои суждения такого рода и сделаю ряд важных дополнений к ним.

Надо различать физический и социальный аспекты времени. В первом из них предполагаются эмпирические события и их последовательность в качестве опорных точек для абстрагирования, осознания и измерения времени, но сами эти события не являются объектами исследования. В социальном же смысле предполагается, что время как-то осознается людьми, принимается во внимание и измеряется, но внимание ориентируется на реальную жизнь людей во времени.

Для отношения прошлого, настоящего и будущего в социальном смысле мало сказать, что они следуют друг за другом во времени. Тут предполагается некий эмпирический субъект, который живет во времени, осознает свою жизнь во временном аспекте и как-то учитывает это в своей жизнедеятельности. Таким субъектом является человек и объединение людей, живущее как единое целое. Назовем его социальным субъектом. Для него прошлое, настоящее и будущее суть его жизнь в различные периоды времени, а не сами эти периоды времени как таковые.

Это — его состояния в физическом прошлом, настоящем и будущем. Различия этих состояний определяется не периодами времени, а факторами жизни социального субъекта. Он осознает свою жизнь, используя понятия времени, осуществляя деление времени и измеряя время. Но деление времени этим субъектом на прошлое, настоящее и будущее определяется не часами и календарем, а этими эмпирическими факторами. Оно может совпадать с календарными датами и может специально к ним приурочиваться, но как символическое явление или случайное совпадение.

Для социального субъекта физическое настоящее не есть лишь миг, не имеющий протяженности. Для него это — протяженный временной интервал, в котором он рассчитывает и совершает свои действия так, как будто время не уходит в прошлое и не приходит из будущего, — как будто время есть нечто застывшее. Эту свою жизнь он считает на-

стоящим по отношению к тем событиям в физическом прошлом, о которых он помнит или узнает от других но которые не принимает в расчет в настоящем, а также по отношению к событиям, которые мыслимы в физическом будущем и с которыми он тоже не считается как с реальностью в его настоящем. Для него настоящее время неразрывно связано с его определенным состоянием, определенным образом его жизнедеятельности. Именно факторы этого состояния определяют границы его социального настоящего в физическом времени.

Благодаря сознанию настоящее для социального субъекта оказывается растянутым в физическом времени множеством событий, часть которых «уходит» в физическое прошлое и другая часть «приходит» из физического будущего. Но они не переживаются как события из социального прошлого и, соответственно, социального будущего. Социальным прошлым для социального субъекта становятся события в физическом прошлом, которые уже не включаются в его социальное настоящее, не принимаются в расчет в социальном настоящем. Социальным будущим для него являются события в физическом будущем, которые еще не включаются в его социальное настоящее, точно также не принимаются в расчет в его жизнедеятельности в его настоящем.

Разделение на социальное прошлое, настоящее и будущее не является абсолютно четким, неизменным и одинаковым для всех. Это — часть исторической жизнедеятельности людей, подверженная перипетиям живого процесса. Но оно так или иначе имеет место. Социальная история разделяется на прошлое, настоящее и будущее относительно каких-то социальных субъектов. По мере прохождения физического времени социальное настоящее сдвигается так, что часть настоящего уходит в прошлое и часть будущего включается в настоящее.

Подчеркиваю: люди в их социальном настоящем совершают поступки не потому, что что-то имело место в их социальном прошлом или будет иметь место в их социальном будущем, а из-за явлений их социального настоящего. Когда они сами думают, будто совершают поступки под влиянием событий социального прошлого или будущего, они либо не различают физическое и социальное время, либо совершают

поступки под влиянием идей, которые им вбивают в головы как якобы отражающие социальное прошлое или прогнозирующие социальное будущее.

Для познания упомянутых трех подразделений человеческой истории имеют силу универсальные правила интеллектологии, рассмотренные в первой части данного курса лекций. Но между этими подразделениями имеют место различия, порождающие различные познавательные проблемы. Для научного решения этих проблем требуются средства, практически приложимые по преимуществу в том или ином подразделении или даже не используемые в других в силу отсутствия в них таких проблем.

Устремленность во времени

По мере прохождения физического времени социальное настоящее сдвигается в физическое будущее. Интервал физического будущего, включаемого в настоящее, может увеличиваться. Это означает, что люди все дальше и дальше заглядывают в физическое будущее, все больше в своей жизнедеятельности ориентируются на предполагаемые в будущем события, в наступлении которых они более или менее уверены. Они как бы устремляются в будущее. Для них ход исторического процесса как бы ускоряется. Но возможно и такое, что по мере перемещения социального настоящего в физическом времени граница физического прошлого, включаемого в социальное настоящее, остается той же или сдвигается настолько медленно, что расширение социального настоящего происходит в основном за счет физического прошлого. Ход исторического времени как бы замедляется. Возможно даже такое, что в настоящее начинают включать факторы еще более отдаленного прошлого, и тогда социальное настоящее как бы устремляется в прошлое. Возможно также такое, что у людей вообще не появляется или исчезает отношение к своему социальному бытию как к бытию в социальном времени. Их жизнь при этом есть бытие в бесконечно (в их восприятии) длящемся социальном настоящем. В этом случае возникает ситуация, которую можно считать

остановкой исторического времени для данной человеческой общности. Физическое время при этом проходит, но люди не переживают свою жизнь как ориентированную во времени в будущее. Подавляющее большинство народов, живших и живущих на планете, является именно таким. В том, о чем шла речь, никакого ускорения, замедления, остановки и обратного хода физического времени не происходит. Тут в жизни социальных субъектов происходит нечто такое, что связано с их памятью о прошлом, со способностью сохранять традиции и избегать новшеств, со способностью предвидеть будущие события и последствия своей деятельности, со способностью считаться с ними в их настоящем. Это происходит в их социальном настоящем, которое может охватывать жизнь множества поколений в течение десятилетий, столетий и порою тысячелетий.

Устремленность в будущее есть не извечное и не всеобщее явление, а сравнительно молодое, исключительное и преходящее. Думаю, что оно есть изобретение западноевропейской цивилизации. Запад не всегда был устремлен в будущее. Как и прочие народы, народы западные жили настоящим. Христианская религия вообще снимала проблему будущего как проблему социальную, отнеся ее в сферу загробного бытия и религиозной морали. Практические расчеты не выходили за рамки жизни в настоящем. Начало ориентации Запада на будущее относится, по всей вероятности, к эпохе Возрождения, когда будущее как фактор социальный было из сферы потустороннего спущено на землю, в обычную человеческую жизнь в настоящем.

Самого высокого, на мой взгляд, уровня устремленность в будущее достигала в сталинские годы в Советском Союзе. Основная масса населения жила будущим в полном смысле слова. Подчеркиваю, не просто мечтала (мечтали-то не все, и даже не большинство, а немногие!), а именно жила. Весь образ жизни их был построен так, что исследователь, наблюдающий их как независимое от него, объективное явление бытия, должен был бы обнаружить фактор устремленности в будущее (для наблюдаемых людей, а не для исследователя) как существенный социальный фактор, игнорируя который,

он не смог бы объяснить поведение этих людей. В послесталинские годы начался спад в этом отношении. К концу брежневского периода этот спад завершился идейным кризисом советского общества и после 1985 года полным идейным крахом. В посткоммунистический период устремленность в будущее вообще исчезла как социально значимое явление. Зато усилилась устремленность в прошлое.

Возврат в физическое прошлое логически (а значит и эмпирически, в реальности) невозможен. Время необратимо: если некоторый момент или интервал времени следует за другим относительно любого способа установления временного порядка событий, то невозможно, чтобы их отношение переменялось на противоположное относительно какого-то способа установления временного порядка событий (отсчета времени). В социальном же настоящем для данного социального субъекта возможно оживление и возрождение явлений, которые считались явлениями социального прошлого, так что эволюция этого субъекта воспринимается как устремленность в социальное прошлое. В XX веке такое явление приняло грандиозные глобальные масштабы как реакция на устремленность в будущее. Произошла как бы дифференциация человечества в его отношении к социальному времени на устремленных в будущее и устремленных в прошлое. Устремленность в прошлое стала важным фактором жизни в частях человечества, страдающих от западнизации и глобализации. Характерным ее проявлением может служить фундаментализм. В посткоммунистической России она приняла гротескные формы, причем не только как реакция на тяжкие последствия западнизации, но и как реакция на коммунистическое прошлое.

Отношение к ретрологии

Мой интерес к проблемам истории был связан с моей профессиональной деятельностью в сферах логики и социологии. Интерес к исторической тематике был делом второстепенным и побочным. Я для себя установил, что реальная история человечества сфальсифицирована и фальсифицируется систематически уже в настоящем. Все, что необходимо

для научного понимания социальных явлений, в изобилии можно наблюдать в настоящем. Ссылки на факты, описываемые в исторических сочинениях, не дают почти ничего для научного подхода к реальности или вводят в заблуждение. Характерным примером на этот счет может служить то, что самая грандиозная попытка построить научную теорию социальных явлений (человеческой истории), опираясь на картину истории, созданную усилиями историков в ряде столетий, а именно — марксистская, оказалась в конечном счете лишь идеологической концепцией. Она со своей стороны внесла огромный вклад в дело фальсификации социальной реальности, ставший одним из факторов в комплексе факторов, обусловившем крах советского (русского) коммунизма. Попытки серьезного изучения истории пришлось в силу обстоятельств отложить до лучших времен.

Мое критическое отношение к ретрологии (к истории как к науке о прошлом человечества) стало складываться вместе с критическим отношением к советской реальности.

С первых же шагов знакомства с марксизмом, который стал основой советской государственной идеологии, перед мной стали возникать вопросы «еретические». Впоследствии я назвал их «детскими». Вот один из них, — один из первых, насколько я помню.

Согласно марксистскому учению, в эволюции человечества действует такая закономерность: в экономическом базисе общества происходят изменения; надстройки (государственная власть, право, идеология) отстают от них; затем происходит изменение надстроек, — они приводятся в соответствие с базисом. Я, еще будучи школьником (это было в 1938-1939 годы) обратил внимание на то, что в реальной истории последовательность событий во времени была такой. Задолго до Маркса появились идеи коммунистического общественного строя, — Томас Мор, Кампанелла, социалисты-утописты. Лишь в девятнадцатом веке появился Маркс. В 1847 году появился «Коммунистический манифест». Союз коммунистов. Коммунистический Интернационал. Конец девятнадцатого века — Ленин, организация профессиональных революционеров. Революция 1905 года. В 1917 году крах

Российской империи, Февральская революция. Социалистическая революция в октябре 1917 года. Политический переворот. Революционеры во главе с Лениным и большевиками захватывают высшую власть. Используют власть для слома государственной власти царизма и создают новую систему власти — советскую. При всем этом вдохновляются идеями марксизма. Новая система власти, вдохновляемая коммунистической идеологией, начинает многолетнюю деятельность по созданию нового, коммунистического экономического базиса. Происходит индустриализация и коллективизация страны. Создаются коммунистические деловые коллективы. Таким образом, до Октябрьской революции 1917 года в России не было никакого коммунистического базиса (в марксистском смысле).

В моей интеллектуальной жизни рассмотренный случай был не единственным и не последним. Однако в течение многих десятков лет мне не встретился ни один человек, который высказывал бы аналогичные мысли, и не попадалась на глаза ни одна публикация в таком духе, кроме моих. Лишь после публикации моих работ в последние годы стали появляться в печати заявления, что советский коммунизм возник не по марксистской схеме. Разумеется, это делается без ссылок на мои работы, хотя факт заимствования очевиден. И авторы заимствований весьма смутно представляют себе, в чем именно заключалась марксистская схема и как на самом деле происходил реальный исторический процесс.

Логическое и историческое

Шли годы. Пршла война 1941-1945 годов. Затем — годы учебы в университете и в аспирантуре. Я стал профессиональным логиком, ставшим на путь разработки своей логической теории и логической методологии науки. Но лишь в 1954 году мне довелось публично высказаться на рассматриваемую здесь тему. Это имело место в контексте кандидатской диссертации, которая тогда стала фактически запрещенной. Она была опубликована лишь в 2002 году (!) тиражом в 500 экземпляров.

Темой моего выступления было отношение между исторической последовательностью событий (последовательностью появления объектов во времени) и логической последовательностью рассмотрения объектов в научном исследовании их как компонентов реально существующего органического целого (сложного) социального объекта, каким является современное развитое общество. Я подверг критике вульгарный историзм, отвергавший специфические логические правила на этот счет, не сводимые к законам бытия (официальная идеология настаивала на этом, что и стало предлогом для запрета диссертации). Логическая последовательность иногда совпадает с исторической, а иногда — нет, и никакого правила тут просто нет, — таков был мой вывод. И сама эта проблема, если отбросить идеологический аспект (а он тогда был главным), банальна. Более важной является тут проблема отношения исторического и социологического аспектов.

Социологическое и историческое

В послесталинские годы (особенно — в шестидесятые) в Советском Союзе возникло множество групп (в частности — методологических семинаров), в которых обсуждались самые разнообразные проблемы. Иногда и мне приходилось выступать в них. Приведу отрывок из одного такого выступления (оно было в 1978 году опубликовано на Западе в сборнике моих выступлений).

Говорят: чтобы понять коммунистическое общество, надо выяснить, как оно формировалось исторически, рассмотреть историю его становления. Но существует тривиальный методологический принцип: если мы не знаем, что появилось, то бессмысленно выяснять, как оно появилось. Надо знать, что именно появилось. И лишь после этого и на основе этого выяснять, как же оно появлялось. Без этого всякий исторический подход лишен смысла. И я могу сформулировать такое, на первый взгляд, еретическое утверждение: именно исторический подход к такому обществу, как советское, закрывает всякую возможность его пониманию. Почему? Шла история. Люди влезали на броневики, произносили речи, захватывали

оружейные склады, телефонные станции, ставили к стенке, стреляли, носились с шашкой наголо на коне с криками «ура» — это неслась история. А в это время незримо, незаметно, где-то в обществе зрело то, что я называю социологией. Ведь чтобы Чапаев мчался с шашкой и в развевающейся бурке, должна быть канцелярия в дивизии, а в канцелярии надо столы расставить, а за эти столы посадить людей. Нужно было бумажки выписывать, печати ставить, штампы какие-то... И когда драматическая история пронеслась, и дым развеялся, выяснилось, что именно из этого получилось, что именно осталось от истории. Контора осталась. История умчалась в прошлое, а контора с ее бумажками, печатями, скукой, званиями, распределением по чинам, волокитой, очковтирательством и прочими прелестями осталась. Надо, повторяю и подчеркиваю, брать общество в том виде, как оно сложилось и существует на наших глазах. И тогда будет понятно, зачем носился Чапаев с шашкой наголо: отнюдь не для того, чтобы спасти страждущее человечество, а для того, в частности, чтобы чиновники из аппарата всех сортов власти (ЦК, КГБ, Академии наук, Союза писателей и т.п.) могли на персональных машинах ездить в спецраспределители за продуктами, которых нет в обычных магазинах, приобретать шикарные квартиры и дачи, пользоваться лучшими курортами и достижениями медицины...

Более обстоятельно эта моя позиция была изложена в книге «Коммунизм как реальность» — в первой моей профессиональной социологической работе (если не считать социологические разделы в литературных сочинениях, начиная с «Зияющих высот»). Книга эта была написана еще в 1978 год. Приведу отрывок из нее.

Идеи историзма в понимании явлений человеческой жизни стали теперь настолько естественными, что даже мысль о возможности оспаривать их кажется кощунственной. Тем не менее, тут требуются серьезные коррективы.

Я не отвергаю роли и пользы историзма в исследовании таких явлений, как социальный строй данной страны. Но я считаю, что ведущая роль в этом должна принадлежать социологической точке зрения. Надо знать, что именно получи-

лось в результате исторического процесса, чтобы разобраться в сущности этого процесса, ибо последняя и состоит в ее результате. Надо понять ставшее общество как данность, чтобы постичь смысл каких-то исторических событий, предшествовавших ему и, как кажется, продуцировавших это ставшее общество. А задача исследования ставшего общества есть задача социологическая.

Социология тоже рассматривает жизнь общества как протекающую во времени. Но есть существенное отличие роли времени в социологическом подходе от роли времени в случае исторического подхода. Социология стремится познать формы социальной жизни, регулярно воспроизводящиеся в стабильном виде во времени, их универсальные закономерности и тенденции. Для истории же важно познать то, каким путем эти формы жизни однажды возникли во времени. Если поставить вопрос так: а каким образом вообще возникают такие формы жизни, т.е. вопрос общий, то научным ответом на него могут быть лишь суждения социологов о том, как воспроизводятся эти формы жизни в данном обществе.

Никакого научного исторического объяснения того или иного типа общества не существует с чисто логической точки зрения. Существуют лишь иллюзии исторического объяснения. Не случайно до сих пор армия ученых не может объяснить происхождение языка, человека, христианства и прочих сложных явлений общественной жизни. Не потому, что фактов мало, — фактов в таких случаях часто бывает более чем достаточно. А потому, что это в принципе невозможно. В случае со становлением коммунистического общества мы знаем слишком много исторических деталей. Но пока не будет построена научная теория ставшего общества, все это так и останется лишь историей данного куска мира в данное время. А упомянутая теория может быть построена лишь отвлеченно от истории, лишь рассматривая данное общество как эмпирический факт.

Историческая ориентация сознания уже сама по себе препятствует научному пониманию интересующего нас общества, ибо истории здесь навязывают чуждые ей функции. Историческое сознание (историческая наука) фиксирует, какие события происходили в данном объеме пространства и времени и в

какой последовательности, у него есть свои критерии отбора и оценки событий. Его внимания удостоиваются события, например, имевшие в свое время широкий резонанс, произведшие сильное впечатление на современников, но не имеющие никакого значения с социологической точки зрения. Историческая ориентация сознания отвлекает внимание в сторону явлений, от которых в первую очередь следует отвлечься, если мы хотим понять тело нового общества, родившегося и окрепшего в данном историческом облачении. Исторический процесс есть, конечно, тоже реальность. Но это — реальность, исчезающая в прошлое. Созревшее в нем существо (новое общество) сбрасывает это свое историческое облачение, ставшее ему тесным и чуждым. Оно снова облачается в какие-то исторические одежды, но более соответствующие его сути и не производящие уже впечатления его причин. Социологическая же реальность ориентирована на то, чтобы оставаться.

В историческом процессе, который привел к рождению коммунистического общества в Советском Союзе, принимали участие миллионы людей. Они совершали миллиарды различных поступков. Они совершали эти поступки в своих личных интересах. Они действовали по законам коммунального поведения, а не по законам истории, — таковых для поведения людей вообще нет. Часть этих поступков людей работала в пользу нового общества, часть — против. Одни и те же поступки по одним линиям действовали в пользу нового общества, по другим — против. Не всегда люди, которые были за новое общество, действовали в пользу его. И не всегда те, кто был против нового общества, действовали против него. Революционеры сделали много против революции, а контрреволюционеры — в пользу революции, не подозревая об этом. Практически (да и логически) невозможно разграничить то, что работало «за», и то, что работало «против». Лишь после того, как процесс произошел, стало возможно по полученному результату судить о его прошлом с большей или меньшей степенью правдоподобия. Исторически же ориентированное сознание обречено все принимать за чистую монету, в частности — только в приверженцах коммунистической доктрины и их поступках видеть источник

коммунистического общества, а в тех, кто не разделяет этой доктрины, — источник противоборствующих сил. Оно не способно, например, понять того, что без помощи представителей привилегированных слоев старого общества в России новое общество не смогло бы просуществовать и года.

Даже в тех случаях, когда сам исторический процесс становится предметом внимания, порой лишь социологический подход может дать ориентацию в мутном потоке истории. Например, Коммунизм в Советском Союзе возник как результат определенного индивидуального стечения обстоятельств и естественного процесса выживания страны в жутких условиях развала Российской империи. Это был путь, навязанный обстоятельствами, а не нечто проведенное по заранее намеченному марксистскому плану. Коммунисты лишь воспользовались обстоятельствами, чтобы сыграть желанную или вынужденную роль в истории, — психологически одно без труда переходит в другое. От людей, повторяю, зависит разрушить тот или иной общественный строй, разрушая образ жизни населения той или иной страны. Но что построится на месте разрушенного общества, зависит от общих социальных законов организации людей в большие коллективы и конкретных условий, в которых это происходит. То, что случилось в России, во многом совпадает с тем, о чем говорили марксисты. Но о чем только они не говорили?! Случившееся во многом и не совпадает с этими марксистскими разговорами. Теперь выбирают то, что вроде бы совпадает, и игнорируют то, что явно не совпадает, или наоборот. Бессмысленно отрицать влияние марксизма на ход процесса. Но нелепо и думать, будто сложившийся реальный коммунизм был реализацией замыслов отдельных людей и партий. Здесь имели место благоприятные исторические совпадения и мутный словесный поток, допускающий любые истолкования пост-фактум.

Два подхода к реальности

ЕСЛИ даже допустить, что историческая наука не фальсифицирует реальную историю, остается различие исторического и социологического подходов к реальности в том, что

историческая наука поставляет фактический материал для размышлений, но лишь социология дает средства его понимания. Так называемая «мыслящая история» есть лишь социологический анализ самого исторического процесса.

Исторический и социологический подходы — это не только различные взгляды на одно и то же. Это есть выделение различных процессов в едином более сложном процессе и различное понимание их соотношений. Дело в том, что не все, происходящее в данном пространственно-временном объеме, в котором формируется новое общество, способствует появлению нового общества, входит в число порождающих его причин и условий, вообще как-то связано с новым обществом. Новое общество, в свою очередь, имеет свои основы и источники, не являющиеся специфическим элементом событий в данном пространственно-временном объеме, имеет свою жизненную линию, которая выходит за рамки этого объема как в прошлое, так и в будущее. В мире вообще переплетаются различные эволюционные линии. Порой они совпадают, так что кажется, будто они образуют одну единую линию. Обрыв одной линии не обязательно есть начало другой. Так, конец монархического режима в России не был началом коммунистического строя, — линия последнего уходит в глубь общественной жизни и в прошлое так, что она долгое время сосуществует с линией монархического режима. Когда зарождается и складывается новый тип общества, происходит это в исторически данном материале, в формах и условиях, которые сами являются продуктом прошлой истории. Здесь процесс социальный (формирование нового общества) происходил в рамках процесса исторического, причем — как нечто вроде бы производное и скрытое. Во всяком случае, когда процесс завершается, его участники и активные деятели обычно с недоумением замечают: то, что они вроде бы строили, куда-то испарилось, а вместо этого нагло вылезло то, о чем они и не подозревали. Когда новое общество оказывается достаточно сильным, оно становится на свои собственные ноги и принципиально меняет свое отношение к исторической форме. Оно по-прежнему существует в какой-то исторически индивидуальной форме, но теперь

социальный процесс играет здесь активную роль, определяет собою вид последующего исторического процесса.

Историческое в данном случае не есть нечто чисто случайное и преходящее. Оно во многом тоже приходит на века. Абстрактно рассуждая, можно, например, игнорировать границы государств, но не так-то просто осуществить это на деле. В мечтах можно перенести Москву на более подходящее место. Практически же это невыполнимо. Коммунистическое общество (как и все вообще в мире) складывается исторически и существует как индивидуальное, неповторимое явление. Но это происходит в некоторых стандартных и устойчивых формах (опять-таки как и все вообще в мире).

Ретросфера

Сравнительно недавно (с началом письменного языка) возникла, быстро достигла колоссальных размеров и приобрела огромное значение в жизни человечества особая культура, которую я называю ретросферой. В ней сейчас так или иначе принимает участие чуть ли не все мало-мальски образованное человечество, начиная с обучающихся детей и кончая авторами бесчисленных речей, статей, книг, картин, фильмов, памятников и т.д. Все это общеизвестно. Нет надобности это описывать специально. Число всякого рода занятых в ней специалистов сосчитать невозможно. И роль их в формировании сознания и поведения людей необъятна.

Особенность этой ретросферы состоит в том, что она создает видимость науки о прошлом человечества. И она действительно содержит в себе некоторые явления, выполняющие эту функцию. Но в целом она наукой не является. Она возникла на материале данных о прошлом людей, включает в себя хранение, распространение, использование и т.д. этих материалов. Но по своей сущности она есть явление настоящего, создавалась и существует для настоящего, служит для его нужд. Принимая форму явления о прошлом, она, повторяю и подчеркиваю, есть явление в настоящем и для настоящего. Это — явление, специально изобретенное огромным числом людей для их нужд в текущей жизни в настоящем.

В том аспекте, в каком она живет как продукт и материал специально обученных специалистов, живущих за ее счет и являющихся ее хранителями, творцами, потребителями и распространителями, я ее называю ретрологией.

Ретрология возникла с претензией быть (и в некоторой мере сохраняет эту претензию) наукой о прошлом. Но в целом это — не наука, а особая культура, имеющая основной целью и результатом формирование сознания людей и управление людьми путем манипулирования сознанием их. Если смотреть на нее глазами ученого, стремящегося к некой научной истине, то вы обнаружите в ней ничтожно мало сравнительно с тем, что в ней изобретено. И к тому же этому изобретенному придан такой вид, что даже самые умные и честные люди, стремящиеся следовать критериям научного подхода к изучению явлений прошлого, уже не способны выполнить эту функцию. Они занимаются фактически изобретенным (вымышленным) прошлым, лишь подделанным применительно к интересам людей настоящего. В этом состоит основная роль ретрологии и ее социальная сущность. Все прочее — обман, мистификация, подделки, фальсификация, идеология, пропаганда и т.п. Это, повторяю, особая социальная культура, изобретенная именно для такой цели и выполняющая свою роль в общем и целом именно так как это и требуется творцам и хозяевам того, что называют историей человечества, но что было бы точнее называть сочинительством особой культурой настоящего (ретрологии) на некотором материале прошлого.

Разработана сложная и детальная технология создания, хранения и распространения этой культуры. Она вошла в плоть и кровь миллиардов людей. Изъять ее из этой среды и как-то очистить уже невозможно. Конечно, эта культура — живая. Она постоянно пополняется, подправляется и даже порою радикально меняется. Она разнообразна, содержит взаимоисключающие и враждебные компоненты. Временами в ней проскальзывают лучи истины. Но при всех обстоятельствах сохраняются некоторые основы. Миллионы и даже миллиарды людей так или иначе узнают или усваивают какие-то компоненты этих основ, создают

своей жизнедеятельностью непрерывную линию ретрологии как великого (по масштабам) изобретения человечества. Напоминаю (и буду это делать настойчиво!), что основная ее социальная функция — обработка сознания масс людей, грубо говоря — оболванивание их под видом образования и просвещения. Образование и просвещение на самом деле даются, но в формах и размерах, какие отпускает людям все-сильное человеческое окружение. Люди думают и говорят о прошлом не то, что они хотят, а что их вынуждают делать учителя, наставники, профессиональные сочинители истории, пропагандисты, мистификаторы, мошенники, проповедники и прочая армия творцов изобретенной культуры ретрологии.

Эта культура, повторяю, живая. Она обогащается, корректируется, временами радикально меняется. Она приносит массам людей образование, просвещение, развлечение, удовольствие, гнев, недовольство и прочие чувства и переживания. Я вообще не призываю никого к переменам в ней и к усовершенствованию, — это не мое дело. Дело непосильное и для одиночек безнадежное. Я ограничиваюсь лишь социальным анализом самого этого феномена и констатацией факта. То, что называют исторической наукой, в целом таковой не является. Ссылки людей на некие факты истории не имеют никакой доказательной силы. Никакой!

А сейчас вообще начался буквально ураган сознательной, умышленной, организованной фальсификации не только отдаленного прошлого людей, но и всей текущей современной жизни людей. Фальсификация прошлого всегда имела место. И фальсификация настоящего тоже. Последняя стала стремительно нарастать. Дело тут не в том, будто люди стали больше врать. Дело в том, что люди стали больше говорить, писать, сочинять, изображать и т.д. Появилось радио, телевидение и прочие средства. Только одних новых книг ежегодно появляются миллионы. А сколько фильмов, телевизионных передач?!! И процент информации во всем этом, в ничтожной мере отражающей истины, настолько ничтожен, что его нельзя измерить. Понятие истины тут вообще не имеет смысла.

Фальсификация прошлого

Фальсификация прошлого стала обычным делом в жизни людей с самого начала возникновения языка, в особенности — письменного. Продукты фальсификации стали фиксироваться вещественно, сохраняться долгое время, накапливаться, усовершенствоваться. В чем люди добились больших успехов — в открытии научных истин в отношении своего социального бытия (в отношении понимания самих себя и своей жизни в своих социальных объединениях) — или в фальсификации наблюдаемой реальности — трудно сказать. Сейчас я склоняюсь к тому, что фальсификация эта — не ложь в вульгарном смысле, а препарирование информации такого рода, что понятие истины вообще теряет смысл. Конечно, люди врут. Но дело тут не просто в обмане. Дело в таком отборе информации и таком ее комбинировании, когда каждая фраза по отдельности может быть вроде бы верной, а их совокупность дает извращенную картину реальности, искажает ее, создает ложное впечатление, вводит в заблуждение. Сложилась умелая технология манипулирования мыслями людей в духе, желательном для манипуляторов. Бороться против этого невозможно.

Хозяева информации могущественны и профессионально подготовлены. Конечно, идет обмен мнениями и ведется критика, — в жизни идет идейная (словесная) борьба. Это общеизвестно. Есть оппозиция и все такое прочее. Но это не отменяет социальные законы бытия людей, включая законы функционирования информации. Фальсификация появляется при всех обстоятельствах. Речь может идти лишь о ее степени, силе, наглости, стремлении к истине, стремлении к преднамеренной лжи и т.п. В наступившую эпоху можно констатировать буквально буйство фальсификации. Этим специально занимаются целые исследовательские и пропагандистские центры (их сотни и тысячи!), печатается столько всего, что за этим не могут уследить даже профессионалы. Информация стала самым дешевым продуктом. Но в основном — в том виде, в каком ее производят информаторы. Ею сейчас захламлена свыше всякой меры интеллектуальная

среда людей. Люди буквально «обжираются» информацией. Но чего на стоит на деле! Какова степень ее правдивости!! Да и вообще, какое это имеет значение?

Изменить общую ситуацию в мире в этом отношении невозможно. И я в этом не вижу никакого реального смысла. Проблема в том, возможна ли какая-то научная (удовлетворяющая критериям научного подхода к исследуемым объектам в моем понимании) ретрология или нет? Если и возможна, то перспективы ее ничтожны. А главное — от состояния ретрологии существенным образом не зависит историческая картина прошлого. Прошлое ушло и никогда не вернется. Какую картину люди придумают для него, зависит от интересов живущих в настоящем. Как бы ни пошел ход истории, хозяева исторического процесса изобразят его именно в том виде, в каком это желательно и выгодно им. Конечно, делались и будут делаться какие-то научные открытия. А судьи кто?

Но все же можно развить научный подход к проблемам ретрологии в каких-то узких рамках, например — для потребностей небольшой группки знатоков, жрецов какой-то касты посвященных. Не исключено, что историческая правда станет запретным и законспирированным объектом ничтожной части человечества, допущенной в какой-то мере к истине. Но я этим людям не завидую. Я предлагаю совсем другой подход к проблемам социального бытия. В двух словах он таков.

Для достаточно развитого и образованного в моем духе (в духе моих книг) ума никаких тайн бытия (как говорится — тайн за семью печатями) вообще не существует. Все важнейшие тайны бытия доступны для понимания, если к ним подходить с позиции, построенной по правилам моей логической и социологической теории. Но этому надо много лет учиться. Для этого надо иметь способности, которые встречаются редко, реже чем способности прочих видов. Тут действует обманчивая ситуация. Людям обычно кажется, будто они сами все понимают, раз постоянно имеют дело именно с житейскими делами. Но знать и понимать — не одно и то же. Именно те, кто считает себя знатоками жизни, меньше всего понимают именно в ней.

Как я уже не раз отмечал, интеллектуальная среда человечества испорчена больше, чем природная, и степень ее испорченности не уменьшается, а растет как никогда ранее.

Ретрология

В рамках ретросферы я выделяю часть, которую называю ретрологией. Люди, занимающиеся ретрологией, делают это профессионально. Число этих людей огромно, и профессиональный уровень высокий. В деятельность их вовлекаются огромные средства. Нет надобности описывать все это, — это общеизвестно. Я ограничусь описанием лишь некоторых черт этого феномена, имеющих социологическое значение.

Определяющим качеством ретрологии является не то, что она занимается прошлым человечества, а то, что она делает это в настоящем, делает на материале прошлого, но именно в настоящем и ради целей настоящего. Это — культура настоящего, лишь принимающая вид культуры прошлого. Отчасти это — научное изучение остатков, следов, последствий и т.п. прошлого. Но главным образом это — изобретение особой культуры в настоящем. При этом, повторяю, используются средства прошлого. Но главным является именно изобретение предметов, связанных с прошлым, относимых к прошлому, используемых в связи с прошлым. Это — творческая деятельность в настоящем. Тут изобретается в воображении и в предметах настоящего многое такое, чего не было в прошлом. Прошлое изобретается так, как будто оно на самом деле было в прошлом.

Прошлое воссоздается по особым правилам. Изобретается что-то новое. Понятие истины в научном смысле используется как одно из средств творчества. Картина прошлого делается не по правилам логики, хотя логика допускается иногда, а в основном в нарушение их.

История фальсифицируется как единое целое, а не как скопление разрозненных кусков по отдельности. Это — работа системная.

Прошлое постоянно подправляется применительно к потребностям настоящего. При этом текущий ход истории вооб-

ще не зависит от того, как принимают прошлое участники событий с научной точки зрения. Он зависит прежде всего от того фальсификата, который в него погружается совсем не с целями науки.

Прошное фальсифицируется регулярно. Идет неутомимая работа по «строительству» ретрологии.

От реального прошлого запоминается и сохраняется сравнительно немного. Разработана особая технология. Она используется педантично и технично. Тут есть свои виртуозы фальсификации. Не надо фальсифицировать буквально все. Порой бывает достаточно исказить какую-нибудь мелочь. Но она въедается в глубины лжи более основательно, чем явления крупные. Фальсифицируются как правило не отдельно взятые события, а целые эпохи. Порою фальсифицируется даже весь ход исторического процесса, охватываемый десятилетиями и веками. При этом дело обстоит не так, будто какие-то умные люди правильно понимают ход событий для себя лично, а для других выдумывают ложь. Ничего подобного нет и не бывает. Фальсификаторы вообще не имеют правильной картины истории, препятствуют ее созданию. Они с самого начала искренне лгут и уродуют реальность. Они профессионально готовятся так, что в принципе оказываются неспособны на истину.

Не все о прошлом есть ложь. И правда бывает. Но картина в целом, сложенная из верных фрагментов, получается ложной. Функция картины в целом — не истина, а введение в заблуждение.

Сфальсифицированная картина создается не раз и навсегда. Она меняется применительно к новым условиям, возможностям и потребностям. Это — не более глубокое научное понимание прошлого, а более утонченная и изощренная ложь. Построить картину прошлого, чтобы сходились все концы с концами, в принципе невозможно. Картина живет во временно данном виде, порою — долго и устойчиво, порою — застывает на века.

Проблема прошлого есть неотъемлемая часть будущего. Это — творчество для того, как именно будет выглядеть прошлое в будущем. Прошное в реальности не существует. Его

не изменишь. Его просто нет. Но исторически творимая картина компенсирует все недостатки, потери, измышления.

Можно ли как-то вырваться из мира фальсификации? Абстрактно рассуждая — можно, посвятив этому всю жизнь. Есть некоторые средства для этого. Но рассчитывать на большой успех вряд ли стоит. Не хватит сил и жизни. Способы выбраться, повторяю, существуют. Например, прошлое в определенной мере сохраняется в настоящем в «снятом» виде. Будущее есть реализация тенденций и потенций настоящего. Эмбрионы будущего рождаются на наших глазах. Если задаться целью раскапывать истину истории, можно разыскать буквально завалы прошлого. Но есть доминирующая линия эволюции. Есть огромное число фальсификаторов и «закапывателей» истины. Сила на их стороне. Историей владеют они. Прошлое становится фактором настоящего по многим линиям, в том числе по таким: как условие и материал для настоящего; как то, что входит в структуру настоящего в «снятом» виде; как материал для идеологии, навязываемой исторической наукой.

Прошлая социальная эволюция человечества в существенных чертах содержится в его современном состоянии, сохраняется и удерживается в нем. Будущая социальная эволюция предсказуема в той мере, в какой ее эмбрионы существуют изначально. Со временем они развиваются, раскрывают свои потенции. Так что не все исчезает из истории. С эволюционной точки зрения, будущее социальное состояние человечества в значительной мере предопределено и даже логически вычислимо. В мире в той или иной мере одновременно сосуществуют явления всех прошлых социальных эпох. Не вечно, конечно. Но более или менее долго.

Реальная история есть совокупность событий в конкретном пространстве и в конкретном временном интервале. Число этих событий зависит от множества факторов, включая размеры пространства и времени, число членов объединения, число объединений, степень сложности их жизнедеятельности. В сравнительно большом и развитом человеческом объединении, взятом в сравнительно большом временном интервале, число это, конечно, но огромно. Когда-то я

пытался подсчитать число социальных событий в некотором осредненном районе из ста тысяч человек в течение одного года. Получалась величина, превышавшая многие миллиарды событий. А сколько же их произошло в стране из десятков миллионов людей в течение нескольких десятков лет, не говоря уже о столетиях! И как бы педантично не фиксировали эти события в отраженной истории (в языке), зафиксировать их все в принципе невозможно. Фиксируется (если вообще это делается!) лишь незначительная их часть. Например, в одной Британской энциклопедии при описании довольно большого периода русской истории (несколько десятков лет) указано лишь одно событие — изобретение балалайки.

Этот пример характерен также с точки зрения отбора событий реальной истории для записи их в истории отраженной. Отбор производят люди, обладающие определенной информацией и имеющие определенные цели, что не имеет ничего общего с отображаемой ими историей.

Для практической жизни людей в наше время не играет роли, где и когда жили те или иные исторические деятели, да и жили ли они вообще. Не играет роли и то, что по расчетам теоретиков произойдет через много лет.

Проблема будущего

О будущем люди думали и говорили испокон веков. Однако думать и говорить о будущем социальном строе социальных объединений люди начали сравнительно недавно. Первыми мыслями такого рода, оставившими заметный след в истории, были «Утопия» Томаса Мора и «Государство Солнца» Томазо Кампанеллы. Историческое расстояние между ними было сто лет, если не больше. А мы пишем их рядом, через запятую, как будто никакого времени не проходило! Следующий шаг в этом направлении сделали домарксовские социалисты и коммунисты Сен-Симон, Фурье, Оуэн и другие. И опять на этот шаг ушло не одно столетие. И самый значительный шаг связан с именем Маркса, который стал родоначальником самой грандиозной идеологии социального будущего человечества. Более чем на столетие эта идеоло-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

гия овладела умами и чувствами многих миллионов людей на планете, оказав огромное влияние на социальную эволюцию западного мира и всего человечества. Марксистское учение о будущем (для того времени) «полном коммунизме» стало важнейшей частью государственной идеологии коммунистических стран. Его называли «научным коммунизмом», хотя научного в нем не было ни единого слова, во всяком случае — ничуть не больше, чем в сочинениях Мора, Кампанеллы и социалистов-утопистов. Тем не менее, оно заслуживает внимания хотя бы как поучительный урок.

«Научный коммунизм»

Марксистское учение о коммунистическом обществе было выработано в условиях общества капиталистического, причем — как отрицание того, что марксизм усмотрел в капитализме. Оно строилось как нечто нормативное, т.е. по принципу, что там должно быть и чего не должно быть. В нем не должно быть эксплуататорских классов, отношений господства и подчинения, стихийности и анархии производства, безработицы, экономических кризисов, государственных учреждений, денег, экономического и социального неравенства. Вместо этих зол должны наступить блага. Производительные силы в коммунистическом обществе получают неограниченные возможности для развития, целью производства станет не получение прибыли путем эксплуатации наемного труда, а удовлетворение постоянно растущих потребностей трудящихся, наступит изобилие всех предметов потребления, на место отношений классовой вражды придут отношения дружбы и взаимопомощи.

Марксизм, создавая картину будущего коммунизма, удивительным образом игнорировал обстоятельства, очевидные без всякой науки, уже на уровне здравого смысла, а именно — тот факт, что сложное общество из многих миллионов людей не может существовать без многоступенчатой иерархии социальных позиций, без отношений социального (а не экономического) господства и подчинения, без сложной системы органов государственной власти, без экономичес-

кого и социального неравенства, обусловленного иерархией социальных позиций и необходимостью управления людьми и коллективами людей. В Советском Союзе осуществилось то, что считалось главным условием для коммунистического рая, а именно — была ликвидирована частная собственность на средства производства, и были уничтожены эксплуататорские классы частных собственников. Но вместо того, что обещал марксизм, во всю мощь развернулись именно те факторы, которые марксизм игнорировал.

Учение о высшей стадии коммунизма (о полном коммунизме) образует своего рода райскую часть коммунистической идеологии. Здесь рай спущен с небес на землю. И обещается он хотя и в неопределенном будущем, но все же не после смерти всех людей, а при жизни наших потомков.

Не Марксизм изобрел этот земной рай. Еще Томас Мор в своей «Утопии» описал общество всеобщего благоденствия, справедливости и счастья, в котором обобществляется имущество, отмирает государство с его атрибутами, чиновники становятся слугами народа, воцаряется подлинная свобода, всестороннее развитие получают все лучшие качества человека, все потребности людей удовлетворяются.

Возможно ли в реальности такое общество, какое рисует марксизм в качестве полного коммунизма, или нет? Категорический ответ на этот вопрос исключен. Кое-что из того, что он обещает, возможно, а кое-что невозможно никогда и нигде. Но в основном все зависит от истолкования этих предсказаний, что есть прерогатива идеологии. Можно самые фантастические обещания истолковать так, что они наверняка сбудутся или уже сбылись. Например, идеология утверждает, что при коммунизме исчезнут классовые различия между рабочими и крестьянами, а также «существенные» различия между городом и деревней. И это предсказание наверняка сбудется. Они уже не были существенными для советского общества. Возьмем, далее, лозунг коммунизма «Каждому — по потребности». Если этот лозунг понимать буквально, то он никогда не осуществится хотя бы потому, что удовлетворенная потребность рождает новую (согласно самому Марксу), что потребности разнообразны, что желае-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

мые ценности не одинаковы. Но если его понимать научно, т.е. социологически, то он реализуется всегда и во всяком обществе: не сам индивид по себе, а общество определяет, каковы его способности, и каковы должны быть его потребности согласно его положению в обществе. Советская идеология, осознав нелепость лозунга коммунизма в его марксовской безответственной формулировке, пошла именно по этому пути — по пути приближения идеологической сказки к реальности. Стали говорить о здоровых, разумных потребностях. А что это такое? И кто решает, что считать разумным, и что нет? Реализация коммунистического принципа «по потребности» не исключает социальное и экономическое неравенство людей, также как и другие негативные явления реального коммунизма.

Опыт коммунистических стран XX века показал, что основные предсказания марксизма относительно будущего коммунистического общества (исчезновение классов, материальное и социальное равенство, отмирание денег и государства и т.д.) не сбылись. Сбылось лишь «предсказание» ликвидации частной собственности на средства производства. Но и то это «предсказывали» до Маркса. К тому же это было не предсказание в строгом смысле слова, а идеологический и затем политический лозунг практической деятельности, подобно тому, как призывы к ликвидации монархии были лозунгами буржуазных революций, а не предсказаниями.

Западная футурология

После Второй мировой войны на Западе возникла особая форма сочинительства, получившая название науки о будущем (футурология). В большом количестве стали появляться романы и фильмы, посвященные будущему и относимые к категории научно-фантастических. Научного в них, как и в сочинениях футурологов, было еще меньше, чем в марксистском учении о «полном коммунизме», над которым на Западе издевались с момента его появления. А основы фантастики оказались теми же, что и основы религиозного мракобесия прошлого, — искажение законов природы и правил логики.

Характерной чертой футурологии является полное пренебрежение к правилам логики и методологии науки, к объективным закономерностям социальных явлений и к свойствам конкретных человеческих объединений. Человечество бралось в ней как нечто социально однородное.

Полностью игнорировалась его социальная структура. Выделялись отдельные аспекты жизни людей или сенсационные научные открытия и технические изобретения, им давалась субъективная (тенденциозная) интерпретация, и будущее общество изображалось в таком виде, будто вся жизнь в нем крутится вокруг этого и будто ничего другого в нем нет. Предсказания касались частных и второстепенных явлений. Предсказания же большого масштаба были заведомо вздорными или вообще бессмысленными. Преобладали методы идеологии, развлекательства и бизнеса. Специалисты по «научному коммунизму» делали упор на рост сознательности граждан и трудовой героизм, которые на самом деле эволюционировали в противоположном направлении. Футурологи делали упор на технологию. Вот что, например, предрекали одни из них. Производство и распределение жизненных благ будут осуществляться устройствами, управляемыми компьютерами. Рабочие места не будут оплачиваться. Вместо этого гражданам будет гарантировано основное содержание (оклад). При этом каждый сможет заработать сверх этого гарантированного минимума, по своим потребностям. Все предсказания такого рода суть лишь перефразировка марксистских обещаний общества, в котором люди будут иметь жизненные блага по потребностям, причем — безденежно. Один футуролог предсказал, что к середине XXI века все обитатели планеты будут сыты и иметь бесплатное медицинское обслуживание. Если бы в восторженных отзывах на его книгу не сообщили, что он — один из богатейших людей Европы, то можно было бы подумать, что эту книгу сочинил какой-нибудь специалист по «научному коммунизму» еще в сталинские годы.

Предсказания футурологов охватывали все сферы бытия, начиная от кухонной утвари и приемов секса и кончая мировым обществом и общениями с инопланетянами. Причем, это

делалось во всеоружии мощнейших средств сбора, обработки и распространения информации, какие даже не снились примитивным жрецам «научного коммунизма» — марксистам. По сравнению с таким размахом идеологического оболванивания человечества усилия «научного коммунизма» выглядят как наивные плутни дилетантов.

Самая высокая вершиной премудрости, на которую поднялась футурология XX века, — это предсказание постиндустриального или информационного общества. Описание этого общества по степени глупости превзошло даже описание «полного коммунизма» в марксизме. В сочинение этой чепухи были вовлечены многие тысячи специалистов, считавшихся самыми выдающимися умами века. Их сочинения издавались в десятках миллионов экземпляров на всех более или менее значительных языках планеты и пропагандировались во всю мощь средств массовой информации.

Футурологи стремились предсказать нечто новое, еще не существовавшее в их время, а фактически «предсказывали» именно то, что уже появилось в то время, только они непомерно преувеличивали эти явления и искажали их до неузнаваемости. Так, футурологи предсказывали, что каждый человек в будущем (для них) информационном обществе будет иметь прибор с мозгом и памятью, в тысячи раз превосходящими таковые человека. Люди будут иметь постоянно с собой в одежде или в виде браслетов, колец и медальонов информационно-интеллектуальные устройства, благодаря которым они тут же могут получать мировую информацию и общаться с любыми другими людьми, с кем захотят. Технические устройства, дававшие материал для таких предсказаний, существовали уже во второй половине XX века. И уже тогда было очевидно, что доступ к информации был ограничен. На любую желаемую информацию было нелепо рассчитывать, ибо наиболее важная информация является тайной за семью печатями. Превосходство технических устройств над человеческим мозгом касается лишь ограниченного множества логических операций, а не любых. Общаться, когда угодно и с кем захочешь, в принципе исключено. Захотят ли другие общаться с тобой? Позволят ли тебе это? Каким бы

ты оборудованием ни располагал, возможности человека к общению и к «перевариванию» информации ограничены. Потребности — тем более. Обещать людям такое изобилие в отношении информации — все равно как обещать каждому возможность питаться сразу во всех ресторанах планеты, причем — выбирать сразу любые блюда из миллионов возможных, не считаясь со стоимостью их изготовления и со своим желудком. В реальности в распределении информации всегда имела, и будет иметь место система, соответствующая социальной структуре членов общества.

Футурологи предсказывали, что благодаря информационной технике резко улучшатся жизненные условия людей, так как они будут разумно управляться. Производительность труда возрастет настолько, что все потребности людей можно будет удовлетворить с незначительной рабочей силой. Сам доступ к информации и использование ее приобретут статус богатства наряду с владением землей и средствами производства.

Тут что ни фраза, то несусветная чушь. Зачем, спрашивается, сто с лишним лет издевались над марксистским «полным коммунизмом», если сами не способны придумать ничего другого, как то же самое удовлетворение всех потребностей, да еще с незначительными затратами труда?! Что касается превращения информации в богатство наряду с богатством материальным, то трудно придумать что-либо более убогое интеллектуально и подлое с моральной точки зрения, чем это утешение для нищих и неимущих. Планета захламлена информацией не меньше, чем отходами индустрии, нанесшими непоправимый ущерб природной среде. Информация стала самым дешевым продуктом жизнедеятельности общества. От этого хлама нет спасения, как от мусора. Но миллиарды людей не стали от этого ощущать себя богачами.

В предсказаниях футурологов совсем выпал из поля внимания социальный аспект разрастания и усовершенствования информационной сферы. А заключался он в том, что уже к концу XX века наличных информационных средств оказалось вполне достаточно для того, чтобы взять под контроль и включить в сферу своего действия поголовно все население западных стран. Решающим стало не количество,

а содержание информации, которой стали снабжать людей, организация системы изготовления и распространения потоков информации, роль информационной системы в организации жизни общества в целом. В обществе появилась новая социально-политическая и идеологическая сила наряду с государством, банками и концернами, подчинившая себе все общество. И те новые технические изобретения, которые предсказывали футурологи, могли лишь дать ей новые средства господства над людьми.

Другая вершина футурологической мудрости — предсказание превращения человечества в единое Глобальное Общество с единым мировым правительством и прочими атрибутами целостного общества (наподобие «национальных государств» Запада), только размером побольше (тогда было около 6 миллиардов человек!). Опять-таки формирование такого «общества» шло полным ходом. Ему давалось соответствующее идеологическое обоснование. Обычно ссылались на проблемы, которые якобы можно было решить лишь совместными усилиями всех стран планеты, на формирование мировой экономики, якобы ломавшей границы национальных государств, и на образование сети неполитических и неэкономических организаций и учреждений, уже опутавших все человечество. В мире фактически не осталось ни одного более или менее значительного региона, где люди вели бы изолированную жизнь. Осуществилась глобализация средств массовой информации, начала складываться единая мировая культура. Средства коммуникации устранили большие расстояния и природные условия как препятствия для перемещения людей, для общения и распространения материальных и духовных ценностей по всей планете.

Все идеологи Глобального Общества, включая футурологов, умалчивали о том, что упомянутые выше мировые проблемы возникли в результате прогресса западной цивилизации, прежде всего, что идея глобализации человечества была идеей западной, а не абстрактно мировой. В основе ее лежало не столько стремление различных народов к объединению, сколько стремление определенных сил Запада, занять господствующее положение на планете и использовать

все ее ресурсы и все человечество в своих эгоистических интересах, а не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика складывалась, прежде всего, как завоевание планеты транснациональными западными компаниями и банками. Некоммерческие международные организации были, как правило, западными или контролируруемыми западными силами. Мировой информационный порядок устанавливался странами Запада. Мировая культура возникала и укреплялась как американизация культуры других народов. Новый мировой порядок устанавливался как навязывание всем народам американской системы ценностей. При этом использовались все средства, включая военные.

Прогнозы будущего

Предсказания или прогнозы будущего суть суждения (высказывания, утверждения), которые обладают такими признаками. Во-первых, в них говорится, что нечто будет иметь место или произойдет в будущем. Во-вторых, они относятся к числу эмпирических суждений, т.е. таких, которые подтверждаются или опровергаются не путем логического доказательства, а путем сопоставления с эмпирической реальностью. Они высказываются во время, когда такая реальность еще не существует. Это означает, что в это время они не являются ни истинными, ни ложными. Они в это время оцениваются как обоснованные или необоснованные, как более или менее вероятные, как более или менее надежные, как принимаемые на веру. Когда наступает время, к которому они относятся, то говорят, что они подтверждаются или не подтверждаются, сбываются или не сбываются, сбываются приблизительно или частично. Если прогноз сбылся, это не означает, что он был истинным в то время, когда высказывался. Если прогноз не сбылся, это не означает, что он был ложным во время, когда он высказывался. Да и во время, к которому относится прогноз, его нельзя оценивать как истинный или ложный. Только лишив его статуса прогноза, т.е. изъяв из него суждение о данной реальности, можно такое суждение оценивать как истинное или ложное.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Не любые суждения, в которых фигурирует будущее время, суть прогнозы. Например, суждение о том, что «А» хочет в будущем году поступить в университет, относится вроде бы к будущему. Но оно не есть прогноз, так как на самом деле относится к настоящему и может быть проверено путем обращения к существующей реальности: для этого достаточно спросить Иванова, собирается он в будущем году поступать в университет или нет. А вот суждение: «А» в будущем году поступит в университет есть прогноз, ибо будущий год еще не наступил, и доказать логически это суждение невозможно. Суждение же: «А» в будущем году либо поступит, либо не поступит в университет не является прогнозом, так как оно логически истинно, т.е. истинно в силу свойств логических операторов «либо» и «не» и может быть логически доказано.

Прогнозы различаются по многим признакам, в том числе — по содержанию, по степени обоснованности, по методам обоснования. Одно дело — предсказание моды женской одежды в предстоящем сезоне, и другое дело — предсказание состояния человечества через сто лет. Одно дело — гадание о будущем по линиям на руке или по звездам, и другое дело — расчеты с использованием современной информационной технологии и с участием большого числа квалифицированных специалистов.

Степень обоснованности прогнозов колеблется в диапазоне от нуля до единицы, часто достигая нуля и никогда не достигая единицы. Она зависит от многих факторов, в том числе от характера объекта предсказания, от имеющейся информации, от отдаленности времени, к которому относится предсказание, от данных науки и т.п. Человеческое поведение основывается на прогнозах достаточно высокой степени надежности, но эти прогнозы сравнительно примитивны, и обоснованность их обычно не выражается явно или вообще сводится к привычке.

Надо различать степень обоснованности прогнозов и степень доверия к ним людей. Одни прогнозы люди воспринимают как бесспорные, в других сомневаются, а в третьи вообще не верят. При этом степень доверия к прогнозам зависит не столько от степени их обоснованности, сколько от субъектив-

ного отношения людей к тому, что, как и кем предсказывается. Люди чаще верят в нелепые и необоснованные прогнозы, сильно воздействующие на их сознание и чувства, соответствующие их желаниям, ожиданиям, опасениям и т.п., чем обоснованным предсказаниям, не соответствующим их умонастроениям и способностям понимания. В наш век баснословных научных открытий массы образованных людей больше верят средневековым и современным шарлатанам и всякого рода демагогам, чем трезво мыслящим ученым. Феномен Кассандры сохраняет силу и в наше время. Всеобщая враждебность к научной истине в отношении социальных явлений есть один из самых поразительных (для меня) феноменов нашего времени, сопоставимый с аналогичной враждебностью к науке вообще в эпоху средневекового мракобесия.

Широко распространено убеждение, будто будущее вообще непредсказуемо. Это убеждение очевидным образом ложно, поскольку человеческая деятельность вообще включает в себя компонент предвидения будущего в качестве необходимого. Забавно, что рассматриваемое убеждение вполне уживается с верой в астрологию, гороскопы, гадание, ясновидение и даже в возможность путешествий в будущее. Все это — проявление логической безграмотности, научного невежества, страха будущего и других причин.

Достаточно надежное предсказание будущего возможно, если оно руководствуется определенными методологическими правилами. Прежде всего, должен быть четко выделен социальный субъект (в рассмотренном выше смысле). Для нас это — наиболее развитые в социальном отношении человеческие объединения, играющие решающую роль в социальной эволюции человечества, и в отношении которых есть основания предположить, что они эту роль не упустят в обозримом будущем.

Социальное будущее данного субъекта есть результат двух совокупностей факторов. К первой совокупности относятся факторы социального настоящего, материал субъекта и объективные социальные законы. С этой точки зрения социальное будущее есть реализация тенденций и потенций настоящего. В этом и только в этом смысле будущее предо-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

пределяется настоящим. В этом и только в этом смысле будущее предсказуемо с нашим «поворотом мозгов».

Ко второй группе факторов, о которых идет речь, относятся те, которые не зависят от настоящего и не содержатся в нем. Их невозможно обнаружить путем анализа настоящего, поскольку их там вообще нет. От этих факторов зависит то, в какой мере, и в какой форме реализуются потенции и тенденции настоящего, как будет жить материал настоящего, в какой форме проявляются объективные социальные законы. В этом смысле будущее не предопределено настоящим и не может быть предсказано с нашим «поворотом мозгов». Более того, исследование с такой ориентацией должно сознательно отвлекаться от факторов второй совокупности. Так что его результат может быть лишь условным. С логической точки зрения результат этот будет иметь такой вид: если рассмотренные в прогнозе тенденции и потенции настоящего не встретят серьезного препятствия в своем дальнейшем действии, то результатом их развития будет то-то и то-то. Ход исторического процесса может быть нарушен и прерван непредвиденными обстоятельствами, но это не будет опровержением прогноза такого логического типа.

Во всех известных мне прогнозах будущего социальных явлений будущее рассматривается как нечто статичное, как раз навсегда данное, как свершившееся, т.е. вне времени. Такой подход оправдан в отношении индивидуальных событий, интересующих нас исключительно с одной точки зрения — совершаются (происходят) они или нет. Это, например, результат выборов президента или парламента, начало или исход войны. Но он непригоден в тех случаях, когда прогноз касается социальных субъектов, которым предстоит жить в будущем длительное время, — когда прогноз касается социального будущего. Социальное будущее есть явление в физическом будущем относительно времени, когда делается прогноз. Но оно станет социальным настоящим для социального субъекта, к которому относится прогноз. В том будущем состоянии этот субъект будет воспроизводиться, изменяться и эволюционировать во времени. То, что решающим образом определит это состояние данного субъекта

в его будущей жизни, зарождается и до известной степени формируется в его социальном настоящем. Задача прогноза в этом случае — не просто предсказать, произойдет что-то или нет, а выяснить, на какой основе будет происходить жизнь интересующего нас субъекта в социальном будущем.

При такой ориентации исследования главная задача социального прогноза состоит не в гадании по поводу того, что будет в будущем такого, чего нет в настоящем, а в выделении в современной социальной реальности того эмбриона будущего, которого человечество уже носит в своем чреве, т.е. в установлении и описании социальных явлений, уже зародившихся и существующих в настоящем и имеющих шансы, сыграть решающую роль в будущей судьбе человечества. При этом необходимо знать законы эволюции социальных объектов, предопределяющие судьбу эмбриона будущего.

Во всех известных мне прогнозах социальных явлений игнорируется тот факт, что эти явления многомерны, т.е. формируются одновременно во многих различных измерениях (по многим линиям, во многих аспектах), а порождающие их причины суть комплексы факторов таких, что каждый из них по отдельности необходим, а все они в их единстве достаточны. Чтобы в конкретных случаях установить упомянутые измерения и факторы, необходима научная теория, в основных чертах описанная в предшествующих частях книги. В дальнейшем я проиллюстрирую это на примерах.

Проекты будущего

Коммунисты не просто высказывали идеи относительно устройства человеческих объединений в будущем, но и выдвигали проекты переустройства реальности в соответствии с их идеалами. Особенно отчетливо это выразил Маркс. Он превратил проблему думания о будущем в проблему делания будущего по заранее придуманному проекту. Мыслители, говорил он, до сих пор стремились объяснить мир, задача же состоит в том, чтобы изменить его. Маркс и его последователи (особенно Ленин) разработали программу и стратегию преобразования социальной реальности по своему проекту.

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

И это были не только слова. XX век был веком колоссальных успехов реального коммунизма. Последний стремительно овладевал планетой, угрожая существованию западного мира. Он на самом деле имел шансы, стать будущим для всего человечества, как предсказывали коммунисты. Опасения одних и надежды других, что именно так и будет, доминировали в умонастроениях человечества. Победа западного мира в холодной войне против Советского Союза и возглавлявшегося им коммунистического мира, я полагаю, положила этому конец. Во всяком случае, надолго отложило реализацию этого идеала.

Западные футурологи и в этом отношении последовали примеру марксистов. Они занялись не только прогнозированием будущего, которое им представлялось, естественно, не в коммунистическом, а в западообразном виде, но также разработкой проектов будущего и стратегии их осуществления. Возникли специальные учреждения для этого. Стали проводиться конференции на эту тему и публиковаться всякого рода материалы.

Деятельность футурологов в этом направлении, имея много общего с деятельностью коммунистов, отличается от нее по ряду признаков. В коммунистическом учении был один проект, в футурологии — множество. Коммунистический проект видел причину всех зол в социальном строе западных стран, видел спасение от этих зол и достижение всеобщего благоденствия в новом социальном строе, главный источник достижения этого — в совершенствовании социальных отношений, человека и условий труда. Футурологические проекты игнорируют социальный строй вообще или обращают внимание лишь на его отдельные проявления, оставляя без внимания их причины. О переделке социального строя в них нет даже намеков — этот строй предполагается вечным и в основе своей неизменным. Главное средство преодоления всех зол и установления всеобщего благоденствия усматривается в научном и техническом прогрессе. Они исходят из убеждения, будто западный мир обладает технической и экономической мощью, достаточной для осуществления задуманных проектов. Коммунистический проект сыграл идеологическую

роль в возникновении коммунистических обществ. Но последние оказались весьма далекими от проекта. То же самое происходит с футурологическими проектами. Они возникают и функционируют как часть западной идеологии, как-то влияя на творцов истории. Но создаваемое благодаря усилиям этих творцов здание человечества оказывается лишь внешне и лишь по второстепенным признакам похожим на то, как оно изображается и проектируется футурологами.

Хотя различие прогнозов и проектов будущего кажется само собой разумеющимся, практически они смешиваются. Проект будущего может включать в себя элементы прогноза и наоборот. Тем не менее, это — различные явления, как с логической, так и с социологической точки зрения. Прогноз есть явление в сфере познания, а проект — в сфере практической деятельности людей.

Действия людей в соответствии с заранее намеченными планами (проектами) того, что они собираются создавать и вообще делать, есть обычное явление в человеческой жизни. Но в нашем случае речь идет о проектах социальных, причем касающихся больших объединений людей, и даже всего человечества, и требующих для своей реализации огромных усилий большого числа людей в течение длительного времени. Самым грандиозным проектом такого рода в истории человечества является марксистский проект будущего коммунистического общества. В попытку реализации его была вовлечена чуть ли не половина человечества. И пока еще рано говорить, что эта попытка провалилась полностью.

Социальный проект будущего в принципе не может быть наукой. Наука в данном случае может появиться только как опытная, т.е. исходящая из факта существования человеческого объединения в реальности, а не только на бумаге. А проект создается тогда, когда такого объекта в реальности нет и нет стопроцентной гарантии, что он будет создан и создан именно таким, каким проектируется. Опыт реализации коммунистического проекта показал, что объект, создаваемый по данному проекту, в силу условий и объективных социальных законов оказывается весьма далеким от проекта. У людей вообще возникает сомнение в том, что это и есть

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

неизбежная реальность воплощения проекта в жизнь. Построить новое общество — это не дом построить!

При построении социального проекта наука может использоваться, как это произошло с марксистским проектом, но лишь в той мере, в какой она подкрепляет соблазнительные обещания изобретателей проекта. Предвидение последствий реализации проекта ограничено интересами вовлечения масс людей в деятельность по преобразованию их объединения. Если людям сообщать все то, что может предвидеть научное исследование в отношении последствий реализации проекта, он успеха иметь не будет. С этой точки зрения социальный проект есть явление идеологическое. Он играет роль средства манипулирования большими массами людей.

Делание будущего

Отдельно взятые сознательные действия людей характеризуются наличием цели, плана и управляемости. Разумеется, все это — в той или иной степени. Множества сознательных действий множества людей, как-то связанных в единое целое и совершающихся во временной последовательности, образуют социальные процессы. Эти процессы можно рассматривать с точки зрения целенаправленности, плановости и управляемости. При этом предполагаются какие-то люди или объединения людей, которые определяют цели процессов, строят планы (проекты) достижения целей и предпринимают сознательные действия, имеющие целью управление людьми для осуществления этих планов. Когда такие свойства процессов выражены слабо или отсутствуют совсем, мы говорим, что такие процессы происходят как стихийные или как естественно-исторические. Когда степень целенаправленности, плановости и управляемости процессов оказывается достаточно высокой, мы говорим, что они являются сознательными.

Все известные теории социальной эволюции исходили из явного или неявного взгляда на эволюцию человечества как на стихийный, не планируемый, не подконтрольный воле и сознанию людей естественно-исторический процесс. Этот

взгляд сложился, когда люди слишком мало знали о закономерностях своей социальной жизни и имели слишком мало средств, чтобы оказывать заметное влияние на ее эволюцию и контролировать эту эволюцию. Силы человечества еще были не настолько велики, чтобы допустить самую мысль о возможности сознательного управления ходом истории. Вернее, такая мысль возникала только в сказках, в религиозных учениях и в головах облеченных властью фанатиков. Человечество было раздроблено на огромное число враждующих объединений, и мысль о мировом единстве выглядела неосуществимой утопией. Существовали регионы с высокой степенью автономности эволюции. На значительные эволюционные перемены требовались века и даже тысячелетия. Даже марксизм, выдвинувший идею переделки социальной организации человеческих объединений в соответствии с заранее построенным проектом, фактически разделял рассматриваемый взгляд на эволюцию человечества. Он лишь приспособлял идею сознательной переделки мира к некоему естественному ходу истории в соответствии с некими объективными законами, действующими якобы в пользу трудящихся.

Эти типы процессов имеют общие черты. Но и различаются с точки зрения социальных законов, доминирующих в них. В отношении планируемых и управляемых процессов доминирующими являются осознаваемые законы постановки целей, планирования и управления действиями множеств людей, вовлекаемых в них. В отношении стихийных (естественноисторических) процессов доминируют неосознанные социальные законы, имеющие силу в отношении множеств действий людей в пространстве и времени, и в их числе — законы диалектики и социальной комбинаторики.

В истории человечества происходило увеличение степени сознательности действий, а также масштабов таких действий. Такой же прогресс имел место в отношении сознательных процессов. Увеличивались масштабы планируемых и управляемых процессов, и возрастала их роль в жизни людей. В наше время прогресс в этом отношении оказался настолько грандиозным, что охватил эволюцию человечества в целом, причем произошел качественный перелом на этот

счет. Рассмотренный выше взгляд на социальную эволюцию стал анахронизмом. Человечество вступило в эпоху, когда эволюционный процесс стал происходить в значительной степени не по своему капризу, не стихийно. Сознательный и планомерный элемент в нем приобрел такую силу, что стал доминирующим в комплексе факторов эволюции. В связи с тем, что теперь в эволюционный процесс вовлекаются гигантские массы людей в качестве активных участников событий и гигантские ресурсы, субъективные факторы эволюции приобрели неизмеримо большее значение, чем раньше. Возросла степень запланированности, изученности и осознанности социальных явлений и поведения людей, возросла степень контроля за ходом процессов и следования планам. Неимоверно усилились средства манипулирования массами людей и коммуникации, а также средства решения проблем большого масштаба. Возникли бесчисленные проблемы, которые в принципе не могут быть решены сами по себе, без участия огромных интеллектуальных сил и без использования огромных материальных средств (экологические и демографические проблемы, например). Все это в совокупности дало новое качество в самом характере эволюции человечества. Степень непредвиденности и неожиданности исторических событий резко сократилась сравнительно с резко возросшей степенью предсказуемости и запланированности. Холодная война Запада, возглавляемого США, против коммунистического Востока, возглавляемого Советским Союзом, была с самого начала запланированной операцией, а по затратам, размаху и результатам — грандиозной операцией глобального масштаба. В ней было много незапланированного, непредвиденного и неподконтрольного, что неизбежно даже в мелких операциях. Но в целом и в главном, в определяющих ход процесса решениях стратегов войны она была именно такой, как я сказал выше. А самой грандиозной попыткой планируемой и управляемой социальной эволюции был коммунистический эксперимент в Советском Союзе. Чем бы он ни кончился, он оказал неизгладимое влияние на эволюцию всего человечества. Происходящий на наших глазах эволюционный перелом происходит именно как со-

знательное и планируемое стремление организовать все человечество по принципам западнизма и под эгидой Запада. Он происходит с использованием баснословных ресурсов, какие были немыслимы даже в первой половине прошлого века. Причем происходит настолько успешно, что уже возникла иллюзия полной подвластности хода истории воле и желаниям его вдохновителей и исполнителей.

В сознательно проектируемом и делаемом по этому проекту будущем используется наука. Но какая наука и как используется? Научного понимания западнизма нет, и вряд ли когда-либо будет в распоряжении творцов истории. Нет и научного понимания создаваемого человеческого объединения, поскольку оно еще не создано, а то, что строится, научному изображению вообще не подлежит. Но есть совокупность знаний о том, как разрушать те или иные нежелательные социальные системы. Так, во второй половине XX века развилась советология, сыгравшая большую роль в разрушении СССР и советского коммунизма. В ней не было никакого научного понимания коммунистического социального строя. Но оно и не требовалось. Более того, оно даже мешало. Чтобы убивать китов, не требуется биологическая наука о животных, нужна наука обнаружения, убийства и разделывания китов. В науку о строении и образе жизни китов не входит описание гарпуна и способа оперирования им.

Помимо науки разрушения, складываются науки создания человеческих объединений в соответствии с практическими интересами созидателей и с конкретными условиями созидания, скажем практические науки. Так, реальный коммунизм в Советском Союзе был построен не в строгом соответствии с марксистским проектом и с научным подходом к коммунизму, а сообразно с конкретными условиями страны и планами строителей. Пятилетние планы (пятилетки) не были проектами общества и фрагментами науки о нем. Это были конкретные планы деятельности, подобные проектам домов, заводов, каналов и т.п., только более грандиозного масштаба. Они имели конкретные цели. Масштабы и характер их целей придавали им видимость реализации социального проекта. Но при этом создавалось нечто такое, чего не было ни в каком проекте, а то,

что напоминало социальный проект, в реальности оказывалось чем-то качественно иным. Опыт практической деятельности, однако, закреплялся как особая наука и использовался в новых планах и их свершениях.

В сознательном делании будущего используются, далее, многочисленные науки, касающиеся различных явлений природы, людей и отдельных явлений человеческой жизни. Это общеизвестно и очевидно. Наконец, и отдельные элементы научного понимания социальных явлений используются, так или иначе, в составе всего того интеллектуального материала, который участвует в делании будущего. Можно сказать, что эти элементы научности содержатся в «растворенном» виде в этом материале, в который включается и идеология. Люди «глотают» частички научности, «пожирая» совсем не научную интеллектуальную «пищу», подобно тому, как они поедают витамины в составе привычной пищи, не подозревая об этом или не выделяя витамины из массы еды.

Сказанное выше вовсе не означает, будто роль объективных социальных законов становится менее важной или исчезает совсем. Возрастает значение субъективных факторов, имеющих свои объективные законы. И роль последних возрастает. Их действие становится близким к их абстрактному описанию и к действию законов природы. Например, раньше казалось, что чем больше и сложнее объединение людей, тем менее оно контролируемо. Это убеждение сложилось на основе условий своего времени. Тогда не принимали во внимание стремительный прогресс средств сбора, обработки и распространения информации, прогресс средств коммуникации, манипулирования массами людей и других факторов контроля за людьми. А в результате совокупного действия этих факторов степень контролируемости человеческих объединений резко возросла. Но это, повторяю, не означает, будто история стала жертвой произвола каких-то сил. Проектируемая и управляемая история имеет свои объективные законы, отличные от стихийного исторического процесса, но все-таки законы. И следствием этих законов является, как бы парадоксально это ни выглядело на первый взгляд, возрастание степени вынужденности социальных действий

людей и степени предопределенности эволюции человечества. Творцы истории оказываются в гораздо большей мере детерминированными в своей деятельности по проектированию истории, чем ранее. Они сами управляют тем рулем истории, с помощью которого они управляют историей, в гораздо большей мере, чем их предшественники. Президенты могущественных стран нашего времени, наделенные колоссальной властью, не могут позволить себе капризы, бывшие обычными для королей и императоров прошлого.

Рост сознательно-волевого аспекта социальности вполне уживается с ростом степени принудительности и непослушности исторического процесса в целом ряде его аспектов. Если бы во власти людей было исключить преступность, нищету, инфляцию, безработицу, войны и прочие общеизвестные язвы современного общества, они сделали бы это. Но пока это не в их силах. Приобретая власть над одними явлениями, люди порождают другие не подвластные им явления.

Современный человек есть эмпирическая система из огромного числа различного рода явлений. Для ее нормального существования требуется определенная мера того, что приносится сознательно-волевой деятельностью людей (скажем, искусственности), и того, что складывается само собой, независимо от этой деятельности (скажем, естественным путем). Для элементов системы требуется известная непредопределенность, свобода случайного выбора, достаточно широкий диапазон вариаций и колебаний (скажем, люфт). Это нужно в интересах самоорганизации, для сглаживания ущерба, приносимого сознательно-волевой, но отнюдь не всегда разумной активностью людей. В современном западном мире это условие уже нарушено. Тут происходит нечто, подобное тому, что происходит с мощной рекой, загоняемой в бетонное русло и перегораживаемой плотинами. Какой-то прок от этого, конечно, есть — не зря же это делается. Но и потери неизбежны. Порою потери превосходят приобретения. В отношении проектируемой и управляемой истории потери уже начинают пересиливать приобретения.

Не все то, что планируется и делается для осуществления планов, делается к лучшему, на благо людей. Человечество и

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

входящие в него объединения людей не есть нечто однородное. Интересы людей и их объединений различны, зачастую противоположны. Проектируемость и управляемость эволюции в реальности осуществляются в борьбе враждебных сил, в пользу одних и во вред другим, причем с точки зрения интересов и соотношения сил в настоящем, не считаясь с последствиями в будущем. В 1917 году в России начался грандиозный исторический эксперимент по созданию коммунистического общества, во многом оказавшийся успешным. Одновременно становилось все более очевидным, что самые соблазнительные идеалы коммунистического проекта практически невыполнимы, а те, которые оказались выполнимыми, порождали негативные следствия, не предусмотренные в проекте. Если советские коммунисты стремились перестроить весь мир по коммунистическому образцу, то после сокрушительного поражения советского коммунизма западный мир перехватил инициативу и начал преобразование образа жизни народов и стран планеты по своему, западному образцу. Но и он подвластен тем же самым объективным законам социальной эволюции, как бы велика ни была степень ее проектируемости и управляемости. Активные и могущественные творцы современной истории, действуя в своих интересах, упорно загоняют поток истории в ограниченное искусственное русло, всяческими мерами, исключая неподконтрольные ответвления от основного течения. Тем самым, они делают исторический поток предопределенным, а значит, уже не зависящим от их воли. Задача их сознательно-волевой деятельности сводится теперь к тому, чтобы достроить до конца единственное-искусственное русло исторического потока, охранять его, следить за тем, чтобы в нем не возникали трещины, чтобы какие-нибудь злоумышленники не проделали дыры в нем.

Средства массовой информации запугивают общество последствиями вторжения в биологический механизм наследственности людей и в механизм развития зародышевых клеток зрелых организмов. Но уже произошло нечто более страшное, а именно — люди вторглись в механизм социальной эволюции человечества. Разрушительные последствия

этого вторжения дают знать о себе очевидным образом уже теперь, а о причинах их не говорится ни слова. Более того, выяснение этих причин и предание их широкой гласности является фактически запретным или настолько затрудненным, что те сведения, которые как-то доходят до сознания масс, остаются без всяких последствий.

Есть ли будущее у человечества

Конечно, есть. Более того, оно уже родилось. Не сразу в готовом виде. Не раз и навсегда. Родилась эпоха будущего. Огромная. Могучая. Родилась на века, а может быть, на тысячелетия. А может быть, до конца бытия человечества. Другое дело — что из себя представляет это новорожденное будущее? Какое оно? Конечно, судить об этом в начале двадцать первого века вроде бы рановато. Тем не менее, я хочу высказать некоторые суждения на этот счет в качестве специалиста по теории социальных явлений и по методологии научных исследований.

Победа Запада

Да, Запад одержал победу в войне конца XX столетия. Но в чем именно заключается эта победа? Ситуация в мире благодаря ей, не только не прояснилась, но и еще более запуталась. Причем — умышленно, с огромными усилиями и затратами. И дело обстоит не так, будто творцы истории имеют необычайно высокий интеллект в понимании того, что творили и творят. Именно этого-то они не понимают на должном интеллектуальном уровне, активно не хотят понимать и делают все для того, чтобы не понимали другие. Средства научного понимания реальности, как они могли быть созданы выдающимися умами, были просто не допущены до существования. Победило нечто иное. Что именно?

Победило нечто противоположное тому, что творили. Последствия вышли за рамки намерений победителей. Пораженному миру стал навязываться насильственно определенный способ понимания реальности, который стал

изображаться как единственно допустимый, тотальный, абсолютный для всех прочих. Хозяевами интеллекта человечества стали не некие мудрейшие боги понимания, не некие светлые бескорыстные умы, а существа совсем иного рода. Боги познания буквально растворились в океане тотального оболванивания масс людей. Их место заняли расчетливые, бездушные и в массе своей тупоумные дельцы. Это был не просто некий злой замысел глупцов. Это было нечто неизмеримо более громадное: это была интеллектуальная лавина, поглотившая все прочее. Это было начало одной из величайших трагедий истории. Это сделали новые хозяева мирового интеллекта. Они им овладели и творят с ним то, что соответствует их интересам и силе. Даже самые умные и образованные поборники прогресса человечества в интеллектуальном отношении еще не представляют себе конкретных последствий происходящего. В предлагаемых вниманию читателя фрагментах моих мыслей на эту тему я хочу весьма лаконично рассказать о переменах в мире именно в интеллектуальном плане.

Интеллектуальное состояние человечества

Ситуация с интеллектуальным состоянием человечества особенно трудна потому, что всем кажется, будто тут вообще нет никаких особых проблем, будто проблемы успешно решаются по мере возникновения, а число решенных уже не счесть. Ими занимаются миллионы квалифицированных специалистов. Тратятся огромные средства. Течет непрерывный поток информации, открытий, изобретений. Так что же еще нужно?

Дело в том, что именно изобилие такого интеллекта, рост его практического могущества, чрезмерное захламление им жизненного пространства человека, его безудержное извращение и распространение стало мощной социальной основой колоссального занижения суммарного уровня человеческого интеллекта, тотального оглупления огромных масс людей, формирования масс людей отнюдь не по законам формирования лучших умов, талантов, гениев и вообще лучших представителей рода человеческого. Этот статус эти люди уже утратили.

С социальной точки зрения один человек, несколько человек, группа, сравнительно небольшое объединение людей могут быть умными (обладать высоко развитыми интеллектами) в высшем смысле слова. Но многие тысячи и миллионы всемогущих владельцев (хозяев) интеллекта, обладающих огромными средствами, властью и влиянием на людей таковыми быть не могут. У них основная жизненная функция заключается не в познании реальности, а в том, чтобы жить за счет использования этой функции в своих эгоистических интересах. Они суть подлинные хозяева и распорядители функции интеллекта и тем самым — самого интеллекта. Интеллект так или иначе является владением этой огромной армии производителей и распорядителей им.

В эту среду допускаются далеко не все, а лишь те, кто лучше других служит хозяевам среды, придает ей более приличный вид и более умело эксплуатирует ее для себя. Но всему есть пределы. Ситуация в мире уже сложилась такая, что хозяева интеллекта оказались просто не способными подняться на более высокий (на высший) его уровень, удержаться на его высотах и сохранить такое состояние по своему произволу достаточно долго и устойчиво. Они уже не умеют это делать, если вообще когда-то были на это способны. Сейчас можно констатировать как факт сильную тенденцию человечества к тотальной деградации именно самых утонченных проявлений интеллекта.

Интеллект — что это такое? Слов об этом наговорено — невозможно измерить. Я за свою жизнь просматривал буквально тысячи разного рода разъяснений, истолкований, описаний, определений. Я стремился понять авторов, извинить им преходящие недоделки. Но за всю долгую жизнь я так и не встретил ни разу (ни разу!!) ни одного достаточно вразумительного, ясного, логически точного определения самого понятия «интеллект». Оно просто не существует в том состоянии, в каком я хотел его видеть в сочинениях других авторов. Тут похоже на то, что специальное запутывание мозгов людей стало принципом их поведения. Конечно, и обычная неспособность решения проблемы внесла сюда свою лепту. Я не буду здесь излагать мою теорию интеллекта, — думаю,

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

что в моих многочисленных сочинениях на эту тему я сделал достаточно много хотя бы для первичного ознакомления читателей (сошлюсь хотя бы на книгу «Логический интеллект», изданную в Московском гуманитарном университете в 2005 году, а ранее — в книге «Очерки комплексной логики», изданной в Москве в издательстве «Эдиториал УРСС» в 2000 году). Многочисленные ссылки на мои работы встречаются и в других моих работах. Трудность понимания моих текстов заключается в том, что для понимания их требуются долгие годы обучения, причем — не любого, а особого, какого в специальных программах просто нет, и вряд ли оно появится в обозримом будущем. Требуются многие годы кропотливой научной работы и, само собой, способности, встречающиеся крайне редко. Так что если будет напечатана книга автора «Фактор понимания», тут может появиться некоторое облегчение для возможного читателя.

Но вернемся к теме. На вопрос о том, что такое интеллект, интересующемуся, естественно, указывают на бесчисленные учебники, на монографии, на кафедры, на факультеты, на институты, на докторов наук, на профессоров, на академиков, на лауреатов премий и прочих представителей ученого мира. Все это производит впечатление очевидности и бесспорности. Однако, реальная ученая среда не сводится к этому. В ней вырастает и гигантское число явлений, которые тоже вливаются в океан явлений, относящихся к интеллекту. Они вносят в него свою долю. И какую! По моим предположениям, эта доля уже давно перевалила за половину хлама, загрязнившего мировую интеллектуальную атмосферу. И весь этот хлам активно участвует в обработке интеллектуального состояния человечества совместно с упомянутыми достижениями. И разделить их уже практически невозможно. Это есть также реальность интеллекта человечества, как и физика, химия, биология, история, психология, математика, космонавтика и все прочее, чему обучаются миллионы и миллионы людей. Мне неизвестны попытки хотя бы первичных измерений коэффициента полезного действия интеллектуальной сферы человечества. По всей вероятности, практически это вообще вряд ли возможно. Человечество вообще не заинтересовано

в истине насчет своих способностей, выходящих за рамки своих частных примеров и приложений.

А между тем, бытие человечества в самых его основах имеет вполне определенные закономерности. Они могут быть познаны и в значительной мере познавались и познаются. Но в большей степени их уже игнорируют, фальсифицируют, мистифицируют, делают непонятными и даже запретными для научного понимания. Линия западноевропейской цивилизации, начатая мыслителями прошлых веков оказалась просто оборванной как один из определяющих факторов социальной эволюции. Из эволюционного процесса человечества выпадает его значительная часть. Нелепость эволюции состоит в том, что сейчас легче подготовить тысячи специалистов в самых различных сферах науки, чем одного единственного, действительного свободного от предрассудков в понимании основ познания мироздания и способного развить достаточно высоко результаты своих исследований. Думаю, что наступит просто фактически запрет на сам фактор понимания.

Интеллектуальная среда загрязнена, отравлена, изуродована еще больше, чем среда природная. И это не вызывает никакой тревоги ни у кого, вообще не замечается и не воспринимается как явление катастрофическое. Интеллектуальный материал, который мог бы хотя бы осознать и поставить самую проблему, вообще не допускается к жизни в качестве ее значащего компонента. А тот, который поддерживается, распространяется и заполняет интеллектуальное пространство, производит впечатление величайших достижений прогресса. Интеллектуальный материал, о котором я говорю как о недопускаемом к жизни, не имеет шансов успешно конкурировать с господствующими силами в соагветствующих сферах бытия.

Говорят о некоем интеллекте вообще, вроде бы одинаковом для всех мыслящих существ. Но реальный интеллект различных людей неодинаков. Он может быть сильным или примитивным, как в подавляющем большинстве случаев. Такой универсальный, одинаковый для всех и пригодный для большинства интеллект существует в жизни масс людей лишь как примитивизированный и стандартизированный

компонент американизированной технологии, доминирующей сейчас на планете в системе управления человечеством как ее главный компонент.

Кому принадлежит будущее

Не думайте, будто будущее есть нечто ничейное, будто им может распоряжаться кто угодно и как попало. Конечно, будущее не вещь. Что это такое, в моих работах описано более или менее подробно. Пожалуй, только в моих. Все то, что мне приходилось читать на эту тему, это все логическая бессмыслица, — характерный пример состояния интеллекта человечества в наше время. Одно только то, сколько людей и каких людей всерьез говорят о путешествиях во времени, достаточно красноречиво свидетельствуют о степени идиотизма, в который способно впасть образованное человечество. Но вернемся к нашей теме.

Проблема будущего, интересующая нас, есть не просто проблема физического хода времени. Это — проблема социального статуса будущего, отношения к нему людей, их поведения в их социальном пространстве. И в этом смысле будущее человечества не валяется как попало. Оно уже прибрано, в основном — захвачено, поделено, упорядочено. Оно уже приготовлено для определенного способа использования.

Запас будущего еще велик, но не бесконечен. Он скоро будет исчерпан. Проблема не праздная. Если бы не было различия физического и социального будущего, не было бы никакой проблемы. Просто проходило бы физическое время, шло бы физическое будущее, просто имело бы место прохождение физического времени, просто длительность. Между прочим, опросите хоть миллиарды людей, и они вам ничего, кроме этой невнятной и никому непонятной длительности и сказать не смогут, будь они академики, профессора, лауреаты.

Но вот вклинился фактор социального времени. На несколько столетий он спутал карты в расчетах людей. Как именно он вмешался? Что с ним стало? Почему он начал истощаться и буквально исчезать из обихода людей?

В мире происходит незамечаемый людьми и полностью игнорируемый (вообще не понимаемый ими) грандиозный эволюционный перелом, в результате которого стало просто сокращаться и просто исчезать то, что я называю резервным социальным временем. Более того, люди стали жить даже в долг, заранее растрачивая некие неприкосновенные запасы социального времени; Возьмем простой пример. Вот летит самолет. Он наметил сбросить атомную бомбу на Хиросиму. Зачем? Война закончена. Бомба лишена смысла как оружие. Но она будет сброшена — так решили люди, не понимающие самого смысла человеческого бытия. Они фактически в состоянии психической ненормальности. Их акция играет огромную роль в человеческой эволюции как трата времени, причем, — невосполнимая. Огромный кусок времени просто выбрасывается из бытия. Выбрасывается в никуда. Люди исключили часть бытия из реальности. Они «распылили» часть мироздания. А таких случаев теперь не счесть. Они стали привычными буднями бытия. Более того, они стали доминирующими в жизни людей.

Человечество развило и все более усиливают свою деловую активность. Оно уже неспособно даже приостановиться на миг. Большая часть того, что люди делают, есть производство ненужностей, бесполезностей, вредностей, бессмысленностей. Они давно не понимают этого и никогда уже не поймут. Им не до этого. Они действуют, действуют и действуют. Но они при этом тратят время, — время социальное. Его уже почти не остается в наличии. Недалеко то время, когда фактор, формирующий социальное время, исчезнет как компонент социальной эволюции человечества.

Социальное будущее никем и ничем не планируется. Творчески оно должно быть свободным. Оно — резерв эволюции. Но таким ли оно остается теперь? Оно все более сокращается. Оно заполняется планами, проектами, делами, делами, делами. У людей не остается того, что еще не так давно было обычным для праздного творчества, для неожиданных открытий, для случайностей. Мир запрактизирован сверх всяких пределов. Практическая детерминация заполняет все, куда она неограниченно проникает. Глядя на копо-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

шащиеся скопища людей, что-то делающих, трудно представить себе, что в них еще шевелятся мозговые извилины. Творческий компонент заменяется механическим.

Жизнь людей запрактизирована настолько, что людям остается в основном то пространство, где ими могут манипулировать другие. Манипулирование стало, можно сказать, второй натурой человека. Люди уже не могут нормально жить, не будучи так или иначе манипулируемы. Люди вообще утрачивают контроль за атмосферой манипулирования.

В двух словах сказанное могу резюмировать так. Для современной американизации (по всей вероятности, побеждающей) ее подлинным умом стала самая примитивная часть человеческого интеллекта — компьютер. Это и есть реальный материализованный ее ум. И никакого другого специфически американского ума просто нет. Он хозяевам нового мира не нужен. Они обожествили свой интеллектуальный примитивизм. Другого ума они не знают и не понимают. При этом они вообразили себя самым умным народом в мире.

Реальный интеллект, господствующий в человечестве, на самом деле интеллект дебилов, которые могут делать все, не понимая ничего. Самый примитивный компьютерный интеллект возведен в ранг святости и вершины прогресса. Даже самая образованная часть людей являет картину почти стопроцентной логической безграмотности. Тотальное помутнение умов и тотальная дебилизация с точки зрения перспектив будущего человечества — вот его наиболее вероятный путь в будущее.

Разделение времени

Я уже говорил о различии социального и физического времени. Оно произошло, по всей вероятности, не так уж давно, скорее всего — в эпоху возникновения письменности. До этого такое разделение делали от случая к случаю, хаотически, кустарно, произвольно. Высшего уровня это разделение достигло в эпоху расцвета западноевропейской цивилизации. И имело оно прежде всего социальные причины, а не физические. Те были достаточно ясны. Там возни-

кали проблемы измерения времени. Их основательно запутали, в значительной мере умышленно. Теперь этой сферой завладели всякие шарлатаны, мистики, невежды, заведомые жулики. Я уже писал на эту тему во многих моих работах. Не хочу здесь повторяться. Остановлюсь лишь на теме особенно важной в этом контексте — на теме сокращения роли социального времени вплоть до полной потери его в будущем. Изложу кратко только основные соображения.

Разделение времени на физическое и социальное не вечно. Оно есть продукт социальных условий жизни людей. Наступила эпоха, когда оно начало терять смысл. Дело в том, что история человечества стала творимой (а не стихийной), проектируемой, не просто предсказуемой, но задаваемой заранее. Все становится не просто предсказуемым, но детерминированным и даже канонизированным (легитимированным, узакониваемым, нормируемым). Основные социальные события стали происходить в физическом времени, сливаясь с социальным в единый поток. Люди не успевают и не умеют произвести должные различия. Мир превращается сплошной поток настоящего. Физический порядок замещает порядок социальный. Мир как социальное бытие утрачивает прежнюю роль, замещается быстротекущим, мелькающим физическим бытием. Наступает состояние социо-механического бытия. Люди не замечают этого и все более живут по законам не социального организма, а по законам социального механизма. Происходит механизация бытия. Я об этом писал в книге «Глобальный человек», но — слишком мало.

Уже сейчас физически детерминированные события социальной жизни в огромной мере доминируют над социальным. Оглянитесь вокруг себя! Попробуйте подсчитать, сколько поступков вы совершаете как механически детерминированные существа и сколько как социально свободные. А ведь это входит в плоть и кровь людей. Работа транспорта, производственные процессы, обучение, бюрократия, финансовые операции, одежда, поведение в конторах и т.д. и т.п. Деловые операции, не подчиняющиеся воле людей, стали основными факторами деловой жизни людей. Что остается на нашу долю? Главным образом — исполнение воли вещей

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

и всякие незначительные бытовые мелочи. От людей часто зависит, делать что-то или нет. Но если приходится делать, то это надо делать по законам вещей. Наступает диктатура мира делового и вещного. Основная масса людей превращается в роботов нового типа.

Я не сгущаю краски. Это — лишь картинка начала апокалипсиса, самого страшного по последствиям.

Но люди, конечно, приспособятся. И для них изобретут средства, чтобы они чувствовали себя довольными. Это — не проблема. И механизмы могут испытывать удовлетворение. Но это будет уже не жизнь нашей (живой!!) материи, а мертвое, механическое бытие, бессмысленное течение физического времени. Жизнь человечества как живого явления просто умрет вместе с последним кусочком живого вещества.

Есть ли будущее у человечества. Физическое — да. Социальное же сокращается и, возможно, исчезнет совсем. Человечество будет жить не в социальном, а лишь в физическом времени. Смысл жизни просто пропадет как нечто излишнее. Опосредованность событий их осмысленностью резко сократится. Произойдет почти полная технизация жизни. Будут жить здоровые, долго и бездумно живущие существа, однообразно автоматизированные. Человечество выродится именно на основе своих баснословных достижений. Всему есть предел.

Причины стирания граней между социальным и физическим временем: 1) усиление расчетов физического времени; 2) сокращение расчетов социального времени; 3) сокращение расчетов времени в физическом будущем; 4) дезориентация людей во времени; 5) временной хаос; 6) изменений функций временных операций; 7) совершение поступков без обдумываний, почти одновременно с намерениями, зачастую — автоматически; 8) доминирование механических операций, не требующих интеллекта; 9) ускорение действий во времени; 10) фальсификация событий, обесмысливающая аспект будущего в целом; 11) устремленность в рутину физического времени; 12) невозможность хотя бы частичного обособления в физическом времени; 13) безразличие ко времени; 14) совокупный результат.

Производство будущего

Будущее человечества создается, делается. Делается в огромных масштабах. Делается систематически. Оно, конечно, и изучается. Но изучение его стало делом второстепенным и производным. Главная роль теперь принадлежит теперь деятелям будущего, а не изучателям. Делатели владеют подавляющей долей ресурсов. Они убеждены в том, что понимают все, что им нужно, для делания, что они владеют всеми правилами делания, что делают в основном правильно. Они имеют свои практические планы и намерения. Они делают то, что считают нужным. Они встречают слабое или почти никакое сопротивление в своих деяниях. Они вовлекают в свою деятельность огромные массы людей и огромные ресурсы, вовлекают огромные интеллектуальные силы.

Но что это за интеллект? Как и для чего он работает? Во что превращается гигантское скопление владеющих интеллектуальной мощью людей, воображающих, будто им подвластно все, будто они безраздельно распоряжаются силами ума, будто они применяют эти силы наилучшим образом? Вообразить это беспристрастному исследователю, не зараженному манией всезнания, всемогущества и вседоступности, вряд ли возможно.

Колоссальный рост интеллектуального могущества человечества имел неизбежным следствием еще более грандиозное помутнение умов, снижение общего интеллектуального уровня человечества, тотальное оглупление, выдаваемое за колоссальный прогресс познания.

Бесспорно, какой-то прогресс познания происходили происходит. Но какой именно и в чем? И как происходит? Прогресс эмпирических открытий, технических изобретений и усовершенствований. Тут творятся буквально сказочные открытия, постоянно потрясающие воображение миллионов и миллионов первооткрывателей, творцов, гениев, первопроходцев. Все это общеизвестно. Все это прославляется, поощряется, вознаграждается. Но к этому фактически и сводится весь основной интеллектуальный прогресс человечества. И в нем исчезает, растворяется, стусевывается, почти пол-

ностью поглощается тот аспект интеллектуального процесса жизни человечества, благодаря которому рождался когда-то на свет сам этот феномен человеческого бытия. Возникают миллионы людей, способных решать частичные практические проблемы, но абсолютно лишенных способности интеллекта фундаментального.

Будущее человечества не изучается лучшими умами по правилам именно научного познания, как это требовалось бы для бережного отношения к свету разума. Оно захвачено во власть могучими силами, бездумно эксплуатирующими этот источник ума. А он стремительно исчерпывается.

Сказанное не следует понимать так, будто интеллект вообще не делается, а собирается по каплям как какой-то нектар в готовом виде. Он создается, производится, сохраняется. Проблема — кем производится, как, для кого, в каком виде? Как он хранится, развивается, распространяется, используется? Вот тут-то и возникает главная и глубочайшая проблема будущего человечества: оно оказалось в состоянии, когда потребовалось пересмотреть всю систему изготовления (производства, сохранения и распространения) интеллекта, адекватного новым условиям бытия людей. Нужны радикальные перемены в самом состоянии и воспитании интеллекта. В том виде, в каком он существует в университетах, на кафедрах, в исследовательских центрах в монографиях, в учебниках, в школах, в фильмах, в газетах, в журналах и вообще в океане слов, он просто непригоден для решения проблем новой эпохи. И именно в этом уродливом состоянии он поддерживается, прославляется, тиражируется в книгах, фильмах, речах. Выглядит это внешне как прогресс. А на деле это — помутнение умов. Для господства над миром не требуется интеллект высокого уровня, соответствующий его критериям, а не иным соображениям.

Реальное будущее человечества я представляю как господство высоко техничных, но примитивных существ, не имеющих ни малейшего понятия даже о том, как фактически устроены и функционируют самые фундаментальные закономерности человеческого сознания.

Удар по феномену жизни

Больше всего в результате потрясений прошедшего и наступившего столетия пострадал сам феномен человеческой жизни. Он был разрушен почти до основания. Люди теперь даже представить себе не могут масштабов потерь и вообще не думают о них. Слова всякие произносятся в изобилии. Слов много. Но все, что люди говорят на эту тему, лишено смысла. Я хочу кратко пояснить читателю, в чем именно заключается суть феномена жизни. На более или менее детальное описание потребовалась бы разработанная в деталях научная теория. Сделать ее сейчас мне уже не по силам.

Прежде всего, феномен жизни, в моем понимании, это не просто какие-то кусочки живого вещества, это — сложнейшая живая структура. Самое сложное в перспективе эволюции вообще. Это не означает, что она (теория) уже существует в готовом виде. То, что я в свое время успел тут что-то сделать, это — лишь незначительный первоначальный мизер. В году молодости, когда я увлекался этой проблемой всерьез, я представлял себе структуры жизни, включавшие в себя огромное число логически необходимых компонентов. Подчеркиваю: логически необходимых, т.е. таких, без которых эти структуры не могли бы жить без ошибок.

Повторяю и подчеркиваю, феномен жизни я мыслю как самое сложное в перспективе живое образование. Я не исключаю, что оно со временем может стать всеобъемлющей живой структурой, охватывающей весь объем бытия когда-нибудь в его будущем виде. Ничего нереального в этой фантазии я не нахожу.

Феномен жизни не есть всего лишь нагромождение каких-то структур. Это — логически организованное, внутренне дифференцированное, систематизированное построение. Он не вырастает сам по себе. Он может быть создан только искусственно, изобретен усилиями выдающихся творческих умов. И на создание его могут уйти многие годы, возможно даже столетия и даже тысячелетия. Это может быть творение человечества, возможно — последнее, заключительное, окончательное.

Одно из важнейших последствий наступившей эпохи (если не самое важное) является утрата смысла социального бытия людей. Поясню само понятие смысла жизни, поскольку все то, что как-то попадало мне на глаза в этом отношении, оказалось совершенно бессмысленным. В самом деле, попробуйте установить точно, что вы имеете в виду, говоря о смысле жизни? Сейчас широко используется такой метод: опрашивают множество как-то отобранных людей и фиксируют их ответы как истины. Собирают мнения большого числа невежественных в данной сфере людей и надеются, что они совместно натолкнутся на некую истину. Это — вполне в духе «достижений» века!

Заключение

Говорят об интеллекте вообще. Можно подумать, будто он у всех более или менее одинаков. Рождаются люди, учатся чему-то и кое-как и готово. Любой чиновник, предприниматель, руководитель, начальник и т.п., начиная с некоторого примитивного уровня, считает себя достаточно умным. И на самом деле того, что он заимел, для него и достаточно. Большим он все равно не овладеет. Сказанное касается почти всего человечества. Бывают редкие исключения. Но и они остаются в этих рамках. Так что рассчитывать на какой-то интеллектуальный взлет в обозримом будущем бессмысленно.

Высоко развитый интеллект хозяевам нового мира не нужен. Они вообще не знают и не понимают, что это такое. Частные (отрывочные, частичные) использования интеллекта — дело в жизни людей самое обычное. Но они не выходят за узкие рамки частностей и существенным образом не влияют на суммарное состояние интеллекта человечества. Интеллект в моем понимании фактически не изучался и не изучается научно во всю его мощь. До сих пор это — терра инкогнита, материал для словесных нагромождений и словоблудия. Не знаю, изменится ли ситуация к лучшему или нет. Скорее всего — незначительно и без общественного успеха. В обозримом будущем принципиально важные перемены исключаются. Осуществлять их некому. И они никому не нужны практически.

В эпоху Ренессанса распространялось убеждение, будто прогресс познания является неотъемлемым качеством социальной эволюции человечества, будто несмотря на все перипетии человеческой истории в ней так или иначе пробивает себе дорогу тенденция к поумнению человечества. Но с этой иллюзией придется, по-видимому, распрощаться.

Если в двух словах подвести итог эволюции человечества за прошедшую историю, он уложится в одну-единственную фразу: человечество как целое утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания. Что касается изобретений интеллекта, сопоставимого с человеческим и даже превосходящим его, то в мире постоянно производятся миллиарды интеллектуально примитивных существ. Воображаемые же супергении в лабораториях суть продукт стопроцентной логической безграмотности и шарлатанства, современного тотального оглушения человечества. Наиболее вероятный конец человечества — воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости.

март 2006 года
Александр Зиновьев

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ 1. ОСНОВЫ ИНТЕЛЛЕКТОЛОГИИ	9
<i>Интеллектология</i>	<i>9</i>
<i>Сознание</i>	<i>10</i>
<i>Исследователь</i>	<i>13</i>
<i>Знак</i>	<i>16</i>
<i>Логика и язык</i>	<i>19</i>
<i>Высказывания</i>	<i>20</i>
<i>Значения истинности высказываний</i>	<i>24</i>
<i>Координаты высказываний</i>	<i>26</i>
<i>Тавтологии и противоречия</i>	<i>26</i>
<i>Классическая и неклассическая логика</i>	<i>28</i>
<i>Дедукция</i>	<i>33</i>
<i>Логическое следование</i>	<i>34</i>
<i>Классический и неклассический случаи</i>	<i>37</i>
<i>Общая теория дедукции</i>	<i>39</i>
<i>Логическая истинность</i>	<i>40</i>
<i>Расширения логики</i>	<i>42</i>
<i>Логическая онтология</i>	<i>42</i>
<i>Индивиды</i>	<i>47</i>
<i>Классы (множества)</i>	<i>48</i>
<i>Скопления</i>	<i>50</i>
<i>Отношения</i>	<i>51</i>
<i>Отношение порядка</i>	<i>53</i>
<i>Интервал</i>	<i>57</i>
<i>Протяженность индивида</i>	<i>58</i>
<i>Структура</i>	<i>59</i>
<i>Существование</i>	<i>61</i>
<i>Состояние</i>	<i>63</i>
<i>Изменение</i>	<i>64</i>
<i>Событие</i>	<i>65</i>
<i>Модальные термины</i>	<i>66</i>
<i>Вероятность</i>	<i>68</i>
<i>Тенденции</i>	<i>68</i>
<i>Связи</i>	<i>69</i>
<i>Парадоксы связей</i>	<i>72</i>
<i>Причина</i>	<i>74</i>

<i>Виды причинных связей</i>	79
<i>Детерминизм и индетерминизм</i>	82
<i>Объективные законы</i>	84
<i>Диалектика</i>	89
<i>Логическая физика</i>	97
<i>Пространство и время</i>	98
<i>Пространственно-временные отношения</i>	100
<i>Существование пространства и времени</i>	106
<i>Изменение пространства и времени</i>	108
<i>Необратимость времени</i>	112
<i>Трехмерность пространства</i>	113
<i>Перемещение</i>	116
<i>Парадокс движения</i>	118
<i>Мир в целом</i>	119
<i>Материя</i>	122
<i>Напоминание</i>	123
<i>Третий аспект логического интеллекта</i>	124
<i>Методология частных наук</i>	125
<i>Наука и научный подход</i>	128
<i>Эмпирические объекты</i>	130
<i>Абстрактные объекты</i>	131
<i>Доказательство</i>	135
<i>Познавательные действия</i>	135
<i>Наблюдение</i>	136
<i>Индукция</i>	138
<i>Эксперимент</i>	142
<i>Модель</i>	143
<i>Мысленный эксперимент</i>	144
<i>Теория</i>	145
<i>Формализация</i>	147
<i>Метод</i>	148
<i>Гипотетико-дедуктивный метод</i>	148
<i>Эвристические гипотезы</i>	149
<i>Диалектический метод</i>	151
<i>От абстрактного к конкретному</i>	152
<i>Системный метод</i>	156
<i>Естественные и социальные науки</i>	160
 ЧАСТЬ 2. ОСНОВЫ ЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	162
<i>Социальные объекты</i>	162
<i>Социальная наука</i>	165

<i>Научный подход</i>	170
<i>Предмет логической социологии</i>	175
<i>Методы логической социологии</i>	178
<i>Социальный атом</i>	182
<i>Сознание</i>	184
<i>Сознательное действие</i>	186
<i>Социальное объединение</i>	188
<i>Социальные законы</i>	190
<i>Социальные и природные законы</i>	192
<i>Нарушение социальных законов</i>	193
<i>Универсальность социальных законов</i>	194
<i>Открытие законов</i>	195
<i>Виды законов</i>	196
<i>Законы диалектики</i>	197
<i>Социальные законы и нормы</i>	199
<i>Человеиник</i>	199
<i>Человеческий материал</i>	202
<i>Материальная культура</i>	208
<i>Марксизм</i>	209
<i>Технократия</i>	211
<i>«Скачок» в материальной культуре</i>	212
<i>Следствия «скачка»</i>	213
<i>Взлет знаковой культуры</i>	214
<i>Плата за прогресс</i>	216
<i>Организация человеиника</i>	219
<i>«Базис» человеиника</i>	221
<i>Многомерность человеиника</i>	222
<i>Социальная комбинаторика</i>	224
<i>Типы человеиников</i>	225
<i>Человеческий материал и СО</i>	227
<i>Материальная культура и СО</i>	228
<i>Образ жизни и СО</i>	228
<i>Деловой аспект</i>	229
<i>Профессия</i>	230
<i>Коммунальный аспект</i>	232
<i>Рациональный расчет</i>	234
<i>Социальные нормы</i>	240
<i>Менталитетный аспект</i>	242
<i>Социальные группы</i>	243
<i>Клеточки человеиника</i>	245
<i>Социальные типы людей</i>	246

<i>Многоклеточные образования</i>	247
<i>Порядок</i>	248
<i>Управление</i>	248
<i>Сферы человека</i>	254
<i>Власть</i>	255
<i>Сфера власти</i>	258
<i>Функции власти</i>	259
<i>Хозяйство человека</i>	260
<i>Функции хозяйства</i>	262
<i>«Базис»</i>	262
<i>Менталитетная сфера</i>	263
<i>Задача менталитетной сферы</i>	264
<i>Эволюция менталитетной сферы</i>	266
<i>Функции менталитетной сферы</i>	266
<i>Состояние менталитета</i>	267
<i>Суперуровень человека</i>	268
<i>Классы</i>	269
<i>Распределение</i>	271
<i>Неравенство</i>	274
<i>Социальная борьба</i>	274
<i>Мир людей</i>	276
<i>Виды людей</i>	277
<i>Эволюция людей</i>	279
<i>Общество</i>	282
<i>Социальная организация общества</i>	284
<i>Государство</i>	285
<i>Правовая сфера</i>	288
<i>Микроуровень общества</i>	291
<i>Частная собственность</i>	293
<i>Экономика</i>	296
<i>Государство и экономика</i>	299
<i>Деньги</i>	299
<i>Сверхденьги</i>	304
<i>Идеосфера</i>	306
<i>Идеологическое поле</i>	308
<i>Функции идеосферы</i>	310
<i>Идеология</i>	311
<i>Идеологическое мышление</i>	312
<i>Цивилизация</i>	318
<i>Западная цивилизация</i>	322
<i>Западнизм и коммунизм</i>	323

<i>Эволюционный перелом</i>	325
<i>Сверхобщество</i>	326

ЧАСТЬ 3. ДВАДЦАТЫЙ ВЕК	330
<i>Западнизм</i>	330
<i>Западнистская государственность</i>	331
<i>Правовая сфера</i>	340
<i>Западнистские клеточки</i>	341
<i>Частная собственность</i>	345
<i>Частное предпринимательство</i>	348
<i>Рынок</i>	353
<i>Деньги</i>	355
<i>Суперуровень западнизма</i>	358
<i>Социальные классы</i>	359
<i>Уровни и слои западнистского общества</i>	364
<i>Добровольные объединения</i>	369
<i>Идеосфера западнизма</i>	373
<i>Сверхидеология коммунизма</i>	391
<i>Социальная структура населения</i>	397
<i>Принципы распределения</i>	398
<i>Коммунизм</i>	381
<i>Микроуровень коммунизма</i>	385
<i>Макроуровень коммунизма</i>	390
<i>Суперуровень коммунизма</i>	390
<i>Сверхидеология коммунизма</i>	391
<i>Социальная структура населения</i>	397
<i>Принципы распределения</i>	398
<i>Западнистское сверхобщество</i>	400
<i>Севрхгосударство</i>	400
<i>Сверхэкономика</i>	405
<i>Денежный тоталитаризм</i>	409
<i>«Ватикан» западнизма</i>	412
<i>Социальная организация в целом</i>	417
<i>Постсоветизм</i>	420
<i>Советизм</i>	421
<i>Западнизм</i>	423
<i>Феодализм</i>	424
<i>Гибридизация</i>	425
<i>Имитация</i>	428
<i>Постсоветская власть</i>	431
<i>Экономический переворот</i>	435

<i>Постсоветская идеология</i>	438
<i>Западнистская сверхцивилизация</i>	440
<i>Глобальный человек</i>	444
<i>Западнизация</i>	449
<i>Колониальная демократия</i>	450
<i>Глобализация</i>	451
<i>Социология и войнология</i>	452
<i>Холодная война</i>	453
<i>Война нового типа</i>	455
<i>Эволюционная война</i>	457

ЧАСТЬ 4. ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ	462
<i>Временной аспект</i>	462
<i>Физическое и социальное время</i>	463
<i>Устремленность во времени</i>	466
<i>Отношение к ретрологии</i>	468
<i>Логическое и историческое</i>	470
<i>Социологическое и историческое</i>	471
<i>Два подхода к реальности</i>	475
<i>Ретросфера</i>	477
<i>Фальсификация прошлого</i>	480
<i>Ретрология</i>	482
<i>Проблема будущего</i>	485
<i>«Научный коммунизм»</i>	486
<i>Западная футурология</i>	488
<i>Прогнозы будущего</i>	493
<i>Проекты будущего</i>	497
<i>Делание будущего</i>	500
<i>Есть ли будущее у человечества</i>	507
<i>Победа Запада</i>	507
<i>Интеллектуальное состояние</i>	508
<i>Кому принадлежит будущее</i>	512
<i>Разделение времени</i>	514
<i>Производство будущего</i>	517
<i>Удар по феномену жизни</i>	519
<i>Заключение</i>	520

Популярное издание
Зиновьев Александр Александрович
ФАКТОР ПОНИМАНИЯ

Ответственный редактор *О. Селин*
Художественный редактор *М. Медведь*

ООО «Алгоритм-Книга»
Тел.: 929-93-02, 733-97-89
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-97-89
«Столица-Сервис» — 375-32-11, 375-24-33, 375-36-73
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30. 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86. 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812)365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343)378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495)745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12. Тел.: 937-85-81, 780-58-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых монтажей 10.11.2006.
Формат 84x108¹/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 27,72.
Доп. тираж 3 000 экз. Заказ № 4277

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Александр Александрович Зиновьев — социолог, публицист; доктор философских наук. Родился в г. Чухлома Костромской обл. Окончил философский факультет МГУ, аспирант. С 1955 по 1976 г. работал в ИФ АН СССР. По совместительству работал на кафедре логики философского факультета МГУ, заведовал этой кафедрой. В 1976 г. после публикации в швейцарском издательстве «Age d'homme» романа «Зияющие высоты» был уволен с должности и лишен званий доктора философских наук и профессора с формулировкой: «За несоответствие должности и званиям».

■

В книге известного русского философа А.А. Зиновьева рассматриваются проблемы, связанные с понятием «интеллектуального фактора», или «фактора понимания». Автор считает, что это понятие имеет принципиальное значение при формировании различного рода политических и общественных учений. Он предлагает собственную теорию «фактора понимания» с единым понятийным аппаратом, организованным в целое по правилам разработанной автором логической концепции.

ISBN 5-699-18830-4

9 785699 188307 >